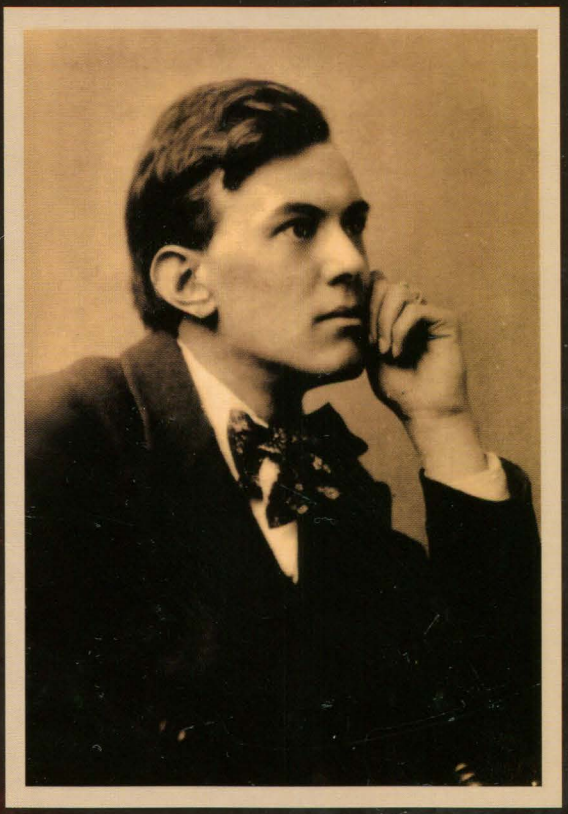
Алистер Кроули

Исповедь

Том I

Телема

Алистер Кроули

ИСПОВЕДЬ

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГАНГА»
ТВОРЧЕСКАЯ ГРУППА «ТЕЛЕМА»
МОСКВА, 2011 e.v.

Алистер Кроули
Исповедь / Пер. с англ. Анны Блейз. — М.: Издательство «Ганга», 2011. — 320 с. (Серия: Магические гримуары).

ISBN 978-5-98882-153-3

Автобиографическая «Исповедь» одного из великих мистиков и эзотериков XX века Алистера Кроули посвящена его жизни и магической работе. Кроули питал тягу к риску и опасности, ко всевозможным крайностям как духовной, так и чувственной жизни,— в нем было что-то и от Святого Хуана де ла Круса, и от маркиза де Сада. Вместе с тем он ни на миг не прекращал своего похода за «Святым Граалем» — и восходя на Гималаи, и соблазняя графинь, и бражничая с Роденом, и шокируя окружающих эксцентричными выходками.

Эта книга приоткроет тайны Сфинкса в человеческом облике. По ней можно проследить, как мальчик, воспитанный в удушливой атмосфере религиозного фанатизма, превращается в зрелого мужа, провозглашающего Слово своего Эона. Между строк он делится мнениями по самым разным вопросам в обычной для себя манере — чистосердечной и высокомерной, ироничной и проницательной. При этом автор регулярно не забывает напоминать нам, что и сам он — не в меньшей степени дурак, чем дураки все те, о ком он пишет.

© Ordo Templi Orientis
© Анна Блейз, перевод, 2011
© Творческая группа «Телема», 2011
© Издательство «Ганга», 2011

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.
Sr I.C., Fr Marsyas 5

ИСПОВЕДЬ АЛИСТЕРА КРОУЛИ 11
Часть I. Навстречу Золотой Заре 15

ПРИЛОЖЕНИЕ
Литературные произведения Алистера Кроули..... 295

Предисловие
Sr I.C[1]., Fr Marsyas

Твори свою Волю — таков да будет весь Закон

Самым главным творением любого мага является его жизнь, а если он пишет, то еще и его книги. И потому «Исповедь» одного из самых великих мистиков и эзотериков XX века Алистера Кроули (1875—1947) — по сути, важнейший результат его жизни и магической работы. Кроули считал себя Пророком нового Эона, который должен прийти на смену нынешним временам.

В этом новом Эоне Хора, названном так Алистером Кроули по имени солнечного бога древних египтян, магия, религия и наука сольются воедино в учении Телемы (на греческом языке это слово означает «Воля»). Задача Телемы — помочь человеку осознать свое истинное «я» и свое предназначение в мире, то есть, постичь свою Истинную Волю. Истинная Воля — это не та мишура повседневных и противоречивых желаний, которой мы окружены постоянно. Это Божественная искра, «нетварная крепостица», которая скрыта в душе каждого человека, давая ему надежду и возможность соединиться с Богом и стать Богом.

Алистер Кроули утверждал, что откровение о новом Эоне он получил 8, 9 и 10 апреля 1904 года в Каире, когда с ним в контакт вступил некий «сверхчеловеческий разум» — сущность, назвавшая себя именем «Айвасс» или «Айваз» и продиктовавшая ему это откровение в форме «Книги Закона». Распространению этого учения Алистер Кроули посвятил всю свою жизнь, используя силу магических Орденов — Ordo Templi Orientis (Ордена Восточных Тамплиеров) и A∴A∴[2].

---

1 Sr. I. C. — глава Российского отделения Ordo Templi Orientis.

2 O.T.O. — Ordo Templi Orientis (Орден Восточных Тамплиеров), магический орден, созданный в начале XX века. В 1922 году, после того как O.T.O. возглавил Алистер Кроули, Орден принял закон Телемы. В настоящее время Орден насчитывает около 4000 человек и действует в полусотне стран. Его представительство в России — www.oto.ru.

A∴A∴ — магический орден, основанный Алистером Кроули в 1907 году. Это магическое братство Телемы, целью которого являются поиски света и знания. Священная книга Ордена — «Liber AL vel Legis» («Книга Закона»). Девиз Ордена: «Метод — научный, цель — религиозная». Название «A∴A∴» не имеет официального толкования. Чаще всего его понимают как лат. Argenteum Astrum или др.-греч. A∴ A∴ — «Серебряная Звезда».

Свою «Исповедь» Кроули начал писать весной 1923 года в Чефалу на Сицилии, в созданном им Телемском аббатстве, где жили и работали его ученики. Уже на том раннем этапе он замыслил эту книгу как огромный труд объемом в 600 тысяч слов. 15 апреля 1924 года он написал в своем дневнике:

> Рукопись бойкая, но цензура ей не страшна. В рекламных буклетах можно искусно преподнести ее как «Исповедь А.К.». <...> Распродать сразу 2000 по 10 фунтов за экземпляр не составит труда. <...> В период выпуска буклетов Автор провернет какой-нибудь трюк, который принесет ему еще большую известность.

Алистер Кроули был абсолютно прав в своей оценке «Исповеди». Действительно, это его самое большое произведение написано интересно и увлекательно, «бойким пером» талантливого автора. Кроули был страстным художником, питавшим тягу к риску и опасности, ко всевозможным крайностям как духовной, так и чувственной жизни, — чем-то средним между Святым Хуаном де ла Крусом и маркизом де Садом. И в своей «Исповеди» он рассказывает об этом подробно и откровенно. Чем бы он ни занимался, он ни на миг не прекращал своего похода за «Святым Граалем» — и восходя на Гималаи, и соблазняя графинь, и бражничая с Огюстом Роденом, и шокируя окружающих своими странными эксцентричными выходками.

Эта книга приоткроет тайны Сфинкса в человеческом облике. По ней можно проследить, как мальчик, воспитанный в удушливой атмосфере религиозного фанатизма, постепенно превращается в зрелого мужа, провозглашающего Слово своего Эона. Между строк истории своей жизни он делится мнениями по самым разнообразным вопросам в обычной для себя манере — чистосердечной и высокомерной, ироничной и проницательной. При этом автор регулярно не забывает напоминать нам, что и сам он — не в меньшей степени дурак, чем дураки все те, о ком он пишет.

Кроули приглашает читателя пережить вместе с ним и приключения в альпинистских экспедициях в Гималаи и другие экзотические места, и путешествия по Европе, Ближнему

Востоку и странам Азии, и магические эксперименты. При этом «оккультной» информации в «Исповеди» не так уж много: в основном Кроули пишет о своих альпинистских приключениях, путешествиях и поэзии. Создается впечатление, что он предпочел бы, чтобы его запомнили, прежде всего, как поэта.

И «Исповедь» одного из самых великих магов нового времени действительно читаешь в первую очередь как откровение поэта, родившегося в обществе, пропитанном такими абсурдными представлениями, которые ум его уровня попросту не мог принять как данность. «Рабская религия», в которой он был воспитан, побудила его исследовать другие религиозные традиции. Читая его автобиографию, понимаешь, что он просто был слишком умен, чтобы застрять в трясине «Потому что».

В своей книге Кроули рассказывает «все как есть», не соглашаясь на компромиссы, навязываемые его эпохой и его соотечественниками. Язык «Исповеди» необыкновенно изящен и точен — ничего общего с бредом наркомана, каким до сих пор пытаются выставить Алистера Кроули недоброжелатели. Этот человек жил своим умом и в соответствии со своими понятиями — вопреки всем предписаниям ложной «морали», царившей в современном ему обществе. После прочтения «Исповеди» хочется снять перед автором шляпу, потому что человек, написавший эту книгу, был абсолютно верен себе.

Свою автобиографию Кроули иронически называл «автоагиография» (то есть житие святого, написанное им самим) или просто «Hag» (англ. «ведьма, карга», здесь — сокращение от «autohagiography»). Конечно, Алистера Кроули можно назвать Пророком и подвижником Телемы, но вряд ли ее святым (хотя он и включил себя в список святых созданной им телемитской Гностической церкви). Слишком много противоречий раздирало душу этого великого мага, слишком тяжело ему было ладить с обычными людьми из нашего профанного мира, в том числе — с преданными друзьями и любовницами.

И обо всем этом он честно рассказывает в своей «Исповеди». Не следует также забывать и о том, что великий маг Кроули был английским джентльменом начала XX века — со всеми предрассудками, обычными для его страны, эпохи и класса. Во многих вопросах он проявляет необоснованное высокомерие; он не стесняется выражать презрение к некоторым этническим

группам и чисто аристократическое пренебрежение к тем, кто зарабатывает на жизнь своими руками. Современные читательницы, наверняка, будут возмущены некоторыми его замечаниями о женщинах. Но следует помнить, что все подобные воззрения были типичны для его времени и не могут быть поставлены в вину лично Кроули. Впрочем, он сам всегда с готовностью признавал, что, как и любой человек, подвержен предрассудкам, и всегда давал себе труд ясно аргументировать любое свое неоднозначное воззрение.

Книга «Исповедь Алистера Кроули: автоагиография» доводит свое повествование в хронологическом порядке до 1923 года и состоит из шести частей: I. Навстречу Золотой Заре. II. Мистическое приключение. III. Пришествие Эона Хора. IV. Магические труды. V. Маг. VI. В Телемском аббатстве. В начале книги Кроули пишет о себе в третьем лице, однако после смерти своего отца в 1887 году, начинается повествование от первого лица.

Кроули начал писать свою книгу в самый разгар клеветнической кампании, поднятой в желтой британской прессе, когда он был заклеймен как «самый порочный человек на свете». Объективности ради надо заметить, что немало поводов для такой кампании давал и сам Кроули, желавший популярности любой ценой и наивно полагавший — вслед за многими другими великими людьми, — что единственное плохое упоминание в прессе — это некролог.

Эксцентричные выходки Алистера Кроули (объявившего себя Великим Зверем 666) и его ссоры с прессой действительно принесли ему известность. Однако это была дурная слава, которая отнюдь не способствовала распространению учения Телемы — а, значит, и исполнению пророческой миссии Кроули, которой он посвятил всю свою жизнь.

В 1929 году Алистеру Кроули удалось договориться с Перси Реджинальдом Стивенсеном — книгоиздателем и борцом с цензурой — о том, что возглавляемое им издательство «Мандрейк-пресс» выпустит в свет целую серию книг Кроули, среди которых одной из главных была «Исповедь».

Первый том «Исповеди» Кроули в белом дорогом коленкоре был издан в октябре 1929 года. Однако успеха, столь чаемого автором и, казалось бы, вполне заслуженного объективно,

эта книга не получила. Одной из причин неудачи, бесспорно, стала Великая депрессия, охватившая в те годы весь западный мир. Но немаловажную роль сыграла и негативная репутация, созданная Алистером Кроули самому себе. Современный биограф Кроули Мартин Бут пишет об этом так:

> Несмотря на то, что книга вышла ограниченным тиражом, издатели надеялись, что агенты по продажам разнесут отпечатанные экземпляры по книжным магазинам, а те их примут. Однако когда начали выходить первые тома, книготорговцы не проявили явного энтузиазма. Одного имени Кроули на обложке было уже достаточно, чтобы книгу признали негодной. Большинство книготорговцев, даже не читая книгу, заключали, что она об эротике или об эзотерике, а возможно, и о том, и о другом одновременно. Если бы им хватило дальновидности, чтобы открыть книгу, они поняли бы, что держат в руках потенциальный бестселлер. Книга не была ни порнографической, ни темной или запутанной. Она представляла собой настоящую историю жизни, рассказанную остроумно, честно, самоуверенно и очень увлекательно[1].

Все же, благодаря энергии Реджинальда Стивенсена, был выпущен и второй том «Исповеди». На этом проект был завершен. Как и можно было предвидеть, последний удар по нему нанес сам Алистер Кроули, поссорившейся с партнером Стивенсена по «Мандрейк-пресс» Тедди Голдстоном, а потом, разумеется, и с самим Стивенсеном.

Впрочем, возможно, причины, по которым было приостановлено издание «Исповеди» Алистера Кроули, были не только экономическими и личными, но и магическими. В третий том этой книги должно было войти факсимильное воспроизведение рукописи «Книги Закона». И это, как утверждал Алистер Кроули в своих письмах того времени, могло высвободить могучий поток оккультной силы, подтверждающий,

1 Мартин Бут. *Жизнь мага: биография Алистера Кроули*. Екатеринбург: Ультра-Культура, 2004.

что Новый Эон уже наступил, а его Владыка — «бог Войны и Возмездия» Ра-Хор-Хут — вступил в свои права.

Лишь в 1969 году под редакцией Джона Саймондса и Кеннета Гранта вышли все шесть частей этой книги, правда, в сокращённом, однотомном издании. Из книги было удалено примерно 13% ее оригинального текста (130 машинописных страниц). Орден Восточных Тамплиеров, унаследовавший традицию Телемы и объединивший последователей Алистера Кроули, уже анонсировал первое действительно полное издание «Исповеди» Алистера Кроули.

Эту книгу стоит прочесть каждому — независимо от того, как вы, читатель, относитесь к ее автору. Именно этот текст позволяет рассматривать личность Кроули достаточно беспристрастно, под самыми разными углами зрения. «Исповедь» — книга вдохновляющая и раздражающая, трагическая и необычайно забавная. Любите или ненавидьте Алистера Кроули, так или иначе он был уникальной личностью, чьи работы имеет смысл изучать каждому человеку, решившему задуматься над тем, зачем он живет на свете.

В настоящее издание включен Первый том Исповеди. Последующие тома (II—VI) готовятся к изданию.

Любовь есть закон, любовь в согласии с Волей.

ДУХ ОДИНОЧЕСТВА

Автоагиография,

впоследствии перераскрещенная

В

Исповедь

Алистера Кроули

Посвящается троим друзьям:

Дж.У.Н. Салливану[1],
который предложил написать эту книжицу,
Огастесу Джону[2],
который первым оказал практическое содействие,
П.Р. Стивенсену[3],
который видел суть, —

и троим незабвенным:
Ричарду Френсису Бёртону[4],

---

1 *Салливан*, Джон Уильям Нейвин (1886—1937) — английский писатель и журналист, математик, научный обозреватель лондонских периодических изданий «Таймс Литерари Сапплмент», «Нэйчур» и «Атенеум», автор научно-популярных книг «Основания современной науки» (1928), «Пределы научного знания» (1933), «Современные мыслители» (1934) и др., а также романа «Попытка жизни» (1917); один из первых популяризаторов теории относительности Эйнштейна. Кроули познакомился с Салливаном в Париже в 20-е годы, и между ними завязалась дружба. Не увлекаясь оккультизмом, Салливан, тем не менее, проявил искренний интерес к «Книге Закона» и выявил в ней ряд математических закономерностей, а Кроули, в свою очередь, восхищался книгами Салливана и ценил его за блестящий ум и литературный слог. В 1930 году Салливан познакомил Кроули с Олдосом Хаксли, который, со своей стороны, характеризовал Салливана как обладателя «исключительно ясного, жесткого и проницательного ума и обширных познаний, причем не только в своих областях — математике, физике и астрономии, — но и в литературе и музыке». — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

2 *Джон*, Огастес Эдвин (1878—1961) — валлийский живописец и гравер, в 20-е годы XX в. ставший ведущим художником-портретистом Великобритании. Автор портретов многих своих знаменитых современников, в том числе королевы Елизаветы II, Т.Э. Лоуренса, Томаса Харди, У.Б. Йейтса, леди Августы Грегори, Бернарда Шоу, Дилана Томаса и др. Огастес Джон был дружен с Кроули и создал по его заказам два его карандашных портрета: в 1912-м (литография опубликована в «Эквиноксе», I, 7) и в 1946 году (литография опубликована в сборнике стихотворений Кроули «Горшок»).

3 *Стивенсен*, Перси Реджинальд (1901—1965) — австралийский журналист и издатель, борец за свободу нравов и против цензуры в литературе, приверженец коммунистических убеждений. Период с 1924 по 1932 гг. провел в Англии, где руководил издательствами «Фанфролико-пресс» и «Мандрейк-пресс» (в последнем был, в частности, переиздан запрещенный в Англии по цензурным соображениям роман Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей»). Познакомившись с Кроули в июне 1929 года, Стивенсен опубликовал его сборник рассказов «Стратагема» и роман «Лунное дитя», а также первые два тома «Исповеди». В середине 1930 года увидела свет книга Стивенсена «Легенда об Алистере Кроули» — биография Кроули, призванная защитить его от необоснованной клеветы и нападок, которым он подвергался в британской прессе. «Легенда...» стала первой в истории серьезной книгой о Кроули и единственной подробной биографией, написанной при его жизни. Рус. пер. см.: П.Р. Стивенсен. *Легенда об Алистере Кроули*. М.: Ганга, Телема, 2009.

4 *Бёртон*, Ричард Френсис (1821–1890) выдающийся английский путешественник, этнограф, лингвист, писатель, поэт и переводчик. Прославился

идеальному первопроходцу в приключениях духа и тела,
Оскару Эккенштейну[1],
который научил меня идти по следу,
Аллану Беннетту[2],
который сделал все, что мог.

своими путешествиями по странам Азии, Африки и обеих Америк и выдающимися знаниями в области языков и народов мира, а также упорной борьбой против ограничений викторианской морали. К числу самых известных его достижений в литературе принадлежат полный (без цензурных купюр) перевод сказок «Тысячи и одной ночи» (в 10 томах, 1885), первый перевод «Камасутры» на английский язык (1883), а также перевод арабского эротического трактата «Благоуханный сад». Последний, опубликованный под названием «Благоуханный сад шейха Нефзауи: учебник арабской эротологии» (1886), послужил прототипом для книги Кроули «Благоуханный сад Абдуллы, сатирика из Шираза (Баг-и-Муаттар)» (1910). В 1913 году Кроули включил имя Бёртона в перечень святых Гностической Католической церкви.

1 *Эккенштейн*, Оскар (1859–1921) — английский химик и альпинист еврейско-немецкого происхождения, друг и наставник Кроули, не только обучивший его тонкостям альпинистского искусства, но и первым приобщивший его к восточным практикам медитации и сосредоточения ума.

2 *Беннет*, Алан (1872—1923) — друг и учитель Кроули, член Герметического ордена Золотой Зари (под девизом «Iehi Aour» — др.-евр. «Да будет свет!»); в 1902 году стал буддийским монахом и принял имя «Ананда Меттея» (санскр. «Блаженство доброты»). Один из первых наставников Кроули в церемониальной магии, впоследствии также руководивший его работой по системе йоги.

Часть I
Навстречу Золотой Заре

Вступление

«Твори свою волю: таков да будет весь Закон»[1]. Эти слова — ключ к пониманию не только нижеследующей автоагиографии[2] (на каковом названии он имеет удовольствие настаивать) Алистера Кроули, но и вообще любой биографии, равно как и биологии и даже химии.

«Каждый мужчина и каждая женщина — звезда»[3]. Что можем мы узнать о звезде? С телескопом мы уловим бледный призрак ее светимости. Со спектроскопом — намек на ее состав. Вооружившись одновременно телескопом и познаниями в математике, мы сможем описать путь ее движения. В последнем случае у нас появится полное право судить о неизвестном на основании известного: измерив малый видимый участок дуги, мы сможем вычислить, откуда она пришла и куда направляется. И опыт подтвердит наши предположения.

Учитывать соображения такого рода необходимо всякому, кто всерьез решил попытать силы в написании биографии. Новорожденный младенец — это (что бы там ни думали наши бабушки) отнюдь не случайный каприз циничного божества, брошенный в мир, дабы быть спасенным или проклятым, как потребуют того предназначение или свобода воли. Теперь мы знаем: «что есть, то есть», — как остроумно сообщил племяннице короля Горбодука древний пражский отшельник, отродясь не видавший ни пера, ни чернил[4].

Ничто не может быть сотворено; ничто не может быть разрушено; и поэтому «жизнь» всякого индивидуума следует уподобить тому малому видимому участку дуги, а задачу ее

---

1 *«Твори свою волю: таков да будет весь Закон»* («Книга Закона», I:40) — основной принцип, или закон, учения Телемы, основанного Алистером Кроули.

2 *Автоагиография*: игра слов, от «агиография» — описание жизни святого.

3 «Книга Закона», I:3.

4 *Горбодук* (Горонви) — легендарный король бриттов, упоминаемый в хронике Гальфрида Монмутского. *Племянница короля Горбодука* — вымышленный персонаж пересказанной здесь реплики шута из комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь, или что угодно».

описания — предвычислению остатка его пути на основании точных данных.

Автор всякой биографии должен вопросить в глубочайшем смысле: кто он есть? Этот вопрос, «кто ты?», — первый, который задают всякому соискателю посвящения. Он же и последний. Каков был имярек, что он делал, что переживал — все это лишь подсказки к ответу на сей великий вопрос. Поэтому самые ранние воспоминания всякого автоагиографа будут иметь колоссальную ценность: сама бессвязность их станет надежнейшим проводником. Ибо, как продемонстрировал Фрейд, мы помним (главным образом) то, что хотим помнить, а то, что причиняет боль, забываем. Следовательно, в том, что касается «фактической» стороны дела, опасность иллюзий велика; но зато наши воспоминания с необыкновенной точностью указывают, в чем состоит наша истинная воля. А, как явствует из вышесказанного, именно истинная воля и определяет природу нашего самодвижения.

При описании жизни посредственного человека неизбежно одно затруднение, а именно: спектакль сей тщетен и бессмыслен даже с точки зрения непредвзятого философа; ему недостает, так сказать, художественного единства. Однако Алистеру Кроули встреча с этим Великим кривым на холме не грозит[1], ибо его собственный жизненный путь видится ему как четкая драматическая композиция. Апогея это действо достигло в дни 8-го, 9-го и 10-го апреля 1904 г. e.v.[2] Всё вплоть до малейшего эпизода в истории всей вселенной представляется ему приуготовлениями к этому событию; вся же последующая его жизнь — лишь отзвуком этой кульминации.

Впрочем, с другой стороны, налицо и то обстоятельство, что время свое он делил между тремя Путями, весьма мало сходными между собой: Тайной Стезей Посвященного, Тропой Поэзии и Философии и Открытым Морем Романтики и Приключений. Нет ничего необычного в том, чтобы

---

1 *Великий Кривой* — персонаж пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт», олицетворение самых темных мыслей и страхов главного героя, заставляющее его сражаться с самим собой.

2 *8, 9 и 10 апреля 1904 года* в Каире Кроули записал «Книгу Закона» под диктовку сверхчеловеческой сущности по имени Айвасс. Подробнее см.: Алистер Кроули. *Равноденствие богов. Закон для всех.* М.: Ганга, Телема, 2010. *E.v.* — принятая в Телеме аббревиатура от лат. «era vulgaris», т.е. общепринятое летосчисление.

молекула человеческая соединяла в себе первые две (как Эдгар По) или же две последние (как Байрон) из этих частиц. Но поистине редкость, чтобы столь энергичная и непоседливая жизнь сочеталась со столь глубокой преданностью искусствам созерцательным; в данном же случае все три пути были исчерпаны в такой полноте, что потомкам простительно будет заподозрить: не один человек совершил все это, но несколько лиц, коих связала воедино легенда, — и даже зайти еще дальше и сказать: да этот Алистер Кроули и не человек вовсе, и даже не группа лиц; он, очевидно, солярный миф. И сам он не осудил бы их слишком строго за такое неверие, ибо еще до того, как вступил он в пору расцвета сил, имя его уже стало предметом небылиц не менее фантастических, нежели те, что бросили тень сомнения на историчность Будды. Открыть истину о нем — вот в чем должна заключаться истинная воля этой книги. Однако и здесь кроется опасность. Истина неизбежно оборачивается ложью, если только она не полна; полная же истина отчасти недосягаема вовсе, отчасти недоступна пониманию, отчасти невероятна, а отчасти неудобопубликуема (по крайней мере, в любой стране, где истина вообще расценивается как опасная взрывчатка).

Еще одно затруднение привносит склад ума самого этого человека, и в особенности — свойства его памяти. Нам встретятся эпизоды, свидетельствующие о его сомнениях относительно того, к «реальной» ли жизни или к миру грез принадлежат четко запечатлевшиеся в его памяти обстоятельства, и даже о том, что он начисто забыл иные вещи, которые не могли бы изгладиться из памяти ни у одного нормального человека. Более того, он столь преуспел в избавлении от иллюзии времени (в том смысле, в каком говорили об этом философы, от Лао-цзы и Плотина до Канта и Уайтхеда[1]), что зачастую не находит возможности распутывать нить событий последовательно. Он столь тщательно соотнес все явления с единым мерилом, что они утратили свой частный смысл: так, когда мы понимаем, что́ означает слово «кот», буквы «к», «о»

1 *Уайтхед*, Альфред Норт (1861—1947) — англо-американский математик, логик и философ, представитель неореализма. С середины 1920-х гг. развил «философскую космологию», родственную платонизму. Автор (совместно с Бертраном Расселом) основополагающего труда по математической логике «Основания математики» (в 3-х тт., 1910—1913).

и «т» утрачивают собственное значение и становятся лишь условными составляющими некоего общего понятия. Точно так же и когда обозреваешь свою жизнь в истинном свете, хронологическая последовательность событий теряет смысл. События перестраиваются в ином порядке, не имеющем ничего общего со временем и пространством: так, глядя на готовую картину, уже не распознáешь, в каком месте живописец положил первый мазок. Увы! сделать эту книгу вполне удовлетворительной невозможно; ура! это дает необходимый стимул; теперь она стоит того, чтобы ее писать, и — клянусь Стиксом[1]! — она будет написана.

Извиняться за то, в какой форме она предстает, было бы нелепо. Любые извинения вообще отвратительны. Я ни на минуту не допускаю, что эта книга получилась бы хоть немногим лучше, доведись мне писать ее в самых благоприятных обстоятельствах. Исключительно ради общего интереса упомяну здесь насущные трудности, сопутствовавшие ее сочинению.

Уже с самого начала работы над нею положение мое было весьма ненадежным. Я остался практически без гроша; меня самым бессовестным и безжалостным образом предали практически все, с кем я состоял в деловых отношениях; я не располагал ни одним из тех обычных удобств и преимуществ, которые считаются необходимыми для людей, взявших на себя подобную задачу. В довершение всего на меня обрушилась внезапная волна бессмысленного коварства и дурацкой напраслины, настолько абсурдной и в то же время жестокой, что даже вполне здравомыслящий человек на моем месте мог бы повредиться умом. Я не обратил на это внимания и продолжал свое дело, но почти сразу же меня и одного из главных моих помощников свалила затяжная болезнь. Я продолжал свое дело. Мой помощник умер[2]. Я продолжал свое дело. Смерть его стала поводом

---

1 *Стикс* (др.-греч. «ненавистная») — в греческой мифологии река в царстве мертвых. Водами Стикса клянутся олимпийские боги, и нарушителя этой клятвы ожидает суровая кара: целый год он обречен лежать бездыханным, а еще девять лет его не допускают на Олимп.

2 *«Мой помощник умер»*: имеется в виду Рауль Лавдей (1900—1923), оксфордский студент и ученик Кроули, погибший в Телемском аббатстве Алистера Кроули в Чефалу (Сицилия). Жена Рауля, Бетти Мэй, обвинила в его смерти Кроули, по приказанию которого Рауль якобы испил кошачьей крови в процессе одного из телемитских ритуалов, результатом чего стало отравление. Однако поставленный врачом диагноз подтвердил, что причиной

для нового всплеска ядовитых наветов. Я продолжал свое дело. Скандал кончился тем, что меня выслали из Италии, хотя никакого обвинения против меня выдвинуто не было, да и быть не могло. В результате я лишился даже самых элементарных удобств, необходимых для работы над книгой. Я продолжал свое дело. Сейчас, когда я пишу эти строки, дальнейшая судьба моей книги висит на волоске. Я продолжаю свое дело.

Но, помимо этого, меня постоянно преследовала по-настоящему важная проблема, связанная с самим построением текста. Предмет этой книги слишком обширен, и придать ему организованную структуру было бы невозможно без сознательного усилия воли с моей стороны и без строгого, властного отбора. Собственно говоря, мне бы не составило труда выбрать любой из первых попавшихся пятидесяти смыслов моей жизни и проиллюстрировать его тщательно подобранными фактами. Но метод такого рода уязвим для критики, которая всегда готова сровнять с землей любую идеализацию. Вдобавок, я и сам полагаю, что это было бы недобросовестно и, более того, неправильно. Альтернатива состояла в том, чтобы описать события как можно более подробно и точно, не обращая ровным счетом никакого внимания на их возможную духовную значимость. Этот метод предполагает известную степень веры в жизнь как таковую — в то, что жизнь сама автоматически обнаружит свой смысл и относительную ценность в любой данной цепи эпизодов. Иными словами, прибегнуть к такому способу изложения — значит, провозгласить, что жизнь — величайший художник, а это, как заведомо известно, не согласуется ни с одним из общепринятых определений искусства. И все же... вот гора! Сколько разнородных случайностей сформировали ее облик! Но если гора прекрасна, кто откажет ее формам в красоте и, более того, в осмысленности?

В последние годы, когда я немного приблизился к постижению единства, скрытого за всем разнообразием явлений жизненного опыта, и когда взяли свое естественные ограничения, которые возраст налагает на способность быстро сообразоваться с обстановкой, мне постепенно стало легче группировать события вокруг некоего центрального замысла. Но это означает

смерти был острый энтерит вследствие питья сырой воды из горного источника, против чего Рауля и Бетти Мэй строжайше предупреждал сам Кроули.

всего лишь, что изменился принцип отбора. В молодости периоды моей жизни определялись реальной сменой времен года, переменой мест и занятий. Моя духовная деятельность вписывалась в эти рамки, тогда как с недавних пор дело обстоит наоборот. Теперь физическое окружение приноравливается к моим духовным занятиям. Одной этой перемены довольно, чтобы соблюдение какого-либо единого принципа в изображении такой жизни, как моя, стало решительно невозможным.

По этой, а также и по многим другим причинам я счел за благо решительно отринуть всякую мысль о том, чтобы придать этому сочинению художественную структуру или поставить перед собою некую художественную задачу. Единственное, что я могу, — это в меру своих сил описать все, что я помню, как если бы это само по себе и представляло основной интерес. Я должен довериться природе, и тогда распределение материала во всем его многообразии самопроизвольно обретет надлежащую соразмерность: так по чистой ли случайности, по велению ли непреложного закона из хаотического стечения обстоятельств неисповедимым образом восстает некое единство, облагороженное силой и украшенное гармонией.

По меньшей мере за одно я отвечаю: я ничего не выдумал, ничего не утаил, ничего не изменил и не опошлил. Я убежден, что истина не только необычней вымысла, но и гораздо интересней. К тому же, никаких оснований лгать у меня не было, ибо род людской я и в грош не ставлю — «вы ведь всего-навсего колода карт!»[1]

1

Эдвард Кроули <«Младший» (1834 — 1887)>[2], богатый отпрыск квакерского рода[3], был отцом мальчика, родившегося

---

1 *«Вы ведь всего-навсего колода карт!»* — знаменитое восклицание Алисы из сказки Льюиса Кэррола «Алиса в стране чудес» (глава XII).

2 Здесь и далее в угловых скобках <...> приводятся постраничные примечания Алистера Кроули. *«Младший»* — поскольку отец Эдварда Кроули, т.е. дед Алистера Кроули по отцу, также носил имя Эдвард.

3 *Квакеры* («Религиозное общество Друзей») — христианское движение, возникшее в Англии в середине XVII в. и основанное на учении о внутреннем непосредственном откровении Святого Духа. Его последователи исповедуют равенство всех людей перед Богом и проповедуют принципы честности, простоты и ненасилия.

в доме номер 30 на Кларендон-сквер в Лимингтоне, графство Уорикшир <Не странно ли, что одно это маленькое графство подарило Англии двух ее величайших поэтов (не будем забывать о Шекспире, 1550—1616)?>, 12-го октября <Вероятно, так природа выплатила человечеству компенсацию за весь ужас, обрушившийся на него того же числа 1492-го года[1].> 1875 г. e.v., между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. Насколько можно установить, как раз в это время на восходе был Лев[2]. Ветвь семейства Кроули, к которой принадлежал этот человек, обосновалась в Англии в эпоху Тюдоров: во дни Скверной королевы Бесс[3] жил некий епископ Кроули, писавший эпиграммы в духе Марциала[4]. Одна из них — единственная известная мне — звучит так:

Закрыли все бордели и разогнали шлюх[5],
Но в Англии повсюду найдешь одно из двух.

(Не могу отыскать современную книгу, где эти строки приведены в одном из примечаний, а напасть на след первоисточника мне так и не удалось.)

Однако же род Кроули — кельтского происхождения: фамилия О'Кроули[6] широко распространена на юго-западе Ирландии, и от того же корня идет бретонский род де Керуаль, или де Керваль, подаривший Англии небезызвестную герцогиню

---

1 *12 октября 1492 года* — официальная дата открытия Америки Христофором Колумбом.

2 О натальной карте Алистера Кроули см.: *Равноденствие богов. Закон — для всех.* Указ. соч., стр. 388.

3 *«Скверная королева Бесс»* — Елизавета I Английская, правившая с 1558 по 1603 гг. и известная в народе под лестным прозвищем «Добрая королева Бесс».

4 *«...некий епископ Кроули...»* — Роберт Кроули (ок. 1518—1588), пуританский проповедник и печатник, архидьякон Хирфордский (1559—1657), лондонского собора Сент-Джайлс-Криплгейт. В 1550 году опубликовал первое издание «Видения Уильяма о Петре Пахаре» У. Ленгленда; также печатал сборники собственных поэтических сочинений и, в том числе, собрание из тридцати одной эпиграммы (1550). Ниже в тексте цитируется начало 5-й эпиграммы из этого сборника. *Марциал*, Марк Валерий (ок. 40 — ок. 104) — римский поэт, создатель жанра эпиграммы.

5 *«Закрыли все бордели...»* — подразумевается массовое закрытие публичных домов в Англии и по всей Европе в XVI веке в связи с эпидемией венерических заболеваний, с одной стороны, и расцветом пуританской идеологии — с другой.

6 Некоторые исследователи возводят ирландскую фамилию *«О'Кроули»* к O'Cruadhlaoich — букв. «потомок твердого, стойкого»; ср. магический девиз Алистера Кроули — Perdurabo (см. примеч. 1 на стр. 281). Другой вариант происхождения — от др.-англ. crawe — «ворона» и leah — «участок земли; поляна; поле; лес, луг».

Портсмутскую[1]. Если верить преданию, глава этого семейства прибыл в Англию еще с графом Ричмондом и помог ему в Босвортском сражении завоевать корону[2].

Эдвард Кроули выучился на инженера, однако никогда не работал по специальности. <Его сын выяснил это путем расспросов; факт занятный, если принять во внимание даты[3].> Он целиком отдался религии и стал последователем Джона Нельсона Дарби, основателя «Плимутской братии»[4]. Это характеризует его как строгого логика, ибо секту сию отличает нетерпимость к компромиссам: ее приверженцы толкуют Библию буквально — как точную запись речений Святого Духа. < В силу достоинств самого ее текста; то есть, мы имеем дело с логикой совершенно особого сорта.>

Он женился (в 1874 году, надо полагать) на Эмили Берте Бишоп, чье семейство было родом из Девона и Сомерсета. Отец ее умер, а брат, Том Бонд Бишоп, отправился в Лондон на государственную службу. Относительно этой женщины нужно знать следующее: в школе ее прозвали Китаяночкой; она писала акварели и отличалась восхитительным вкусом, который, однако, впоследствии был испорчен академическими упражнениями; наконец, ее могучие природные инстинкты были до такой степени подавлены религией, что после смерти мужа она превратилась в безмозглую фанатичку самого узколобого, рассудочного и бесчеловечного толка. И все-таки борьба не утихала: едва ли не каждый день эта женщина впадала в настоящее отчаяние, сталкиваясь с необходимостью

1 *«...небезызвестную герцогиню Портсмутскую...»* — подразумевается Луиза де Керуай (или де Керваль, 1649—1734) — бретонская аристократка из древнего, но обедневшего рода, приехавшая в Англию в 1670 году как шпионка французского короля Людовика XIV и ставшая любовницей Карла II Английского. Титул герцогини Портсмутской был дарован ей в 1673 году.

2 *«...с графом Ричмондом...»* — имеется в виду Генри Тюдор, 2-й граф Ричмондский (1456—1509), претендент на английскую корону от династии Ланкастеров. Победив претендента от Йорков в *Босвортском сражении* (22 августа 1485 года), стал королем под именем Генриха VII.

3 *«...если принять во внимание даты»:* Эдвард Кроули умер 5 мая 1887 года, когда его сыну не исполнилось еще и двенадцати лет.

4 *«Плимутская братия»*, или дарбисты, — фундаменталистская евангелическая секта, получившая свое название по имени Джона Нельсона Дарби (1800—1882), бывшего англиканского священника, который основал в Плимуте первую общину этой «братии» и выполнил свой перевод Библии на английский язык. Изначально «плимутские братья» выступали против самого института церкви, заявляя, что вершить таинство евхаристии может каждый и потому в священнослужителях нет нужды.

совершать по велению своей религии бессмысленнейшие и жесточайшие поступки.

Ее вышеупомянутый первенец являл удивительные свойства с самого своего пришествия на свет. Тело его было отмечено тремя важнейшими знаками, отличающими будду[1]. Он родился с укороченной уздечкой языка и на второй день по воплощении был прооперирован. Кроме того, у него имелась характерная пленка, что около трех пятилетий спустя вызвало фимоз и повлекло необходимость в хирургическом вмешательстве[2]. Наконец, против сердца у него росло четыре волоска, изогнутых слева направо и в точности воспроизводящих форму свастики. <Также имеется примечательный пучок волос надо лбом, сходный с выпуклостью в этом месте, о которой говорится в буддистских легендах. И еще множество мелких знаков.>

При крещении ему дали два имени — Эдвард Александр; последнее было фамилией одного старого друга, к которому отец новорожденного питал глубокую любовь за святость его жизни (по нормам плимутских братьев, надо думать). Вполне вероятно, что мальчик был поражен до глубины души, когда ему сообщили (в каком именно возрасте — неясно, но шести ему еще не исполнилось), что «Александр» означает «помощник людей». Он и по сей день страстно предан этому делу, невзирая на тот интеллектуальный цинизм, что по достижении сорока лет становится неотъемлемым признаком ума.

Но поистине необычайный факт, связанный с обрядом его крещения, таков. Принимая во внимание, что плимутские братья крестят младенцев через погружение, обряд сей должен был состояться до истечения трех первых месяцев жизни новорожденного. Однако же у мальчика сохранились идеально четкие зрительные воспоминания об этом событии. Обряд совершался на первом этаже дома, в котором он родился. В памяти ребенка запечатлелись и форма, и обстановка комнаты,

---

1 *«...знаками, отличающими будду...»* — отчасти шуточная отсылка к индуистским и буддийским преданиям о том, что будды и люди, которым предстоит стать великими царями или духовными учителями, рождаются с т.наз. лаксанами — характерными отметинами на теле и особенностями физического сложения. Перечни лаксан различаются в разных традициях; в буддизме насчитывается 32 крупных и 80 мелких физических признаков будды.

2 *Фимоз* — сужение крайней плоти, препятствующее открытию головки полового члена.

и кучка обступивших его «братьев», и он сам, облаченный в длинную белую рубаху, и то удивление, которое он испытал, когда его внезапно окунули в воду, а затем извлекли обратно. Сохранилось также отчетливое слуховое воспоминание о словах, которые торжественно произносили над ним; смысла в них не было, однако необычность тона произвела на него впечатление. Не исключено, что именно тогда зародились в нем и непреодолимое отвращение к сей холодной ванне, и, в то же время, пылкая любовь к церемониальным речам. Двум этим качествам предстояло сыграть в его дальнейшем развитии исключительно важную роль.

Не доставив ему самому более никаких неприятностей, это крещение, кстати говоря, впоследствии едва не навлекло погибель на другую душу. Принужденный к тому поведением своей супруги[1], он настоял на разводе (формальность столь же бессмысленная, как и предшествовавшее ей бракосочетание); когда же она в скором времени лишилась рассудка, один видный мазохист, некто Гормлей, полковник военно-медицинской службы артиллерии Его Величества (ныне покойный, хотя и в те поры немногим краше), в надежде добыть ее руку и сердце залег у ворот лечебницы в засаде. Беда же заключалась в том, что в число его интеллектуальных лакун входила приверженность папистскому суеверию. Он опасался, что брак с разведенной алкоголичкой, страдающей к тому же далеко зашедшим парциальным слабоумием, навлечет на него вечное проклятие. Этот жалкий моллюск осведомился у Кроули о подробностях его крещения. Тот написал в ответ, что был крещен «во имя Святой Троицы».

Если бы и впрямь прозвучали именно эти слова, можно было бы с чистой совестью завяить, что сам он — язычник, его брак — пустое место, Лола Заза[2] — незаконнорожденная, а его жена — гулящая девка!

---

1 *«...поведением своей супруги...»* — имеется в виду Роза Эдит Келли (1874—1932), первая жена Алистера Кроули. В 1909 году врачи диагностировали у Розы неизлечимую форму алкоголизма, что и стало причиной развода. В 1911 году Кроули поместил ее в закрытую лечебницу; через некоторое время последовала ремиссия, Роза вернулась к нормальной жизни и вышла замуж за католика д-ра Гормлея; несколько лет спустя болезнь возобновилась.

2 *Лола Заза* — вторая (и единственная выжившая) дочь Алистера Кроули и Розы Келли (р. 1906).

Так Кроули пытался помочь тому несчастному червяку; но, увы, слишком четко врезалась ему в память формула: «Я крещу тебя, Эдвард Александр, во имя Отца и Сына и Святого Духа»[1]. Так что пришлось доблестному полковнику раскошеливаться на папское разрешение на брак. Сам Кроули, конечно, тоже промотал в своей жизни уйму денег. Но ни разу он не опустился до того, чтобы истратить хоть фартинг на фокус с Тремя Ликами, ибо отличий от фокуса с тремя наперстками в нем не нашел.

Врезалось в память и несколько отчетливейших образов людей из тех, что окружали его в первые шесть лет жизни, в годы, проведенные в Лимингтоне и по соседству, куда он более ни разу не возвращался. Так, была одна пожилая леди оранжевого цвета, мисс Кэри, которая часто приносила ему оранжевые апельсины. Первыми его словами, насколько ему известно, были: «Кэги, онанж!» <Он так и не научился правильно выговаривать букву «р» — прямо как китаец!>; впрочем, эти слова он запомнил не сам, ему сообщили их позже. Но зато в памяти сохранился совершенно осознанный образ столовой, со всей обстановкой, с мебелью и картинами. Запомнились и разные прогулки по сельским окрестностям, в особенности одна, где были зеленые поля и детская коляска. Главная улица Лимингтона и Лим с его запрудами (с тех пор он и полюбил запруды), Гайз-Клифф в Уорике и замок с террасой и белыми павлинами[2], — все это так свежо в памяти, как если бы предстало его взору на прошлой неделе. В доме он запомнил, кроме столовой, только свою спальню, да и то лишь потому, что однажды ночью, очнувшись в жару и беспокойстве, увидел разведенный в камине огонь, кипящий чайник и незнакомую женщину: у него был приступ бронхита.

Помнит он и свою первую гувернантку, мисс Аркелл, седовласую даму со следами бороды на широком плоском лице и в черном платье, которое он про себя называет бомбазиновым,

---

1 *«Я крещу тебя...»* — точная формула крещения по римско-католическому обряду, с точки зрения католика подразумевающая принадлежность Кроули к лону церкви и, следовательно, невозможность развода без специального папского разрешения.

2 *Гайз-Клифф* — старинная сельская усадьба на реке Эйвон между городами Уорик и Олд-Милвертон. *Замок* — средневековый замок в Уорике, окруженный садами.

хотя по сей день понятия не имеет, что такое бомбазин, и полагает, что платье это было на самом деле из альпаки или даже, быть может, из гладкого плотного шелка[1].

А еще он помнит первое свидетельство того, что уму его присущ склад логический и научный.

Теперь пусть леди будут так любезны пропустить следующую страницу, на которой я намереваюсь изложить факты перед избранным кругом адвокатов, врачей и служителей культа.

Чету барышень Каупер составляли сестра Сьюзен и сестра Эмма: одна — крупная, краснощекая и сухая, как редиска-переросток, вторая — маленькая, розовая и влажная, как тенниеловская Черепаха Квази[2]; обе — плимутские старые девы. Мальчику они представлялись отталкивающими донельзя; он до сих пор не выносит телячью голову[3], хотя к другим подобным блюдам неравнодушен, и до сих пор не может без отвращения слышать имена «Сьюзен» и «Эмма».

Однажды каким-то своим замечанием он исторг из материнских уст следующий анатомический курьез: «У леди не бывает ног». Вскоре после того барышни Каупер были званы на семейную трапезу. Во время обеда мальчик неожиданно исчез из-за стола. Должно быть, это вызвало некоторое беспокойство, и, наконец, его местонахождением озаботились. Но как раз в этот момент из-под стола донесся голос совести: «Мама! Мама! Сестра Сьюзен и сестра Эмма никакие не леди!»

Это умозаключение было совершенно искренним. Но уже в следующем инциденте циник, возможно, обнаружит признаки зарождающейся язвительности. В ситуациях, когда благоразумие требовало молчать, ребенок имел обыкновение выражать свою точку зрения посредством мимики. Некоторые взрослые опрометчиво наказывали ему не гримасничать, «а не то так и останешься уродом». В ответ на это мальчик

---

1 *Бомбазин* — шелковая ткань пополам с хлопчатой бумагой; *альпака* — здесь: тонкая плотная шелковая ткань.

2 *Черепаха Квази* — персонаж сказки Льюиса Кэррола «Алиса в Стране Чудес». *Тенниел*, Джон (1820—1914) — английский художник, карикатурист, первый иллюстратор книг Кэррола.

3 *«...не выносит телячью голову»*: в оригинале Черепаха Квази носит имя «Mock Turtle» (букв. «фальшивая черепаха», название супа из телячьей головы, по вкусу напоминающего черепаховый).

надолго погружался в задумчивость, а потом с просветленным видом восклицал: «Так вот откуда они берутся!»

Дети, рожденные в семьях с устоявшимся общественным и финансовым положением, неизбежно полагают, что так живут все. Только столкнувшись с фактами, противоречащими этой картине мира, они начинают задаваться вопросом, как соотнести это новое со своим привычным окружением. В нашем случае, как в начале «Кандида», самые пустяковые житейские происшествия неминуемо воспринимались как элементы некоего продуманного плана[1].

Теория жизни, которой придерживались все домашние, постоянно воплощалась на практике. Странно, что не прошло и пятидесяти лет, а теория эта уже может показаться глупостью столь несусветной, что приходится излагать ее во всех подробностях.

Вселенную сотворил Бог в 4004 году до Р.Х. Библия в ее официальном варианте[2] есть истина в буквальном понимании, ибо сам Дух Святой продиктовал ее писцам, не способным даже допустить описку. Те же привилегии снизошли и на переводчиков, одобренных королем Яковом. Обращаться к оригинальному тексту было не принято и, следовательно, считалось делом сомнительным. Все прочие редакции уступали официальной по качеству, в особенности Исправленное издание[3], которое и вовсе попахивало ересью: Джон Нельсон Дарби, основатель «Плимутской братии», был, как известный знаток Библии, приглашен в состав комитета, но отказался на том основании, что в числе прочих ученых были атеисты.

Второго Пришествия Господа Иисуса с уверенностью ожидали с минуты на минуту. <Немалое внимание уделялось двум явлениям «Иисуса» после Вознесения. Стефану он явился

---

1 *«Кандид*, или Оптимизм» — философская повесть Вольтера (1759); подразумеваются воззрения одного из ее персонажей, философа Панглоса, который «замечательно доказывал, что не бывает следствия без причины» и «все таково, каким должно быть; так как все создано сообразно цели, то все необходимо и создано для наилучшей цели» (рус. пер. Ф. Сологуба).

2 *«Библия в официальном ее варианте»* — «Authorized Version», английский перевод Библии 1611 года, одобренный королем Яковом.

3 *«Исправленное издание»* — «Revised Version», исправленное издание Библии 1870—1884 гг..

стоящим, а Павлу — сидящим одесную Бога[1]. Следовательно, при первом явлении он еще был готов немедленно вернуться, но ко времени второго уже передумал и решил: пусть все до последнего идет как идет, по писанному в Апокалипсисе. Ни нелепости, ни кощунства, ни даже поверхностности в этой догме никто не усматривал.> Ждать оставалось так недолго, что всякая забота об отдаленном будущем (например, подписание договора об аренде или заключение страхового контракта) могла быть сочтена свидетельством неверия в обетование: «знайте, что близко, при дверях»[2].

Насколько реальным был весь этот абсурд, показывает один трогательный и прискорбный случай, произошедший несколькими годами позднее. Современные образованные люди, наверное, и помыслить бы не могли, чтобы кто-то во времена столь недавние и в местах столь привычных был одержим таким феерическим суеверием.

Одним погожим летним утром в Редхилле[3] мальчику (которому уже было лет восемь или девять) надоело играть в саду в одиночестве. Он вернулся в дом. Стояла странная тишина, и мальчик испугался. По какому-то стечению обстоятельств все домашние вышли или были в комнатах наверху. Но мальчику внезапно подумалось, что «Господь пришел», а его «забыли». Ясно было, что в таком положении надеяться не на что. Пока Второе Пришествие не наступило, спастись можно было в любой момент вплоть до последнего вздоха; но после того, как призвали праведников, отсрочки больше не полагалось. Теперь будет шум битв и суета сует и далее по Апокалипсису, а потом придет тысячелетнее царство: Сатану закуют в цепи, а Христос воцарится над иудеями, возвратившимися в Иерусалим.

---

1 *«Стефану он явился стоящим, а Павлу — сидящим одесную Бога»*: ср.: Деян. 7:55—56: «Стефан же, будучи исполнен Духа Святого, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстыя и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога», и Ефес. 1:19—20: «...безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах». Григорий Великий объясняет это различие так: «...сидение есть положение повелевающего и господствующего, а стояние — воюющего и помогающего». Стефан увидел стоящим Того, Кого имел помощником себе» (беседа 29-я на день Вознесения).

2 Мф. 24:33.

3 *Редхилл* — городок в графстве Суррей, куда семья Кроули переехала около 1881 года (см. ниже, главу 3).

Положение этих иудеев не вполне ясно. Им не суждено было спастись в том же смысле, что и христианам, однако и проклятию они не подлежали. Похоже, это тысячелетнее царство мыслилось как исполнение завета, который Бог заключил с Авраамом[1]; но, по всей видимости, ничего общего с «жизнью вечной» оно не имело. Впрочем, язычникам, отвергшим Христа, отказывалось даже в этом умеренном блаженстве.

Поэтому мальчик испытал чрезвычайное облегчение, когда наконец возвратилось несколько домочадцев, представить которых осужденными на вечные муки он не мог.

Участь спасенных, даже тех, кто останется на земле, изображалась в самых ярких красках. Считалось, что «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу»[2]. Земная жизнь воспринималась как тяжкое испытание: сей мир порочен, и наивысшее счастье для человека — «разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше»[3]. С другой стороны, неспасенные будут ввержены в озеро огненное и серное, где им предстоит мучиться во веки веков. Эдвард Кроули раздавал разъяснительные брошюры всем встречным и поперечным и тысячами экземпляров рассылал их по почте, да к тому же беспрестанно проповедовал по всей стране перед целыми толпами. Действительно, чем еще оставалось заниматься гуманному человеку, верившему в то, что даже лучшие и благороднейшие представители человечества обречены на вечное проклятие! Одна из листовок (чуть ли не самая популярная, потому что особенно жуткая) была озаглавлена «Последние слова бедной Анны». Суть ее изречений можно передать очень кратко: «Я погибла, погибла, погибла!». «Бедная Анна» была служанкой в доме Эдварда Кроули-старшего, и ее предсмертный бред произвел на сына главы семейства глубокое впечатление[4].

Между прочим, Эдвард Кроули, подобно профессору Хиггинсу из «Пигмалиона» Бернарда Шоу[5], обладал даром

---

1 См. Быт. 15.

2 Рим. 8:28.

3 Фил. 1:23.

4 *«Эдварда Кроули-старшего»* — т.е., деда Алистера Кроули по отцу; *«сына главы семейства»* — т.е., отца Алистера Кроули.

5 *Профессор Хиггинс* — персонаж пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион», специалист по фонетике, с легкостью определяющий происхождение любого человека по его произношению.

мгновенно определять по выговору человека, в какой местности тот проживает. Любимым его занятием были пешие путешествия по всем уголкам Англии, причем в каждом встречном городке и деревушке он останавливался и благовествовал. В его привычках было вовлекать в беседу подающих надежды незнакомцев, распознавать их духовные недуги и прописывать лекарства, заносить их имена в свою адресную книгу, а затем годами переписываться с ними и высылать религиозную литературу. В то время в Англии многие были помешаны на религии, и подобное миссионерство почти ни у кого не вызывало возмущения. Вдова Эдварда продолжала рассылать брошюры и прочее на протяжении многих лет по его смерти.

Как проповедник Эдвард Кроули был потрясающе красноречив, ибо речи его шли от сердца. Но как джентльмен полноценно ратовать за возрождение веры, то есть манипулировать истерическими порывами толпы, он не мог.

2

Если во внешнем мире случались беспорядки, это трактовалось так, что пророчества Даниила, Матфея и Откровения Иоаннова начали, наконец, исполняться. Но неявно подразумевалось, что Англии ввиду ее разрыва с Римом Господь благоволит особо. Мальчик, которого в этот период называли ужасным именем «Алик», считал законом природы, что королева Виктория никогда не умрет, а облигации государственных займов никогда не упадут ниже номинала.

Ясно и отчетливо, как будто это было вчера, Кроули помнит столовую и церемонию семейной молитвы после завтрака. Он помнит, в каком порядке сидели члены семьи и слуги. Все присутствующие читали по очереди, по одному стиху, какую-нибудь главу Библии. К четырем годам он уже отлично умел читать. Странность здесь состоит не столько в его скороспелости, сколько в том, что библейские сюжеты интересовали его гораздо меньше, нежели длинные еврейские имена. В основу одной из любимых своих проповедей его отец положил пятую главу Книги Бытия: как бы долго ни жили патриархи, в конце концов все они умирали. Из этого делался вывод, что и слушателям проповеди тоже предстоит умереть,

а посему имеет смысл заготовить себе место на небесах, не теряя времени. Но Алика интересовало только звучание имен: Енох, Арфаксад, Малелеил[1]. Он часто задается вопросом: была ли эта странная черта предвестием его последующих достижений в поэзии или же указанием на то, что в свое время в нем пробудится интерес к еврейской каббале?

В отношении проблемы спасения, между прочим, Закрытая община плимутских братьев[2] исповедовала теорию весьма своеобразную и способную поставить логический ум в несколько затруднительное положение. Догмата о предопределении они придерживались столь же непреклонно, как сам Кальвин, однако это никоим образом не мешало им признавать абсолютную свободу воли. Главное, надо было веровать во Христа — по-видимому, более или менее осознанно; но, поскольку «и бесы веруют и трепещут»[3], следовало еще добровольно принять Христа как своего личного спасителя. Учитывая это, вставал вопрос: возможно ли спасение для католиков, англиканцев или хотя бы нонконформистов[4]? Похоже, по общему мнению, однажды спасенный уже ни при каких обстоятельствах не мог навлечь на себя проклятие, что бы он ни вытворял. <«Тех, которых ты дал мне, я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели»[5]. В свете доктрины предназначения «те» — это все избранные, а не только Одиннадцать[6], как может подуматься непросвещенному.> Но, разумеется, не в человеческих силах было определить, обрел ли уже спасение данный конкретный человек или нет. Зато следующее положение сомнений не вызывало: проповедь и признание всякой ложной доктрины наказуемы отлучением. Вожди «Братии» по необходимости были основательно подкованы в теологии.

---

1 *Енох* — ветхозаветный патриарх, потомок Сифа, сына Адама (Быт. 5:22—24); *Арфаксад* —потомок Сима, сына Ноя (Быт. 10:22—24, 11:10); *Малелеил* — потомок Сифа, сына Адама (Быт. 5:12—17).

2 *Закрытая община плимутских братьев* — одна из двух групп, на которые раскололась «Плимутская братия» в 1848 году. Ее члены считали грешниками всех инаковерующих и не допускали их к причастию.

3 Иак. 2:19.

4 *Нонконформисты* (англ. букв. «несогласные») — здесь: члены английских церковных организаций (пресвитериане, конгрегационалисты, методисты и др.), не признающие учения и обрядов государственной англиканской церкви.

5 Ин. 17:12.

6 *Одиннадцать* — апостолы, кроме Иуды.

Никаких авторитетов не существовало, и всякий без исключения брат мог в любой момент провозгласить любую доктрину, какую ему заблагорассудится; еще до начала нашей истории эта анархия вылилась в раскол «Братии» на две большие секты: Открытую и Закрытую общины.

Открытую общину, которая отличалась от Закрытой поначалу только тем, что терпела у алтаря «мнимых христиан», т.е. не присоединившихся к ней со всей определенностью, возглавлял Филип Госс, отец Эдмунда Госса.[1]. В книге «Отец и сын» Эдмунд Госс обрисовал позицию своего отца. Не раз и не два читателю может показаться, что автор испытывает его доверие. Трудно представить, что бывают на свете такая ограниченность и такой фанатизм, какими отличался Филип Госс. Однако же Эдвард Кроули полагал, что Филип Госс, скорее всего, будет проклят за веротерпимость! Возлюбивший Господа Иисуса в сердце своем не должен пренебрегать честью своего Спасителя до такой степени, чтобы «преломлять хлеб» <т.е. принимать причастие> с человеком, чьи убеждения могут идти вразрез со Священным Писанием.

Читавшим «Отца и сына» следует вспомнить эпизод с рождественской индейкой, которую тайком купили слуги господина Госса и которую он выбросил в помойное ведро с видом Моисея, разрушающего златого тельца. Плимутские братья справедливо почитали Рождество языческим праздником. Они не рассылали рождественских открыток и уничтожали те, что приходили им от пустоголовых или святотатствующих «козлищ». Чтобы не расстраивать Алика, который любил индейку, в его семье эту птицу подавали на ланч 24-го и 26-го декабря. Суть была в том, чтобы «удержаться даже от видимости зла»[2]. На самом деле в поедании индейки на Рождество не было ничего дурного: ведь языческие идолы суть лишь дерево и камень,

---

1 *Госс*, Филип Генри (1810—1888) — английский натуралист, исследователь морской фауны, изобретатель аквариума, автор ряда научных и научно-популярных трудов. Разделяя верования плимутских братьев, был убежденным противником теории эволюции. *Госс*, Эдмунд (1849—1928) — единственный сын Филипа Госса, переводчик (в т.ч. пьес Г. Ибсена), критик, историк литературы, автор биографий Ибсена, Джона Донна и других писателей. В автобиографической книге «Отец и сын» (1907) излагает историю своего освобождения от гнета пуританских убеждений, царивших в родительской семье.

2 I Фесс. 5:22 (в русском синодальном переводе: «Удерживайтесь от всякого рода зла»).

создания рук человеческих. Но не следовало давать другим повод заподозрить, будто ты потворствуешь языческим обычаям.

А вот еще одно раннее воспоминание. 29 февраля 1880 года Алика привели посмотреть на мертвое тело его сестры, Грейс Мэри Элизабет[1] <вот это имя так имя!>, которая прожила на свете всего пять часов. Этот случай произвел на него странное впечатление. Он не мог взять в толк, зачем его побеспокоили понапрасну. Ничем помочь он не мог; новорожденная уже умерла; и вообще, это было не его дело. Такую позицию он сохранил на всю жизнь. Он ни разу не присутствовал на похоронах <за одним примечательным исключением, когда он сам совершал обряд[2]>, не считая отцовских, посещение каковых было явной ошибкой, ибо истинным центром внимания там оказался он сам. Но когда умирали другие, он всегда отворачивался от некрологических фактов и общепринятых оргий, хотя по меньшей мере в двух случаях сердце его словно рвал на части дикий зверь и жизнь его рушилась на месяцы и годы. Быть может, в нем глубоко сидит врожденное убеждение, что связь личности с телом имеет чисто символический характер. Но есть также и чувство, что факт смерти убивает всякий возможный интерес к усопшему: катастрофа непоправима, и о ней следует забыть как можно быстрее. Он даже не присоединился к поисковой партии после несчастного случая на Канченджанге[3]. Что толку было выкапывать замерзшие трупы из-под обвала? Трупы сами по себе не вызывают у него отвращения; секционные комнаты интересуют его ничуть не менее, чем всякий иной предмет. Обнаружив труп консула Литтона[4], он повернул назад, ибо человек этот был уже мертв. Но когда тело доставили в Дэн-юэ, он хладнокровно помогал

1 *Грейс Мэри Элизабет*: имя составлено из англ. grace (букв. «благодать») и имен Марии — матери Божьей и ее сестры, праведницы Елизаветы.

2 *«...когда он сам совершал обряд»*: имеются в виду похороны Рауля Лавдея (см. примеч. &), прошедшие 18 февраля 1923 в Чефалу по импровизированному телемическому обряду.

3 *«...после несчастного случая на Канченджанге»*: в 1905 году Кроули возглавлял альпинистскую экспедицию на Канченджангу (горный массив в Гималаях); поход был прерван из-за гибели под лавиной одного из членов партии и трех местных носильщиков.

4 *Консул Литтон* — британский консул в Китае, принимавший Кроули в гостях во время его китайского путешествия и скончавшийся (по предположению Кроули, от яда) в окрестностях Дэн-юэ (фактории на пути из Китая в Бирму, на границе провинции Юньнань) в январе 1905 года.

вести расследование, ибо в этом был практический смысл: нужно было установить причину смерти.

Еще ряд эпизодов из раннего детства. На лето семья отправилась на запад Британии. Алику запомнился Монмут, точнее, Монмутский замок[1]. Любопытно, что при попытке восстановить это воспоминание для нужд настоящей книги его умом завладела навязчивая мысль, будто такого места, как Монмут, на свете быть не может: название это вдруг показалось ему невероятным. Оно смешалось у него в голове с «монстром» и «мамонтом», и прошло несколько часов, прежде чем ему удалось убедить себя, что это не выдумка. Он помнит, как они жили на ферме в стороне от дороги, и хранит весьма смутное впечатление от знакомства с животными — утками и свиньями. Гораздо яснее вспоминается, как он едет на пони, а по обе стороны от него идут люди. Он помнит, как упал и завопил и как перепуганная гувернантка (или кто там это был?) несла его домой. Это событие имело плачевные последствия. Следовало бы тотчас же снова посадить его на пони и заставить победить страх. Но этого не сделали; и впоследствии он всегда чувствовал себя на лошади неуютно, хотя проехал в общей сложности тысячи миль, из которых немало пришлось на по-настоящему опасные местности.

С другой стороны (что это — подсознательная память о прошлых инкарнациях? голос его восточной души? или тот факт, что впервые он попробовал это уже после того, как осознал всю нелепость страха?), верхом на верблюде он с самого начала чувствовал себя как дома. А ведь эти животные ведут себя, как высокопоставленные чиновники или даже (если запаршивеют) как консулы, а выглядят (когда состарятся) — как английские леди, посвятившие себя благотворительности. (И у тех, и у других в посадке головы есть что-то стервятничье.)

Одно происшествие, связанное с той поездкой, представляет исключительный интерес, ибо проливает свет на многие дальнейшие события. Гуляя с отцом в поле, вид которого он прекрасно помнит и по сей день, мальчик обратил внимание на заросли крапивы. Его предостерегли, что крапива ужалит,

1 *Монмутский замок* — исторический памятник в центральной части валлийского города Монмут: развалины пограничного укрепления, датируемого XI веком.

если до нее дотронуться. Как именно он отреагировал на это, не запомнилось, но отец, услышав его слова, счел нужным осведомиться: «Ты поверишь мне на слово или предпочтешь убедиться на опыте?» Мальчик ответил: «Лучше я проверю», — и очертя голову бросился в кусты.

В то лето он дважды побывал на волосок от смерти. Он помнит, как сидел рядом с кучером на козлах какой-то кареты, которые казались ему невероятно высокими; впрочем, впечатление это может означать всего лишь, что сам он был еще очень мал. Карета ехала под гору, дорога петляла по крутому склону, поросшему зеленой, очень яркой травой. Мальчику запомнился скрип тормозов. Внезапно отец выскочил из кареты и крикнул кучеру, что сейчас слетит колесо. Для мальчика единственным последствием этого случая стала стойкая неприязнь к нетрадиционным средствам передвижения, которыми управляют другие люди. В дальнейшем он сделался лихим мотоциклистом и автомобилистом, но долгое время нервничал в автомобилях, если не сидел за рулем сам.

Последний инцидент того периода приключился на железнодорожной станции. Припоминается вокзал и небольшая семейная группа. Неожиданно носильщик покачнулся под тяжестью дорожного сундука, и тот соскользнул у него со спины. Просто чудо, что мальчика не раздавило. Он не помнит, что произошло, — успели ли его выхватить из-под падающего груза или сундук просто пролетел мимо. Запомнился только возглас отца: «Ангел-хранитель присмотрел за ним!» Не исключено, что в будущем, когда мальчик вырос и решил заняться Магией, именно этим детским впечатлением определилось направление его деятельности, ибо единственный текст, всецело овладевший его вниманием, носил название «Книга Священной Магии Абрамелина-мага», а основной задачей в нем представлялось «достижение Познания и Собеседования со Священным Ангелом-Хранителем»[1].

1 *«Книга Священной Магии Абрамелина-мага»* — магический трактат XV века, автором которого считается Авраам из Вормса (ок. 1362 — ок. 1458). Из этой работы, впервые опубликованной на английском языке в 1897 году в переводе С.Л. Макгрегора Мазерса (рус. пер.: Авраам из Вормса. *Священная Магия Абрамелина*. М.: Ганга, Телема, 2007), Кроули почерпнул первое представление о центральной магической операции на посвятительном пути — достижении Познания и Собеседования со Священным Ангелом-Хранителем (подробнее см.: *Гоэтия. С предисловием и комментариями Алистера Кроули.*

Очень важно упомянуть, что умственно этот ребенок был нормальным — причем до такой степени, что это граничило с аномалией. Он не выказывал ни малейшей наклонности к видениям, каковая часто проявляется даже у самых обыкновенных детей. Единственной его книгой в тот период была Библия, но ни библейские сюжеты, ни библейская поэзия не производили на него сколько-нибудь глубокого впечатления. Восхищали его только таинственные эпизоды пророчеств, особенно из Книги Откровения. Христианство, царившее у него дома, он воспринимал с безусловной приязнью, и все же симпатии его были на стороне противников Неба. Имеется смутное подозрение, что отчасти это можно объяснить инстинктивной тягой к ужасному. Старцы и гуслисты[1] казались какими-то пресными. Мальчик предпочитал Дракона, Лжепророка, Зверя и Багряную Жену[2] как персонажей более захватывающих. Он упивался описаниями мучений. Здесь можно заподозрить элемент врожденного мазохизма. Мальчику нравилось воображать, как он корчится в муках; с особенным удовольствием он отождествлял себя со Зверем, число коего есть число человеческое, число шестьсот шестьдесят шесть[3]. Можно лишь предполагать, что этот детский выбор был обусловлен таинственностью самого числа.

Многие воспоминания, относящиеся даже к самому раннему детству, походят на воспоминания человека достаточно зрелого. Выглядит это так, словно разум и тело мальчика были лишь материалом («медиумом» почти в таком же смысле этого слова, в каком употребляют его спириты), предназначенным в пользование уже вполне сложившейся душе. Это очень глубокое ощущение, и за ним стоит непоколебимая уверенность, что дело обстоит именно так, как только что было допущено. Едва ли удастся объяснить этот феномен без гипотезы о существовании некоего имманентного духа (истинного «я»), который время от времени прибегает к инкарнациям, а возможно,

---

М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 26—28; *Равноденствие богов. Закон — для всех.* Указ. соч., стр. 102—104, ; Алистер Кроули. Джон Фуллер. *Храм царя Соломона.* М.: Ганга, Телема, 2011, т. 1, стр. 35—37, т. 2., стр. 306—329).

1 *«Старцы и гуслисты»*: см.: Откр. 4:4, 14:2—3.

2 *«...Дракона, Лжепророка, Зверя и Багряную Жену»*: см.: Откр. 12, 19:20, 13, 17.

3 *«...со Зверем ... шестьсот шестьдесят шесть»*: см.: Откр. 13:11—18.

и к различным другим способам, чтобы наблюдать вселенную с той или иной наводкой на резкость — во многом так же, как настраивают телескоп для разрешения деталей туманности.

Врожденный мазохизм, о котором было упомянуто, требует более внимательного рассмотрения. Всю свою жизнь этот человек был чересчур, почти недопустимо, чувствителен к боли — и физической, и психической, и моральной. Извращением, которое делало бы страдания приятными, он не страдает; однако фантазии о том, как он желает, чтобы ему причинили боль, продолжали преследовать его наяву, никогда, впрочем, не обнаруживаясь в сновидениях. Не исключено, что эти странности связаны с некоторыми анатомическими особенностями. С одной стороны, мужественность его развита выше среднего — как физиологически, так и внешне, о чем можно судить по бурному росту бороды. Но при всем том он обладает некоторыми отчетливыми признаками женственности. Его конечности изящны и тонки, как у девушки; более того, у него увеличена грудь — в такой степени, что это можно счесть отклонением. Его физическому строению, таким образом, присущ своего рода гермафродитизм, который, естественно, отражается и в мышлении. Однако если в большинстве подобных случаев женские качества развиваются в ущерб мужским и за счет последних, то здесь они просто присовокуплены к совершенно нормальному образчику мужского типа. Это обстоятельство, в первую очередь, позволило ему понимать женскую психологию и рассматривать любую гипотезу всесторонне и непредвзято, а в духовном плане наделило его материнским инстинктом. Благодаря этому ему удавалось побивать женщин, с которыми его сводила жизнь, их же собственным оружием и выходить из битвы полов торжествующим и невредимым. Благодаря этому он мог размышлять о природе с позиции совершенного человека. Некоторые явления недоступны пониманию мужчин как таковых, другие — непостижимы для женщин. Этот же человек, соединяя в себе черты обоих полов, сумел выработать такие воззрения на бытие, в которых положительное и отрицательное, активное и пассивное объединились в идеально уравновешенной пропорции. И, наконец, сколь бы жгуче ни воспламеняла его яростная мужская страсть к созиданию, ее всегда умеряли и смягчали кротость и консерватизм женственности.

В ходе этого повествования мы не однажды увидим, как поступки его определялись этой двойственностью его устройства. Несомненно, подобные типы существовали и до него, но ни один из них до сих пор не был изучен. Производить отбор и интерпретацию таких феноменов возможно лишь в свете тезисов Вейнингера[1] и Фрейда. <Точнее, так обстоит дело для тех, кто не посвящен в магическую традицию и тайны священной каббалы, — кто не допущен сидеть за тем Детским Столиком, несколько крох, упавших с которого, подобрали Фрейд и Вейнингер.> Нравственная ценность настоящего исследования, по-видимому, будет чрезвычайно велика, ибо крайне редко случается, чтобы субъект, наделенный подобными аномальными свойствами, выраженными к тому же столь отчетливо, воспитал в себе привычку к глубокому самоанализу и около четверти века почти ежедневно вел дневниковые записи о своей жизни и деятельности. <Следует добавить, что его стигматы, имевшие, несомненно, мазохистское происхождение, бесповоротно исчезли с достижением половой зрелости; следы их теперь различимы лишь в моменты упадка физических сил. То есть, они проявляются единственно и исключительно как симптомы телесного недомогания.>

3

Когда Алику было около шести лет, отец его решил переехать из Лимингтона в Редхилл, графство Суррей. Тому была какая-то причина, связанная с гравийной почвой и сельской жизнью. Дом называли «Фермой». Он стоял посреди большого прямоугольного сада, который одним концом упирался в лес, нависавший над дорогой между Редхиллом и Мерстемом, примерно в миле от Редхилла или чуть дальше. Алик прожил там до 1886 года, и в его памяти этот период запечатлелся как время сплошного счастья. Он с предельной ясностью помнит бесчисленные эпизоды, и отбирать значимые события уже становится сложно. У него были домашние учителя; Алик запомнил их уроки, хотя воспоминания о самих гувернерах

1 *Вейнингер*, Отто (1880—1903), австрийский философ, автор книги «Пол и характер» (1903), пользовавшейся сенсационным успехом в первые десятилетия XX века.

изгладились из памяти. Он очень тщательно усвоил основы географии, истории, латыни и арифметики. Постоянно приходил в гости кузен Грегор Грант, который был старше Алика на шесть лет; странно, что ему оказывалось такое снисхождение, — ведь Грегора воспитывали в пресвитерианской вере. Этот молодой человек очень гордился своей родословной. Эдвард Кроули то и дело посмеивался над ним, говоря: «Мой род происходит от садовника, которого выгнали из сада за кражу хозяйского плода»[1]. Эдвард Кроули не терпел обращения «эсквайр»[2] и даже не позволял называть себя «мистером». Похоже, это был какой-то атавизм, ибо один из Кроули некогда подал Карлу I прошение об упразднении родового герба; впрочем, его наследник попросил Карла II восстановить герб, что и было исполнено. Таково свидетельство сатанинской гордыни, присущей этому семейству. Эдвард Кроули презирал мирские титулы, ибо был гражданином небес. Он не принял бы почестей ни от единой персоны, рангом ниже Иисуса Христа.

Алик припоминает некую даму, явившуюся на Ферму просить пожертвований в пользу «Наших Солдат в Египте»[3]. Эдвард Кроули набросился на нее и застращал до слез гневной филиппикой о «библиях и бренди»[4]. Впрочем, против Общества трезвенников он был настроен очень резко. Он утверждал, что трезвенники обычно надеются вымостить себе дорогу на небеса добрыми делами, а потому не понимают, что в первую голову должны взыскать Иисуса. Во время одной воскресной проповеди в ратуше он заявил: «Я предпочел бы проповедовать перед тысячей пьяниц, чем перед тысячей непьющих». В ответ его обвинили в связях с «Пивоварней Кроули». Он ответил, что в течение девятнадцати лет, пока в его владении находились акции этой пивоварни, сам он не брал в рот

1 *«Мой род происходит ... за кражу хозяйского плода»*: т.е., от Адама, изгнанного из рая за вкушение запретного плода от Древа познания.

2 *Эсквайр* — здесь: почетный дворянский титул, в обиходе часто употреблявшийся как равнозначный слову «джентльмен».

3 *«...в пользу "Наших Солдат в Египте"»*: в 1882 году британская армия оккупировала Египет в целях обороны Суэцкого канала; во главе государства был поставлен английский генеральный консул.

4 *«Библии и бренди»* — символ духовного и физического порабощения местного населения территорий, оккупированных «белым человеком» в эпоху колонизации.

ни капли спиртного. Какое-то время назад он нарушил воздержание, но при этом вложил все деньги в водопроводную сеть <в Амстердаме. Поначалу предприятие было убыточным, ибо местным жителям не пришлась по нраву жидкость без вкуса, запаха и цвета.>

Кроме Грегора Гранта, единственными товарищами Алика были сыновья местных плимутских братьев. Сознание своего аристократического превосходства было в этой среде чрезвычайно острым. Обычные мальчишечьи игры, в которых фигурировали разнообразные знаменитости того времени, вроде сэра Гарнета Вулзли[1] или Араби-паши[2], на практике осложнялись совместными атаками против так называемых хамов. Особенно отчетливо Алику запомнилось, как они лежали в засаде на опушке леса, поджидая ребят, направлявшихся в Национальную школу. Угодив несколько раз под шквал горошин и стрел, те, в конце концов, прониклись ужасом и нашли обходную дорогу.

Напротив просеки, через дорогу, был песчаный карьер. Алик помнит, как однажды он спрыгнул с альпенштоком на землекопа, работавшего внизу, набросился на него, сбил с ног и дал деру. Впрочем, такую храбрость он являл не всегда. Однажды он ударил и порвал тем же альпенштоком коробку мальчишки-посыльного. Мальчишка, однако, оказался итальянцем: он гнался за обидчиком до самой Фермы, где, понятное дело, за Алика вступились взрослые. Но Алик помнит, что был очень напуган и даже разревелся, потому что итальянцы связывались у него в голове с кинжалами. Вот и еще один любопытный психологический момент. Он не боялся, что его побьют или порежут, но мысль о том, что кто-то может проткнуть ему кожу, действовала на нервы. Даже при виде обычного шприца для подкожных инъекций ему приходилось прикладывать немало усилий, чтобы собраться с духом.

---

1 *Вулзли* (Уолсли), Гарнет Джозеф (1833—1913) — британский военачальник, фельдмаршал; служил в Бирме, Китае, Канаде, Египте, участвовал в Восточной войне 1853—1856 гг. и в подавлении Восстания сипаев.

2 *Араби-паша* (Ораби-паша), Ахмед (1842—1911) — государственный и военный деятель Египта, командовавший египетской армией в англо-египетской войне 1882 года. Потерпел поражение, был взят в плен и сослан на о. Цейлон, но в 1901 году получил помилование и вернулся в Египет.

Во внешности Алика имелось и сохранилось на всю жизнь нечто восточное — китайское или древнеегипетское. Его мать, как уже говорилось, в школе прозывали Китаяночкой, а в облике его дочери, Лолы Зазы, монгольские черты проступили еще отчетливей. Эта особенность отразилась и в образе его мышления. Ни одна европейская религия или философия так и не вызвала у него симпатии, а из еврейского и мусульманского учений он воспринял только мистицизм каббалистов и суфиев. Даже индуистская психология, сколь бы тщательно он ни изучал ее, никогда не удовлетворяла его до конца. Как будет показано, даже буддизму не удалось завоевать его преданность. Но с «И цзин»[1] и трудами Лао-цзы[2] он сразу же почувствовал себя как дома. Как ни странно, в равной мере привлекательными оказались символика и магическая практика Древнего Египта, сколь бы ни были две эти системы, на первый взгляд, несовместимы друг с другом (первая — атеистическая, анархистская и созерцательная, вторая — теистическая, иерархическая и деятельная). Восток манил его уже в детстве, о чем свидетельствует один очень важный эпизод. В какой-то исторической книжке об Индийском восстании[3] был портрет Нана-сахиба[4]— гордый, страстный, жестокий, чувственный профиль. Это был его идеал красоты. Мальчик ни за что не хотел поверить, что Нана-сахиба поймали и убили. Он мечтал отыскать Нана-сахиба, стать его помощником, вместе с ним пытать пленников и самому терпеть мучения от его рук. Когда Грегор Грант понарошку был

---

1 *«И цзин»* (кит. «Книга перемен», или «Канон перемен») — древнекитайский философский трактат, основанный на системе 64 символов — гексаграмм, каждая из которых обозначает тот или иной этап развития определенной жизненной ситуации. Система «И цзин» с древних времен применялась в мантике.

2 *Лао-цзы* — легендарный древнекитайский мыслитель, основоположник религиозно-философского направления даосизма. Легендарный автор древнекитайского трактата «Дао дэ цзин», (IV—III вв. до н.э.), канонического сочинения даосизма.

3 *Индийское восстание* (Восстание сипаев, 1857—1859 гг.) — движение против английских колонизаторов, военным ядром которого были сипаи (наемные солдаты в Индии, вербовавшиеся в английскую колониальную армию из местных жителей). Восстание было жестоко подавлено англичанами.

4 *Нана-сахиб* (наст. имя Данду Пант, ок. 1820 — ок. 1859) — один из вождей Восстания сипаев, участвовал в ряде крупных сражений против британских колонизаторов. После разгрома основных очагов восстания скрылся в джунглях Северной Индии; его дальнейшая судьба неизвестна.

Хайдаром Али[1], а Алик — Типу Султаном[2], Алик однажды попросил своего кузена: «Будь со мной жесток».

Влияние кузена Грегора в тот период было чрезвычайным. Когда Грегор был Робом Роем, Алик был Грюмоком, атаманом разбойников из романа Джеймса Гранта[3]. Макгрегоры привлекали Алика как самый величественный, несправедливо обиженный, романтичный, смелый и одинокий из всех шотландских кланов. Не вызывает сомнений, что этой фантазией во многом объясняется то страстное восхищение, которое позднее внушил ему глава Герметического ордена Золотой Зари, Мазерс из Гемпшира, непонятно почему представлявшийся Макгрегором из Гленстрэ[4].

Один из самых достопримечательных фактов ранних лет жизни этого мальчика — его отношение к родителям. Отец для него был героем и другом, хотя подлинной осознанной близости и взаимопонимания между ними по тем или иным причинам не было. Мать он всегда недолюбливал и презирал. Физическое отвращение соединялось здесь с интеллектуальным и социальным чувством превосходства. Он обращался с ней едва ли не как со служанкой. Возможно, именно поэтому воспоминаний о ней, относящихся к тому периоду, практически не сохранилось. Мать всегда была настроена к нему враждебно. Помнится, как однажды она застала мальчика за чтением

---

1 *Хайдар Али* (1722—1782) — правитель индийского княжества Майсур (с 1761 года), организатор сопротивления британским завоевателям в Южной Индии. Одержал победу в 1-й англо-майсурской войне 1767—1769 гг., но впоследствии стал терпеть поражения, лишился союзников и умер в разгар 2-й войны с Британией.

2 Типу Султан (1750—1799) — сын Хайдара Али, правитель Майсура, возглавивший борьбу с британскими завоевателями после смерти отца. Погиб при штурме англичанами столицы княжества — города Серингапатам.

3 *«...Робом Роем ... из романа Джеймса Гранта»*: имеется в виду роман шотландского романиста и историка Джеймса Гранта (1822—1887) «Приключения Роба Роя» (1864), основанный на биографии подлинного исторического лица — Роберта Роя Макгрегора (1671—1734), национального героя Шотландии, разбойника, которого часто называют «шотландским Робин Гудом».

4 *«Мазерс из Гемпшира»* — Сэмюэл Лиддел Мазерс (1854—1918), английский оккультист, писатель, переводчик, один из основателей и первых «вождей» Герметического ордена Золотой Зари, автор значительной части орденских ритуалов и учебных материалов. Среди важнейших его переводческих работ — «Разоблаченная каббала» (см. примеч. 1 на стр. 238), «Книга Священной Магии Абрамелина-мага» (см. примеч. 1 на стр. 35) и «Гоэтия» (см. примеч. 3 на стр. 258). Увлекшись кельтской традицией и символикой, Мазерс объявил себя потомком старинного шотландского рода *Макгрегоров из Гленстрэ* и принял вторую фамилию «Макгрегор».

«Мартина-пустомели»[1] в воскресный день и принялась бранить его. Эдвард Кроули встал на его сторону. Если эта книга достаточно хороша, чтобы можно было читать ее в другие дни, то почему нельзя в воскресенье? Для Эдварда Кроули каждый день был Днем Господним; почитать день отдыха — это для иудеев.

Когда Алику было восемь лет или около того, отец отдал его в школу — частную школу в Сент-Леонардсе. Владели ею старик по фамилии Хабершон и двое его сыновей, строжайшие евангелисты. Эдвард Кроули постарался уберечь сына от неприятности, встречающейся в английской школьной жизни на каждом шагу. Он избрал очень мудрый способ. Он с чрезвычайной выразительностью прочел мальчику рассказ об опьянении Ноя и о том, что за этим воспоследовало[2], а затем подытожил: «Никогда не позволяй, чтобы тебя трогали в этом месте». Сформулированный таким образом, запрет этот не пробудил нездорового любопытства.

О своем пребывании в этой школе Алик почти ничего не помнит; сохранилось, правда, яркое зрительное воспоминание о спортивной площадке с «гигантскими шагами». Соучеников он позабыл, хотя образы всех трех учителей до сих пор свежи в памяти. Также запомнился один из ряда вон выходящий инцидент. Вместо того чтобы ответить хоть на какой-нибудь из вопросов в экзаменационной работе, он притворился, будто не понял задания, и написал ответ, достойный Джеймса Джойса. Но учителя почему-то не сообразили выставить на продажу издание со столь ограниченным тиражом и заломить за него баснословную цену. Автора крепко высекли. Нимало не раскаявшись, автор принялся желать старику Хабершону смерти. Как ни странно, тот и впрямь скончался несколько недель спустя, и мальчик без колебаний поставил это себе в заслугу.

Интеллект этого ребенка был развит не по летам. Однажды из Лондона явился новый портной, некто Хемминг, который должен был сшить Эдварду Кроули новое платье; по-видимому, произошло это почти сразу после переезда в Редхилл. Будучи

1 *«Мартин-пустомеля»* (1858) — повесть Роберта Майкла Баллантайна (1825—1894), шотландского писателя, автора приключенческих книг для юношества.

2 Быт. 9:20—27.

плимутским братом, он поселился в доме на правах гостя. Вскоре он вызвался учить Алика игре в шахматы и более чем преуспел в этом деле, ибо выиграл только одну партию — самую первую. Стратегию Алик запомнил твердо. Главное, нужно было поймать продвинутого слона, атаковав его пешками. (На самом деле, мальчик изобрел ловушку Тарраша в дебюте Рюи Лопеса[1], не прочитав еще ни единой книги о шахматах.) Этим он вырвал из уст смущенного учителя восклицание: «Ну и горазд же ваш сын закладывать, миссис Кроули!»

Между прочим, это не следует считать простой случайностью. Алик несомненно обладал особой наклонностью к этой игре, ибо настоящий учитель встретился ему только в тот роковой день 1895-го года, когда У.В. Нейш, президент ШККУ[2], привел победившего его «новичка» в Питерхаус[3], обиталище господина Г.Э. Аткинса[4], который с тех пор успел сделаться семикратным чемпионом Англии среди любителей и до сих пор остается грозной фигурой на турнирах мастеров.

Стоит упомянуть, что в тот день юношу угораздило заложиться по-крупному: он попытался заманить Аткинса в новую ловушку собственного изобретения. Суть была в том, чтобы в гамбите Муцио[5] вместо рокировки разыграть последовательность король — ладья — слон, и тогда в ответ на ход черных на d6 белые смогли бы продвинуть ферзевую пешку на d4.

В 1885 году Алика перевели из Сент-Леонардса в школу, которой заведовал плимутский брат по имени Г. д'Арси Чемпни, бывший священник, магистр педагогических наук. Описать душевный склад, присущий мальчику в тот период, будет несколько затруднительно. Возможно, его настрой определялся обожанием, которое внушал ему отец, этот высокий и крепкий,

---

1 *Лопес*, Рюи (сер. XVI в.) — испанский шахматист и шахматный теоретик, автор «Книги об изобретательности и искусстве игры в шахматы» (1561), одного из первых теоретических трудов в истории шахмат. Изобретатель знаменитой «испанской партии», до сих пор сохранившей свое первоначальное название — «дебют Рюи Лопеса» и позволяющей применить ловушку, впервые использованную немецким шахматистом Зигбертом *Таррашем* (1862—1934).

2 *ШККУ* — Шахматный клуб Кембриджского университета.

3 *Питерхаус* — старейший колледж Кембриджского университета (основан в 1284 г.).

4 *Аткинс*, Генри Эрнест (1872—1955) — британский шахматист, одержавший 9 побед в серии из 11 национальных чемпионатов (начиная с 1904 года).

5 *Гамбит Муцио* — шахматный дебют, начинающийся ходами: 1. e2-e4 e7-e5; 2. f2-f4 e5:f4; 3. Kg1-f3 g7-g5; 4. Cf1-c4 g5-g4 и завершающийся рокировкой.

полный сил оратор и вождь, способный взволновать своим красноречием многотысячную толпу. Мальчик искренне желал следовать по его могучим стопам, а потому стремился, насколько хватит сил, во всем подражать сему великому мужу. Соответственно, он вознамерился стать самым преданным последователем Иисуса во всей школе. И стремление это не было лицемерным ни в малейшей степени.

Все это выглядит абсолютно естественным; необычна отнюдь не эта ситуация, а то, что последовало за ней.

Вот письмо домой, которое он написал вскоре после зачисления в эту кембриджскую школу:

> Дорогие папа и мама!
>
> За каникульную работу мне дали подарок отличный нож, 2 лезвия, пилка, отвертка, штуковина вытаскивать колючки, еще доставать камушки из лошадиных подков, еще одна не знаю для чего, сапожное шило, буравчик и штопор и табличка с именем. Он местами никлированый, но ручка слоновой кости. Асвальт <на спортивной площадке> просел посредине. Нас недавно чуть не взорвал этот смащик <Кто бы это мог быть? Ясное дело, «смазчик», но что он такое натворил?>, серьезно. Нам перенесли на пятницу В, выходной. Пожалуйста вышлите мне немного денег на феерверки. Пришлите мою банковскую книжку к 1-му числу пожалуйста. Я очень хорошо себя чувствую, спасибо! Меня взяли в компанию ребята, которых благословил Господь, они стараются и помогают другим и говорят с ними об их душах. Я скоро еще напишу. Пишите скорее пожалуйста
>
> До свиданья
> Ваш любящий сын
> АЛЕК

В этой школе он был абсолютно счастлив: мальчикам он внушал приязнь и восхищение, в учебе делал удивительные успехи и чрезвычайно гордился своей первой наградой — «Селборном» Уайта[1], который получил за лучшие в классе

1 *Уайт*, Гилберт (1720—1793) — английский священник, натуралист, автор книги «Естественная история и древности Селборна» (деревни

отметки по предметам, именовавшимся «Закон Божий, классические языки и французский».

Но книгу эту он так и не прочел по сей день! К некоторым предметам он питал инстинктивное отвращение, глубокое и неискоренимое. Одной из таких дисциплин было естествознание во всех его разновидностях. Почему — трудно сказать. Быть может, мальчику неприятно было анализировать красоту? Или он просто чувствовал, что некоторые предметы не слишком важны для него и не принесут никакой пользы в том, чем он на самом деле желал заниматься? Одним словом, в отношении того, стоит ли посещать какой-либо курс, он обычно принимал решение раз и навсегда. Если решение было положительным, он брался изучать этот предмет с жаждой оленя, спешащего к водопою; если же нет, то убедить его потратить хотя бы час на это занятие не удавалось никакими силами.

Именно в этой школе он начал писать стихи. С поэзией он тогда был практически незнаком, если не считать таковой «Касабьянку», «Excelsior»[1], вирши сэра Вальтера Скотта и прочую подобную дребедень. Однако ему искренне нравились сочиненные плимутскими братьями «Гимны для маленькой паствы». Если память ему не изменяет, настоящей поэзии он впервые отведал, прочтя «Ликида»[2], который был включен в программу школьного выпускного экзамена. Он влюбился в эту элегию с первого взгляда и за несколько дней заучил ее наизусть. Но собственные его первые пробы пера были скорее гимнического толка. Сохранилось всего несколько строк:

О ужас, и тьма, и отчаянье боли!
Страданья печать на прекрасном дотоле
Челе у того, кто остался во власти
Вином переполненной чаши пристрастья.
«Вино — лишь насмешка, в спиртном — исступленье».
Нет в смерти вина, что смягчило б мученья.

в Восточном Гемпшире, где он родился и провел большую часть жизни).

1 *«Касабьянка»* и *«Excelsior»* — хрестоматийные стихотворения, первое из которых принадлежит Фелисии Доротеи Хименс (1793—1835), а второе — Генри Уодсворту Лонгфелло (1807—1882).

2 *«Ликид»* — элегия Джона Мильтона (1608—1674), написанная на смерть его друга, Эдварда Кинга.

К редхиллскому периоду относятся еще воспоминания о двух летних каникулах. Одно лето мальчик провел во Франции и Швейцарии, другое — в горах Шотландии.

От первого сохранилось множество впечатлений, по преимуществу зрительных: Гранд-отель в Париже, Люцерн и Лион, Вильгельм Телль, бернские медведи, Риги, Штауббах, Трюммельбах и Гиссбах, Базель и Рейн, Пляска смерти[1]. Нашего внимания заслуживают только два эпизода: мальчик, во-первых, категорически отказался вставать рано утром и мерзнуть ради сомнительного удовольствия полюбоваться восходом с площадки на Риги-Кульме[2], а во-вторых, испытал крайнее возмущение при виде водопада, подсвеченного разноцветными фонариками. Слишком острым было ощущение, что следует позволить природе идти своим путем, а ему — своим! В мире полным-полно красоты; зачем же доставлять себе неудобства, пытаясь увидеть что-то сверх того? И, кроме того, невозможно улучшить водопад театральными эффектами!

В этой позиции уже заметен костяк вполне определенной житейской философии.

Что касается Шотландского нагорья, то здесь мальчик не увидел ничего такого, что запало бы ему в память, — ибо ум его к тому времени был отравлен романтикой. Все вокруг воспринималось как фон для дурацких мечтаний Черного Родрика[3]!

Уместно отметить еще три эпизода, связанных с редхиллским периодом. Не то чтобы они были особенно важны сами по себе, если не считать того, что в двух из них Алик предстает в роли обычного озорного мальчишки не без способностей к игре на человеческой психологии. Важно, что они служат иллюстрацией к той уникальной обстановке, в которой он жил.

---

1 *«Гранд-отель»* — отель в центре Парижа, напротив здания Парижской Оперы. *Люцерн* — город в Швейцарии. *Лион* — город во Франции. *Вильгельм Телль* (конец XIII — начало XIV вв.) — легендарный народный герой Швейцарии, искусный лучник. *Бернские медведи*: медведь — символ швейцарского города Берн, имя которого происходит от немецкого названия этого животного (Bär). *Риги* — живописная гора в Центральной Швейцарии, прозванная «Королевой гор». *Штауббах, Трюммельбах и Гиссбах* — водопады в Швейцарии. *Базель* — город в Швейцарии. *Рейн* — река, частично протекающая по территории Швейцарии. *Пляска смерти* — здесь: традиционный карнавал в Базеле.

2 *Риги-Кульм* — верхняя часть горы Риги.

3 *Черный Родрик* — герой романтической поэмы Вальтера Скотта «Дева озера» (1810).

Частым гостем на Ферме был пожилой джентльмен по фамилии Шеррал, питавший слабость к касторовому маслу. Эдвард Кроули имел обыкновение устраивать «чаепития»: десятка два гостей собирались, говоря попросту, на пирушку, за которой, по удовлетворении животных потребностей, следовала оргия духовных назиданий. На обеденном столе, разложенном во всю длину, ставили два серебряных чайника. В один из этих чайников юный Алик опорожнил позаимствованный у мистера Шеррала флакон с касторовым маслом. Все сошло как нельзя лучше. Гости, которым подавали чай из этого чайника, оказались чересчур вежливы или слишком запуганы, чтобы указать хозяйке на беспорядок или просто воздержаться от мерзкого пойла. Оставалось только следить за тем, чтобы чашка с подвохом не досталась самой хозяйке.

Схожую шутку затем сыграли на молитвенном собрании в доме одного из «братьев», некоего Наннерлея. Вначале гостям предложили закуски; а следует сказать, что за одной «сестрой», миссис Масти, давно подметили невероятную прожорливость. Когда все гости уже насытились, несколько заговорщиков, в числе которых был и Алик, продолжали усердно потчевать эту даму, зная, что без нее собрание не начнут. Даме не хватило ума сообразить, что происходит, а прочим «сестрам» и «братьям» благовоспитанность не позволяла выдать свои чувства хотя бы намеком.

На этом всеобщем нежелании брать на себя ответственность отчасти покоился идеалистический протест «Плимутской братии» против вмешательства духовенства в светские дела. Однажды качество это проявилось поразительно ярко, и вот при каких обстоятельствах. Некто мистер Клапем, обладатель бороды, чье благоухание безошибочно выдавало в нем торговца рыбой, имел, помимо упомянутой лицевой растительности, жену и дочь, а у той, в свою очередь, был жених — мистер Мандей. Однажды последние трое отправились на экскурсию в Булонь[1]; когда же пришло время возвращаться, обрученная парочка случайно, а может, и по умыслу, опоздала на судно, которое должно было доставить всю компанию обратно в Фолкстон.

1 *Булонь* (Булонь-сюр-Мер) — портовый город на западе Франции, у пролива Па-де-Кале, связанный пассажирским сообщением с английскими городами Дувр и Фолкстон.

Как обычно, следовало избежать даже видимости греха, а посему миссис Клапем изгнали из братства. Надо полагать, супруг считал ее неповинной в соучастии: априори это представляется самой естественной гипотезой. Во всяком случае, воскресным утром она как ни в чем не бывало явилась к причастию и села рядом с мужем на обычное место. Очень трудно представить себе, чтобы люди, собравшиеся совершить верховное таинство своей религии, не располагали никакими способами обеспечить соблюдение приличий. Однако страх перед священником пересилил все на свете: прихожанам оставалось только молчать и ерзать от смущения. Так прошло больше часа. Наконец, один пекарь, Банфилд, поднялся с дрожью в коленках и робко осведомился: «Скажите пожалуйста, мистер Клапем, входит ли в намерения миссис Клапем преломить хлеб нынче утром?» Тут миссис Клапем выскочила из комнаты, хлопнув дверью, после чего собрание продолжилось обычным чередом.

Кое-где в Англии бурбонство живет и здравствует по сей день. Помню, как однажды, объясняя Джеральду Келли[1] какой-то свой поступок, я сказал, что просто воспользовался советом своего адвоката. Тот презрительно ответствовал: «Все законники — лакеи!» Общественный вес лорд-канцлера и юристов короны[2] объяснялся для него исключительно засильем законников в советах и комиссиях. Он погряз в тупой убежденности, что всякий, кто зарабатывает на жизнь своим умом, — человек низшего сорта. Разумеется, тупость такой степени — явление исключительное, однако психологические истоки этой установки легко обнаружить во многих типичных для англичан представлениях. Один из обязательных пунктов, входящих в определение чувства собственного достоинства, — немилосердное презрение ко всякому, кто принадлежит к иному классу. Когда я был маленьким, миссис Клапем — та самая, о чьих похождениях только что шла речь, — совершила великое открытие. Она поняла, что несчастлива в браке. «Как я могла

1 *Келли*, Джеральд Фестус (1879—1972) — британский художник-портретист, в 1949—1954 гг. президент Британской академии художеств. В 1903 году Кроули женился на его сестре, Розе Эдит Келли (1874—1932).

2 *Лорд-канцлер* — высшее судебное должностное лицо Великобритании, председатель юридической комиссии Тайного совета, ответственный за назначение мировых судей и главный советник правительства по юридическим и конституционным вопросам. *Юристы короны* — генеральный прокурор Великобритании и его заместитель.

любить этого человека? — воскликнула она. — Подумать только, он берет соль ножом!» Бессмысленно объяснять жене торговца рыбой, что столь утонченная приверженность этикету в любом случае смехотворна. Все английское общество сверху донизу пропитано этим духом. Нет выше удовольствия, чем возможность презирать соседа, и этого факта достаточно, чтобы объяснить всю религиозную нетерпимость англичан. И правда, как же утешительна мысль о том, что ближние твои идут прямой дорогой в преисподнюю!

Практически каждый мальчик рождается с душой аристократа. <Это связано только со степенью мужественности: сравните благородные нации — арабов, патанов, гуркхов, японцев и т.д. — с нациями «нравственными». Разумеется, потеря положения в обществе влечет за собой и утрату мужского достоинства, равно как и наоборот.> Большинство из них ломаются, отчасти из-за грубого обращения, отчасти под давлением обретенного опыта. Но Алик был единственным сыном прирожденного вождя, и аристократический дух развивался в нем свободно и беспрепятственно. Никаких авторитетов, кроме отцовского, для него не существовало; и хотя отец упрямо не желал признавать за собой главенство над прочими «братьями», влиятельность его от этого не убывала. Похоже, мальчику с самого начала претило отсутствие иерархии среди «братьев»; но, с другой стороны, они составляли самое закрытое в мире общество — только им одним была открыта дорога на небеса. Таким образом, ситуация порождала неразрешимое психологическое противоречие. Маловероятно, чтобы Алик сознавал в то время, какие чувства на самом деле развивало в нем такое окружение; но теперь не вызывает сомнений, что влияние это, прежде всего, поощряло в нем гордость и честолюбие, усиливая их до совершенно нездоровых (?) размеров. Его социальное и финансовое положение, очевидная зависть со стороны знакомых, несомненные личные достоинства, как физические, так и умственные, — все это вместе взятое привело к тому, что он отказался довольствоваться каким бы то ни было местом в мире, кроме высшего. Плимутские братья не принимали никакого участия в политической жизни. Теоретически, в рядах общины крестьянин был ничем не хуже лорда, поэтому социальное устройство Англии «братья» просто игнорировали. Мечтать о том, чтобы

стать премьер-министром или даже королем, Алик не мог: он с самого начала был вне и выше этого. Достигнув того возраста, когда честолюбивые замыслы должны обрести конкретную форму, он, как мы увидим, попал в очень трудное положение. Земной шар оказался для него тесен.

Оглядываясь на свою жизнь от рождения и вплоть до мая 1886 года, он не обнаруживает в своих воспоминаниях ни четкой последовательности, ни какой бы то ни было связности. Но с названного момента начались перемены — как будто событие, произошедшее незадолго до того, наделило его разум новой способностью. Появилась новая движущая сила, и имя ей было смерть. Алика вызвали домой посреди семестра, чтобы он принял участие в специальном молитвенном собрании в Редхилле. Его отец заболел. Местный врач направил его к сэру Джеймсу Педжету[1], и тот, обнаружив у больного рак языка, порекомендовал немедленную операцию. Чтобы выяснить, какова Господня воля в этом вопросе, со всей округи и даже издалека созвали «братьев». В результате операцию отвергли; решено было лечить недуг электрогомеопатией по методу графа Маттеи[2] — до крайности шарлатанским способом, который ныне, к счастью, не применяется. Врача, приверженного надувательству этого сорта, в окрестностях не отыскалось, поэтому семья покинула Ферму и, перебравшись в Саутгемптон, поселилась в особняке под названием «Гленберни».

5 марта 1887 года Эдвард Кроули скончался. Болезнь почти не причиняла ему физических страданий. Сейчас нас интересует в связи с этим только одно обстоятельство. В ночь на пятое марта мальчику (который находился в то время в школе, далеко от дома) приснилось, что его отец умер. Никаких оснований для этого в обыденной реальности не имелось, ибо известия о состоянии здоровья отца были весьма оптимистичны.

---

1 *Педжет*, Джеймс (1814—1899) — выдающийся английский врач, хирург и физиолог, один из основателей научной патологии. С 1858 года — королевский хирург, с 1871-го — баронет. Первым (в 1876 году) дал научное описание второму по распространенности в мире костному заболеванию, впоследствии названному в его честь, — болезни Педжета.

2 *Маттеи*, Чезаре (1809—1896) — итальянский граф, разработавший методику альтернативной медицины, сочетающую в себе методы гомеопатии и электрическое воздействие на организм. В последней четверти XIX века эта методика была очень популярна и пропагандировалась как панацея, однако врачи того времени отзывались о Маттеи весьма пренебрежительно — как об «умопомешанном шарлатане».

Мальчику запомнилось, что этот сон качественно отличался от всех, что он видел прежде. Весть о смерти достигла Кембриджа только утром следующего дня. Факт этот интересен постольку, поскольку имеет более позднюю аналогию. В последующие годы мальчику — а затем и мужчине — неоднократно снилось, что умерла его мать; и в день, когда это действительно случилось, он, находясь за три тысячи миль, увидел тот же сон. Тот же — но отличавшийся от всех прочих тем особым, неописуемым, но безошибочно узнаваемым свойством, которое запомнилось ему в связи со сном о смерти отца.

Со дня отцовских похорон жизнь мальчика вступила в совершенно новую фазу. Произошла радикальная перемена. Вернувшись в школу, уже через три недели Алик впервые в жизни попал в беду. За какое именно преступление его наказали, он не запомнил. <Мысленно возвращаясь к этим событиям еще раз, он предполагает, что был наказан за «разговорчики в строю» — за то, что во время прогулки шепнул словечко товарищу, шедшему с ним в паре.> В памяти сохранилось лишь то, что кару смягчили, снизойдя к постигшей мальчика утрате. Это был первый симптом полного преображения, которое претерпели его взгляды на жизнь во всех ее аспектах. Явным толчком к этой метаморфозе, по-видимому, послужила смерть отца. Однако это объяснение нельзя считать достаточным. Условия школьной жизни, например, едва ли переменились, но его реакция на них изменилась так, словно он стал другим человеком в буквальном смысле слова.

Свои воспоминания, относящиеся к периоду до смерти Эдварда Кроули, даже самые яркие и подробные, сын его воспринимает на удивление безлично. Окидывая мысленным взором этот период, он не может избавиться от ощущения, что исследует поведение какого-то другого человека, несмотря на то, что внимательный взгляд извлекает из прошлого все новые и новые факты. Только с указанного момента он начинает думать о себе в первом лице. И, воскрешая в памяти дальнейшие события, он именно так и поступает, а потому получает возможность продолжить эту автоагиографию в более привычном стиле, то есть говоря о себе «я».

Естественно, в то время я и помыслить не мог, что со смертью отца в моем окружении произойдут какие-то заметные перемены. В большинстве подобных случаев, вероятно, этого и не случается. Большинство вдов остаются верны привычному укладу жизни.

Однако я попал в совершенно новую среду. Родственники отца относились к нему довольно прохладно по причине религиозных разногласий; а друзья, которых он завел в своем кругу, не испытывали никакой потребности навещать его вдову. И в результате я окунулся в атмосферу материнской семьи. Мать переехала в Лондон, поближе к своему брату, с которым до того я, кажется, не встречался.

Брат этот, Том Бонд Бишоп был известной фигурой в лондонских религиозных и филантропических кругах. Он занимал какой-то более или менее важный пост в таможенном управлении, но никаких честолюбивых планов в связи с государственной службой не лелеял. Все свое свободное время и силы он посвящал насаждению той непостижимо узколобой, невежественной и нетерпимой версии евангелизма, в которую веровал. Он основал «Детский библейский союз» и «Детскую миссию особого назначения»[1]. Первая диктует детям, какие отрывки из Библии им следует читать в тот или иной день; вторая отрывает детей от игр на свежем воздухе и отдает их на растерзание благостным новообращенным или слюнявым проповедникам. В пределах своих ограничений он проявлял острый ум и превосходные способности исполнителя и организатора. Маннинг[2] плюс фанатическая искренность; Коттон Мазер[3] минус воображение; можно даже сказать,

---

1 *«Детская миссия особого назначения»* — евангелическое движение, сформированное в 1867 году с целью распространения христианского учения среди детей и подростков. Том Бонд Бишоп был главным организатором и почетным секретарем миссии. *«Детский библейский союз»* — движение в рамках «Детской миссии», созданное в 1879 году; в основе его лежит система ежедневного чтения отрывков из Библии.

2 *Маннинг*, Генри Эдвард (1808—1892) — англиканский священник, в 1851 году перешедший в католичество. С 1865 года — архиепископ Вестминстерский, с 1875 — кардинал. Основатель Католического университета в Кенсингтоне (Лондон). Решительный сторонник догмата о непогрешимости римского папы, автор ряда богословских сочинений.

3 *Мазер*, Коттон (1663—1728) — американский писатель, богослов, идеолог и историк американского пуританства.

апостол Павел, лишенный способности к логическому рассуждению и взамен наделенный непробиваемой самоуверенностью. Он был неуязвим для сомнений; он *твердо знал*, что *всегда прав*.

Однажды я задал ему задачку. Два альпиниста идут в связке, и один из них упал. Второй не может его вытащить и тоже упадет, если не перережет веревку. Так что же ему делать? Мой дядюшка ответил: «Господь никогда не допустит, чтобы человек попал в такое положение!!!» Подобные сумасбродства низводили его умственно и нравственно на уровень домашней скотины, если не еще ниже. Он был рабом слепых и варварских порывов, кои принимал за предначертания Всемогущего.

«Со слезными железами крокодила он сочетал в себе сострадательность, сокрытую под толстой шкурой носорога; с подлостью и жестокостью евнуха в нем соединилась расчетливая алчность шотландского еврея, но без живости, присущей второму, и без присущего первому сочувственного воображения. Он был вероломен и лицемерен, как иезуит из протестантских побасенок, елеен, как сам Урия Гип[1], а в остальном одержим всеми пороками Джозефа Серфеса и Тартюфа[2]; будучи, однако, лишен тех человеческих слабостей, без коих эти недостатки существовать не могут, он был негодяй более добродетельный, а, стало быть, еще более гнусный.

Лицом подобный бритой обезьяне, а фигурою — колченогой таксе, он внушал отвращение с первого же взгляда. Но платье его, сшитое портным из Сити, придавало всему облику его столь гармоничную слаженность, что наблюдателю приходилось примириться с наблюдаемым феноменом.

Обладая непревзойденной хитростью, он умел внушить доверие речами; свой высокий гений он таил под маской посредственности, не имеющей себе равных, а мощь своего интеллекта — под личиною набожности. По вероисповеданию он был евангелист, сиречь такой нонкоформист, который не покидает лона церкви лишь потому, что лелеет надежду прибрать к рукам ее организацию и доходы.

---

1 *Урия Гип* — персонаж романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфилд», олицетворение подобострастия и угодничества.

2 *Джозеф Серфес* — персонаж комедии Ричарда Бринсли Шеридана «Школа злословия», *Тартюф* — персонаж одноименной комедии Мольера; оба олицетворяют самые отвратительные качества ханжей и святош.

Будучи из той же породы созданий непостижимого Провидения, что и Кут и Торри[1], одного он превзошел в ханжестве, другого же — в фанатизме, хотя и считал шантаж делом чересчур рискованным, а клевету — тактической ошибкой». <Цитирую по некрологу, опубликованному прижизненно.>

Свет не видывал более жестокого фанатика, более подлого негодяя. Мой отец, при всех своих заблуждениях, обладал человечностью и известной долей здравомыслия; он мыслил логически и никогда не смешивал духовные дела с материальными. Ему, в отличие от моего дяди, никогда не пришло бы в голову, что покрой и цвет «воскресных одеяний» хоть сколько-нибудь важны в глазах Божества. Однажды решив, что спасение достигается верой, а не поступками, он уже не мог придавать серьезного значения поступкам. Воздерживаться от греха, по его мнению, имело смысл только для того, чтобы не выказать неблагодарности Спасителю. Если грешник погрязал во грехе по-настоящему глубоко, это расценивалось едва ли не как признак скорого выздоровления. Можно было надеяться, что он быстрее осознает собственную греховность, а это, в свою очередь, поможет ему почувствовать нужду в спасении. Кроме того, велика вероятность, что его поставит на колени материальное наказание все за тот же грех. А добрые дела грешника не стоят ни гроша. «И вся праведность наша — как запачканная одежда»[2]. Внушить человеку, будто в деле спасения он может полагаться на свой добрый нрав, — любимая проделка дьявола, о чем со всей очевидностью свидетельствует притча о мытаре и фарисее[3].

Не знаю, нашел ли мой дядя Том какие-нибудь аргументы против этой теории, но на практике он чуть ли не до безумия страшился того, что представлялось ему грехом. Своими

1 *Торри*, Рубен Арчер (1856—1928) — американский евангелист, проповедник и писатель.

2 Ис. 64:6.

3 *Притча о мытаре и фарисее* — одна из притч Иисуса Христа (Лк. 18:10—14): «...два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошёл оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится».

талантами — своей, я бы даже рискнул сказать, гениальностью <он изобрел оригинальнейший способ преподавания истории по картам, на которых каждая нация изображалась в виде реки, расширявшейся или сужавшейся по мере своего подъема или упадка; аннексии обозначались притоками, и т.д.>, — он завоевал себе огромный авторитет. Но в домашней обстановке это был безжалостный придирчивый тиран; и в такое-то логово тягостного рабства я был ввергнут, утратив вольный воздух свободы и все привилегии наследника.

Дядя Том жил в Лондоне, в районе, носившем тогда название Тистл-гроув. Позже это место переименовали в Дрейтон-гарденз, невзирая на дядино прошение, горячо поддержанное епископом; суть протеста состояла в том, что неподалеку находился публичный дом под названием «Дрейтон-армз». И это — характернейший пример дядиного мировоззрения. Такое у него было чувство юмора. Когда я называл его «дядей», он обычно хихикал в ответ: «О, мои прозренья! Мой дядя?» Но настало время, когда я выучил почти всего «Гамлета» наизусть, и когда он в очередной раз повторил свою «шутку», я продолжил цитату, сурово произнеся: «Да. Кровосмеситель и прелюбодей»[1]. Отчасти мне даже приятно думать, что под конец его долгой и непотребной жизни мы с ним примирились. В самом последнем письме, которое он получил от меня, я признал, пускай и с неохотой, что ум его слишком извращен, а потому дядя Том просто не может постичь всю глубину своей порочности. Полагаю, ему стало стыдно. По крайней мере, ответа на это письмо я не получил.

На мой взгляд, имение в Тистл-гроув было настолько близко к некой безликой «середине», насколько это вообще можно себе представить. Описанию оно не поддается. Определить, к какому слою среднего класса принадлежит его владелец, было невозможно. Одним словом, дому этому недоставало индивидуальности даже для того, чтобы зачислить его хоть в какую-нибудь категорию.

Бабушка моя была очаровательной старушкой. Она носила черные шелка и кружевной чепец и держалась с невыразимым достоинством. Ее привезли из деревни, как того потребовало

1 «*О, мои прозренья! <...> Кровосмеситель и прелюбодей*» — цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (акт I, сцена 5, рус. пер. Б. Пастернака).

положение дяди на государственной службе. Бабушка была милой и славной; за все время я ни разу не слышал от нее худого слова. Она была привержена постыдному пороку игры в безик. Разумеется, в доме, где частыми гостями были светила евангелической веры, не полагалось держать карты, эти «дьявольские картинки». Но тетя Ада нарисовала специальную колоду карт, где масти обозначались розами, фиалками и так далее. Игра осталась прежней, но камуфляж успокоил дядину совесть. Ни один фарисей на свете не следил за соблюдением приличий так рьяно, как дядя Том.

Бабушка была второй женой дедушки. Из его детей от первого брака выжили двое — Энн и Джон. Энн, дородная и чувственная старая дева, внушала мне ужасное физическое отвращение: она вся блестела и лоснилась от жира, у нее был пухлый нос и толстые влажные губы. Каждый вечер она брала под мышку бутылку крепкого портера и прихватывала ее с собой в постель, неизменно добавляя: «Мой младенчик!» Такая у нее была шутка. По сей день я инстинктивно ухитряюсь не замечать портер, даже когда его пьют со мной за одним столом.

Джон много лет прожил в Австралии в свое удовольствие, наслаждаясь достатком и всяческими гражданскими почестями. Но когда здоровье его пошатнулось, конец пришел и достатку, и Джон вернулся в Англию, в лоно семьи. Это был классический образчик закаленного вольнолюбца со всей подобающей такому типу людей колониальной свободой в мыслях, речах и манерах. Нетрудно представить, как досаждало ему навязчивое благонравие единокровного брата. Даже курить трубку ему теперь приходилось украдкой; и в конце концов его так застращали погибелью души, что разум его не устоял. На семейных сборищах за него постоянно молились, подробнейшим образом описывая при этом его личность, чтобы Господь неровен час не перепутал. Примерно так же звучало бы описание среднестатистического убийцы в устах особо придирчивого пацифиста.

Тем, какие у меня с ним сложились отношения, я откровенно горжусь. Не любить этого бесхитростного и добродушного человека было просто невозможно. Припоминаю, как однажды, во время прогулки по Стритему[1], уже после

1 *Стритем* — район в южной части Лондона.

того, как они с бабушкой переехали жить к нам, я пытался его подбодрить. Весь дрожа и едва не плача, он втолковывал мне: «Боюсь, я не во всем согласен с Христом». Я отреагировал совершенно невероятным образом. Меня словно подменили: можно ли было ожидать от крайне застенчивого мальчика, которому еще не исполнилось и шестнадцати, такой резкой и уверенной властности? Я сказал ему без обиняков, что все это полная чушь, что Христа просто-напросто выдумали и никаких грехов не бывает, а ему, Джону, следовало бы благодарить свою счастливую звезду за то, что до недавних пор ему не приходилось иметь дела со всей этой лицемерной шайкой трусливых рабов, верящих в подобные бредни. Должно быть, подсознание уже напевало мне в уши грандиозную кульминацию браунинговской речи Ренана:

> О, череда наследья рокового,
> Борцы за скипетр мерзости и зла,
> Клянущие предтеч недобрым словом,
> Едва венец коснется их чела![1]

Однако Джону это не помогло: он впал в меланхолическое помешательство и умер. Помню, что в письме по этому поводу я обвинил мать и дядю в «убийстве, которое в лучшем случае можно назвать гнуснейшим, а по чести говоря — самым отвратительным, ненормальным и противоестественным».

Этот эпизод интересен тем, что моя реакция на него, как вскоре станет ясно, кажется несовместимой с общим моим духовным настроем того периода.

Тетя Ада нравилась мне от всей души. Она была женственна в старомодном смысле этого слова — как образец чистой пассивности. Правда, при всех своих природных дарованиях она оставалась невежественной ханжой. Учитывая все обстоятельства, иначе и быть не могло. Однако ее убеждения никоим образом не мешали ей быть милосерднейшим созданием, исполненным безграничной доброты. Здоровье у нее было от природы хрупкое. Она страдала ревматизмом; один из приступов дал осложнение на сердце, и она умерла слишком рано. Всему

1 *«О череда <... > чела»* — завершающие слова из речи Ренана в стихотворении «Эпилог» Роберта Браунинга (из сборника «Действующие лица», 1864).

виной, опять же, дядя Том со своей скаредностью и эгоизмом. Он поскупился нанять секретаря и заставил тетю Аду батрачить на свой Библейский союз, чем и доконал ее.

Расскажу одну забавную историю, которая поможет представить мою юную персону в довольно любопытном свете и в то же время покажет, что тетя Ада, помимо прочих своих достоинств, обладала чувством юмора. Несколькими годами раньше, проходя с отцом по платформе в Редхилле, я увидел в киоске книгу леди Флоренс Дикси «Через Патагонию»[1]. Это длинное слово так меня пленило, что я упросил отца купить книгу, а затем решил провозгласить себя королем Патагонии. Психоаналитикам приятно будет узнать, что моя столица называлась «Маргарагстагрегорстроияка». «Маргар» я взял от имени Маргариты, супруги Генриха VI[2], которая была самым моим любимым историческим персонажем. Это весьма примечательно, поскольку именно такой тип женщин всегда вызывал у меня восхищение. Женщина должна быть коварной, независимой, отважной, честолюбивой и так далее. Что такое «рагстаг», я не знаю; скорее всего, эти слоги я вставил просто для благозвучия. «Грегор» — это, разумеется, мой кузен; «стори» — это «история», мое любимое развлечение в тот период. Откуда взялось окончание «яка», тоже непонятно, но, опять-таки, вероятнее всего я исходил из соображений благозвучия.

Понятия не имею, почему уже тогда, в столь раннем возрасте, я исполнился глубочайшего отвращения и презрения к королеве Виктории. Возможно, все объясняется инстинктивной детской чистотой и порядочностью. В один прекрасный день я объявил королеве Виктории войну и выразил намерение выступить против нее во главе своей патагонской армии. Вскоре тетя Ада повела меня на чай к нашим знакомым, Гантерам, где мне вручили очень важный на вид официальный документ. Это был ответ королевы Виктории. Мою столицу она обещала разнести в клочья, а лично ко мне обращалась в весьма нелицеприятной манере. Документ был скреплен биркой с якорем

---

1 *Дикси*, Флорен Кэролайн (1855—1905) — британская путешественница, писательница и феминистка; в книге «Через Патагонию» (1880) описала впечатления от собственного путешествия по Южной Африке.

2 *Маргарита* Анжуйская (1429—1482) — королева Англии (с 1445 года), супруга английского короля Генриха VI (1421—1471). Известна своим властным характером и активным участием в политической жизни страны.

(очевидно, призванным обозначать военно-морскую мощь Британии), которая прежде украшала моток пряжи. Я принял все за чистую монету и ужасно перепугался.

Царившие в дядином доме грязь и ветхость, абсолютная мертвенность и атмосфера сурового недовольства мирозданием в целом вселили в меня ненависть к материнской семье. Дело осложнялось тем, что мать после смерти отца стала гораздо фанатичнее и, при всей любви к своим родственникам, не могла не подвергать сомнению их шансы на спасение души. Постичь это в столь нежном возрасте я, естественно, не мог, и в результате вопросы религии вообще стали вызывать у меня капризное раздражение. Тетя Ада была любимой сестрой моей матери; однако на ее похоронах мать отказалась войти в церковь и ждала, пока ее отпоют, на улице, под дождем. Но после того как гроб с телом вынесли наружу из «проклятых врат», она вновь присоединилась к погребальной процессии и спокойно стояла над могилой, пока священник читал последние молитвы. Можно подумать, протест у нее вызывала только архитектурная «мерзость пред Господом».

Впрочем, критике подвергалась и литургия, против которой выдвигались самые разнообразные аргументы. Как ни удивительно, плимутские братья считали чтение «Отче наш» «бесполезным языческим бормотанием». Невероятно, но факт: молитва эта была запрещена! Считалось, что Иисус привел ее лишь как условный пример подобающей молитвы и что каждый должен молиться по-своему.

Ситуация эта разрешилась очень забавно. Я дошел до того, что заявил: «Мы будем счастливы, творя лишь Зло!»[1] — и принялся ломать голову над тем, какие бы по-настоящему мерзкие прегрешения мне совершить. Одним воскресным утром, в минуту отчаянной дерзости, я прокрался в стритемскую церковь, куда часто ходил на литургию дядя Том, и собрался было как-нибудь осквернить ее. Но меня ожидало горькое разочарование. Я так и не придумал ничего, что могло бы навлечь на меня вечное проклятие.

После смерти отца моя мать год или два не находила себе покоя и никак не могла обосноваться на одном месте.

1 *«Мы будем счастливы, творя лишь Зло!»* — слова Сатаны из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (I, 108, рус. пер. А. Штейнберга).

На праздники мы навещали Бишопов или скитались по разным гостиницам и водолечебницам. По-моему, мать боялась, что Лондон дурно на меня повлияет; но когда дядя переехал в Стритем, она все же решилась арендовать дом на Полворт-роуд. Я этот дом терпеть не мог, потому что он был меньше окрестных зданий.

Никак не могу понять — то ли я самый ужасный сноб на свете, то ли я не сноб вообще. По-моему, вся штука в том, что я не принимаю ничего такого, что не было бы самым лучшим в своем роде. Я готов спокойно обойтись без той или иной вещи, но уж если эта вещь оказалась в моем распоряжении, то она непременно должна быть первоклассной. Англия — совершенно неподходящее для меня место. Я не выношу людей, стоящих выше или ниже других в общественной иерархии: для меня приемлемы только такие люди, которые сознают свою уникальность и совершенство вне зависимости от того, какое они занимают положение в обществе. На Востоке, в особенности среди магометан, можно запросто дружить даже с кули[1]: они уважают и себя, и окружающих. Они — джентльмены. Но в Англии дух независимости встречается редко. Даже высокопоставленные люди здесь почти всегда остро сознают свою зависимость от окружающих. Снобизм в этом смысле слова настолько распространен здесь, что почувствовать себя свободно мне удается очень редко (разве что рядом с такими непревзойденными гениями, как Огастес Джон[2]).

Типичный пример — Обри Тенкерей. Он изо всех сил старается не упасть в глазах своей паствы, и чтобы избежать унижения, переезжает из одного прихода в другой. Когда Пола спрашивает его: «Неужели тебя волнует, что подумают слуги?», — он отвечает: «Разумеется»[3]. Беспокоиться о том, что подумают о твоих поступках окружающие, — это все равно, что зарыться с головой в муравьиную кучу или жениться на амбициозной скрипачке. Премьер-министр, отказывающийся от своих убеждений, чтобы набрать побольше голосов,

---

1 *Кули* (хинди букв. «работник») — наемные работники из азиатских колоний.

2 *Огастес Джон* — см. примеч. 2 на стр. 12.

3 *Обри Тенкерей* и *Пола* Рэй — персонажи пьесы английского драматурга Артура Уинга Пинеро (1855—1934) «Вторая миссис Тенкерей» (1893).

или буржуа, опасающийся каким-нибудь безобидным поступком попрать ту или иную дурацкую условность, — это ничтожные, зависимые люди, и по мне так лучше всю жизнь питаться консервированным лососем, чем иметь с ними дело. Разумеется, всем нам до некоторой степени приходится приспосабливаться к окружающей среде, однако не нужно попусту тратить силы, устраивая генеральное сражение за деревушку, которая не стоит даже легкой перестрелки. Конечно, одеваться по-человечески и соблюдать прочие общепринятые условности откажется только последний чудак. Но в том, что для нас по-настоящему важно, мы должны быть искренни и прямодушны, как древние римляне. Я до сих пор так и не решил для себя, до какой степени допустимо прибегать к хитростям и дипломатическим уловкам, когда возникает необходимость отстоять свою точку зрения. Сколько великих людей в таких ситуациях отважно высказывали свое мнение, невзирая на последствия! Брэдлаф и Бёртон[1] не побоялись держаться открыто — и в конце концов победили. Мне не по душе чрезмерная изощренность кампании Гексли против Гладстона[2]. А еще мне вспоминается Суинберн[3]: стоило ему сделаться респектабельным, как он сразу же умер. Адаптация к окружающей среде помогает кое-как выживать; но поистине великую победу

1 *Брэдлаф*, Чарльз (1833—1891) — политический активист, журналист, один из самых известных английских атеистов XIX века. С 1958 года возглавлял Лондонское светское общество. В 1866-м основал Национальное светское общество, в рамках деятельности которого тесно сотрудничал с Анни Безант, будущей главой Теософского общества. *Бёртон* — см. примеч. 4 на стр. 12.

2 *Гексли*, Томас Генри (1825—1895) — английский биолог, убежденный сторонник и защитник дарвиновской теории эволюции (в связи с чем получил прозвище «Бульдог Дарвина»). Ввел в общее употребление термин «агностик», использовав его для описания своих теологических воззрений. Вел в печати ожесточенные дебаты по вопросам религии со многими противниками его убеждений и, в частности, с Уильямом Юартом *Гладстоном* (1809—1898), британским политиком и государственным деятелем, в период с 1868 по 1894 четырежды занимавшим пост премьер-министра. В конце 80-х годов полемика достигла такого накала и углубилась в такие богословские тонкости, что критики стали посмеиваться над спорщиками, замечая, что мистеру Гладстону и профессору Гексли в их почтенном возрасте стоило бы найти занятие посерьезнее.

3 *Суинберн*, Чарльз Элджернон (1837—1909) — английский поэт, драматург, романист и критик, на протяжении многих лет бунтовавший против общественных условностей своего времени. Страдал от алкоголизма, в связи с чем его друг, Теодор Уоттс-Дункан, в 1879 году официально взял его под опеку. Постепенно здоровье Суинберна улучшилось, а поведение действительно стало более «респектабельным». Умер он далеко не сразу, но поэтический талант его, по мнению критиков, начал угасать.

одерживает только тот, кому удается доказать, что он стоит на ногах тверже окружающих и никакими силами его не сломить. Все истинные творцы истории — мученики.

Подозреваю, что все мы слишком часто испытываем то особое чувство, которое Фрейд называет «эдиповым комплексом». Всем нам хочется покоя; все мы желаем жить в мире со своими ближними. Мы любим своих ближних, но они нас не понимают, и наша любовь остается без ответа. Нам хочется прийти к согласию с другими людьми, хочется пойти на уступки и сдаться без борьбы. Я и сам неоднократно решался было вступить на путь приспособленчества и старательно к этому готовился, но всякий раз меня что-то останавливало. Всякий раз выяснялось, что я просто не способен совершить этот окончательный и бесповоротный шаг. Я не в силах творить зло в надежде, что оно обернется благом. Я ненавижу иезуитство. По мне, лучше проиграть, чем прибегнуть к военной хитрости. Самое большее, чего мне удавалось от себя добиться, — это излагать свои принципы в такой форме, в которой они не навлекут на себя немедленный гнев подозрительных посредственностей. Но потребность творить свою волю во мне настолько сильна, что я не смогу удержаться от изложения своих духовных и нравственных принципов (единственных составляющих моего «я», с которыми я способен отождествиться), даже если мне доведется писать, например, о Шекспире или о стеклянной гармонике.

Эту особенность я, несомненно, унаследовал от отца. Он был человеком абсолютно честным и цельным. Он жил только своими теологическими убеждениями. Он не сомневался, что Второе Пришествие может случиться в любой момент. «Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого»[1]. И тогда придется дать ответ «за всякое праздное слово»[2]. Отцу страшно было подумать, что Второе Пришествие может застать его в такой момент, когда он не будет активно и напряженно занят работой, ради которой Господь послал его в этот мир. И это чувство значимости всякого, даже самого пустякового поступка,

1 Мф. 24:27.

2 Ср. Мф. 12:36: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда».

чувство ценности каждого мгновения стало играть прискорбно важную роль и в моей жизни. Мне всегда было жалко тратить время на еду, сон и одевание. Я изобретал такие костюмы, которые отнимали бы поменьше времени <в 1900 году в Мехико Эккенштейн[1] посоветовал мне надевать чулки, повернув их пятками вперед. Он считал, что так их легче натягивать. Я отказался, сочтя это лишней тратой времени. Мы долго препирались по этому поводу, и Эккенштейн меня переспорил, но так и не переубедил> и не требовали бы к себе особого внимания. Я никогда не ношу нижнего белья. В основе так называемого мужского и женского «магнетизма» лежит не что иное, как запах пота. У здорового человека пот скудный и пахнет очень приятно. Если с потом что-то не так, нужно немедленно принять меры: скверный запах или слишком обильное потение — самый верный признак того, что ваше здоровье пошатнулось.

Возвращаясь к качеству, доставшемуся мне в наследство от отца, упомяну, что оно сыграло очень важную роль в моей школьной жизни. Я инстинктивно чувствовал, что академические знания как таковые мне не понадобятся; но выбора у меня не было, и я понял, что единственный способ избавиться от помех — это проявлять себя на занятиях и на экзаменах с лучшей стороны. Я не гнался за успехами и похвалами, но неизменно старался усвоить необходимые знания, прикладывая к этому минимум усилий. И благодаря врожденным талантам (в первую очередь, хорошей памяти) это давалось мне без труда. Довольно скоро я обнаружил, что умение выделиться на фоне однокашников в чем-то сродни трюкам фокусника. Досконально проанализировать и объяснить, в чем заключался мой метод, слишком сложно; но суть его, как мне представляется, сводилась к тому, чтобы вытвердить назубок необходимый минимум, а сверх того рассмотреть одну-две сложных проблемы, которые затем я упоминал в беседе с учителем или в ответе на экзамене, благодаря чему создавалось впечатление, что я подготовился необыкновенно тщательно.

Я отдаю себе отчет, что это признание выглядит довольно странным в свете моих предыдущих рассуждений о честности. Но оправданием мне служит то, что школьных учителей я считал докучливыми и потенциально опасными попрошайками.

1 *Эккенштейн* — см. примеч. 1 на стр. 13.

Возможности бороться с ними я не имел; хорошего шестипенсовика у меня не было; поэтому я откупался от них фальшивой монетой. Они сами виноваты — нечего было мне досаждать!

5

В школьном расписании не нашлось ни одного предмета, который бы заинтересовал меня по-настоящему. Еще не подозревая об этом, я уже был в плену у поисков истинной реальности. Математика захватила мое воображение. В арифметике я блистал до тех пор, пока дело не дошло до «практических занятий» — удела бакалейщиков. Геометрия могла бы прийтись мне по душе, но ее излагали так сухо и скучно, что увлечься ею я не смог. Меня заставляли заучивать наизусть то, чего я не понимал, и память моя, при всех своих достоинствах, отказывалась терпеть такое издевательство. Точно так же я не в силах был запоминать хрестоматийные «отрывки» из греческой и латинской поэзии. На тригонометрию я набросился с энтузиазмом, но и это увлечение сменилось отвращением, когда я узнал, что мои расчеты могут быть осквернены применением в таких вульгарных предметах, как архитектура. Единственной чистой наукой для меня осталась алгебра, и в этой дисциплине я продвигался с поразительной быстротой. Однажды в Малверне[1] учитель математики решил посвятить весь урок трем ученикам постарше, претендовавшим на стипендию, а нас, младших, посадил решать квадратные уравнения. В задачнике было шестьдесят три уравнения. Через сорок минут я поднялся и сказал: «Прошу прощения, сэр, что мне делать дальше?». Учитель не поверил, что я все решил правильно, но так оно и было. По-видимому, я просто чувствовал соотношения между числами и находил коэффициенты интуитивно.

Мой ум всегда работал очень интенсивно. Именно поэтому я не в силах был потратить ни минуты на предмет, лежащий вне сферы моих интересов, хотя в чем заключаются эти интересы, я тогда еще не представлял. Узнав о существовании химии, я сразу же почувствовал, что она имеет дело с реальностью в моем понимании этого слова. Вскоре я выучил

1 *Малверн* — здесь: частная закрытая школа в городе Малверн (Вустершир), в которую Кроули поступил в 1892 году.

«маленького Роско»[1] практически наизусть, хотя в школьное расписание химия не входила. Дома, в Стритеме, я устроил маленькую лабораторию и все свое свободное время и деньги тратил на эксперименты. Быть может, стоит показать, как обычно работала моя мысль. Я отлично знал, к примеру, что петарда — это боевой снаряд; но это не помешало мне на ней подорваться. От Роско я узнал, что самое мощное и быстро реагирующее из всех известных взрывчатых веществ — хлорид азота. Мне пришло в голову растворить его в какой-нибудь летучей жидкости, ведро с которой потом можно будет оставить под дверью заклятого врага. Жидкость, рассудил я, постепенно испарится, а хлорид останется и взорвется от малейшего толчка. Потерпев несколько мелких неудач, я смешал хлорид азота с квартой бензина. Взрыв был такой, что дом едва не сгорел.

Кроме того, я придумал, как производить искусственные алмазы. Опираясь на различные аналогии, я пришел к выводу, что истинный раствор углерода можно получить в железе, а затем его можно будет кристаллизовать обычным способом. Однако раздобыть необходимый аппарат четырнадцатилетнему мальчишке было явно не под силу, и мои алмазы так и остались чисто гипотетическими.

Кстати, о гипотезах. Я пришел к выводу, который на тот момент мог расцениваться только как гнусная ересь и отвратительное заблуждение, а именно, что все элементы суть модификации единой субстанции. Главным аргументом мне служил тот факт, что атомные веса кобальта и никеля практически идентичны, а характеристические цвета их солей наводят на мысль о том, что эти соединения являются изомерами, наподобие декстрозы и левулозы[2]. Сейчас это все общеизвестно, но я по-прежнему думаю, что гипотеза моя недурна — в особенности для подростка, выдвинувшего ее в начале 90-х годов и не имевшего других источников информации, кроме упомянутого томика Роско.

---

1 *«Маленький Роско»* — учебник английского химика Генри Энфилда Роско (1833—1915) «Уроки по химии для начинающих».

2 *Изомеры* — вещества, одинаковые по составу и молекулярной массе, но различающиеся по строению или расположению атомов в пространстве и, вследствие этого, по свойствам. *Декстроза* — одно из названий глюкозы, или виноградного сахара ($C_6H_{12}O_6$); *левулоза* — одно из названий фруктозы, или плодового сахара ($C_6H_{12}O_6$).

Эта отроческая преданность искусству Фламеля[1] привела к забавным последствиям. Когда я отбывал в Малверне последний семестр, правление школы внезапно запаниковало и решило придать занятиям научный уклон. Так в расписании наконец появилась химия. Проявив похвальную бережливость, директор поручил вести уроки вечно страдавшему всякими хворями преподавателю классических языков, господину Фаберу — видимо, на том основании, что последний носил немецкую фамилию, а следовательно, должен был разбираться в химии не хуже самого Оствальда[2]. В результате мне приходилось постоянно поправлять его на уроках, а он ничего не мог поделать, потому что авторитетные источники, к которым он обращался за справками, неизменно принимали мою сторону.

Таким образом, проблем с учебой не возникало. Но это не помешало мне натерпеться всевозможных несчастий за те три года, что я провел под опекой преподобного Чемпни. Чтобы стало понятно, каково мне пришлось, приведу несколько фактов. Когда я рассказывал разным знакомым о моих школьных злоключениях, мне никто не верил. В конце концов я сделал подборку характерных эпизодов и включил ее в предисловие к своей «Мировой трагедии»[3]. Цитирую этот фрагмент без изменений.

Детство в аду

Преподобный Г. д'Арси Чемпни, окончивший кембриджский колледж Тела Христова со степенью магистра искусств, был закоренелым сектантом. На парламентских выборах он вычеркивал имена всех кандидатов и писал на бюллетене: «Я голосую за Царя Иисуса».

Он открыл в Кембридже, на Бэйтмен-стрит, 51, школу для мальчиков из семей плимутских братьев. Да вгрызается в кости людские мука этого ада на земле (так я часто молился) и да не будет им покоя до тех пор,

1 *Фламель*, Николя (1330—1418) — французский алхимик, которому приписывают получение философского камня и эликсира жизни.

2 *Оствальд*, Вильгельм Фридрих (1853—1932) — балтийско-немецкий химик, физик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии 1909 года.

3 *«Мировая трагедия»* — поэма Кроули, написанная в 1910 году.

пока не засыплют сие узилище солью и не предадут его вечному проклятию! Дева, прошедшая мимо него, да сделается неплодна, а жена, узревшая его, да выкинет плод чрева своего! Птицы небесные да убоятся пролетать над ним! Образом проклятия и ужаса, знаком отвращения и мерзости да пребудет оно меж людьми! Да будут ввергнуты в него нечестивые! Свет солнца да затмится над ним, свет луны не воссияет над ним! Да станет оно обиталищем мертвецов, да населят его демоны преисподней! Будь оно проклято, проклято, проклято — во веки веков!

Самую память о нем я проклинаю по сей день — даже и теперь, в расцвете сил, когда с тела и души моих спали, наконец, все оковы.

Полагаю, с точки зрения экзаменаторов школа была весьма недурна. В нравственном же и физическом плане это была настоящая машина уничтожения и растления. Не стану больше рассуждать об этом — просто представлю факты в том произвольном порядке, в каком подсказывает их память, и пусть читатель сам делает выводы.

1. Нам разрешалось играть в крикет, но не разрешалось вести счет перебежкам, дабы в нас не пробудился «греховный дух соперничества».

2. Однажды Чемпни сообщил мне, двенадцатилетнему мальчику, что так никогда и не осуществил брачные отношения со своей женой. Лишь благодаря отличной памяти на слова я понял, что он имел в виду, когда вспомнил этот эпизод много лет спустя. Он использовал куда более грубое выражение.

3. Нам твердили, что «Господь заботится о нашей школе особо, а потому выводит на свет все, что творится под покровом тьмы, и делает все тайное явным...», и т.д., и т.п., до тошноты. «На сей раз орудием Ему послужил такой-то и такой-то, самоотверженно вышедший вперед...», и т.д., и т.п. Иными словами, добродетелей было всего две: лицемерие и подхалимство.

Естественно, из нескольких мальчишек, соучаствовавших в проступке, кто-то непременно пугался

и спасал свою шкуру доносом. Доносчику всегда верили на слово, даже если рассказ его не укладывался ни в какие рамки здравого смысла. Свидетельства других очевидцев и независимые мнения в расчет не принимались.

К примеру, один мальчик, некто Гласкотт, явно страдавший каким-то психическим отклонением, заявил мистеру Чемпни, что на каникулах (когда мне было двенадцать лет) он приехал ко мне в гости, в дом моей матери (так оно и было), и застал меня в неподобающем виде. Я, по его словам, валялся пьяным под лестницей. Обратиться к моей матери за подтверждением никто и не подумал. Более того, мне самому никто не объяснил, в чем дело. Мне просто-напросто объявили бойкот: всем учителям и ученикам запрещено было заговаривать со мной, а мне — с ними. Меня посадили на хлеб и воду; в часы отдыха я в одиночестве занимался в классной комнате, а в часы уроков бродил в одиночестве вокруг спортивной площадки. Предполагалось, что я должен сознаться в преступлении, которого не совершал, при том что обвинение мне так и не предъявили.

Это наказание, которое в уголовном суде, пожалуй, сочли бы слишком тяжким даже для отравителя, я отбывал полтора семестра. В конце концов мне пригрозили исключением, если я не «признаюсь», и так красочно живописали все ужасы подобной кары («жалкий негодяй, презираемый даже себе подобными, плетется под бременем своей вины к позорной кончине», и т.д., и т.п.), что я предпочел терпеть мучения и дальше, благословляя руку палача.

Физически я был сломлен. Лишения и постоянное напряжение подорвали мое здоровье. В конце концов, у меня обнаружилась почечная болезнь, и меня забрали из школы на два года. По справедливости должен добавить, что против меня выдвигались и другие обвинения — но, как вы увидите, почти столь же нелепые.

Какие еще проступки вменялись мне в вину, я узнал лишь благодаря вмешательству дяди (когда у того временно прояснилось в голове). Оказалось, что я будто бы пытался «совратить Чемберлена» — по счастью,

не великого нашего государственного мужа, хитроумного Джо, а всего лишь его однофамильца, моего однокашника. (Напомню, что мне было двенадцать лет и я еще ровным счетом ничего не знал о сексе.) Кроме того, я «устроил кощунственную пародию на молитвенное собрание». Это я помню. Однажды я подошел во дворе к компании мальчишек, которые всегда держались заодно. Заметив меня, кто-то из них сказал: «А теперь брат Кроули начнет читать молитву, а мы подхватим». Брату Кроули стало скучно, и он отошел. Умный мальчик на моем месте направился бы прямиком к директору и обвинил всю эту компанию разом в сорока шести непотребных грехах. Но я пренебрег своим священным долгом. А остальные, опасаясь, что я опережу их, поспешили к директору сами и заявили, что нечестивый Кроули пытался сбить их с пути истинного.

Хуже того, я назвал нашего первого ученика фарисеем. Это чистая правда. Я действительно это сказал. Как у меня только язык повернулся?! Конечно же, первый ученик, «ходивший очень близко пред Иисусом», пошел и донес.

О да, они все ходили очень близко пред Иисусом — совсем как Иуда.

4. Одного мальчика, Бартона, за какую-то мелкую кражу, в которой он, вероятно, и не был виновен, приговорили к ста двадцати ударам тростью по голой спине.

Какое грандиозное устроили над ним судилище! Сначала была молитва длиннее обычного; потом нам прочли с выражением рассказ о грехе Ахана из Иисуса Навина[1]. Затем еще часа два толковали о длани Господней, простертой над нашею школой, и о том, как Он все тайное делает явным. И вот мы надлежащим образом приуготовились. Затем — сакраментальный вопрос: кто украл? Молчание. Тогда Господь являет Свою заботу, предоставив свидетеля — как во время

1 *Ахан* — персонаж библейского сюжета о взятии города Иерихона сынами Израилевыми. Вопреки велению Бога, запретившего брать какие бы то ни было вещи из захваченного города (Иис.Н. 6:17—18), Ахан тайно взял одежду, золото и серебро и спрятал в земле под своим шатром, за что был жестоко казнен вместе со всей своей семьей (Иис.Н. 7:19—26).

оно свидетелей против Навуфея[1]! Свидетель выступает, гладко, что твой полисмен. Затем — приговор. И, наконец, наказание — с перерывами на молитву!

Ввиду слабости здоровья, подорванного, надо полагать, чрезмерным усердием в поклонении Иисусу, Чемпни постановил шестьдесят ударов отвесить преступнику в тот же день, а оставшиеся шестьдесят — перенести на завтра.

Память меня подводит; быть может, Бартон когда-нибудь любезно поделится собственными воспоминаниями; но, насколько мне помнится, уже в первый день он подошел к смертной черте так близко, что был избавлен от продолжения казни.

Помню одну порку, доставшуюся лично мне (били по ногам, потому что бичевание ягодиц, как полагали, вводит жертву в чувственное возбуждение!): пятнадцать минут молитвы, пятнадцать ударов тростью, еще пятнадцать минут молитвы, еще пятнадцать ударов, и, в довершение, еще молитва!

5. Воскресный день безраздельно посвящался «религии». Утренние молитвы и проповедь (минут сорок пять). Утреннее «собрание» (от полутора до двух часов). Проповедь под открытым небом на Участке Паркера[2] (допустим, еще час). <Проповеди почти целиком сводились к чистому устрашению. Кроме живописания адских мук, были еще «судилища». К примеру, над Мясником-Богохульником, который на призыв «омыться Кровию Агнца»[3] отвечал: «Да-да, есть у меня тут один ягненок». И в ту же самую ночь его рассудок пошатнулся на престоле своем, и т.д.>. Чтение и заучивание Библии наизусть. Чтение какой-либо

---

1 *Навуфей* — библейский персонаж, не пожелавший продать свой виноградник царю Ахаву. Жена Ахава, Иезавель, выставила против Навуфея лжесвидетелей, которые обвинили его в тяжких преступлениях; в результате Навуфей был казнен (III Цар. 21:1—16).

2 *Участок Паркера* — общественный участок с полями для крикета и футбола в центре Кембриджа, названный в честь Эдварда Паркера, повара из Тринити-колледжа, которому он когда-то принадлежал.

3 ...«омыться Кровию Агнца» — ср. Откр. 7:14: «...это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца».

из немногих книг, «дозволенных для воскресенья» (скажем, два часа). Молитвенное собрание, именовавшееся добровольным, — но того, кто от него уклонялся, на следующий день ябедники непременно обвиняли в каком-нибудь преступлении (допустим, один час). Вечерняя молитва и проповедь (минут тридцать). Проповедь на евангельскую тему в зале собраний (полтора часа). То же самое на Участке Паркера (еще час). Молитва перед сном (около получаса).

6. «Вспомоществование убогим». Каждый понедельник вечером всю школу выстраивали полукругом в большом классе. Затем туда впускали всякий сброд из Барнсвелла (это кембриджские трущобы), кормили их, читали им проповедь и отпускали восвояси.

Результат? Эпидемии стригущего лишая, кори и свинки.

О, нет! Не в нищих дело; это Господь карал нас за некий тайный грех, так и не ставший явным.

Продолжать в таком духе можно было бы долго, но я не стану. Надеюсь, в мире найдутся счастливцы, которые сочтут, что я лгу или, по крайней мере, преувеличиваю. Однако же я ручаюсь, что все сказанное выше — чистая правда, и до сих пор живо множество свидетелей, способных подтвердить мои слова или, напротив, изобличить меня во лжи. Все имена, адреса и прочие детали приведены доподлинно.

За краткое время, истекшее от смерти отца и до моего возвращения с похорон, сама по себе школа никак не могла преобразиться до неузнаваемости. Но до того я был совершенно счастлив и пребывал в полном согласии со своим окружением. А после того не прошло и трех недель, как я превратился в изгоя. В своем стремлении вести праведную жизнь я был абсолютно искренен; мысль о тесном единении с «Иисусом» прежде преследовала меня неотступно. И как совершился со мною столь резкий переворот, я не помню. Однажды я спросил одного из наставников, почему сказано, что Иисус провел во гробе три дня и три ночи, хотя его распяли в пятницу, а воскрес он в воскресенье утром. Учитель не сумел ответить и сказал, что этого еще никто не смог объяснить. Вот я

и решил стать светочем христианства, совершив то, что не удавалось до меня никому. Кстати сказать, сама идея весьма характерна. Я просто не в состоянии с интересом взяться за дело, которое уже кто-то сделал до меня. Но стоит только указать мне на задачу якобы невозможную, как я пожертвую всем: здоровьем, богатством, самой жизнью. Я пойду на все, лишь бы ее разрешить. Видимое противоречие в евангельском повествовании не заставило меня усомниться в буквальной истинности текста. Да и вообще отпадением своим от благодати я обязан отнюдь не сомнениям интеллектуального толка: теологию плимутских братьев я не отверг. Более того, я с трудом представлял себе, что существуют люди, способные в ней усомниться. Нет, я просто-напросто перешел на сторону Сатаны, а почему — не знаю и по сей день.

Но служить новому своему господину я возжелал с такой же страстью, с какой служил прежнему. Мне не терпелось отличиться в его глазах каким-нибудь прегрешением. И здесь я опять-таки подходил к делу необычайно тонко. Мне и в голову не приходило украсть что-нибудь или каким-то иным образом преступить хотя бы одну из десяти заповедей. Это было бы недостойно и презренно. Нет, я стремился к наивысшему духовному греху, но как совершить его — не имел ни малейшего представления. Многих святых мучило нездоровое любопытство касательно «хулы на Духа Святого», что «не простится человекам»[1]. Никто не знал, что это за грех. Даже высказывать какие-то определенные гипотезы по этому поводу считалось кощунственным. Похоже, Иисус просто сыграл со своими последователями злую шутку. Ведь в результате даже величайший из святых может быть низвержен от самых врат славы, если совершит по неведению этот непростительный грех. Здесь заключалась еще одна невозможная задача, также захватившая мое юношеское воображение: я непременно должен выяснить, в чем состоит этот грех, и свершить его со всем возможным тщанием.

Ибо положение мое, очевидным образом, было до крайности шатким. Я восстал против всемогущего Бога, а Он,

---

1 *«"хулы на Духа Святого", что "не простится человекам"»*: ср. Мф. 12:31—32: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем».

невзирая на все мои попытки добиться обратного, вполне мог предопределить меня ко спасению. Сколько бы я ни отрицал божественность Иисуса, сколько бы ни чинил злодейств, Он все равно может забрать меня, как бы я тому ни противился. Единственный способ перехитрить Его — заставить Его нарушить собственное слово насчет этого непростительного греха, предъявив от ангела, записывающего деяния наши в книгу жизни, свидетельство того, что я надлежащим образом свершил этот самый грех.

Кажется немыслимым, чтобы человек, поднявшийся в развитии выше уровня бушмена, положил умозаключения столь абсурдные в основу своих практических действий. Однако же они довольно естественно вытекают из кощунственных и суеверных предпосылок христианской теологии. Помимо того, мне ни на миг не приходило в голову воспринимать материальный мир всерьез. Кардинал Ньюмен в своей «Apologia pro Vita Sua»[1] рассказывает — и, подозреваю, совершенно искренне, — как он в детстве мечтал, чтобы сказки «Тысяча и одной ночи» оказались правдой. Как известно, чаяния сии он утолил тем, что принял за реальность фрейдистский фантазм из перекроенного на новый лад язычества под семитским соусом, — благодаря чему и получил свою кардинальскую шапку. Но я пошел дальше. Рассудок и здравый смысл внушили мне подсознательный страх перед тем, что вера в сверхъестественное может на поверку оказаться заблуждением. И страх этот оскорблял мое глубиннейшее самосознание. Но ответ был не в том, чтобы принять иллюзию за реальность, а в том, чтобы решиться сделать ее реальностью. Я пылко вознамерился отыскать духовные причины материальных явлений и с их помощью обрести власть над материальным миром, который был мне ненавистен. Я не довольствовался верой в дьявола как некую условную личность и служением ему в обычном смысле слова. Я хотел добраться до него персонально и стать при нем начальником штаба.

---

1 *Ньюмен*, Джон Генри (1801—1890) — английский кардинал, теолог и проповедник, ведущий религиозный деятель Великобритании в викторианскую эпоху. Стоял во главе Оксфордского движения, добивавшегося преобразования англиканской церкви в духе традиционных аспектов христианской веры и сближения ее с католицизмом. «*Apologia pro Vita Sua*» (лат. «Оправдание моей жизни») — автобиография Ньюмена, написанная в 1864 году.

В поисках достойного греха, который обеспечил бы мне сан наместника дьявола, я столкнулся с тем, чего и следовало ожидать. Чемпни вечно ходил вокруг да около и бубнил об этом постоянно, но — по крайней мере, для меня — совершенно невразумительно. Я водился с мальчишками, утвердившими за собой самую дурную репутацию, и, кроме того, руководствовался в своих изысканиях интуитивным ощущением личного магнетизма или внешней привлекательностью. Но царство террора в школе было столь всевластным, что никто не осмеливался сообщить мне прямо, в чем же состоит суть этого греха, или хотя бы сознаться, что им это известно. Дело не шло дальше таинственных намеков; наконец, один мальчик, Гибсон, сказал мне, какое действие следует совершить, но не уточнил, с каким объектом. Теперь кажется невероятным, что меня не надоумила сама природа. Но я и представить себе не мог, что орган размножения способен участвовать в каком-то произвольном акте. Я строил гипотезы на основе чисто интеллектуальных соображений и проводил соответствующие эксперименты, однако на верный путь так и не набрел. Я так и не догадался, о каком именно органе шла речь. Прошел еще не один год, прежде чем открытие свершилось.

Оставалось давать выход своему бунту в действиях, с теоретической точки зрения не столь предосудительных. Никаких явных преступлений я не совершал. Битва моя против школы велась, так сказать, на магическом плане: как если бы, допустим, я лепил из воска куколки самого безобидного свойства, но Чемпни, ведóмый духовным инстинктом, распознавал в них кумиров или орудия колдовства. Наказывали меня дурацки несправедливо, но, в то же время, Чемпни со своей мистической проницательностью не ошибался.

6

Следует упомянуть о вмешательстве моего дяди Джонатана в дело «вспомоществования убогим» и о том, как весь этот нарыв наконец прорвался при участии дяди Тома.

Джонатан Кроули, старший брат моего отца, воплощал собой идеал благородного патриция. Он походил на римского императора — такого, каким тот рисуется

нашему романтическому воображению, а не каким мы видим его на большинстве скульптурных портретов. Гигантский лоб, орлиный взор, крупный, надменный нос крючком, твердая линия рта и неукротимо волевой подбородок — благодаря такому сочетанию он был одним из самых потрясающе красивых мужчин, каких я когда-либо видел.

Жил дядя Джонатан в царственной роскоши, но без тени бахвальства. Я ни разу не видел первую его жену, родившую ему двоих детей — Клода и Агнессу. Клод был поразительно дурен собой — до того, что само безобразие оборачивалось привлекательностью, — и, не будучи настоящим горбуном, все же нес на себе печать какого-то врожденного уродства. Те же черты проявлялись в его складе ума и нравственном облике. Я всегда думал о нем с восхищением как о новом Ричарде Третьем[1], но на самом деле он был просто слабак и недотепа. Агнесса унаследовала от отца аристократическое высокомерие и толику красоты. Гордость не позволяла ей выйти замуж, и подавленные желания подтачивали ее рассудок до тех пор, пока не породили настоящую *idee fixe*[2]. Последние тридцать лет своей жизни Агнесса беспрерывно объявляла помолвки и составляла брачные контракты, но ни из одной затеи не вышло толку. Вдобавок она была одержима бесом сутяжничества и вечно воображала, что ее в чем-то ущемляет то один, то другой из членов семьи.

Вторым браком дядя Джонатан сочетался с гувернанткой — воспитательницей его детей. То была дама из благородной саксонской семьи, возводившей свою родословную к временам Эдуарда Исповедника[3]. Высокая и худощавая, утонченная и прекрасно образованная, она стала превосходной хозяйкой дома. Меня она очень привлекала как личность и заняла в моей душе место, которого я не мог отвести матери. Она была видным деятелем «Лиги подснежника»[4], и только благодаря ее

---

1 *Ричард Третий* (1452—1485) — король Англии (с 1483), представленный в пьесе Шекспира «Ричард III» как закоренелый злодей и предатель.

2 *Idee fixe* — «навязчивая идея» (фр.).

3 *Эдуард Исповедник* (ок. 1003 — 1066) — предпоследний англосаксонский король Англии (с 1042 года).

4 *«Лига подснежника»* — организация британской консервативной партии, основанная в 1833 году в память премьер-министра Бенджамина Дизраэли (любимым цветком которого был подснежник).

влиянию на лорда Солсбери и лорда Ричи[1] я получил назначение в дипломатическую службу.

Итак, дядя и тетя наведались ко мне в Кембридж. Я рассказал им о «вспомоществовании убогим» — не в духе жалобы, а, скорее, так, как сэр Ричард Бёртон мог бы описывать свои приключения среди дикарей. Но дяде Джонатану это дело представилось в совершенно ином свете. Он навел справки, подтвердившие мой рассказ, и, не обинуясь, заявил Чемпни, что подобным безобразиям надо положить конец. Чемпни попытался буянить, но тотчас же сник, когда дядя пригрозил ему санитарной инспекцией. Тем, однако, не кончилось. От дяди Джонатана не укрылось, как жестоко со мной обращаются, и он подал в суд; в результате меня вызвали на допрос в кабинет судьи Стерлинга. Мне всегда глубоко претило предательство, даже по отношению к врагам, а судья — чем черт не шутит — мог отправить мою мать и дядю Тома за решетку. Так что я врал напропалую и притворялся, будто в школе я совершенно счастлив. Но как бы горячо я ни протестовал, судья, похоже, не попался на эту удочку. Высокий суд не назначил надо мной опеку, но добился обещания, что меня отправят в среднюю школу, а после — в университет, если я сдам вступительные экзамены.

А тем временем за меня вступилась сама природа. На каникулах после первого семестра наказания мне нездоровилось так явно, что начались расспросы, и я пожаловался матери, что в школе со мной плохо обращаются. Тогда послали за Чемпни, даже не попытавшись разобраться в ситуации и не предупредив меня ни намеком. Однажды вечером меня привели к дяде Тому — и я угодил прямиком в лапы разъяренного директора. От неожиданности я оробел и не осмелился ничего отрицать. Но обвинений против меня так и не выдвинули. Чемпни даже не сообщил моей матери и дяде Тому, что именно я — будто бы — натворил. Меня отослали обратно в школу, отбывать остаток наказания. Но под конец следующего семестра,

---

1 *Солсбери*, лорд Роберт Артур Толбот Гаскойн-Сесил (1830—1903) — британский государственный деятель, с 1885 по 1902 трижды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Депутат Палаты общин от консервативной партии, член Палаты лордов, специалист по внешнеполитическим вопросам. *Ричи*, лорд Чарльз (1838—1906) — британский бизнесмен и политик, член Палаты общин от консервативной партии.

уж и не знаю, по какой причине, дяде Тому вздумалось приехать в Кембридж и продолжить дознание. Чемпни заранее предупредили об этом визите, и он надавил на меня сильней: или я созна́юсь, или буду исключен. Я из кожи вон лез, принимая на себя самые гнусные провинности, но только усугублял этим все дело, поскольку с *тем самым* преступлением они не имели ничего общего. Накануне прибытия дяди Тома я снова стал твердить чистую правду — что не имею понятия, какая на мне вина. На сей раз дядя отступил от добродетели так далеко, что потребовал изложить ему суть обвинений. И ему достало здравого смысла понять, что они сплошь абсурдны, отмахнуться от Чемпни как от ненормального и забрать меня из школы. Между прочим, совсем скоро сумасшествие директора проявилось со всей очевидностью, вследствие чего школу закрыли.

Но со мной он успел сделать свое черное дело. Я, бывший прежде веселым, здоровым, дружелюбным мальчиком и всеобщим любимцем, приучился много месяцев кряду выносить полное одиночество. Никто из однокашников со мной не разговаривал, а учителя, когда обстоятельства вынуждали их ко мне обратиться, неизменно напускали на себя вид ханжеского омерзения. Здоровье мое было подорвано: ведь я все это время сидел на хлебе и воде, а во время занятий должен был без остановки вышагивать вокруг спортивной площадки. Меня показали врачу; тот обнаружил у меня тяжелую альбуминурию[1] и заявил, что я могу не дожить до совершеннолетия. Мне предписали особую диету и курс деревенской жизни под руководством домашнего учителя. Так что следующие год-другой я только и делал, что путешествовал по Уэльсу и Шотландии, занимался скалолазанием и ловил форель. Одно лето я замечательно провел в Сент-Эндрюсе, где сам Эндрю Керкелди[2] учил меня играть в гольф. Я быстро шел на поправку. Часы занятий были строго ограничены, но я и в учебе делал большие успехи, поскольку внимание наставников всецело принадлежало мне одному.

---

1 *Альбуминурия* — выделение белка с мочой, признак нарушения нормальной деятельности почек.

2 *Керкелди*, Эндрю (ок. 1860 — 1934) — известный шотландский спортсмен, профессиональный гольфист.

Впрочем, сами наставники были далеки от совершенства: все до единого — ставленники дяди Тома, анемичные самодовольные педанты, в лучшем случае выпускники какого-нибудь из самых захудалых колледжей Кембриджа <Оксфорд для дяди Тома был «анафема маранафа»[1]. Кебл! Маннинг!! Ньюмен!!! поставщики князей ада — куда более хитроумные и опасные, чем Дарвин, Гексли и Тиндаль[2].> Разумеется, я считал своим долгом обводить их вокруг пальца, как только мог, и уличать во всевозможных прегрешениях.

Кстати сказать, дядя Том через несколько лет написал статью, которую сам считал образцом блестящего остроумия, и напечатал ее в «Журнале для мальчиков», этом рупоре евангелического курса на истребление мужественности в средней школе. Статья называлась «Два Ваала». Последние были представлены тиранами, губителями и поработителями нашего юношества. Один из них Покуриваал, другой — Попиваал. Дядя Том обратил мое внимание на этот шедевр, и я потрясенно воскликнул: «Как же так, дядюшка? Вы забыли третьего, самого опасного и губительного!» Он не понял. Я объяснил, кто таков этот смертоносный Rex. А теперь судите сами: не прискорбно ли, что поправка столь важная и точная была встречена без благочестивого умиления?

Еще того хуже стало, когда я снова окреп душой. Какое-то время я чувствовал себя достаточно сносно, чтобы посещать дневную школу в Стритеме, где мне и открыли наконец ужасную тайну, над которой я ломал голову почти три года. Грех оказался достойным — настолько, что грех было бы не грешить, и я предался ему с типичным для меня энтузиазмом.

Поскольку у моего отца была привычка к вину, я не понимал, что может быть порочного в винопитии. Следовательно, пьянствовать не имело смысла. Я не прикасался к вину, пока

---

1 *«Анафема маранафа»* (сочетание древнегреческого языка и сирийского диалекта арамейского) — выражение из I Кор.16:22: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа». Обычно толкуется как «да будет отлучен до времени пришествия Господа».

2 *Кебл*, Джон (1792—1866) — английский священник и поэт, один из лидеров Оксфордского движения (см. примеч. 1 на стр. 74); в его честь был назван один из колледжей Оксфордского университета, основанный в 1870 году. *Маннинг* — см. примеч. 2 на стр. 53. *Ньюмен* — см. примеч. 1 на стр. 74. *Гексли* — см. примеч. 2 на стр. 62. *Тиндаль*, Джон (1820-1893) — английский физик, автор ряда научных открытий, популяризатор естественнонаучных воззрений.

не поступил в Тринити-колледж, и никогда в жизни не чувствовал ни малейшей тяги выпить лишнего. Но курильщиком отец не был и говорил, что если бы Бог предназначил человека к курению, то приспособил бы ему на макушке трубу. <На что вполне резонно было бы возразить, что зато Он в бесконечной милости Своей приспособил табак к нашему вкусу и обонянию.> Поэтому я не колеблясь отвел курению важнейшую роль в своей жизни. Что касается служения «третьему Ваалу», мне и в голову не приходило, что оно связано с продолжением рода, а потому не было оснований предполагать, что моему отцу когда-либо случалось забыться до такой степени. Я неустанно стремился встать под знамя сего монарха, но для этого необходимо было стороннее содействие, которое я изыскал не сразу.

Но вернемся к моим наставникам. Отношения с ними были неизменно натянутыми. Один из них, преподобный Фотергилл, привез меня на лето в рыбацкий поселок Форсинард неподалеку от Лэрга[1]. Мы отправились через вересковую пустошь на озеро и о чем-то поспорили. Я зашвырнул удочку его преподобия в воду. Он, рассвирепев, набросился на меня, но я удачно ухватил его и швырнул следом за удочкой, а сам забрался в лодку и поплыл было прочь. Но Фотергилл настиг меня еще у берега, перевернул лодку и попытался меня утопить. В тот вечер боги не уставали благоволить мне: Белли Маккей, девица из тамошней деревни, не нашла себе занятия получше, чем прогуляться в моем обществе по вересковой пустоши. Мы вернулись вдвоем, нисколько не таясь, и Фотергилл сдался. На следующее утро он отвез меня обратно в Лондон. Остановившись по дороге в Карлайле[2], я отпраздновал победу вторично — с хорошенькой горничной.

Но покушения на убийство — не единственное развлечение, доступное благочестивым педагогам. Брат настоятеля Вестминстерского аббатства[3] (впоследствии ставший

1 *Форсинард* и *Лэрг* — деревни в графстве Сазерленд, на севере Шотландии.

2 *Карлайл* — город на северо-западе Англии, поблизости от границы с Шотландией, столица графства Камбрия.

3 *Настоятелем Вестминстерского аббатства* в то время был Джордж Гренвиль Бредли (1821—1903).

миссионером и умерший в Локодже[1]) отлично усвоил простой урок: если не можешь быть добродетельным, будь осторожным. Он вел себя безупречно, пока оставался моим наставником. Но затем, сложив с себя ответственность за мое воспитание, он пригласил меня с ночевкой в дом своей матери в Мейз-хилл[2] и сделал все возможное, дабы поддержать репутацию своего сана. Я не позволил ему добиться своего — но не потому, что не видел в этом греха, а потому что заподозрил ловушку, призванную изобличить меня в глазах моей семьи. Перед самым отъездом в Африку он еще раз пригласил меня в гости, помолился вместе со мной, покаялся в своем преступлении, оправдался тем, что старший его брат Джек, тоже миссионер, сбил его с пути истинного, и попросил у меня прощения. Я снова встал в позу человека бывалого: «Ну-ну, дружище, тут и говорить не о чем», — что раздражило его до крайности: он хотел, чтобы его приняли всерьез как великого грешника.

Среди всевозможных глупостей, связанных с грехом, одна из главных — в том, что прегрешение лестно для грешника. Всякое безумие опирается на преувеличение важности своего эго. Меланхолик лелеет иллюзию, что он совершил непростительный грех. Греховность взрастает на почве подавления желаний и беспрестанного размышления о чудовищности греха. Немногие люди доходили бы до излишеств, не придавай они такое неподобающее значение самому обыкновенному скотству.

Большинство людей, и Фрейд в особенности, не понимают подлинного смысла фрейдистской теории. «Бессознательное либидо» на самом деле есть не что иное, как «истинная воля сокровенного "я"». В сексуальных особенностях индивида действительно заключены символические указания на его сущность, и если первые «отклоняются от нормы», то можно заподозрить, что «я» этого человека раздирают какие-то внутренние разногласия. Адепты, несущие человечеству посвящение, знают по опыту: когда комплекс (двойственность), обременяющий «я», так или иначе разрешается (в единство), посвященный обретает целостность. Симптомы нездоровой сексуальности (которые суть всего лишь жалобы больного животного) исчезают, а совесть и рассудок освобождаются от терзавшей их

1 *Локоджа* — город в центральной Нигерии, столица штата Коги.

2 *Мейз-хилл* — район на юго-востоке Лондона.

междоусобной войны сомнений и одержимости собственным эго. Совершенный человек, обретший гармонию, беспрепятственно устремляется к своей естественной цели.

Как увидит читатель, за эти годы я достиг огромного прогресса в развитии. Но в этой долгой битве со своими мучителями я так ужасно страдал, что восстановить порядок событий мне теперь очень трудно, хотя сами эпизоды вспоминаются живо и ярко. Кроме того, во мне уживаются странные противоречия, о которые я, похоже, спотыкаюсь и до сих пор. Так, вплоть до 1894 года, если память меня не подводит, я сочинял гимны, вполне приемлемые с религиозной точки зрения. Один был напечатан в журнале «Христианин» и начинался так:

> Я слепец на ладье без руля и ветрил,
> Волей ветра гонимой по бурным волнам,
> Но Господь охранит и не даст утонуть... и т.д.

Или взять, опять-таки, стихотворение на смерть тети Ады, которое я счел достаточно удачным, чтобы включить в сборник «Песни духа»[1], — оно тоже совершенно безупречно по меркам благочестия. Я словно бы исповедовал собственную теологию — особую, но, по существу, христианскую. Моему сатанизму она ни в коей мере не противоречила: я пытался утвердиться во мнении, что христианство, замешанное на лицемерии и жестокости, не есть христианство истинное. Я ненавидел не Бога и Христа как таковых, а лишь Бога и Христа тех людей, которых я ненавидел. И только когда развившаяся способность к логическому рассуждению наглядно продемонстрировала мне, что теология и культ этих мнимых христиан находят опору в Священном писании, я был принужден отвергнуть и саму Библию. Неважно, что местами она великолепна с литературной точки зрения, а в отдельных фрагментах выражает поистине замечательные философские и этические взгляды. Все равно итог таков, что иудаизм — это дикарское, а христианство — изуверское скопище предрассудков.

Очень странно, что моя наклонность к мистицизму и магии не проявлялась в то время ни в каких особых переживаниях. Трансцендентальное мировоззрение, которого я придерживался

1 *«Песни духа»* — см. Приложение, стр. 296.

изначально, не подкреплялось никаким опытом. Большинству детей присуща поэтическая жилка; они верят в так называемые «психические феномены» (терпеть не могу это название!) или, по меньшей мере, воображают, что видят фей или «страшного буку». Но у меня, сознательно вступившего в битву с «силами и господствами»[1], ни разу не было даже легчайшей галлюцинации такого свойства и ни малейшей склонности выдумывать призраков. Хоть я и мечтал увидеть дьявола и потолковать с ним, но предполагал, что такое общение должно быть сугубо материальным либо чисто интеллектуальным. О нюансах я и не подозревал. Зато когда я наконец научился использовать астральное зрение и слух, то никогда не путался: иной мир оказался связан с нашим определенными соответствиями, но четко от него отличался. По-видимому, что-то во мне решительно не допускало, чтобы чернила земного опыта запятнали духовное осознание мира, скрытого за завесой. К тому же, как я упоминал, временами наружу прорывалась совершенно зрелая личность, когда я с уверенностью и властностью пятидесятилетнего начинал рассуждать о предметах, о которых в обычном смысле слова не имел представления.

Вот один поразительный случай — мне тогда, насколько помню, было четырнадцать. Начну с того, что я всегда отличался крайним мягкосердечием (ко всем, исключая тиранов, для которых, по мне, никакая пытка не была бы чрезмерной). В особенности я добр к животным, ко всем без различия, так что эпизод, о котором я собираюсь рассказать, не имеет никакого отношения к жестокости или садизму.

Однажды кто-то сказал при мне: «У кошки девять жизней». Я сделал вывод, что убить кошку практически невозможно. И, как обычно, преисполнился решимости осуществить невозможное. (Обратите внимание, что я принял сказанное за чистую монету!) Наверное, по какой-то смутной аналогии с историей о Геркулесе и гидре я вбил себе в голову, что все девять жизней надо пресечь более или менее одновременно. Итак, я поймал кошку, напичкал ее мышьяком, усыпил хлороформом и повесил, причем над газовой горелкой, затем проткнул ее ножом, перерезал ей горло и размозжил

1 *«Силы и господства»* — ангельские чины в христианской небесной иерархии.

голову, а когда она основательно поджарилась, утопил ее и выбросил из окна, так покончив с девятой, последней жизнью. Операция увенчалась успехом: кошка погибла. Пока я все это проделывал, мне было искреннее жаль бедное животное, но ради блага чистой науки я заставил себя довести эксперимент до конца.

Это сочетание невинности, невежества и образованности, изобретательности и твердых нравственных устоев кажется невероятным. Совершенно очевидно, что такую чудовищную нелепость породила именно атмосфера безумных и безнравственных предрассудков, в которой я был воспитан. В дальнейшем мы еще не раз увидим, как столкновение исключительно здравого, трезвого, реалистичного духа с противоестественной теорией и принципами христианства разрешалось на материальном плане каким-нибудь сумасбродным поступком. Я мыслю строго логически; точнее, мыслил так до тех пор, пока мистический опыт не позволил стряхнуть оковы, стеснявшие мой ум. А логический подход — причина большинства нелепых и отвратительных событий, пятнающих историю человечества. С точки зрения христианских предрассудков, инквизиция действовала в согласии с высочайшими гуманистическими принципами, разрушая тело человека, дабы спасти душу. Исходя из чистой логики, последователи Декарта имели полное право мучить животных: ведь они считали их бесчувственными автоматами. Схожим образом, истинного детерминиста следует оправдать, какое бы преступление он ни совершил: ведь оно случилось, а значит, было неизбежным. И логические аргументы, выдвинутые Гексли в «Эволюции и этике» против детоубийства и геноцида, совершенно неубедительны. Не логика, а только здравый смысл всякий раз помогает нам сохранить ту или иную часть человечества, — здравый смысл, к которому мы вынуждены прибегать постоянно. Что же до будущего, то логически неопровержимая перспектива гибели всего живого на планете обращает любые человеческие усилия в колоссальную нелепицу.

Одна из главных задач этой книги — показать абсурдность последнего утверждения, предложив теорию реальности, не противоречащую здравому смыслу.

Но об этом — позже.

7

Человек предполагает, а Бог располагает. Даже такой хитроумный гибрид обезьяны и крысы, как мой дядя Том, время от времени делает ошибки, и одна из них стала для меня настоящим подарком судьбы. В один прекрасный день он нанял очередного домашнего учителя — Арчибальда Дугласа, который был из Оксфорда, но искупил эту вину путешествием через Персию по поручению Библейского общества[1]. Если бы мой дядя слыхал о Джордже Борроу[2], он мог бы избавить себя от многих неприятностей, а я в этом случае, вероятно, сошел бы с ума. Дело было весной 91-го. Я перенес коклюш, и для скорейшего моего выздоровления решено было, что мы с Дугласом отправимся на велосипедах в Торки, но, едва добравшись до Гилдфорда[3], я почувствовал себя так плохо, что пришлось пересесть на поезд. Дуглас называл себя христианином, но на деле оказался настоящим мужчиной и джентльменом. Полагаю, что маскироваться его вынуждала бедность. Как только мы остались наедине, он произвел решительный переворот в моем мировоззрении, впервые показав мне здоровый, чистый и радостный мир, в котором стоило жить. Курить и пить в этом мире было естественно. Дуглас лишь предостерег меня об опасности излишеств со спортивной точки зрения. Он приобщил меня к скачкам, бильярду, ставкам, картам и женщинам. Он рассказал мне, как всем этим можно наслаждаться, не вредя себе и не причиняя зла окружающим. Он научил меня всем необходимым премудростям. Он продемонстрировал мне, что такое честь. Я тотчас перенял его представления о мире и начал вести себя как нормальный, здоровый человек. Кошмарный мир христианства растаял с первыми лучами зари. В первые десять дней жизни в Торки я влюбился в актрису из местного театра, и эта простая человеческая

---

1 *Библейское общество* — христианская организация, ставящая своей целью перевод Библии на все языки мира, а также ее издание и распространение в разных странах по доступной цене.

2 *Борроу*, Джордж (1803—1881) — английский писатель и лингвист, автор романов, основанных на личных впечатлениях от путешествий по Европе. Путешествовал по России и Испании с миссиями от Библейского общества; при этом слыл весьма эксцентричным и жизнелюбивым человеком.

3 *Торки* — популярный морской курорт на Английской Ривьере, на восточном побережье страны. *Гилдфорд* — город в Англии, столица графства Суррей.

любовь преобразила отвратительные тайны пола в чистую радость и красоту. Одержимость грехом спала с моих плеч и канула в море забвения. К тому времени я уже едва не сломался под бременем этой чудовищно сложной задачи — обеспечить вечное проклятие себе и помочь другим тоже спастись от Иисуса. Но теперь я понял, что в мире на самом деле уже полным-полно замечательных про́клятых душ — людей, которые принимают природу такой, как она есть, принимают свое место в природе и наслаждаются им, честно и стойко сражаясь со всякой подлостью или мерзостью, какая попадется им на пути. Для меня это было время безграничного счастья. Я всегда тянулся к красотам природы; единственными моими друзьями, не считая животных и случайных чужаков, от которых меня всегда тщательно ограждали, были небеса и реки, горы и моря. Но вот, впервые в жизни, я столкнулся с себе подобными — с настоящими людьми. Впервые в жизни стали возможны и доступны честная дружба и полноценная любовь, искренняя, веселая и отважная. До сих пор я любил природу как убежище от человечества. Теперь же я постиг красоту мира в связи с красотой рода человеческого. Впервые в жизни сверкающее море и ветры пели для меня не во хвалу одиночества; цветы благоухали и безумствовали во славу света и девического смеха; луна из Артемиды превратилась в Афродиту:

> Я промолвил: «Астарта нежнее
> И теплей, чем Диана, она ... »
> С нежной лаской в горящих глазах,
> Над берлогою Льва возникая,
> Засветилась для нас в небесах[1].

Возможно, я по неосторожности сам все испортил. Может быть, мать поняла, что я счастлив, по тону моих писем. Но, так или иначе, она что-то заподозрила. И на сцену вышел дядя Том. Каким-то обманом он отвлек Дугласа, перерыл его вещи, украл личные письма и нашел в них основание, чтобы его уволить. Но было уже слишком поздно: глаза мои открылись, и я стал как бог, знающий добро и зло. Теперь я мог взять инициативу в свои руки. До сих пор я был способен лишь мечтать о побеге

1 Цитата из стихотворения Эдгара По «Улялюм»; рус. пер. К. Бальмонта.

из чудовищного домашнего ада. Но теперь у меня появилась осмысленная цель; теперь я мог перейти в наступление.

Попытаюсь объяснить, как ужасна была жизнь в доме моей матери. Начать с того, что я был начисто лишен общения с мальчиками и девочками своего возраста, за исключением детей плимутских братьев. А секта эта к тому времени уже угасала и, к тому же, раскололась на сторонников и противников ереси Рейвена[1]. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует одна история, которую я изложил в предисловии к «Мировой трагедии»:

> У человека, чуждого религии, могут быть моральные запреты; у плимутского брата их нет. Он всегда готов оправдать даже наимерзейшее преступление, приведя соответствующую цитату и призвав имя Христово в защиту любой низости, какая только способна потешить его тщеславную и порочную натуру. Я говорю «порочную», поскольку Плимутская братия и впрямь состояла из отвратительного сброда. Аристократы, положившие начало этому движению, разумеется, не перестали быть таковыми даже под влиянием своих причудливых убеждений. Но они проповедовали своего рода «раннехристианский» духовный социализм, в котором нет места священникам, и имели глупость поддерживать своих последователей деньгами.
>
> В результате какой-нибудь мистер Гиблетс (назовем его так), третий мясник на деревне, который в церкви был никем, а в сельской общине — всего лишь одним из старейшин, на маленьком утреннем собрании в столовой эсквайра становился (с одной стороны), ни много ни мало, служителем Божьим и гласом Святого Духа; с другой же стороны, заказы из господского дома теперь, естественным образом, поступали к нему, так что второму мяснику оставалось лишь недоумевать, а первому — горько оплакивать свою судьбу. Итак, к моему времени эта секта (хотя справедливость требует отметить, что сами они себя сектой не считали,

1 *«...ереси Рейвена»* — т.е., учения, с которым в 1895 году выступил один из плимутских братьев, Ф.Э. Рейвен. Он отрицал «Вечное Сыновство» Христа, утверждая, что Христос существовал вечно, но стал Сыном Божьим только вследствие воплощения.

заявляя, что, напротив, лишь «покинули секту», под каковой разумели официальную церковь, — и это несмотря на тот факт, что по закрытости они бы дали сто очков вперед любой другой религиозной организации по всей Европе) состояла из сильно поредевшей старой гвардии, последним представителем которой был мой отец, и целой толпы наиподлейшего на свете отребья.

После смерти моего отца мелкие расколы, сотрясавшие секту каждые год-другой, но особого ущерба не причинявшие, уступили место великой рейвеновской схизме, которая разделила «братию» на две почти равные половины и лишила ее последних остатков былой общественности значимости.

Понимаю, что отвлекаюсь от темы, но не могу не поведать ужасную историю обанской общины[1].

Обанская община состояла из некоего мистера Камерона, его жены и матери кого-то из них (я забыл, кого именно), прикованной к постели старостью и недугом. Поскольку сказано: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»[2], — все это было прекрасно; но следовало понимать, что для кворума нужны двое. Ради меньшего Иисус не придет. Этого положения не оспаривал ни один плимутский богослов. Виграм высказывается по этому поводу совершенно ясно; и Дарби последовал бы его примеру, будь он вообще способен к ясным высказываниям[3]. Келли придерживался той же точки зрения; даже Стюарт был в этом вопросе непоколебим, и сам Стоуни соглашался с ними (хотя и неохотно)[4]. Для молитвенного собрания требовалось присутствие по меньшей мере двух человек. <... >

---

1 *Обан* — небольшой курортный город в Шотландии.

2 Мф. 18:20.

3 *Виграм*, Джордж Вайссимус (1805—1879) — английский теолог и библеист, один из основателей «Плимутской братии» и издатель журнала этой секты. *Дарби* — см. примеч. 4 на стр. 22.

4 *Келли*, Уильям (1821—1906) — английский теолог и библеист, один из ведущих деятелей «Плимутской братии», возглавивший группу противников Рейвена. *Стюарт*, Кларенс Эсме (1828—1903) — английский теолог, проповедник, лидер одного из мелких расколов в рядах «Плимутской братии», произошедшего в 1885 году. *Стоуни*, Джеймс Батлер (1814—1897) — английский богослов, один из ведущих деятелей закрытой секты плимутских братьев.

Полагаю, вы уже догадались, что при расколе мистер и миссис Камерон оказались по разные стороны баррикад. Миссис Камерон едва не разрыдалась от счастья, когда телеграф донес до Обана благую весть о том, что на собрании в Илинге мистер Рейвен поднялся и медленно, со значением, провозгласил: «Имеющий Сына имеет жизнь вечную». Мистер Камерон же пустился в пляс, как заправский шотландец на поминках, когда до слуха его дошло, что майор Макарти на том же собрании вскочил и с жаром возразил оратору: «Имеющий Сына Божия имеет жизнь вечную».

Прознав, что мистер Рейвен, задетый за живое, замахнулся на майора кулаком и возопил: «Ах ты, старый греховодник!» — миссис Камерон заявила, что «всегда подозревала, что тут дело нечисто»: в ее воображении тотчас нарисовалась совращенная гувернантка. Но как же смеялся ее супруг, когда очередная телеграмма оповестила, что майор с деланной кротостью (кою, впрочем, опровергал багровый цвет лица), ответствовал: «Разве ты без греха, о брат мой?»!

Короче говоря, обанская община раскололась. Мистер Камерон был отлучен от Вечери Господней!!! Перед каждым из супругов теперь встала суровая необходимость залучить на свою сторону престарелую мать, ибо в противном случае утренние собрания становились невозможны. Хотя, полагаю, оба по-прежнему могли проповедовать евангелие — о, *morosa voluptas*[1]!

К несчастью, эта достойная старая леди оказалась твердым орешком. Она была не только совершенно глухой и почти слепой, но и всю свою жизнь отличалась скудоумием, не лишенным, впрочем, известной приятности. Тем не менее, делать было нечего: ее требовалось убедить, предоставив понятные ей аргументы.

Супруги договорились работать над этим посменно, по восемь часов. Насколько мне известно, они и по сей день продолжают убеждать свою старушку, так что обанская община не восстановилась до сих пор.

---

1 *«Morosa voluptas»* — «неутолимая страсть» (лат.).

Случилось так, что моя мать приняла сторону меньшинства. А это означало, что все близкие друзья были для нее потеряны. Следуя предписанию одного из евангельских посланий, она отказалась даже здороваться со всеми, кто проповедовал лжеучение. В результате в ее окружении остались лишь очень немногие — и всё это были новые друзья. Соответственно, моих приятелей теперь можно было пересчитать по пальцам одной руки, и единственным, что меня с ними связывало, было отвращение к нашим мучителям.

Мой интеллект неутолимо жаждал пищи, но я был лишен всякого доступа к литературе. Разрешались одна-две книги Скотта и Диккенса. Баллантайн снискал одобрение; Дж.А. Хенти допускался лишь скрепя сердце[1]. «Дэвид Копперфилд» был под запретом из-за малютки Эмли, потому что она была непослушной девчонкой; кроме того, мою мать звали Эмили, и чтение этой книги могло подорвать мое к ней уважение. Кто-то из учителей принес мне «Баллады Бэба»[2], одна из которых начиналась словами: «Жила-была нянюшка Эмили Джейн». Мать вышвырнула эту книгу вон и едва не вышвырнула следом за нею и учителя. Другой наставник однажды вечером после ужина взялся было читать вслух «Старого Морехода»[3]; мать разразилась гневной тирадой и в тот же час избавила меня от его тлетворного влияния раз и навсегда. Причина была в том, что Старый Мореход, увидев морских змей, резвящихся вокруг корабля, «невольно их благословил». Возмутительное кощунство, ибо змеи прокляты в Книге Бытия!

Здесь, кстати, стоит отметить кое-что любопытное. Все эти ханжи до того непоследовательны, что мне никогда не удавалось предсказать ход их мысли. В «Старом Мореходе» полным-полно идей, способных уязвить до глубины души любого плимутского брата, но моя мать ни одной из них не заметила, — ее оскорбили только змеи. Могу предположить, что она ненавидела змей по чисто фрейдистским

1 *Баллантайн* — см. примеч. 1 на стр. 43. *Хенти*, Джордж (1832—1920) — английский писатель и журналист, автор приключенческих рассказов для мальчиков.

2 *«Баллады Бэба»* — сборник юмористических стихотворений Уильяма Швенка Гилберта (1836—1911), английского поэта и драматурга.

3 *«Старый Мореход»*: имеется в виду знаменитая поэма Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772—1834) «Сказание о Старом Мореходе».

причинам: вероятно, она сталкивалась с ними во сне и потому имела все основания (с ее точки зрения) отождествлять их с дьяволом в самом неприемлемом его обличье. От природы она была довольно чувственной женщиной, и нет сомнений, что до грани сумасшествия ее довело именно подавление сексуальности.

У моей кузины Агнес был дом на Дорсет-сквер. Однажды мать взяла меня туда с собой на чай. В гостиной лежал томик «Доктора Паскаля»[1]. Взгляд моей матери упал на слово «Золя», и она обрушилась на хозяйку дома в припадке истерической ярости. Затем обе принялись орать и визжать друг на друга одновременно, заливаясь слезами. Нет нужды пояснять, что моя мать сроду не читала Золя — просто это имя действовало на нее, как красная тряпка на быка.

Похоже, такая непоследовательность — вообще универсальное свойство подобных людей. Я знал одного печатника, который наотрез отказался набирать выражение «мы послали их ко всем чертям», но преспокойно имел дело со всем, что, рассуждая логически, должно было бы насторожить любого узколобого кретина. Цензор с легкостью пропускает в печать все то, что мне — отнюдь не пуританину, — представляется тошнотворной грязью, и при этом запрещает «Царя Эдипа», которого нам в свое время вдалбливали в головы на школьной скамье[2]. Страну затопила волна так называемой женской прозы, которую невозможно описать иначе, как омерзительную порнографию, а такие эпохальные философские шедевры, как «Юрген», между тем вызывают крики протеста[3]. Пошлая музыкальная комедия продолжает свое победоносное шествие под стягом разврата, тогда как Бернард Шоу и Ибсен занесены в черный список. Причина, понятное дело, в том, что из-за подавления

1 *«Доктор Паскаль»* — роман французского писателя Эмиля Золя (1840—1902), известного скандальными для своего времени натуралистическими бытописаниями.

2 *«Царь Эдип»* — трагедия греческого драматурга Софокла (ок. 496 — 406 до н.э.). Была запрещена к постановке в Англии до 1912 года (как произведение, описывающее инцест).

3 *«Юрген»* (1919) — роман американского писателя Джеймса Брэнча Кейбелла (1879—1958), в связи с которым автор подвергся судебному преследованию за «аморальность», однако выиграл дело, доказав, что все «непристойности», встречающиеся в тексте, подлежат метафорическому истолкованию. Роман интересен, в частности, тем, что содержит подробное изложение Гностической мессы Кроули.

сексуальности пуританин превратился в извращенца и дегенерата и утратил всякую способность судить о подобных предметах здраво.

Разумеется, полностью лишить меня возможности читать не удавалось. Карманных денег у меня было совсем мало, так что даже покупать себе книги сколько-нибудь постоянно я не мог. Но время от времени я все же добывал их, тайком проносил в дом под одеждой и читал, запершись в ватерклозете. Помню, одна из них называлась «Тайна хэнсомского кэба»[1]. Мать воображала, что «хэнсомский кэб» — это какой-то чудовищный механизм, измышленный самим дьяволом, и даже упоминание о нем считала непристойным.

Теперь, составив представление о том, какая атмосфера царила в доме, читатель поймет, почему я был готов на любой поступок, который послужил бы магическим утверждением моего бунта. В сущности, я был лишен возможностей нормально развивать свой ум. И мне ничего не оставалось, кроме как тушить огонь огнем, — ни о чем другом я попросту не мог думать.

Затем в доме взяли новую горничную, и она забрала себе в голову, что сможет разжиться деньгами, шантажируя молодого хозяина. Как-то вечером мы условились встретиться с ней на безопасном удалении от Стритема. Там мы сели в кэб и поехали на Херн-хилл, развлекаясь по дороге легким флиртом. В воскресенье утром я довел начатое до конца. Придумав какую-то отговорку, чтобы не ходить на утреннее собрание, я привел эту девицу в спальню моей матери и совершил свое «магическое утверждение». Я понятия не имел, что́ она задумала. Девица «проболталась» — и, разумеется, тотчас оказалась уволена, но не отказалась от своей затеи. Вмешался дядя Том, потому что мать, само собой, не могла говорить со мной на такие темы. Я твердо заявил, что ничего не было. Дядя попытался было найти кэбмена, но потерпел неудачу. Местные владельцы кэбов почуяли, что для кого-то дело пахнет жареным, и стали глухи и немы. Дяде ничего не оставалось, как попросить меня представить доказательство моей невиновности. Тут надо было действовать хитро. Я сделал вид, что очень испуган.

1 *«Тайна хэнсомского кэба»* — детективный роман английского писателя Фергуса Хьюма (1859—1932).

Да, конечно, я мог бы все доказать, но я не смею. Дядя заглотнул крючок и объявил перерыв в расследовании.

Я тотчас отправился в табачную лавку на мосту над стритемской станцией и попросил хозяина сказать, если его спросят, что я заходил к нему в четверг вечером (то есть как раз во время нашей прогулки в кэбе). Он был свой парень и, естественно, оказался только рад помочь. Я вернулся к дяде и предложил сделку. Я расскажу ему, где я был, но он должен пообещать меня не наказывать, потому что меня сбила с пути дурная компания. Дядя охотно согласился; и я, трепеща и со слезами на глазах, признался, что был в табачной лавке. В каком-нибудь более невинном алиби он бы усомнился. Девица, разумеется, утратила всякое доверие, и больше ничего об этом деле я не слыхал. А ведь я поимел ее прямо на материнской кровати!

Вот до чего доводит людей пуританство. С одной стороны, оно вынуждает милую девушку идти на шантаж; с другой — юноше, желающему осуществить свои естественные права безнаказанно, приходится прибегнуть к низменному обману и, вдобавок, невольно причинить зло этой самой девице, к которой он в действительности питает лишь самые дружеские чувства. До тех пор, пока сексуальные отношения осложняются соображениями религиозного, социального и финансового порядка, они снова и снова толкают людей на всевозможные трусливые, бесчестные и отвратительные поступки. Точно так же во время войны, когда возникают препятствия к удовлетворению другой схожей потребности — в физической пище, на всяческие мерзкие уловки вынуждены пускаться даже честные граждане. Ни мужчины, ни женщины не смогут вести себя достойно до тех пор, пока господствующая мораль ставит препоны к законному удовлетворению физиологических нужд. Природа всегда мстит тем, кто ее оскорбляет. Не следует осуждать рабочего как преступника и безумца, если котел взорвался по причине засора в предохранительном клапане. Виноват инженер. В наши дни подобные взрывы, большие и маленькие, гремят уже по всему миру, потому что общество так и не организовало системы, которая позволила бы всем его членам полноценно и без конфликтов удовлетворять свои потребности и безо всяких лишних неудобств избавляться от побочных продуктов.

Но в целом за мной следили столь бдительно, что происшествия, подобные вышеописанному, оставались редчайшими случайностями. Горький опыт научил меня, что доносчиком может оказаться почти кто угодно, так что малейшая неосторожность в разговоре с безобидным, на первый взгляд, незнакомцем способна повлечь за собой катастрофу. Тем самым были заложены основания для чрезвычайной стеснительности, от которой я так никогда и не избавился. Я был практически лишен радости человеческого общения — даже с великими людьми прошлого. Единственным моим утешением стало сочинение стихов.

Как именно я пришел к выводу, что поэзия исключительно ценна и важна, объяснить трудно. Существовала своего рода семейная традиция относиться к поэтам с почтением; но она была столь же иррациональна, сколь и все прочие убеждения моих родных. Могу лишь предположить, что они в свое время поверили школьным учителям, утверждавшим, что английские поэты суть светочи человечества, ибо собственные их познания в поэзии не шли дальше «Касабьянки» и «Нас семеро»[1]. Но я открыл для себя Шекспира. Три старых тома ин-фолио обнаружились на ферме в Форсинарде[2]. Издание Шекспира имелось и у моей матери, но дома я не читал его, потому что он был разрешен. Однако на ферме больше читать было нечего. Я увлекся и просиживал над книгами ночь за ночью. (Кстати сказать, я к любому делу всегда подходил на редкость основательно. У моего отца была любимая проповедь о слове «но»; под впечатлением от нее я пролистал всю Библию и каждое встреченное «но» обвел чернилами, заключив в аккуратный прямоугольник.)

Помимо нескольких хрестоматийных стихотворений, в моем распоряжении был также «Потерянный рай»[3]. Он казался мне по большей части скучным (и до сих пор кажется), но позволял насладиться образами Сатаны и греха. Все же Мильтон был великим поэтом, а потому его подсознательное творческое «я» яростно противостояло христианству. Его Сатана — не просто герой, но герой торжествующий. Все

1 *«Касабьянка»* — см. примеч. 1 на стр. 46. *«Нас семеро»* — романтическая баллада Уильяма Уордсворта (1770—1850).

2 *Форсинард* — примеч. 1 на стр. 80.

3 *«Потерянный рай»* (1667) — эпическая поэма Джона Мильтона (1608—1674), повествующая о войне падших ангелов против Бога и о грехопадении человека.

Божьи угрозы пропадают втуне. Подлинную мощь и красоту являют лишь так называемые силы зла. Все достоинства святых — лишь пустые побрякушки. Изобразить добро с сильным характером вообще невозможно. В сущности, по учению христиан, добро — это именно что отсутствие характера, ибо оно подразумевает совершенную покорность Богу. Первый грех Сатаны — отнюдь не гордыня. Гордыня вторична; она произрастает из осознания отдельности. Конечно, последнее, с мистической точки зрения, — самый настоящий грех, ибо для мистика весь проявленный мир несовершенен. Христианским богословам не хватает логики, чтобы, подобно своим старшим собратьям, теологам-индуистам, понять, что любое проявленное существо неизбежно должно отличаться своими свойствами от любого другого. Но инстинктивно они это чувствуют, и в результате божественные персонажи у Мильтона получились относительно бесцветными. Так преобразила природу Бога надстройка греческой философии на базисе дикарского фантазма под именем Яхве. Собственное мое отношение к этому предмету наглядно выдают мои эстетические склонности. Гладкая, пресная красота всегда была мне противна. Уродство увечности отталкивало меня, но уродство силы — напротив, поглощало всю мою душу. Швейцарские озера с их кроткими красотами я презирал; и, напротив, грубые и голые скалы и угрюмое одиночество таких озер, как Ллин-Идуаль[1], будоражили мое воображение. Уостуотер[2] не оправдал в моих глазах своей поэтической репутации. Только углубившись в местные горы, я обрел счастье. Я никогда не воспринимал красоту, не переплетенную так или иначе со смертью. Буржуазное стремление прожить жизнь, ни разу не соприкоснувшись ни с чем «неприятным», казалось мне величайшей низостью, как нельзя лучше соответствующей складу характера небожителей из «Потерянного рая».

Кроме того, мне разрешалось читать Теннисона и Лонгфелло, но считать их поэтами в настоящем смысле этого слова

---

1 *Ллин-Идуаль* — небольшое живописное озеро в горах Глидерай в Сноудонии (на севере Уэльса), в котором, согласно преданию, в древности был утоплен врагами сын одного из местных правителей.

2 *Уостуотер* — озеро в долине Уосдейл в Озерном крае (Камбрия, Уэльс). Традиционно считается красивейшим из местных озер и неоднократно восхвалялось поэтами.

невозможно. Все их выхолощенные персонажи внушали мне крайнее отвращение. Даже пороки их — и те провинциальны.

8

Итак, когда дело дошло до самостоятельного сочинительства, я естественным образом стал разрабатывать три направления: во-первых, небольшие стихотворения по образцу привычных мне гимнов; во-вторых, пародии, главным образом на шотландские и английские песни; и, в-третьих, эпические поэмы по мотивам сэра Вальтера Скотта. В общей сложности я накропал, наверное, больше ста тысяч строк. Практически все эти стихи были впоследствии уничтожены, о чем я несколько сожалею. Поэтической ценности они не представляли, но содержание их дало бы полезные свидетельства о ходе моих мыслей в тот период. Немногочисленные уцелевшие отрывки включены в мой сборник «Оракулы»[1]. Помню, что по общей идейной направленности они превозносили победу бунтарства и юности над зрелостью и благонравием. Для пущего эффекта я постоянно прибегал к выразительным крайностям. Припоминаю две строчки из эпоса «Леди Этельреда»:

> Барон Этельред на стену полез:
> Он бесновался, как бешеный бес.

Но, став чуть постарше, я научился обращаться со своим материалом более осмотрительно. Мать, разумеется, прочила меня в продолжатели отцовского дела, то бишь в проповедники, но коль скоро обойтись совсем без профессии я не мог, она решила, что я должен стать врачом: ведь «у врача столько возможностей!» (в плане обращения душ к Иисусу, разумеется; сама она ничего забавного в этой реплике не усматривала). Соответственно, я начал понемногу изучать медицину и разразился следующим опусом:

1 *«Оракулы»* — сборник стихотворений Кроули с подзаголовком «Биография искусства», впервые опубликованный в 1905 году.

Взгляд за кулисы

На больничной кровати одна
Постепенно гниет она!
День и ночь проклятий полна
Постепенно гниет она!
Из-под струпьев на коже почти не видна,
Не умыта, вонюча, грязна и страшна,
Громким криком и мертвым в могилах слышна,
Постепенно гниет она![1]

Заметим, что название этого стихотворения иронично. Оно заимствовано из одной популярной в то время благонравной книжицы, в которой описывалась жизнь бродячих актеров с намеком на то, что единственная надежда для них — обращение к Иисусу. Ироничны и сами стихи: они откровенно критикуют поверхностную философию оптимизма, столь характерную для «воспитанного христианина» тех времен. Я же анализировал жизнь в духе Шопенгауэра. Я не видел никакого резона делать вид, что жизнь не исполнена ужасов. Смерть и нижнее белье — это факты жизни, и суть их не изменится от того, что мы будем обходить их молчанием или изобретать для них эвфемизмы. Я опустился до смакования убийств и тлена лишь потому, что эти явления более всех контрастировали с господствовавшими в то время установками. Язычество — здравая религия, ибо она смотрит фактам жизни в лицо; но мне здоровый взгляд на природу был заказан. В моем положении невозможно было с улыбкой отмахиваться от христианских бредней; я вынужден был, как уже говорилось, тушить огонь огнем и сдирать с себя ядовитые припарки отравленными кинжалами.

Таково было влияние домашней жизни. Но оно частично смягчалось более приличным влиянием школы. О своей стритемской школе я уже упоминал. Именно там случилось последнее важное происшествие этого периода. 5 ноября 1891 года[2] я решил отличиться как лучший в школе знаток хи-

1 Рус. пер. Н. Макаровой.

2 *5 ноября* — национальный английский праздник, Ночь Гая Фокса, известный также как Ночь костров или Ночь фейерверков. В честь

мии. Я купил в бакалее стеклянную банку на десять фунтов, засыпал на дно два фунта пороху[1], а поверх выложил слоями разноцветные «огни». По составу все они были одинаковы (не считая небольших примесей различных солей металлов): сахар и хлорат калия. Чтобы уж наверняка не оплошать, я приставил к делу всех домочадцев, и они перемешали ингредиенты так основательно, что получилась настоящая хлоратная взрывчатка. Я тщательно утрамбовал смесь в банку, зарыл ее по горлышко на школьной площадке, сверху воткнул ракету и в положенный момент поджег. Но ракета оказалась укреплена слишком плотно и не взлетела, а бумажный пыж сгорел слишком быстро, так что я не успел отойти. Я ничего не увидел и не услышал — только почувствовал, как по лицу мазнуло чем-то теплым и липко-зернистым. Затем я обнаружил, что стою на краю преизрядной ямы, и гадаю, что же я сделал не так и почему мой эксперимент провалился. Помню, как я извинился перед присутствующими за неудачу и сказал, что мне надо пойти умыться. Затем я с некоторым удивлением осознал, что меня поддерживают с двух сторон мать и домашний учитель. В следующий раз я очнулся уже в кабинете директора школы, где мне оказывали первую помощь. О дальнейшем я уже ничего не помню, кроме досады на то, что меня разбудили, чтобы переодеть. Я проспал девяносто шесть часов, лишь изредка приходя в сознание, и то не полностью. Моему домашнему учителю хватило ума отправить телеграмму доктору Голдингу Бёрду в Гайз-хоспитал[2], и только его вмешательство, вероятно, спасло меня от рожистого воспаления и слепоты. В последующие дни из-под кожи на лице у меня извлекли больше четырех тысяч осколков гравия и тому подобной всячины, а впервые открыть глаза на несколько минут мне разрешили только на Рождество. Взрыв получился грандиозный. По всей округе в домах вылетели стекла, а в лавке химика на железнодорож-

---

годовщины провала «Порохового заговора» (попытки взорвать Парламент Великобритании в Лондоне в ночь на 5 ноября 1605 года) по всей стране зажигают фейерверки и костры, на которых сжигают чучело Гая Фокса — самого знаменитого участника заговора.

1 *«...банку на десять фунтов...»*: т.е., объемом около 4,5 л; *«...два фунта пороху...»*: т.е., около 900 г.

2 *Бёрд*, Голдинг (1814—1854) — известный английский врач и специалист по применению химии в медицине, член Королевского медицинского общества; читал лекции в лондонской больнице *Гайз-хоспитал*.

ном мосту — в четверти мили[1], а то и дальше, от места взрыва, — задребезжали склянки на полках, чего не случалось даже при проходящих поездах. Как ни странно, никто, кроме меня, не пострадал. Впрочем, и я не жаловался: я стал героем дня, я оставил свой след в истории!

На следующий год я созрел для средней школы. Мой дядя Джонатан хотел, чтобы меня отправили в Винчестер для поддержания семейной традиции, но для поддержания здоровья мне требовался более бодрящий климат, и было решено, что я поеду в Малверн. Звезда Малверн-скул в то время разгоралась на спортивном небосклоне все ярче. У нас был блестящий отбивающий — Перси Лэтем; были Г.Р. и У.Л. Фостеры, твердо намеревавшиеся отличиться не мытьем, так катаньем, а на пятки им уже наступали младшие отпрыски этой знаменитой спортивной семьи. Кроме того, был еще один многообещающий новичок — К.Дж. Бёрнап[2].

Однако в иных отношениях школа оставляла желать лучшего. Издевательства над младшими процветали безнаказанно, и старосты не только не следили за порядком, а были худшими из зачинщиков. Мне как мальчику застенчивому и необщительному, слабому здоровьем и не способному играть в футбол, естественно, доставалось больше прочих, что, в конце концов, толкнуло меня на один из немногих за всю мою жизнь поступков, которые способны внушить мне чувство вины. Грубость и глупость царили в этой школе безраздельно. Правда, руководство приложило немало усилий, чтобы искоренить практику «смазки», заключавшуюся в том, чтобы как можно более смачно плюнуть человеку в лицо или на спину. Но у нас, на факультете Хантингдона (№4), это развлечение оставалось в ходу, что и составляло единственную нашу заявку на превосходство над другими домами. Насколько я

1 *Четверть мили* — около 400 м.

2 *Отбивающий* — игрок в крикете, задача которого состоит в том, чтобы защитить ворота и отбить мяч по возможности дальше в поле. *Лэтем*, Перси Холланд (1873—1922) — известный английский крикетист, правый отбивающий в командах Кембриджского университета и Сассекса. *Фостеры* — двое из семерых братьев Фостеров, обучавшихся в конце XIX века в Малверн-скул и впоследствии ставших известными крикетистами; впоследствии играли за команду Вустершира; трое из них в разное время возглавляли Вустерширский крикетный клуб, получивший в связи с этим шуточное прозвище «Фостершир». *Бёрнап*, Катберт Джеймс (1875—1960) — знаменитый крикетист, игравший за команду Кента.

помню, никто из наших так и не вошел ни в одну из двух футбольных команд. Старосты были тупыми скотами, не желавшими ни учиться, ни заниматься спортом; их не интересовало ничего, кроме похабщины и утверждения своей мелочной власти. Особенно их раздражало то, что я вел себя безупречно. Выпороть меня без разрешения декана они не могли. Но я не осознавал, как бдительно за мной следят, и в конце концов попался на каком-то пустяковом нарушении дисциплины в часы, отведенные для подготовки уроков. Староста, наблюдавший в тот день за порядком, едва дождался перемены и, сгорая от злорадства, поспешил к декану. Но я был уже там. Конечно, я не избежал взбучки, но в утешение мне кое-кто вылетел из школы со свистом. С формальной точки зрения мой поступок, разумеется, не имел оправданий; но примем во внимание, что я несколько месяцев безропотно держал язык за зубами и прибегнул к тяжелой артиллерии лишь тогда, когда к ней же обратились мои обидчики.

Здесь уместно будет подчеркнуть, что я до сих пор оставался на удивление невинным. Мой сосед по классу был самой популярной на факультете «шлюшкой» и немало на том наживался, но, хотя факты эти мне были известны, я понятия не имел, что именно за ними стоит.

Вот одна история, хорошо иллюстрирующая это обстоятельство. Наш классный наставник обычно скидывал двадцать процентов «строчек» тому, кто сдавал работу раньше срока. Но однажды меня усадил за «строчки» какой-то другой учитель, и я сдал ему восемьдесят процентов с припиской: «Минус двадцать процентов за то, что кончил раньше». Он решил было, что я над ним издеваюсь; но после допроса с пристрастием я был оправдан. Я и вправду не подозревал, что сморозил какую-то двусмысленность.

Учеба в Малверне почти не оставила на мне отпечатка. По большей части я был погружен в свои мысли и старался соприкасаться со школьной жизнью как можно меньше. Друзей я не заводил. Повсеместно царящая грубость не вызывала у меня ни малейшей симпатии, и потакать ей, чтобы выбиться в любимчики у старших, я не желал. В целом мою установку иллюстрирует следующий эпизод.

Кто-то из старост стал подначивать меня и предложил доказать, что я не трус, — сразиться со Смитом-третьим, который был гораздо младше и слабее меня. Я отказался, рассудив так: если я не стану драться, то, конечно, прослыву трусом, но если стану — меня обвинят в издевательствах над младшими и еще, чего доброго, донесут директору, что я затеваю драки.

Никаких планов на будущее в связи с этой школой я не строил. Я предпочитал мечтать о том, как буду лазать по скалам на каникулах, и продолжал писать стихи. В памяти сохранились два отрывка. Вот первый:

> «Не верь князьям!» — о Гордон-Камминг[1], сей урок
> Пускай тебе послужит впрок.

Кажется невероятным, чтобы мальчик в таком возрасте интересовался подобными делами и занимал при этом столь революционную позицию. Но я давно и прочно ненавидел ганноверских узурпаторов[2] и ни секунды не сомневался (как не сомневаюсь и до сих пор), что смошенничал в той игре отнюдь не Гордон-Камминг.

Из второго стихотворения уцелели следующие строки:

> О бедная вдова! Присяжных злоба
> Вас обрекла на муки без вины!
> Как гвоздь неумолимый в крышку гроба,
> Ваш приговор — позор для всей страны.
>
> Позор судье, что факты презирает!
> Сиделке вероломной — срам и стыд!
> Но вся страна с сочувствием взирает

---

1 *Гордон-Камминг*, Уильям Александр Гордон, 4-й баронет (1848—1930) — шотландский помещик, военный и авантюрист, с именем которого связан нашумевший «Королевский карточный скандал» (1890, получивший такое название из-за участия в нем нескольких аристократов из высшего света и, в том числе, будущего короля Англии Эдуарда VII). Гордон-Камминг был обвинен в шулерстве при игре в баккара и, не сумев оправдаться, вынужден был покинуть свет и удалиться в свое поместье.

2 *«...ганноверских узурпаторов»* — т.е., королевскую династию Ганноверов, правившую Великобританией с 1714 по 1901 гг. Ганноверы пришли к власти в Англии благодаря парламентскому акту о престолонаследии 1701 года, лишившему католическую мужскую линию Стюартов прав на престол в пользу протестантки Софии Ганноверской и ее потомков.

На вас, мадам, и лишь о вас скорбит.

Вся Англия — за вас! Поверьте нам
И не теряйте мужества, мадам!

Мое сочувствие к миссис Мэйбрик[1] никоим образом не означало, что я действительно верил в ее невиновность. Она совершила прелюбодеяние — и для меня этого было более чем достаточно. Само это слово, «прелюбодеяние», волновало меня до мозга костей. Прелюбодеяние было венцом греховности и искупало в моих глазах любую вину.

Близких друзей у меня не было. К учебе я прилагал ровно столько усилий, чтобы не навлечь на себя серьезного наказания, но в первые ученики не стремился. Шекспировская премия, в соревновании за которую должны были участвовать все, меня не интересовала, и из двух заданных пьес — «Ромео и Джульетты» и «Ричарда III» — я не прочел ни строчки. Но за три дня до экзамена я чего-то испугался, отпросился с тренировок и так налег на учебу, что в результате занял шестое место по школе. Я заучил несколько длинных отрывков и мог цитировать их по памяти. Вообще у меня в любом деле всегда все сводилось к вопросу о том, интересно оно мне или нет. У меня есть задатки серьезного ученого-классика, но я никогда не мог заставить себя учить наизусть греческие и латинские стихи. Что еще более странно, я так и не овладел правилами просодии[2]. Даже самые нелицеприятные критики признают за мной непревзойденную технику стиха и чувство ритма; а между тем правила метрики для меня — пустой звук,

1 *Мэйбрик*, Флоренс (1862—1941) — американка, в 1899 году осужденная британским судом за предполагаемое убийство мужа, Джеймса Мэйбрика, который был значительно старше своей супруги. Основаниями для обвинительного приговора послужили найденные в теле покойного после вскрытия следы мышьяка (который он в действительности употреблял в малых дозах как лекарство от малярии) и показания сиделки, свидетельствовавшей против миссис Мэйбрик. Негативное впечатление на присяжных и публику произвели вскрывшиеся на суде факты о супружеской неверности Флоренс: многие решили, что она отравила мужа, чтобы избежать развода, который погубил бы ее репутацию. Однако смертную казнь для нее заменили тюремным заключением. Так и не признав своей вины, Флоренс провела за решеткой четырнадцать лет.

2 *Просодия* — здесь: наука об интонации, тоне и расстановке ударений в стихотворной речи.

потому что никто еще не объяснил, как они влияют на звучание стихов при декламации.

В целом, школьная жизнь пришлась бы мне по вкусу, если бы не унижения со стороны старших и не отсутствие какого бы то ни было интеллектуального общения. Игры меня не интересовали; мои амбиции в области спорта ограничивались скалолазанием. Правда, в Малверне не было христианства! И местные нравы были, как ни плохи, но хотя бы, по крайней мере, мужественны. Но я уже достаточно подрос, чтобы с успехом противостоять домашним учителям, и с ними чувствовал себя свободнее, чем в школе. Я решил распрощаться с Малверном и, оказавшись дома на каникулах, живописал такую картину творящихся там мерзостей (о которых на самом деле не знал ничего и даже не был уверен, что они и в самом деле творились), что мать решительно запретила мне туда возвращаться. Как она впоследствии мне напомнила, я сказал: «Если бы мистер Хантингдон (декан) только знал, что происходит на факультете, у него бы случился разрыв сердца». Чистый блеф! Но он сработал: на следующий семестр меня отправили в Тонбридж[1].

К тому времени я уже неплохо изучил свои сильные стороны и умел извлекать из них преимущество. В некоторых отношениях жизненного опыта у меня было больше, чем у многих моих сверстников. На каникулах я наслаждался всевозможными приключениями — рыбной ловлей, скалолазанием, ухаживанием за девицами и так далее, — в которых мог полагаться только на собственные силы. К тому времени, как я приехал в Тонбридж, во мне развился своего рода естественный аристократизм. Меня уже стали побаиваться; ни о каких издевательствах уже не было речи. Должно быть, я стал гораздо крепче здоровьем. Альбуминурия вызывает меланхолию и подтачивает физическое мужество. Вдобавок я, несомненно, испытывал постоянное раздражение из-за фимоза, так что операция принесла большое облегчение. Итак, я был более или менее готов дать сдачи любому, кто станет мне досаждать. И окружающие старались этого не делать.

Кроме того, атмосфера в Тонбридже была гораздо более цивилизованной, чем в Малверне. Это только сейчас она стала

1 *Тонбридж* — старинный город в графстве Кент, где находилась одна из лучших в Англии частных закрытых школ, основанная еще в 1553 году.

слащавой. Тогда же не было и следа той «брачной системы», которая появилась позже и, как говорят, ныне цветет пышным цветом. «Миссис такая-то» было в те времена презрительной кличкой, тогда как сегодня ученик запросто может сам назвать себя так, чтобы показать, что он — «свой», а не «один из тех». Моим лучшим другом там был брат Ч.Ф.Г. Мастермана[1]. Он не был ни ябедой, ни лицемером; и сам этот факт дает представление об общей атмосфере в школе.

Нормальная человеческая жизнь, вкус которой я познал благодаря Арчибальду Дугласу, полностью выправила мне мозги в том, что касалось сознательного подхода к жизни. Основная задача теперь заключалась не в том, чтобы «сатанинствовать», как назвал бы это Гюисманс[2], но попросту в том, чтобы спастись от угнетателей и наслаждаться жизнью без какого бы то ни было вмешательства со стороны так называемой духовной жизни. Самое глубокое счастье я испытывал в полном одиночестве в горах; но нет оснований предполагать, что удовольствие это проистекало из каких-либо мистических переживаний. Единственными слагаемыми моего восторга были красота формы и цвета, приятное возбуждение от физической нагрузки и умственное воодушевление от поисков наилучшего пути к вершине. Если я и грезил о чем бы то ни было, то лишь о сексе самого обычного рода. Я не чувствовал потребности в фантазиях о каком-либо извращенном или недоступном удовольствии. Подчеркну это обстоятельство особо, потому что моим современникам всегда казалось, будто я — какое-то из ряда вон выходящее существо, одержимое фантастическими страстями. Но от природы я совершенно к таковым не склонен. Как только я сбрасывал с плеч давление извне, с ним исчезали и все признаки отклонения от нормы. В такие периоды меня почти не тянуло писать стихи. У меня не было даже обычных для всякого молодого человека амбиций. Мне достаточно было просто заниматься спортом, вовсе не желая достичь каких-то выдающихся побед. Мне естественным

1 *Мастерман*, Чарльз Фредерик Гарни (1873—1927) — британский журналист и политик, член либеральной партии.

2 *Гюисманс*, Жорис-Карл (1848—1907) — французский писатель, автор мистического романа «Без дна» (1891, в рус. пер. известен также под названием «Там, внизу»), в котором выведена группа современных ему сатанистов и содержится описание черной мессы.

образом нравилось находить пути в горах, которые казались мне интересными и сложными. Но мне никогда и в голову не приходило соревноваться с другими людьми. Покорить Трифан и Тулл-Ду[1] меня побудили чисто эстетические соображения. Но в связи с этим последним восхождением сложилась ситуация, весьма примечательным образом предопределившая мою дальнейшую жизнь.

9

Я понятия не имел, что альпинизм — это не просто развлечение, а признанный вид спорта. Но летом 1892 года мы с матерью остановились в гостинице в Шлигехане на острове Скай[2]. Там я познакомился с сэром Джозефом Листером[3], разговорился с ним о своих горных прогулках и спросил его насчет Куллинов. Он любезно посоветовал мне обратиться к нескольким настоящим альпинистам, жившим в гостинице, и попросить включить меня в партию, запланировавшую восхождение на завтрашний день, а они столь же любезно приняли меня и взяли с собой на Сгурр-нан-Гиллеан по маршруту, пролегавшему через Верхний хребет[4]. Я впервые увидел своими глазами, что такое настоящий альпинизм, и сразу же понял, что одним только карабканьем на руках и ногах сыт не будешь.

---

1 *Трифан* — гора в Сноудонии (Уэльс) в составе горного массива Глидерай; 15-я по высоте из гор Уэльса (917 м над уровнем моря). *Тулл-Ду* (валлийск. «Чертова Кухня») — ущелье на склоне горы над озером Ллин-Идуаль (см. примеч. 1 на стр. 95).

2 *Скай* — самый крупный и самый северный остров в архипелаге Внутренние Гебриды (Шотландия). Главная достопримечательность острова — гористая местность, известная под названием «Черные Куллины». *Шлигехан* — деревушка с видом на Куллины.

3 *Листер*, Джозеф, 1-й барон (1827—1912) — английский врач, вошедший в историю как основатель хирургической антисептики; увлекался альпинизмом.

4 *Сгурр-нан-Гиллеан* — гора в северной части Куллинов (964 м), одна из самых известных в этом горном массиве. Маршрут через *Верхний* (северный) *хребет* является более сложным, чем традиционный (так называемый «туристический»): он требует применения альпинистского снаряжения и умения спускаться на канате.

По-моему, уже следующим летом я отдыхал на ферме в Лэнгдейле[1] и услышал от местных жителей о знаменитом двадцатичетырехчасовом маршруте. Суть его состояла в том, чтобы за один день подняться на четыре высочайших горы: на пики Скафелла, на Хелвеллин, Скиддо и Седло[2]. Я решился лишь на маленькую прогулку[3]. Выйдя из Лэнгдейла на рассвете, я поднялся на Лэнгдейл-Пайкс и направился по гребню к Скафелл-Пайкс. Перебрался на Скафелл через Броуд-Стэнд и, увидев перед собою зубец Дип-Гилл, одолел его по пути на вершину Скафелла. Над Лингмеллом и над долиной внизу[4] было чудовищно жарко, так что карабкаться на Грейт-Гейбл по осыпи я не стал. Мое внимание привлек Грейт-Нэйпс-Нидл; на него я и поднялся, откуда простейшим путем — по гребню (или ущелью, уж и не помню) Нидл — дошел до высшей точки горы. К тому времени я уже сходил с ума от жары, жажды и изнеможения; я больше не мог идти, но кое-как дополз на четвереньках до Стай-Хед-Тарн, воды которой отчасти привели меня в чувство. Я повернул домой и к ночи добрался до вершины перевала Россет-Гилл. Луна светила ярко, но искать дорогу вниз все равно было ужасно трудно. Должно быть, от усталости меня немного кружилась голова, и в долгом спуске между ослепительно-белыми пятнами света и черными, как смоль, тенями мне чудилось что-то дантовское. У подножия перевала я столкнулся с небольшим спасательным отрядом, который только что отправился меня разыскивать. К одиннадцати часам я уже был дома. Надо признать, я недурно себя показал — с учетом возраста.

Другой случай — не столь героический, но более забавный. Мой учитель пригласил на ферму в Лэнгдейле на несколько дней свою сестру. Я взял ее с собой на Лэнгдейл-Пайкс

---

1 *Лэнгдейл* (Грейт-Лэнгдейл) — долина в Озерном крае (Камбрия), популярное место отдыха среди альпинистов. Одна из главных местных достопримечательностей — Лэнгдейл-Пайкс, расположенная с северной стороны долины группа гор, в которую входят нижеперечисленные вершины.

2 *Скафелл* — самая высокая гора Англии (978 м); «пиками Скафелла» в то время называли группу из трех вершин: собственно пик Скафелла (Скафелл-Пайк), Крэг-Ill и Броуд-Крэг. *Хелвеллин* — пик высотой 950 м, третья по высоте гора Англии. *Скиддо* — пик высотой 931 м, четвертая по высоте гора Англии. *Седло* (Бленкатра) — гора, в высочайшей точке достигающая 868 м.

3 *«...лишь на маленькую прогулку»*: т.е., лишь в окрестностях пика Скафелла; ниже описывается один из возможных, но самых опасных маршрутов восхождения на эту вершину.

4 *«...над долиной внизу»*: имеется в виду долина Уосдейл (см. ниже).

и нашел неплохое место для подъема. Веревки не было, так что мне приходилось подталкивать свою спутницу снизу. Она перепугалась и разразилась страстным монологом, перемежавшимся воплями и варьировавшим на разные лады всего три темы: «Я сейчас упаду!.. — Отче наш, сущий на небесах!.. — Не смотрите на мои ноги!..» Господи Боже мой! Она, можно сказать, «научила меня всему, что нужно знать о женщинах». Психология благовоспитанной юной леди внезапно передо мною раскрылась во всей полноте. Малодушная трусость, навязчивая стыдливость и набожность, дурманящая ум, — все точь-в-точь, как в царстве Теннисона!

Открывшийся сверху вид на Уосдейл[1] заинтересовал меня, и однажды, сырым туманным утром, я решил отправиться туда через горы. Я начал было взбираться на Скафелл — главным образом с мыслью покорить несколько ущелий, которые приметил в прошлый раз. Но, добравшись до Грасс-Трэверс, я услыхал над головой в тумане чьи-то голоса, а через несколько минут из-за скалы навстречу мне выступил рыжеусый здоровяк с обвязанными веревкой плечами. Это оказался Дж.У. Робинсон — местный фермер и отец-основатель альпинизма в Камберленде[2]. Он предложил показать мне кое-какие маршруты попроще. Тем утром он отправился в горы с неким Оуэном Глинном Джонсом[3]. Джонс настаивал на подъеме по Стип-Гилл — полого поднимающемуся ущелью, стены которого состоят из гладких плит, расположенных под опасным углом. Идти по краю — на высоте около восьмидесяти футов[4] от дна — невозможно: там некуда даже поставить ногу и не за что ухватиться. Учитывая, что по дну мчится ледяной

1 *Уосдейл* — долина в западной части Озерного Края, над которой возвышаются пики Скафелл и Грейт-Гейбл (Большой Фронтон). Вид на нее открылся Кроули с вершины Лингмелл во время вышеописанной прогулки.

2 *Робинсон*, Джон Уилсон (1853—1907) — фермер, делец и альпинист, предложивший в 1887 году создать альпинистский клуб в Озерном Крае. Эта идея воплотилась в жизнь в 1906—1907 гг. с появлением клуба «Фелл энд Рок» («Гора и скала»). Также Робинсон первым (в 1885 году) ввел в употребление альпинистскую веревку для восхождения на горы в этой местности.

3 *Джонс*, Оуэн Глинн (1867—1899) — известный валлийский альпинист, проложивший много новых маршрутов в Лэнгдейл-Пайкс и других горах. В 1897 году опубликовал написанную в соавторстве с альпинистом Джорджем Абрахамом книгу «Скалолазание в английском Озерном Крае».

4 *«...около восьмидесяти футов»* — около 24 м.

поток, вся эта затея была чистой глупостью. Робинсон от нее отказался, Джонс поругался с ним, и они распрощались.

Позже я понял, что Робинсон был совершенно прав. Идти в связке с Джонсом мне довелось лишь однажды. Дело было на Грейт-Гейбл, среди обледеневших скал, под пронизывающим ветром. В таких условиях полагаться на пальцы невозможно. Наша партия решила спуститься по Косой Трубе на склон над Эннердейлом[1]. Робинсон пошел первым. Вторым — поляк по фамилии Левкович, которого все называли «Масло, жир и воск», ибо он не только был большим знатоком этих субстанций, но и наглядно демонстрировал их свойства всем своим видом. Опыта скалолазания он не имел и весил около шестнадцати стоунов[2]. Именно мне как третьему в связке выпало на долю плавно спустить его вниз. Разумеется, мне при этом самому приходилось постепенно спускаться: веревка была слишком короткая, чтобы покончить с делом в один прием. Вскоре я очутился в самой сложной части трубы, совершенно не подходящей для манипуляций с подвешенной на веревке тушей. Я поднял голову и хотел было крикнуть Джонсу, замыкавшему связку, чтобы он подержал мою веревку, пока я займусь Левковичем, но к ужасу своему обнаружил, что Джонс исполняет какой-то дикарский боевой танец в попытках удержать равновесие. Ему мешал привязанный на спину фотографический аппарат — Робинсон тщетно призывал спустить его отдельно. Поскольку ни Эйнштейна, ни Святой Девы Марии под рукой не оказалось, отменить закон тяготения было некому, и я понятия не имею, каким чудом нам удалось спуститься в целости; как только ноги мои коснулись дна трубы, я тотчас отвязал веревку и пошел домой, преисполненный отвращения к суетности этого человека, поставившей под угрозу всю партию. Разумеется, все это не довело его до добра: несколькими годами позже Джонс разбился на склоне Дан-Бланш над Циналем[3], захватив с собой в могилу трех проводников.

---

1 *Эннердейл* — долина у подножия Грейт-Гейбл.

2 *«...около шестнадцати стоунов»* — около 100 кг.

3 *Дан-Бланш* (фр. «Белый Зуб») — гора в Пеннинских Альпах (Швейцария), один из высочайших пиков Альп (4356 м). *Циналь* — поселок у подножия северо-восточного склона Дан-Бланш.

Погиб он исключительно по собственной глупости. Пятый член той злополучной партии, в сущности совсем новичок, остался на краю один, после того как остальные свалились в ущелье. Проводники умоляли Джонса не пытаться забраться обратно на край, но он настоял на своем. Пятый скалолаз перебросил веревку через скалу — и она порвалась между ним и первым в связке. Сам он не стал спускаться в долину, а, напротив, поднялся наверх, переночевал на гребне и на следующий день благополучно добрался до Церматта[1].

Слухи об опасностях альпинизма до смешного преувеличены. Я не знаю ни одного несчастного случая, причиной которого не послужило бы невежество или глупость. То же самое говорил мне и Эккенштейн[2], величайший из современных альпинистов.

Славу самого блестящего скалолаза своего времени Джонс заслужил всего лишь благодаря постоянной саморекламе. Хорошим альпинистом он не был отродясь — просто потому, что не соблюдал правил безопасности. Если до выступа нельзя было дотянуться рукой, он на него прыгал; и то роковое падение на Дан-Бланш стало для него лишь последним из нескольких серьезных происшествий такого рода. Однако своей репутацией он обязан в основном тем восхождениям, которых на самом деле не совершал в подлинном смысле слова. Он обычно нанимал пару фотографов, катался вдоль склона на веревке вверх и вниз, досконально изучал его особенности, а затем «совершал первое восхождение» перед толпой поклонников. А между тем главная трудность в освоении скалы какой бы то ни было высоты — в том, что приходится потратить уйму времени и сил на поиски опорных точек. В повторном же восхождении нет ничего, чем стоило бы гордиться.

Еще один трюк Джонса заключался в следующем: его друзья договаривались с другими людьми о встрече для подъема на те или иные вершины, еще никем не покоренные, а затем под различными предлогами откладывали экспедицию до тех пор, пока Джонс не ознакомится с маршрутом вышеописанным способом.

---

1 *Церматт* — поселок у подножия юго-восточного склона Дан-Бланш.

2 *Эккенштейн* — см. примеч. 1 на стр. 13.

Такое поведение казалось мне абсолютно неспортивным. Торговать горами из тщеславия — что может быть постыднее! И уже в первую неделю я познал вкус человеческой злобы и зависти. С самого начала возник личный конфликт. Робинсон спросил меня, доводилось ли мне уже подниматься на горы в Уэльсе. Я ответил утвердительно, упомянув, в частности, Чертову Кухню, или Тулл-Ду, по которой я как-то раз взобрался, сняв ботинки. Я понятия не имел, что это место знаменито, — а между тем оно считалось неприступным. Сам всемогущий Джонс не смог его одолеть. К удивлению своему, я оказался в центре настоящей бури. Джонс — разумеется, не в лицо, — обвинил меня во лжи. Я об этом не знал, но, тем не менее, сумел отстоять свою правоту. Я никогда не понимал, почему некоторые поднимают такой шум по поводу своих восхождений. Имеет смысл описывать лишь первый подъем на высоту, доселе не изведанную, — чтобы другие люди могли повторить его и тоже получить удовольствие. По той же причине можно описывать интересные вариации восхождения или способ совершить его в одиночку. Так вот, Джонс в то время гремел на всю округу о своем первом восхождении по трубе Керн-Ноттс[1]; однако взять самостоятельно последнюю высоту он не смог: ему пришлось встать на плечи напарнику и подтянуться. Я отправился туда и обнаружил, что, если загнать камень, как клин, в подходящую трещину, то можно поставить ногу футом выше и так добраться до вершины без посторонней помощи. Я проделал это и оставил запись в альпинистском журнале; а на следующий день Г.В. Рид[2] — вероятно, усомнившись в моей правдивости, — последовал по моим стопам. Он нашел мой клин, презрительно осмотрел, выбросил прочь и поднялся на вершину без него, о чем также записал в журнале. Для мистера Джонса это стало двойным ударом. Он лишился возможности утверждать, что невозможное для него невозможно в принципе.

Но этим дело не кончилось. Вершина Ска-Фелл отделена от пиков Скафелла перевалом Миклдор, стена которого со стороны Ска-Фелл становится отвесной. Гребень перевала давно

---

1 *Керн-Ноттс* — одна из вершин пика Грейт-Гейбл в массиве Лэнгдейл-Пайкс.

2 *Рид, Г.В.* — британский альпинист, впоследствии активный деятель Клуба скалолазов, основанного в 1898 году.

исхожен; немного спустившись, можно забраться на скалы либо, с одной стороны, через Броуд-Стэнд или Миклдорскую трубу, либо, с другой, — через Северный подъем; и так далее. Но каждый скалолаз мечтал подняться на Ска-Фелл, начав прямо с высшей точки гребня. Это называли «прямым восхождением на Миклдор»; и никто еще не смог его совершить. Мне показалось, что это — стыд и позор; и я решил эту задачу. На сей раз буря разбушевалась не на шутку. В курительной комнате мою правдивость подвергли сомнениям уже открыто. Я пожал плечами, но предложил повторить восхождение на следующий день при свидетелях — и повторил. Наверное, я наивный осел, но я не понимаю, каким надо быть человеком, чтобы по такому поводу начать строить злодейские интриги. Не стану отрицать, что иногда я намеренно старался разозлить соперника; но я попросту не в силах терпеть идиотское тщеславие посредственностей. К журналу я относился очень серьезно и не написал в нем ни строчки, за которую не мог бы принять полную ответственность. Поэтому, когда альпинистская общественность принялась распевать дифирамбы по случаю пятого восхождения «леди» на Пиллар-Рок, я привел на эту вершину свою собаку и сделал в журнале запись: «Первое восхождение суки сенбернара». Когда Джонс после обычных своих тренировок «одолел» расселину Керн-Ноттс и трое школьных учителей подтвердили в журнале, что видели это своими глазами и что он показал себя искуснейшим мастером и так далее, я дополнил их отзывы заметкой на полях: «Вокруг расселины Керн-Ноттс поднялось столько шума, что Эккенштейн привел туда юную девушку, некую мисс Николс, и попросил проложить ему путь наверх. Она прекрасно справилась».

В Уосдейле тогда собиралось немало забавных личностей, и там же можно было встретить кое-кого из самых выдающихся англичан того времен. Большую часть своих каникул там проводил профессор Майлнз Маршалл[1]. Его гибель стала одним из самых необычных инцидентов в истории скалолаза-

1 *Маршалл*, Артур Майлнз (1852—1893) — профессор зоологии, преподававший в Оуэнз-колледж в Манчестере. Известен тем, что модернизировал программу своего предмета, поставив во главу угла научно-исследовательский подход; ввел начальные курсы биологии и эмбриологии, а также выступал за создание специализированных исследовательских лабораторий. Увлекался альпинизмом.

ния. Дело было погожим зимним днем, но на горах лежал снег. Маршалл отправился с друзьями на Дип-Гилл, но у подножия почувствовал себя неважно и остался внизу, а друзья поднялись и попросили его сделать фотографии. Маршалл установил камеру на заснеженном склоне, пологом, как Ладгейтский холм[1], и совершенно безопасном. Но, тем не менее, он ухитрился упасть, медленно скатился по склону, не сделав ни малейшей попытки спастись, и, в конце концов, ударился о небольшой скальный выступ, у подножия которого и был найден мертвым. Классифицировать это как «несчастный случай при восхождении» невозможно, — иначе таковым следовало бы считать и смерть Нормана Неруды, который скончался от сердечного приступа как раз в тот момент, когда находился в скальной трубе в Доломитах[2].

Вскоре после того, как я приехал в Тонбридж, здоровье мое опять дало слабину. Стало очевидно, что жизнь в закрытой школе мне не подходит. Решено было отправить меня в Истбурн[3] в семью частного учителя по фамилии Ламбер, плимутского брата. Любопытно (между прочим), что одним из учеников этого Ламбера был Анри Бернштейн[4], знаменитый французский драматург и еще одна «надежда» Братии. О самом Ламбере мне почти нечего сказать. Все, что я помню, — это что однажды, по причине, которая уже выветрилась у меня из головы, мы с ним встали и вышли за дверь, чтобы решить спор кулаками. Боксировать я тогда еще не умел. Единственное, что мне пришло на ум, — зажать его голову в тиски левой рукой и бить в лицо правой, что я и проделал, не пытаясь даже закрыться от града ответных ударов, обрушившихся на мой собственный череп. Явственно помню, как меня удивило, что, несмотря на все, я остался невредим.

---

1 *Ладгейтский холм* — невысокий (17,6 м) и пологий холм в лондонском Сити, один из трех древних холмов, на которых некогда был основан город.

2 *Норман-Неруда*, Людвиг (1864—1898) — известный альпинист и художник. *Доломиты* (Доломитовые Альпы) — горный массив в Восточных Альпах.

3 *Истбурн* — крупный город в Восточном Сассексе, на южном побережье Англии.

4 *Бернштейн*, Анри (1876—1953) — французский драматург, писавший, в частности, пьесы на библейские темы.

Днем я занимался в химической лаборатории Истбурн-колледжа под руководством профессора Хьюза[1] и имел честь помогать этому великому человеку в нескольких исследованиях, посредством которых он намеревался доказать, что никакие два вещества не могут образовать соединение в отсутствие третьего. Как ни странно, уже тогда я понимал, какие последствия эта теория может иметь для философии.

В памяти сохранился один весьма значимый инцидент. Както вечером мы беседовали с профессором и в ходе дискуссии я заявил: «Так сказано в Библии». В моих устах эти слова были проникнуты глубочайшей иронией. Я полагал, что профессор расслышит жестокое презрение в моей интонации. Но он не расслышал. Он принял мое высказывание всерьез и разразился страстной обличительной речью в адрес упомянутой книги. Он так рассвирепел, что я даже испугался; интересно же в этом происшествии следующее: я так долго оставался начеку и следил за каждым своим словом, чтобы меня не обвинили в неверии, что буквально обомлел при виде человека, облеченного властью и говорящего о подобных вещах совершенно открыто. <Припоминаю, как я первый раз тайком сходил в театр — на «Маленького Христофора Колумба»[2]: «Неужели все эти люди не боятся, что их за этим поймают?»> Выше я уже рассказывал о своих тщетных попытках отыскать в лоне англиканской церкви некий величайший грех. Я даже заходил в так называемые «высокие» церкви, а однажды дерзнул проникнуть в святилище папистов[3]. Но ничего греховного не обнаружилось даже там. В моих глазах они все были мазаны одним миром: все были холодны, бессердечны, скучны, глупы, пресны и пусты. Излишняя эмоциональность одних из них и преувеличенное благоговение перед святынями, отличавшее других, казались мне абсолютно неискренними. Суть же в том, что (как однажды, в припадке необычайно удивившей меня прозорливости, заметил мой шурин

1 *Хьюз*, Роберт Эдвард — профессор химии в Истбурн-колледже в 90-е годы XIX века, вошедший в историю главным образом как учитель знаменитого английского химика Фредерика Содди.

2 *«Маленький Христофор Колумб»* — опера-бурлеск Айвена Карилла и Густава Керкера на либретто Джорджа Симса и Сесила Рейли. Ставилась в Лондоне с 1893 года и пользовалась в свое время большим успехом.

3 *«...так называемые "высокие церкви"»* — англиканские церкви, в которых используются многие элементы обрядовости, обычно ассоциируемые с католицизмом. *«...святилище папистов»* — римско-католическая церковь.

Джеральд Келли[1]) я был самым религиозным человеком из всех, кого он когда-либо знал. И это — святая правда. Долгое время этот инстинкт таился под спудом, скрытый поначалу непотребствами плимутских братьев и евангелистов, а после — светской жизнью. И в сколько-нибудь заметной форме он впервые обнаружился только позже. Но когда это, наконец, случилось, он стал стержнем всего моего существования. Впрочем, даже в тот начальный период я стремился именно к духовному удовлетворению; и весь мой сатанизм или, позднее, поглощенность мирской суетой, были окрашены в те же тона, что и ранние приключения святого Франциска Ассизского[2].

Стихи мои в то время были частью любовного, частью сатирического содержания. Некоторые опусы сохранились и впоследствии вошли в «Оракулы». Процитирую первую и последнюю строфы из стихотворения об одной девице, с которой я познакомился на приморском бульваре.

Эльвира

Так хрупка ты и так нежна,
Но твоя ль в том вина?
Неужель я первым приник
Поцелуем к цветку ланит?..

...Родилась ты в небесном раю
Для огня преисподней!
Взыщет Бог за любовь твою,
Бойся кары Господней!

Что здесь примечательно, так это подход, который можно охарактеризовать как «Laus veneris»[3]. Он символизирует мой бунт, и на то, чтобы избавиться от него, понадобилось мно-

1 *Келли*, Джеральд — см. примеч. 1 на стр. 49.

2 *«...ранние приключения святого Франциска Ассизского»*: Франциск Ассизский (1182—1226), знаменитый католический святой, по преданию, вел в юности разгульную жизнь, предаваясь пирам, буйным забавам и воинским подвигам.

3 *«Laus veneris»* (лат. «Похвала Венере») — тема, популярная среди художников и поэтов-романтиков второй половины XIX века; такое название носят, в частности, известное стихотворение Э.Ч. Суинберна (1866) и картина художника-прерафаэлита Эдварда Берн-Джонса (1869).

го лет. Я как будто всеми силами цеплялся за идею греховности любви и за веру в то, что она влечет за собой божественное возмездие; отчасти, возможно, это объясняется моей склонностью к мазохизму, а отчасти — по крайней мере, сознательно, — тем, что подобные представления делали грех еще более сладостным. Наслаждение как таковое — не приправленное моральным удовлетворением — никогда меня не привлекало. Поэтому я не спешил отказываться от христианских убеждений: ведь если они — полная чушь, то какое удовольствие в том, чтобы с ними бороться?

Кроме того, вся эта ранняя поэзия становилась только хуже по мере того, как я развивался умственно. Это можно объяснить аналогией с такими играми, как бильярд. Стоит только начать брать уроки, как врожденные способности к игре угасают и не пробуждаются более до тех пор, пока искусственно наработанная техника не превратится благодаря постоянным упражнениям в бессознательный навык.

Кроме нескольких самых ранних стихотворений, таких как «Воздушный шар», все мои вирши, почти без исключения, оставались деревянными, подражательными и чересчур осознанными, пока я не поступил в Кембридж.

В Истбурне я по-прежнему не интересовался спортивными играми. Сколько-нибудь близкого общения с себе подобными я также был лишен. Я все еще не подозревал о существовании английской литературы и не прочел ни одной достойной книги по-французски, умудрившись, впрочем, прекрасно выучить французский язык. В свободное от занятий время я охотился за девицами на бульваре, играл в шахматы или лазал на скалы на Бичи-Хэд[1]. Шахматам я учился почти исключительно по книгам и был весьма удивлен, неожиданно оказавшись лучшим игроком города. Местный чемпион давал мне фору в одну или несколько пешек, но я каждый раз побеждал его, причем настолько легко, что с таким же успехом мог бы давать фору ему — и ничего бы не изменилось. Я вел шахматную колонку в «Истбурн-газетт» и нажил себе тьму-тьмущую врагов, критикуя городской клуб. Я пытался пробудить энтузиазм и требовал, чтобы местные шахматисты учились и трени-

1 *Бичи-Хэд* — самый высокий мыс на южном побережье Англии. Сложен из меловых скал, поднимающихся на высоту до 175 м над уровнем моря.

ровались; я хотел, чтобы истбурнская команда стала сильнейшей в Англии. Но в итоге добился лишь того, что клуб едва не распался и уцелел только чудом.

С позиции редактора колонки я критиковал не только методы отбора команды, но и все остальное, что казалось мне неправильным. Мне попросту не приходило в голову, что у кого-то конструктивная критика может вызывать отнюдь не благодарность, а совершенно иные чувства. Кроме того, сама должность редактора неразрывно связывалась в моих представлениях с Юпитером-Громовержцем. Вспоминаю один эпизод, в котором я дал своей язвительности полную волю. Дело было на клубном турнире. Я выиграл все свои партии, кроме двух, а эти две уступил некоему мистеру Мартину, который, со своей стороны, все никак не приступал к розыгрышу собственных партий, а выйти из соревнования не желал. Я попытался уладить ситуацию в своей колонке и стал обращаться к мистеру Мартину через газету с просьбами начать уже, наконец, играть; я указывал ему, что этого требуют все правила приличия; я напоминал, что все лучшие традиции Англии (благодаря которым она и стала такой, какой есть) в один голос призывают его покончить с проволочками и приступить к делу. В итоге все свелось к еженедельному рефрену на манер Катонова «Delenda est Carthago»[1]. О чем бы я ни писал, все мои рассуждения неизменно завершались одним и тем же выводом: «Мистер Мартин до сих пор не приступил к розыгрышу своих партий».

Этими постоянными придирками я в конце концов вынудил его встретиться со мной и довел партию до очевидно выигрышной для меня позиции. Но мистер Мартин решил избежать поражения, попросту отказавшись делать очередной ход. Думаю, при помощи раскаленных щипцов и сверла можно было бы добиться многого, но никаких иных способов сдвинуть его с мертвой точки не имелось, — а между тем из-за его упрямства я лишился официальной победы на турнире. Я опубликовал анализ позиции, продемонстрировав, что поражение для мистера Мартина неизбежно, и призвав его либо отыграть

1 *«...на манер Катонова "Delenda est Carthago"»*: имеется в виду знаменитый призыв «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» (лат. «А кроме того, я утверждаю, что Карфаген должен быть разрушен!»), которым завершал каждую свою речь в сенате римский государственный деятель Марк Порций Катон Старший (234—149 до н.э.).

оставшиеся ходы, либо сдаться сразу. Но, разумеется, этими маневрами я лишь довел его до белого каления, и ситуация так и не разрешилась. Предпринять что-либо еще я не успел: начались каникулы, и пора было ехать в Швейцарию.

10

Величайшей моей страстью был Бичи-Хэд. Фантастическую красоту его скал не постичь никому, кто не сходился с ними в единоборстве. Любой горный пейзаж, а тем паче скалистый, зависит, прежде всего, от точки обзора. В особенности это становится важно после того, как обучаешься понимать — с точки зрения скалолаза — сокрытый смысл того, что предстает глазам. Обычный человек смотрит на гору, как безграмотный невежда — на греческий манускрипт. И единственный в Англии мел, письмена которым, так сказать, достойны прочтения, — это мел Бичи-Хэд, не в последнюю очередь потому, что здешние скалы гораздо выше любых других, им подобных. Среднестатистическая меловая скала представляет собой либо сплошную отвесную стену, взобраться на которую при нынешнем состоянии альпинистского искусства невозможно, либо, напротив, груду щебня; но Бичи-Хэд не уступает по разнообразию, занимательности и живописности лучшим скальным массивам планеты. Я начал исследовать склон. По невежеству человеческому он оброс всевозможными нелепыми слухами. Общее мнение гласило, что на него еще никто и никогда не поднимался. Впрочем, ходила легенда, что однажды кому-то это все-таки удалось. Я разрешил все споры, пройдя от пляжа до станции береговой охраны за девять с половиной минут, покуривая трубку и ведя на поводке свою собаку (за неимением женщины).

В первых нескольких восхождениях меня сопровождал мой кузен Грегор Грант. Эти начальные маршруты были просты и очевидны, но все же очень важны. Первым великим триумфом стал пик Этельдреды (который я назвал так то ли в честь своей собаки, то ли по имени какой-то школьницы, с которой украдкой встречался, сейчас уже не припомню), вторым — Чертова Труба, а третьим — расселина Куллин. Признать за собой эту последнюю победу до сих пор я упорно отказывался, потому что одержал ее лишь при моральной поддержке в виде

сброшенной сверху веревки, которой так и не воспользовался. Но этот склон оставался бы поистине грозным, даже будь он сложен из самого прочного камня на свете: один из выступов там — нависающий в самом прямом смысле этого слова. По-моему, последние два из трех перечисленных восхождений так больше никто и не повторил.

Мел — вероятно, самая опасная и сложная из всех скальных пород. Его состояние меняется буквально на каждом шагу. Чтобы найти хоть какую-то опору, нередко приходится расчищать огромные груды щебня. И если при этом не соблюдать крайнюю осторожность, на голову вам может обрушиться несколько сотен тонн. Более того, никогда нет полной уверенности, что найденная опора надежна. Таким образом, требуется исключительно точно оценивать, какой вес она выдержит, и не нагружать ее сверх расчетного предела. Любое резкое движение или прыжок почти неизбежно кончаются плохо. По таким скалам не «восходишь», а едва карабкаешься или, точнее было бы сказать, ползешь, как улитка.

С этим уникальным характером передвижения связано одно забавное происшествие. Величайший альпинист Англии, А.Ф. Маммери[1], опубликовал заметку о своих достижениях на скалах в Дувре, где он жил. Он заявил, что скалолазание на высоте более двадцати-тридцати футов[2] над уровнем моря уже невозможно и что практически все его маршруты пролегали по траверсу, то есть не вертикально, а горизонтально. Я написал ему, сообщив, что мой опыт свидетельствует о прямо противоположном. Все мои маршруты пролегали на больших высотах и все (практически без исключений) были вертикальными. Он ответил довольно высокомерно, что, конечно, попадаются травянистые ущелья, подходящие под мое описание, но это не то, что он называет скалолазанием. Я в ответ поблагодарил его и попросил взглянуть на приложенные фотографии «травянистых ущелий». На снимках красовались едва ли не самые

1 *Маммери*, Альберт Фредерик (1855—1895) — английский альпинист и писатель, прославившийся восхождениями на многие вершины в Альпах, ранее считавшиеся неприступными, а также первым за всю историю попытавшийся покорить один из гималайских «восьмитысячников» — пик Нанга Прабат (в этой экспедиции погибли три человека из партии, включая и самого Маммери).

2 *«...более двадцати—тридцати футов»* — более 6—9 м.

внушительные вершины Британских островов и вертикальные разломы, ничуть не менее грозные, чем в Камберленде. Маммери тотчас откликнулся теплым письмом с поздравлениями. Стало понятно, что словом «мел» мы с ним называем две совершенно различных породы.

Я опубликовал несколько отчетов о своих восхождениях в местных газетах, надеясь вселить в местных жителей достохвальный энтузиазм. И снова я переоценил человеческую натуру. Все, чего я добился, — это появления передовицы, начинавшейся словами «Бессмысленное сумасбродство принимает самые разные формы». За этим последовало еще одно потрясение. Мой кузен Грегор внезапно объявил, что собирается жениться, а потому полагает, что более не имеет права рисковать жизнью на Бичи-Хэд. Кумир моего детства разбился вдребезги. Я усвоил свой первый урок по поводу того, о чем давным-давно твердят все религии мира: мужчина, позволивший женщине занять значимое место в своей жизни, уже не способен ни к какой хорошей работе. (Точно так же мужчины порой сходят с ума из-за собак, как старые девы — из-за кошек.) Другое дело — мужчина, которому хватает сил использовать женщин как рабынь или как игрушки для забавы. Но даже и в этом случае опасность есть всегда, и избежать ее непросто. Впрочем, я полагаю, избегать ее не следует. Я убежден, что мужчина должен развить в себе власть над тем, что обыкновенно называют пороками, — над всеми пристрастиями, от женщин до морфия. Но, разумеется, нельзя отрицать, что мужчин, которым это удалось, — очень и очень мало. Снова и снова я наблюдал, как самые многообещающие ученики бросали великую работу всей своей жизни ради какой-нибудь ничтожной юбки, каких на десять центов можно купить десяток. В чем именно заключается работа, совершенно неважно; если она хоть сколько-нибудь стоящая, она требует от человека всего внимания, поэтому женщину можно терпеть в своей жизни лишь при условии, что она приучена помогать мужчине в его работе и не проявляет ровным счетом никаких других интересов. Самоотречение и сосредоточенность, необходимые мужчине для работы, должны дополняться такими же качествами в женщине. Более того, она должна превосходить в этих достоинствах мужчину, потому что преданность

подобного рода неизбежно слепа. Мужчина может слиться воедино со своей работой: удовлетворяя ее потребности, он получает удовольствие сам; но женщина по природе своей не способна понять суть работы как таковой. Поэтому она вынуждена сотрудничать с мужчиной вслепую и тем довольствоваться. Поэтому ее самопожертвование подлинно, тогда как у мужчины оно, скорее, носит характер самореализации. Справедливо, однако, что рано или поздно женщина обретет себя в этом служении, если продержится достаточно долго, чтобы оно вошло у нее в привычку. Ибо женщина — рабыня привычки, то есть закрепившихся побуждений. Индивидуальности у нее нет. Привязавшись к сильному мужчине, который перестал быть собой благодаря слиянию со своей работой, женщина может утвердиться в более или менее постоянном настроении. В противном же случае настроения ее меняются по воле фантазий. Но преобладающим настроением для всякой женщины остается материнский инстинкт. Таким образом, в силу самой природы мужчина, полагающийся на помощь женщины, едет верхом на тигре. В любую минуту и безо всякого предупреждения ее интерес к нему может пошатнуться и отойти на второй план. Хуже того, она ожидает, что мужчина по первому требованию бросит дело всей своей жизни, чтобы заботиться о ее новой игрушке. А ведь даже собака не теряет интереса к хозяину только из-за того, что у нее появились щенки.

Я обрел нового спутника для восхождений на Бичи-Хэд. Его звали Дж.С. Нью. Вместе мы систематически проработали возможные маршруты и составили крупномасштабную карту. В конце концов, я предоставил иллюстрированную статью на эту тему в «Скоттиш Маунтениринг Джорнал». Но за исключением мистера Г.С. Баллока и еще одного или двух человек, которые повторили несколько наших маршрутов и проложили один-два собственных, никто больше не заинтересовался этим мысом. По-видимому, скалолазы в большинстве своем пришли к выводу, что он все-таки слишком опасен. Не знаю, опасен ли, но весьма неприятен — несомненно. В сырую погоду мел раскисает в пасту, которая набивается в ботинки и не дает возможности нормально опереться ногой. В сухую — рот и глаза забиваются пылью. Но, несмотря на все это, именно на Бичи-Хэд я провел немало счастливейших дней всей своей жизни.

В связи со своими приключениями на этом мысу не могу не упомянуть об одном престранном случае. Однажды в летний день я отправился туда с матерью и привел ее на травянистый склон (Зеленый траверс), простиравшийся к востоку от пика Этельдреды. Я говорю «простирался» в прошедшем времени, потому что с тех пор ландшафт существенно изменился из-за оползней. Добраться туда от вершины для пожилой леди было нелегко, но мы воспользовались спуском через узкое ущелье — проход Этельдреды. Я усадил мать в удобном месте, где она смогла бы заняться акварельными набросками, а сам пошел полазать по Чертовой Трубе, которая высилась на некотором удалении к западу от пика Этельдреды. Рельеф в этих местах выпуклый, так что, удалившись всего на четверть мили[1], я уже потерял мать из виду. Ветер если и дул, то с юго-запада, то есть от меня к ней. Я решил освоить новый маршрут — с западной стороны Чертовой Трубы — и уже начал спускаться, как вдруг отчетливо услышал, что мать зовет на помощь. Я еще ни разу не сталкивался со сверхчувственными явлениями, но отнес долетевший до меня зов именно к этому разряду; иными словами, я не услышал крики, но интуитивно почувствовал, что случилась беда. Дело не просто в том, что услышать их было невозможно физически. В тот момент я еще не знал наверняка, что это невозможно, хотя впоследствии получил тому экспериментальные доказательства. У меня не было оснований полагать, что ситуация по-настоящему опасна и требует срочного вмешательства; но, тем не менее, я вскарабкался обратно на вершину трубы со всей возможной скоростью и помчался, как сумасшедший, к Зеленому траверсу. Добежал я как раз вовремя, чтобы спасти ей жизнь, но счет уже шел на секунды. Выяснилось, что мать решила перебраться в другое место, где обзор будет получше, и сошла с безопасного траверса на обрывистый, пыльный, крошащийся под ногами склон, где начала сползать вниз и сделала худшее, что только можно в подобной ситуации, а именно — села на землю. Разумеется, она продолжила понемногу, дюйм за дюймом, сползать, и я застал ее уже на самом краю обрыва. Она действительно звала на помощь — насколько я понял, как раз в тот момент, когда я услышал ее крики; но, как я уже сказал, услышать физически их было

1 *«...четверть мили»* — около 400 м.

нельзя. Это происшествие я расцениваю как по-настоящему необычное. Я никогда не придавал особого значения общеизвестным рассказам о том, как в момент смерти люди являются своим знакомым, находящимся от них за много миль, и так далее; к вере в такие истории меня не склоняет даже тот факт, что со мною самим произошло нечто похожее. Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, связано с традиционной магической теорией, согласно которой мощный выброс воли иногда способен привести в действие такие силы, какие в обычных обстоятельствах призвать невозможно.

Но вернемся к нашему предмету. Несмотря на вышеописанный прискорбный всплеск импульсивного человеколюбия, Бичи-Хэд не лишился для меня волшебства, подобного которому я не встречал в других местах Англии. Мои приключения на этом мысу в точности соответствовали моему идеалу романтики, а вдобавок позволяли насладиться восхитительным чувством оригинальности. В других местах я мог быть разве что primus inter pares[1]. Но на Бичи-Хэд я был единственным — я изобрел принципиально новую разновидность альпинизма.

Несколько недель я ночевал в палатке Маммери[2] на одном из траверсов. То был мой первый опыт походной жизни — самого лучшего образа жизни, какой я знаю. Уже одно то, что засыпаешь ты на свежем воздухе под звездным небом, а просыпаешься на рассвете просто потому, что уже рассвело, ipso facto[3] возвышает животное в человеке до поэта.

В том, что касается суждений о людях и практических делах, во мне всегда словно уживались две совершенно несовместимые личности. Одна из них наделена чрезвычайной интуитивной проницательностью, не лишенной цинизма; другая, напротив, невинна почти до идиотизма. Der reine Thor[4]! Это последнее качество отчасти выпестовано преднамеренно. То есть, я всегда отказывался верить, что меня обманыва-

---

1 *«...primus inter pares»* — «первый среди равных» (лат.).

2 *Палатка Маммери* — сконструированная Альбертом Маммери (см. примеч. 1 на стр. 118) в конце 80-х годов XIX века легкая (весом менее 900 г) походная палатка из промасленного шелка, размерами около 1,2 на 1,8 м, без пола и специальных опор (в качестве опор использовались длинные ледорубы).

3 *«...ipso facto»* — «в силу самого факта» (лат.).

4 *«Der reine Thor»* — «чистый простец» (нем.), эпитет Парсифаля в одноименной опере Рихарда Вагнера.

ют, даже если факты были мне прекрасно известны. Я раз и навсегда сознательно решил, что негоже мне осквернять свою чистоту, опускаясь до уровня тех, кто водит меня за нос. Кроме того, в некоторых отношениях я совершенно неспособен смотреть на вещи критически и принимаю все, что мне говорят, за чистую монету, — и подчас это приводит к катастрофам.

Например, одним из самых оригинальных персонажей, каких мне доводилось встречать, был преподобный Т.Ч.В. Бастоу из прихода Малый Питлинг в Латтерворте[1]. Этот джентльмен, часто отдыхавший в Уосдейле, с гордостью похвалялся, что у него имеется рудиментарный хвост; и хотя я так и не удостоился чести лицезреть сию достопримечательность, поговаривали, что он готов демонстрировать на себе теорию Дарвина любому юному анатому, проявившему должную любознательность. Он частенько слонялся в горах с крюком-трезубцем на двадцати-тридцатифутовой веревке[2]: теория его заключалась в том, что, если забрасывать крюк на скалы, то где-нибудь он да зацепится, после чего можно будет взобраться наверх по веревке. Он строил из себя первоклассного альпиниста, и мне никогда не приходило в голову усомниться, что так оно и есть.

После того, как я первым совершил самостоятельный спуск с Пиллар-Рок по эннердейлскому склону — подвиг, в то время считавшийся теоретически невозможным, — его преподобие спросил меня как бы невзначай, сможет ли он пройти тот же маршрут со своей дочерью. Я отнесся к этой задачке как к простому силлогизму. Если это смог я, жалкий новичок, то такой великий человек сможет и подавно, даже с такой обузой, как не обученная альпинизму дочь. Но на деле он не смог даже приступить к спуску и застрял вместе с дочкой на вершине горы.

Несколькими годами позже я опять сглупил подобным образом, и на сей раз все кончилось ужасающей трагедией. В 1897 году <см. «Собрание сочинений», том I, стр. 127[3]> я приехал в Ароллу с Моррисом Трэверсом и его младшим бра-

---

1 *Латтерворт* — город и административный район в графстве Лестершир (Англия).

2 *«...на двадцати-тридцатифутовой веревке»* — т.е. длиной приблизительно от 6 до 9 м.

3 *«...см. "Собрание сочинений", том I, стр. 127»*: на указанной странице «Собрания сочинений» Кроули (1905) помещена датированная 27 августа 1898

том[1]. В путеводителе Кулиджа[2] описан, в частности, подъем на Пти-Дан-де-Вейсиви по проходу на склоне над Ароллой. Местные проводники, однако, твердили в один голос, что этим путем еще никто никогда не ходил. Добраться до упомянутого прохода, говорили они, невозможно из-за неприступных нависающих скал. Мы решили проверить, так ли это, взошли на гору обычным путем и спустились по вышеуказанному маршруту. Скалы там действительно нависающие, но дают достаточно надежные опоры, так что пройти можно без особого труда. Затем мы обсудили маршрут с Эдвардом, сыном знаменитого доктора Джона Хопкинсона, который отдыхал в Аролле со всем своим семейством[3]. Мы сказали чистую правду — что для *ответственной* партии этот путь не составляет особого труда и не представляет опасности; но Хопкинсон и трое его детей попытались повторить наш маршрут и все погибли. Последовавшее затем чисто английское происшествие придало этой истории особую гротескную мрачность. Вдова упросила Трэверса, участвовавшего в спасательном отряде (я к тому времени уже уехал), позволить ей в последний раз взглянуть на мужа. Она воображала себе, что усопшие всегда возлежат в «покое и величии Смерти» и все такое прочее. На деле же все останки принесли в одном мешке, и невозможно было даже разобрать, кому какая часть принадлежала при жизни.

Эта моя неспособность понять, что скалолазы, заявляющие себя таковыми, могут на поверку оказаться неизлечимо некомпетентными, привела в итоге к одной из величайших ошибок за всю мою альпинистскую карьеру. Вопреки всем фактам 1902 года, показавшим, что доктор Жако-Гийярмо совершенно

года «Элегия» на смерть Джона Хопкинсона и его детей, погибших в результате нижеописанного инцидента.

1 *Аролла* — деревня в Пеннинских Альпах (Швейцария), популярная начальная точка многих альпинистских маршрутов. *Трэверс*, Моррис Уильям (1872—1961) — выдающийся английский химик, один из первооткрывателей ксенона, неона и криптона, основатель Индийского института естественных наук.

2 *Кулидж*, Уильям Огастес Бреворт (1850—1926) — американский историк, теолог и альпинист, член «Альпийского клуба» с 1870 года, совершивший в общей сложности более 1700 экспедиций в Альпы. В соавторстве с ирландским альпинистом Джоном Боллом составил «Путеводитель по Альпам» (1863—1868), считавшийся весьма авторитетным руководством по альпийским маршрутам.

3 *Хопкинсон*, Джон (1849—1898) — английский физик, инженер-электрик, член Королевского общества, изобретатель трехфазной системы распределения электрического напряжения. Его сын в действительности носил имя Джон Густав, а не Эдвард.

невежествен и ненадежен, тщеславен и упрям, я все же взял его на Канченджангу, — и последствия, о которых речь пойдет ниже, были ужасны.

Здесь же остается описать лишь один примечательный инцидент, связанный с моими горными приключениями в Камберленде. Однажды, когда я испытывал новые маршруты восхождения на Пиллар-Рок, меня застала чудовищная гроза. К счастью (как оказалось), уже за первые десять минут я промок до нитки. Серьезно работать в таких условиях было невозможно, и я повернул обратно, в Уосдейл. Для этого предстояло пройти по гряде Пиллар-Маунтейн, вдоль которой тянулась проволочная ограда для овец. Я миновал ее; гроза между тем бушевала все сильнее, и, проходя вдоль ограды, я заметил, как на железных столбиках пляшут огоньки молний. Я забыл, что у меня с собой топор. Следующее, что я осознал, — что я лежу на земле; не стану утверждать, что ощутил электрический удар по-настоящему, но, во всяком случае, я понял, что произошло. Странная смесь возбуждения и ужаса погнала меня во весь опор по самой крутой части склона. Я мчался, перепрыгивая с камня на камень, как горный козел. Уверен, что я побил все рекорды: так быстро от вершины до гостиницы не добирался еще никто! Несмотря на то, что для бега вприпрыжку по опасному склону нужна величайшая сосредоточенность <впрочем, см. «Книгу Лжей», главу 32, «Альпинист»[1]>, сознательное внимание мое было приковано к великолепному спектаклю, разыгравшемуся над утесами Скафелла. Багровые грозовые тучи полыхали молниями непрерывно и так ослепительно ярко, что другого подобного зрелища я и не припомню, исключая грозу под Мадридом, когда все небо превратилось в калейдоскоп огненных вспышек почти на два часа.

1 *32-я глава «Книги Лжей»* («Альпинист»): «Сознание — признак болезни. Хорошо работает лишь то, что работает непроизвольно. Всякое мастерство, всякое напряжение сил, всякое намерение несовместимы со здоровой естественностью. Выполни упражнение тысячу раз, и оно станет трудным; тысячу тысяч раз — и оно станет легким; тысячу тысяч раз по тысяче тысяч — и вот уже больше не Ты выполняешь его, но ОНО выполняет его посредством тебя. Только тогда то, что сделано, будет прекрасно. Так говорил БРАТ PERDURABO, прыгая с камня на камень через морену и даже не глядя под ноги».

В 1894 году я по-настоящему распробовал Альпы. Я приехал со своим домашним учителем в Сулденталь[1] в австрийском Тироле. Впервые открыв для себя бэдминтоновский «Альпинизм»[2], я взирал на него с таким же благоговением, с каким меня учили относиться к Библии. Вот еще одно свидетельство моей наивности: несмотря на все знания, которыми я к тому времени располагал, мне и в голову не пришло, что абсурдных ошибок и неточностей в этой книге — ничуть не меньше, чем в той, о которой я говорил выше[3]. Я прибыл в Сулден преданным почитателем альпийских проводников и поспешил нанять Йозефа Пингерру, который считался лучшим во всей долине. Меня поразило, что в Тироле обычно ходят по двое в связке, а не по трое; но сверх этого об альпинизме они не знали ничего. К своему изумлению я понял, что скалолаз из меня — куда лучший, чем из моего проводника! По камберлендским стандартам, он вообще не понимал, что такое скалолазание. Опыта хождения по снегу и льду у меня не было, так что в этом отношении я, разумеется, оставался почтительным учеником. Каково же было мое удивление, когда на второй или третий день наших занятий Пингерра поскользнулся и упал на совершенно простом и обычном снежном склоне! При этом он не смог даже выбраться самостоятельно, и мне пришлось вытаскивать его на веревке. Продолжая цепляться за веру в бэдминтоновский справочник, я сказал себе, что проводники, работающие с группами приезжих, не показательны, и нанял двух других. Мы выступили на Кёнигшпитце[4] и, пройдя часть пути, заночевали в горном домике. С утра обнаружилось, что оба проводника пьяны и не хотят идти дальше, самым нелепым образом отговариваясь погодой. Замахнуться на Кёнигшпитце без спутников я не рискнул; рассчитав про-

1 *Зулденталь* (итал. Валь-ди-Сольда) — долина в Южном Тироле, в настоящее время находится на территории Италии.

2 *«...бэдминтоновский "Альпинизм"»* — руководство по альпинизму, составленное К.Т. Дентом и впервые опубликованное в 1892 году в Лондоне. Вошло в серию «Бэдминтоновская библиотека спорта и развлечений на открытом воздухе».

3 *«...в той, о которой я говорил выше»*: имеется в виду «Путеводитель по Альпам» Кулиджа и Болла.

4 *Кёнигшпитце* — гора высотой 3851 м в Ортлерских Альпах, на границе Южного Тироля и итальянской провинции Сондрио.

водников, я в одиночку поднялся на Айсзеешпитце[1] и поставил крест на всех альпийских проводниках вместе взятых. Я преисполнился к ним крайнего отвращения и решил освоить снег и лед самостоятельно, как прежде освоил мел и камень.

Через несколько дней я совершил первое одиночное восхождение на Ортлер через Хинтере-Грат[2]. Туда поднимались с этой стороны и до меня; но никто еще не прошел по всему гребню добросовестно, как это принято в Англии. Я добрался до вершины за шесть с половиной часов.

Мое прибытие вызвало настоящую сенсацию. На вершине сидел какой-то американец со своим проводником — они пришли по легкому маршруту через Пайерхютте[3]. Проводник счел мое явление чем-то сверхъестественным; но американец не верил ни в бога, ни в черта. До того, как я прибыл, он уговаривал проводника спуститься в Сулден через Хинтере-Грат, а проводник отнекивался, понимая, как это опасно.

С моим появлением ситуация изменилась. Убедившись, что я все же человек из плоти и крови, проводник немного расхрабрился, а американец еще и подбодрил его, пообещав приплатить. Поскольку я сумел подняться один, уж втроем-то, решил он, мы наверняка спустимся. Я согласился занять ответственное место замыкающего, и мы составили связку. Но не успели мы выступить в путь, как проводник опять перетрусил. Что до его нанимателя, то он был в горах впервые, но оказался человеком здравомыслящим и отважным; он вел себя превосходно во всех отношениях, и с ним вдвоем, чередуя уговоры с насмешками, мы все-таки свели этого несчастного проводника вниз через восточный гребень. Разумеется, о том, чтобы пройти по всему гребню так же, как это сделал я при подъеме,

---

1 *Айсзеешпитце* — гора высотой 3230 м в Ортлерских Альпах.

2 *Ортлер* — самая высокая (3095 м) гора Ортлерских Альп; *Хинтере-Грат* (букв. «задний гребень») — восточный гребень Ортлера. Маршрут через Хинтере-Грат (отличный от того, которым воспользовался Кроули) был впервые пройден в 1805 году.

3 *Пайерхютте* (нем. «домик Пайера») — горный домик, построенный в 1875 году на северном гребне Ортлера на высоте 3029 м как место отдыха, разделяющее маршрут восхождения на два этапа. Назван в честь австро-венгерского альпиниста и путешественника Юлиуса фон Пайера (1841—1915), в 1865—1868 гг. составившего карту Ортлерских Альп и с помощью проводника, Йоханна Пинггеры, совершившего восхождения на 50 вершин этого массива. Маршрут через домик Пайера — самый легкий и популярный путь на вершину Ортлера.

не могло быть и речи: две или три тысячи футов[1] обратного пути мы одолели самым легким способом — скользя вниз по снежным склонам. Будь я один, по такому маршруту я спустился бы часа за три. А так у нас ушло девять с половиной. Однако на следующий день храбрость вернулась к проводнику в избытке: он потребовал с меня плату с услуги! Разумеется, номер не прошел.

Я совершил еще ряд восхождений в этих краях, по большей части самостоятельно и только один или два раза — с каким-то случайным знакомцем из Англии. Главная моя задача заключалась в том, чтобы освоить технику работы со снегом и льдом; и, полагаясь на свои органы чувств и здравый смысл, до конца сезона я разобрался с большинством трюков, необходимых в этом искусстве. Особенно я горжусь тем, что изобрел модель кошек[2], аналогичную той, которой пользовался Оскар Эккенштейн. Разница была только в том, что он как инженер мог проследить за тем, чтобы их выковали в точном соответствии с механикой движения, тогда как я доверил эту работу одной негодной фирме, пользующейся большим уважением среди членов Альпийского клуба[3], но наверняка стоящей за многими «прискорбными происшествиями», ибо ее работники не сведущи даже в азах обработки и свойств материалов.

В 1895 году я почувствовал, что готов приступить к более высоким альпийским вершинам, и взялся за Малый Шайдек[4]. Первым моим подвигом стало одиночное восхождение на Эйгер. Я вышел поздно утром, и на последнем гребне меня нагнала «сильная» партия англичан, шедших с проводниками. Отряд возглавлял очаровательный английский священник, миссионерствовавший в Японии, — преподобный Уолтер Уэстон. Проводники были не вполне трезвы и изрядно трусили. Они пытались найти повод, чтобы повернуть на-

---

1 *«...две или три тысячи футов»* — 600—900 м.

2 *Кошки* — в альпинизме: металлические приспособления, крепящиеся к обуви для передвижения по льду.

3 *Альпийский клуб* — основанный в 1857 году в Лондоне «клуб английских джентльменов, преданных искусству восхождения на горные вершины (в первую очередь в Альпах) и имеющих на своем счету успешные попытки покорения самых высоких гор» (определение из «Энциклопедии Наттола», 1907 год).

4 *Малый Шайдек* (нем. букв. «Малый водосбор») — горный перевал высотой 2061 м между пиками Эйгер (2970 м) и Лауберхорн (2472 м) в Бернском Оберланде (Швейцария).

зад, но когда появился я, стыд пересилил страх, и мы двинулись дальше к вершине все вместе. Затем вместе же и спустились; проводники выразили восхищение тем, насколько уверенно и ловко я шел, и сказали, что я держался «wie ein Führer»[1]. Услышав такой комплимент годом раньше я бы решил, что умер и попал в рай, но с тех пор утекло много воды. И все же я по-прежнему цеплялся за бэдминтовский справочник и дошел разве что до стадии жалостливых молитв о том, чтобы наконец встретить хорошего проводника вроде тех, что описаны в этой книге. Я все еще был уверен, что пытаться идти по заснеженному леднику без веревки равносильно самоубийству. Поэтому я нанял носильщика; он был готов подчиняться моим приказам без рассуждений, ибо я уже прослыл вундеркиндом. Мы поднялись на Юнгфрау по маршруту Шнеехорн-Зильберхорн[2]; при подъеме я вел, при спуске — шел сзади. Но все опять повторилось как всегда. Носильщик физически не мог устоять на ногах на снежном склоне. Мне постоянно приходилось тратить ценное время на спасение его никчемной жизни.

Я решил еще раз обдумать все с самого начала. Я понимал, что любое восхождение на гору — это, прежде всего, проблема научная. Как же, в таком случае, с ней могут справиться суеверные и невежественные альпийские крестьяне? Ответ был только один: никак. Они даже и не пытаются. Они просто передают по наследству свои знания, добытые на практике, методом проб и ошибок. Поставьте любого горного проводника перед задачей, решение которой не поведали ему отцы и деды, — и он попадет впросак. Каким же образом, спросите вы, им вообще удается чего-то достичь? Да очень просто! Штука в том, что при хорошей погоде восходить на горы в этих краях вообще до смешного просто, с точки зрения первопроходцев английских и уэльских вершин. Подняться на любую швейцарскую гору можно вообще безо всяких приспособлений. Эккенштейн говорил, что без труда поднимет на Маттерхорн[3]

---

1 *«Wie ein Führer»* — «как настоящий командир» (нем.).

2 *Юнгфрау* — третья по высоте (4158 м) гора Бернских Альп; *Шнеехорн* и *Зильберхорн* — две из нескольких ее вершин в ее отрогах.

3 *Маттерхорн* — одна из самых знаменитых и живописных альпийских гор (4478 м), расположенная на границе между Швейцарией и Италией. Первое успешное восхождение на нее было совершено в 1865 году группой английских альпинистов.

корову, если только ему разрешат связать ей ноги. А когда президент Альпийского клуба однажды попытался возразить на это, начав словами «Я бывал на Маттерхорне...», кто-то из присутствующих бестактно перебил его: «Вам тоже связывали ноги?»

Англичане Маммери, Колли и Гастингс вкупе с Эккенштейном и еще одним или двумя не столь знаменитыми скалолазами, с одной стороны, и немцы Пуртшеллер, Блодиг и иже с ними — с другой[1], заложили принципиально новые стандарты восхождений в Альпах. Все они были образованны и умны; они изучали физику горных условий в теории и детально отрабатывали на практике различные методы работы в этих условиях. Они совершали такие восхождения, какие и не снились альпийским проводникам. Против так называемого профессионала настоящий «любитель» был как пехотинец с винтовкой против дикаря с каменным топором.

В девяносто пятом я еще не вполне понимал, что происходит. Я открывал для себя факты самостоятельно. Я обнаружил, что могу спокойно добраться практически куда угодно без малейшей опасности или затруднений, тогда как все прочие люди, которых я встречал в горах, постоянно ходили на волосок от беды. Я начал склоняться к мысли, что безопаснее всего действовать в одиночку. Единственной проблемой оставались заснеженные ледники. Я взялся изучать эту проблему и вскоре заметил, что при взгляде на ледник с гребня присыпанные снегом трещины видны довольно отчетливо. Они выглядели как полоски тени. Спустившись на ледник, я обнаружил, что по-прежнему замечаю разницу в освещенности, пусть и совсем незначительную. Итак, в теории все стало понятно. Но оставался вопрос: «Пусть я и вижу трещину, но могу ли я ее пересечь, не опасаясь за свою жизнь?» Тут я вспомнил свой опыт работы с мелом, и он придал мне уверенности. Я уже умел оценивать напряжение, которое может выдержать хрупкий материал.

---

1 *Маммери* — см. примеч. 1 на стр. 118. *Колли*, Джон Норман (1859—1942) — английский ученый, альпинист и путешественник. *Гастингс*, Джеффри — британский альпинист, участвовавший вместе с Колли и Маммери во многих походах и, в том числе, в злополучной гималайской экспедиции 1895 года, в которой погиб Маммери. *Пуртшеллер*, Людвиг (1849—1900) — австрийский альпинист, покоривший более 1700 вершин в Альпах. *Блодиг*, Карл (1859—1956) — австрийский альпинист, первым в истории совершивший восхождения на все альпийские пики высотой более 4000 м.

Учитывая суровые ночные морозы, можно было предположить, что ледяной мостик, не разрушившийся под собственным весом накануне, ранним утром выдержит и мой дополнительный вес. Я начал испытывать свою теорию на практике — разумеется, прокладывая маршруты так, чтобы не оказаться на снежном леднике после восхода солнца. Оказалось, однако, что необходимо принимать множество мер предосторожности, чтобы наверняка себя обезопасить; поэтому дело продвигалось медленно. Кроме того, складывалось немало ситуаций, в которых второй человек пригодился бы для страховки, а подчас и таких, где он мог бы оказать активную помощь.

Другой вопрос — нужен ли третий. Он снижает мобильность группы: третий человек в связке почти начисто лишен свободы действий. На тех участках, где можно пройти только одному за другим, трое затратят не в полтора, а в два раза больше времени, чем двое, потому что операция подтягивания веревки удваивается. А от скорости продвижения партии во многом зависит ее безопасность. Везде, где в игру вступают продолжительность светового дня, погодные условия и лавины или камнепады, двое рискуют куда меньше, чем трое. И, к тому же, найти двух компетентных спутников — по меньшей мере вдвое труднее, чем одного.

Такое сочетание, которое составили Маммери, Колли и Гастингс, может сложиться от силы раз в сто лет. Маммери был гением скалолазания и обладал сверхъестественным чутьем на всевозможные проблемы в горах вообще. Блистательный Колли в совершенстве знал свойства материалов и великолепно чувствовал топографию. Гастингс же был столпом физической силы и выносливости, идеальным помощником во всех обстоятельствах, где требовалась подпорка или якорь. Все трое были одаренными мастерами своего дела и имели опыт работы со всеми возможными рельефами и во всех мыслимых условиях.

Но рассчитывать на повторение подобного чуда не приходилось, поэтому лучшее, на что я мог надеяться, — это найти напарника, обладающего всеми достоинствами, которых был лишен я сам; и в 1898 году фортуна преподнесла мне такой великий дар в лице Оскара Эккенштейна.

Но летом 1895 года я все еще работал в одиночку в Бернском Оберланде. Несомненно, меня вел сам Господь, ибо ни один

мой поход в горы не обходился без очередного происшествия, направлявшего мои помыслы в верное русло.

Вернемся, однако, к психологии. Подвести итоги моего причудливого воспитания непросто. Так или иначе, оно было чудовищно неровным. В некоторых отношениях я далеко опережал своих сверстников, но в иных оставался круглым дураком. Мне так и не дали возможности выработать навыки нормальных отношений с людьми. Почти все, с кем я общался, были гораздо старше меня.

Но по-настоящему пагубным стало даже не это, а внушенное мне отношение к деньгам, в корне ошибочное. Меня приучили к роскоши. Я бесился с жиру и понятия не имел о том, что сколько стоит на самом деле. Все оплачивалось за моей спиной. Никто не объяснял мне, что иногда приходится прилагать усилия, чтобы получить желаемое; с другой же стороны, карманных денег мне выдавали преступно мало, дабы я не тратил их на что-нибудь постыдное — например, на книги, табак или, хуже того, на театры и женщин. (Между тем, меня похвалили, когда я завел собаку!) В результате у меня так и не выработалось ответственного отношения деньгам. А поскольку мне не приходило в голову, что деньги можно делать, в финансовых вопросах я стал совершенно несамостоятельным — вплоть до попрошайничества. Разумеется, это кончилось плохо. Даже в Кембридже все мои счета по-прежнему оплачивались; кроме того, я располагал неограниченным кредитом, расходы по которому мог держать в тайне. Вступив годом позже в права наследования, я оказался совершенно не подготовлен к тому, чтобы распорядиться отцовскими деньгами хотя бы мало-мальски благоразумно, и семена всех пороков моего воспитания упали в плодородную почву и пустились в буйный рост. Прежде я мог при желании устраивать званые обеды хоть каждый день, но если возникала нужда в наличности, приходилось выбирать между карточным столом и ломбардом. Теперь же во всех случаях жизни достаточно было выписать чек, что я и делал, совершенно не представляя себе, какие финансовые операции стоят за этой бумажкой. Подозреваю, что за всю историю не нашлось бы другого человека, настолько же не приспособленного к решению обычных житейских проблем.

Конец моей жизни в Истбурне настал внезапно. За годы отрочества я приобрел романтический взгляд на любовь; однако на поверку оказалось, что родители везде и всегда решают за детей. Если двое молодых сами объявляли о намерении пожениться, неизменно поднималась буря. Исключений не было. Все помолвки заключались и расторгались на каких-то непостижимых уму религиозных основаниях. Так же обстояло дело и в семействе Ламберов. Старшая дочь их была желчной старой девой далеко за двадцать; младшая — истеричным чудовищем, раздираемым подавленными страстями. Но средняя выросла совершенно нормальной, красивой и чувственной девицей. Для открытого бунта против семьи ей не хватало ума, но все человеческие инстинкты подсказывали ей, что в доме творится неладное и надо отсюда выбираться. Она влюбилась в одного вполне достойного молодого человека, но помолвка была заключена с испытательным сроком. Вопрос сводился к тому, примкнет он к плимутским братьям или нет. Естественно, чем больше он о них узнавал, тем меньше они ему нравились, и в конце концов он счел за благо остаться в лоне церкви своих отцов. Объявив об этом злополучном решении, он был осыпан сокрушительной бранью и выдворен из дома невесты. Что до невесты, то ей строжайше запретили всякое с ним общение и, фактически, посадили под замок. Я вызвался устроить ей переписку с женихом, чтобы они могли условиться о побеге. Но спокойно смотреть на то, как домашние изводят и мучают эту несчастную девушку, было невозможно. При каждом удобном случае они буквально исходили пеной. Каждая совместная трапеза превращалась в ядовитый самум. Бедняжку то и дело доводили до слез, и тумаки, которые она получала ни за что ни про что, были еще самым невинным из всех обрушившихся на нее издевательств. Не спорю, что мне следовало набраться терпения, чтобы сплести свою интригу как подобает, но все это чересчур действовало мне на нервы. Однажды за завтраком я высказал вслух от силы миллионную часть всего, что думал, — и семейство разразилось воплями. Со стороны это смахивало на массовое помешательство: сначала в меня полетела посуда и прочие вещи, затем в ход пошли ногти и кулаки. Ослепнув от ярости, эти люди просто не сознавали, что творят. Я просто-напросто столкнул их головами друг с другом

и пошел прогуляться. Затем, когда, по моим расчетам, буря улеглась, я вернулся: не мог же я оставить деву в беде! Ее мучители были слишком напуганы, чтобы со мною спорить, и я стал молить ее немедленно уйти из родительского дома в семью ее бывшего жениха. Но она так и не набралась храбрости. Шанс был упущен, а ближе к вечеру приехал дядя Том, которого вызвали телеграммой, и забрал меня из этого проклятого семейства навсегда.

На собственное мое семейство этот случай повлиял благотворно. Мать и дядя начали понимать, что дух мой не сломлен и что я достиг такой стадии, на которой уже мог причинить им не меньше неприятностей, чем они — мне. Лучшее, что им оставалось, — позволить мне идти своим путем. Я вышел из этой битвы победителем; и свидетельством моего триумфа стало то, что на очередной сезон в Бернский Оберланд я отправился без надзора. Но вскоре мне телеграфировали, что я должен вернуться. Было решено отдать меня в Тринити-колледж, а до экзаменов оставалась всего неделя. Я приехал в Кембридж и сдал экзамены без труда, хотя и не имел возможности подготовиться по классической литературе. Но я последовал совету Браунинга — «приветствуй Неизвестное с улыбкой»[1]: достаточно зная греческий и латынь, я смог перевести незнакомые отрывки и справился выше среднего. К системе мнемонического «обучения», годной разве что для овец, я так и не приспособился. В октябре я был зачислен в университет и поселился в съемных комнатах на Сент-Джонс-стрит[2], 16. С этого момента в моей жизни начинается новая глава.

12

Очутившись в Кембридже с началом октябрьского семестра 1895-го, я испытал такое же чувство, как ныряльщик, долго плывший под водой, но наконец глотнувший воздуха полной грудью, или (вот аналогия еще лучше) как пациент, пришедший в себя после визита к дантисту. Я и представить себе не мог, что

1 *«Приветствуй Неизвестное с улыбкой»* — цитата из последнего стихотворения Роберта Браунинга, «Эпилог» (1889).

2 *Сент-Джонс-стрит* — историческая улица в центре Кембриджа, переходящая в Тринити-стрит, где находится здание Тринити-колледжа.

жизнь бывает так прекрасна. Меня окружал совершенно новый мир. Здесь я ощутил причастность к великим людям прошлого и твердо вознамерился стать одним из великих людей будущего. Я был бы счастлив, если бы комнатушку с привидениями над Главными воротами Тринити превратили в склеп наподобие усыпальницы Христиана Розенкрейца и поместили там мой саркофаг[1]. Признаться, не так уж много найдется в Англии творений рук человеческих, которые я не поспешил бы уничтожить, будь у меня такая возможность, — но Тринити-колледж, за исключением Нью-корта и Хьювелл-кортов[2], стоит того, чтобы ради него жил и отдал жизнь даже поэт.

Припоминаю, как в более поздние годы я удивлялся, когда кто-то ставил под сомнение мой патриотизм. Я никогда не мечтал, чтобы над Главными воротами появилась надпись «Eintritt Verboten», а перед входом встал прусский часовой[3]. При этом я полностью осознаю, что я иррационален. Английские традиции неразрывно связаны с бесчисленными злоупотреблениями и уродствами, истребить которые я действительно был бы только рад. Но я сам англичанин, а у всех англичан мозги разделены на герметичные отсеки водонепроницаемыми переборками. Отсюда, например, такая комическая деградация, как превращение Тринити в питомник Ассоциации рационалистов[4]. Соответственно, и сам я в то вре-

---

1 *Усыпальница Христиана Розенкрейца* — склеп, в котором (согласно преданию, изложенному в розенкрейцерском трактате «Fama Fraternitatis» [«Слава Братства», 1614]), было обнаружено через 120 лет после смерти нетленное тело Христиана Розенкрейца, основателя Братства розенкрейцеров. Символика этой усыпальницы и ее внутреннего убранства играли важную роль в позднейшей эзотерической традиции и, в частности, в учении Герметического ордена Золотой Зари.

2 *Нью-корт* (Новый двор), или Кингз-корт (Королевский двор) — один из дворов на территории Тринити-колледжа, построенный в 1825 году по проекту Уильяма Уилкинса в стиле тюдоровской готики; в центре двора находится большое дерево, с которого, согласно местной легенде, на голову Исааку Ньютону упало знаменитое яблоко, благодаря чему он открыл закон всемирного тяготения (в действительности Ньютон сделал свое открытие не в Кембридже, а в Вулсторпе). *Хьювелл-корты* (Дворы Хьювелла) — два двора в готическом стиле на территории Тринити-колледжа, построенные в 1860 и 1868 гг. на средства директора колледжа, Уильяма Хьювелла (1794—1866).

3 *«Eintritt Verboten»* — «Вход запрещен» (нем.). Кроули намекает на выдвигавшиеся против него в годы Первой Мировой войны ложные обвинения в работе на Германию.

4 *«...комическая деградация»*: исторически Тринити-колледж (Колледж Святой Троицы), как и весь Кембриджский университет, представлял собой религиозное учебное заведение.

мя еще не сознавал, что различные мои позиции логически несовместимы. Шекспировский патриотизм, как он предстает в предсмертной речи Джона Гонта и в «Генрихе V»[1], непосредственно созвучен моему поэтическому чувству.

Я вполне готов умереть за Англию таким же образом — безрассудно, как животное[2]. «Правь, Британия, морями!»[3] заводит меня, как самого заурядного посетителя мюзик-холлов. Однако подобные чувства не мешают мне презирать всю ту моральную и религиозную чушь, которой пичкают граждан во времена национальных кризисов. Мой патриотизм прямолинеен и бездумен, как тот, который поднял на щит Киплинг. Мне нравится старый стишок:

> Навалились два француза, португалец встал за них,
> Но веселый англичанин враз уделал всех троих.

Но никаких моральных оправданий своим чувствам я не нахожу. Я — животное, у которого есть семья и страна. И к черту всё! Это животное готово пускать в ход свои мозги и мышцы так же тупо и беззастенчиво, как герцог Веллингтон[4]. И плевать оно хотело на все свои философские убеждения, согласно которым патриотизм провинциален, война — аморальное варварство и экономическое безумие, а общественное мнение

---

1 *Джон Гонт* — персонаж исторической хроники Шекспира «Ричард II» (1595), олицетворение английского патриотизма; в упомянутой речи восхваляет Англию в следующих словах: «Трон королей, державный этот остров, // Земля величия, жилище Марса, // Подобье рая, сей второй Эдем, // Самой природой созданный оплот, // От войн защита, от чумной заразы, // Счастливейшее племя, малый мир, // Алмаз в оправе серебристой моря, // Которому оно стеною служит // Иль рвом, оберегающим жилище // От зависти не столь счастливых стран; // Благословенный край, отчизна, Англия, // Кормилица и матерь королей, // Великих по рожденью, грозных родом, <... > // Край славных душ, наш славный, славный край, //Своим достоинством повсюду славный...» (рус. пер. А.И. Курошевой). *«Генрих V»* — историческая хроника Шекспира, также проникнутая патриотическими мотивами (см. ниже).

2 *«...умереть за Англию таким же образом»* — т.е. так, как в шекспировском «Генрихе V», в речи перед битвой при Азенкуре («Сегодня день святого Криспиана») король призывает своих воинов умереть за родину.

3 *«Правь, Британия, морями!»* — британская патриотическая песня, написанная по поэме Джеймса Томсона на музыку Томаса Арна в 1740 году.

4 *Веллингтон*, Артур Уэлсли, 1-й герцог (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель, фельдмаршал, участник Наполеоновских войн, победитель при Ватерлоо (1815); дважды занимал пост премьер-министра Великобритании. Славился своим несгибаемым упорством и чувством долга.

и его лидеры суть стадо блеющих овец, послушно сбивающихся в загон под тявканье дворняжек.

Кембриджская атмосфера прекрасно оттеняла мое душевное состояние. Я мнил себя романтическим героем некой исторической хроники. Англиканская церковь, которую олицетворял дядя Том, представлялась узколобым тираном, не менее отвратительным, чем плимутские братья, и еще более непоследовательным и лицемерным. Дядя Джонатан был добропорядочным прихожанином, но держал свои религиозные убеждения при себе и победоносно шествовал по миру собственным путем, не позволяя церковной дисциплине вмешиваться в свои дела. Несомненно, prima facie[1] он входил в число избранных ко спасению, когда давал себе труд об этом задуматься; но на практике англиканская церковь представляла собою попросту механизм для удержания низших классов на отведенном им месте. Так же обстояло дело и в Тринити. Христианство было официальной религией, следовать которой было так же удобно, как удобно, например, пользоваться услугами хорошего портного. Одним словом, в колледже царило политическое язычество.

Впрочем, не стану утверждать, что в то время я воспринимал ситуацию именно так. Мое отношение к религии определялось неоспоримой красотой церковной архитектуры и относительным благородством обрядовости. Но когда обнаружилось, что посещать часовню обязательно для всех, я тотчас ощетинился: для этого надо было рано вставать, чего я делать не собирался. Декан младших курсов вызвал меня на ковер и заявил, что я непозволительно манкирую часовней. Я ответил, что не могу ее посещать, так как был воспитан в вере плимутских братьев. Тогда декан попросил меня время от времени заходить к нему для обсуждения этого вопроса, но мне хватило наглости написать ему, что «семя, посеянное моим отцом и политое материнскими слезами, пустило слишком крепкие корни, так что теперь его уже не вырвать никаким красноречием и ученостью». Выглядит как омерзительное лицемерие; но на деле то была превосходная шалость, которая помогла мне утвердиться в решении, что я никому не позволю вмешиваться в мои дела. Любую попытку управлять моими действиями

1 *«Prima facie»* — «за отсутствием доказательств обратного» (лат.).

я воспринимал как грубое вторжение и не собирался тратить время на поиски каких-нибудь затейливых выходов из ситуации, довольствуясь самым легким.

Я решил ориентироваться на степень бакалавра по этике, предположив, что этот предмет поможет мне больше узнать о природе вещей. Не понимаю, что меня могло в нем заинтересовать. Должно быть, то был голос подсознательной воли. Но, обнаружив, что при этой специализации придется сдавать политэкономию, я был возмущен до глубины души. Я посетил только первую лекцию; профессор сообщил, что предмет его чрезвычайно сложен ввиду нехватки достоверных данных. Нетрудно представить себе, как отнесся к такому заявлению мальчишка, воспитанный на строгой точности химии и математики. Я закрыл тетрадь и перестал ходить на эти лекции раз и навсегда. Естественно, куратор призвал меня к ответу; но, к великому моему счастью, куратором моим был выдающийся человек — доктор А.В. Веррел[1]. Я сказал ему, что хочу всецело посвятить себя изучению английской литературы, и он не стал возражать. Он прекрасно понял меня и принял мою сторону. Кому как не ему было знать, что университетская программа не дает искомых возможностей. К тому же, он сознавал, что моих школьных знаний более чем достаточно, чтобы сдать все университетские экзамены, даже не готовясь. И действительно, за три года в университете я выполнил только одну домашнюю работу, с каковой целью нанял мальчика, который читал мне вслух перевод какой-то греческой пьесы, а я следил по тексту оригинала. Экзамены по всем предметам я сдал с отличиями первого или второго класса.

Один из пемброкских донов, священник по имени Гериз Смит, возглавлял какой-то тайный культ, членов которого посторонние непочтительно прозывали Пузовязами[2]. Говорили,

1 *Веррел*, Артур Вуллгар (1851—1912) — английский ученый, филолог-классик, переводчик и комментатор античных текстов, преподаватель древнегреческого языка и литературы в Тринити-колледже. Автор влиятельного труда «Еврипид-рационалист». Известен неортодоксальными — излишне затейливыми, по мнению его противников, — интерпретациями древнегреческих драм.

2 *Смит*, Эрнест Джон Гериз (1851—1911) — доктор теологии, профессор, а впоследствии декан Пемброк-колледжа, основатель полурелигиозного общества «Сотоварищи святого Иоанна». Прозвище «Пузовязы» (Belly-banders) члены этого общества получили из-за того, что в качестве знака отличия носили на голое тело перевязь, пояс или шарф, концы которого виднелись из-под одежды.

что в этом братстве семь степеней посвящения, на высшей из которых соискателя подвергали бичеванию. Я принял первую степень из любопытства. Посвящение не впечатлило меня, причем настолько, что я начисто забыл, что там происходило. Помню только, что я остался в комнате Смита с ним наедине. Он завязал мне глаза. Я ждал, что сейчас начнет что-нибудь происходить; но тщетно. Я так и не понял, что же на самом деле стояло за всем этим мероприятием. Разумеется, коллеги Смита смотрели на него косо, подозревая в его затее нечто сомнительное.

Теперь я жалею, что не пошел дальше. Возможно, в этом и не было ничего, кроме чувственного мистицизма, но у меня есть основания предполагать, что Гериз Смит изобрел особый метод психоанализа — вероятно, очень действенный. С моей точки зрения, самый научный и надежный способ изучения человеческого подсознания заключается в том, чтобы наблюдать реакции испытуемых на хорошо продуманную последовательность непривычных событий. Так можно сопоставлять достоинства, присущие разным людям, — силу воли, терпение, достоинство, храбрость, невозмутимость и так далее. Подобные данные были бы очень полезны для ответа на вопрос «Как юноше содержать в чистоте путь свой?»[1]

Обнаружив на первом курсе, что обед в общем зале подают в полдевятого вечера, я очень огорчился. Я не желал перебивать свои вечера столь поздней трапезой и вскоре договорился на кухне, чтобы мне всегда присылали еду прямо в комнаты. Тем самым я практически отрезал себя от всей общественной жизни колледжа. Из студенческих организаций меня немного заинтересовал только дискуссионный клуб «Сорока и пень». Но даже и его воспринимать всерьез было невозможно. Мне казалось нелепым, что эти молодые ослы суются со своими незрелыми мнениями в серьезные предметы. В итоге я сохранил интерес только к шуточным дебатам. Помню одну такую дискуссию по поводу предложения, поступившего от комитета, который организовал один из кураторов, выдающийся математик У.У. Роуз-Болл[2]. Речь шла о создании отдельной ком-

1 Пс. 118:9.

2 *Роуз-Болл*, Уолтер Уильям (1850—1925) — английский математик и юрист, преподавал в Тринити-колледже с 1878 по 1905 гг. Был также выдающимся фокусником-любителем и в 1919 году основал в Кембридже клуб «Пентакль», объединивший приверженцев этого хобби.

наты отдыха для студентов младших курсов. Я внес свой вклад в дебаты, заметив: «На мой взгляд, в этом предложении — весь Болл»[1]. (Еще лучше получилось, когда мы обсуждали, не учредить ли в Англии мистерии, представляющие Страсти Господни, и лорд Килмарнок[2] заявил, что публика повалит на них валом, только чтобы услышать, как Артур Робертс будет стонать на кресте: «Пить! Пить!»)

Решающее влияние на всю мою жизнь в стенах Кембриджа оказал четверокурсник по фамилии Адамсон, с которым я познакомился, кажется, в шахматном клубе. Он заговорил со мной об английской литературе, и тут я впервые услышал имя Шелли. Wie gesagt, so gethan[3]. Единственным достойным занятием для меня стало чтение книг, созданных великими умами прошлого. Я скупил всех античных авторов. Встретив у кого-нибудь ссылку на очередного автора, я тотчас заказывал и его. Я посвящал чтению все свое время. Очень редко случалось так, чтобы я лег спать до рассвета. Однако я страшно боялся прослыть «зубрилой» и потому таился даже от самых близких друзей. При них я только играл — в шахматы или в карты. Кроме того, днем я посещал гребной клуб или катался на велосипеде. Однако ни одно из моих занятий не предполагало общения со сколько-нибудь многочисленными компаниями студентов. Я даже перестал ходить в гости к знакомым, хотя всегда принимал всякого, кому взбредало в голову меня навестить. Меня не интересовали посредственности: я старался окружить себя чудаками. Это не значит, что в людях мне нравились отклонения от нормы, — просто я понимал, что именно отклонения помогают постичь человеческую природу научным путем.

Большинство людей с такой установкой легко поддаются антиобщественным настроениям. Но со мной дело обстояло иначе. Я отказался от абонемента в гребном клубе, не найдя в этом занятии никакой пользы, однако продолжал болеть за свою команду. Я всегда страстно тянулся к человечеству

---

1 *«По-моему, в этом предложении — весь Болл»*: в оригинале непереводимая игра слов: «this proposal seems to me to be all Ball's», что на слух воспринимается как «по-моему, это предложение — полная чушь».

2 *Килмарнок*, Виктор Александр Серелд Хэй, 4-й барон (1876—1928), впоследствии стал дипломатом, писателем и драматургом; недолгое время занимал пост в Палате лордов.

3 *«Wie gesagt, so gethan»* — «Сказано — сделано» (нем.).

вообще и к отдельным людям в частности, но долго выносить их присутствие не мог. Это очень своеобразная психологическая черта, однако среди поэтов она не редкость. Мы одиноки и тяжко из-за этого страдаем. Мы готовы полюбить любой образчик рода человеческого как он есть, ради него самого и со всеми его особенностями; но даже обычная вечеринка действует нам на нервы.

Возможно, это лишь одно из проявлений повышенной чувствительности. Мы не выносим, когда кто-то пытается «обтесать нам углы», но в то же время так хорошо знаем муки одиночества, что жаждем раствориться в толпе на футбольном матче. Я бываю совершенно счастлив в роли безымянного гостя на любом шумном сборище, от политического митинга до бала-маскарада; но тот, кто не похож на других, неизбежно привлекает к себе внимание; жестокое осознание собственного «я» пробуждается вновь, и ни о каком счастье уже и речи быть не может, — остается лишь бежать куда глаза глядят, хоть на край света, лишь бы подальше от толпы поклонников. Известная грубость манер — неизбежная спутница популярности; что-то постоянно гонит нас прочь именно от того, в чем мы больше всего нуждаемся. Это феномен сродни электричеству: человек такого склада обретает удовлетворение только в тесном союзе со своей противоположностью.

Этим во многом объясняется то, почему любовная жизнь многих великих людей столь необычна. Они не могут терпеть себе подобных. Они страдают от собственного превосходства над другими — и, дабы облегчить свои страдания, окружают себя людьми, для которых это превосходство не значит ничего. Они намеренно выискивают самые ничтожные и отвратительные образчики женского пола или же низводят самих себя до уровня животного, погрязая в наркотиках и пьянстве. В обоих случаях мотив один и тот же: обрести в забвении отдых от своих прометеевых мук.

В связи с этим следует отметить, что английская социальная система не дает молодому человеку с умом и характером ни малейшей возможности удовлетворять свои естественные сексуальные потребности сколько-нибудь разумным образом. Девушек, равных ему по общественному положению, откармливают на продажу. И даже если обстоятельства позволяют ему

заполучить одну из них, цена за это непомерна, а наслаждаться женским обществом после этого становится еще труднее. Для любого, кто не лишен хотя бы капли фантазии, моногиния — нонсенс. Чем более многогранна его натура, тем больше ему требуется различных женщин, чтобы удовлетворить все ее стороны. Разумеется, то же самое верно, mutandis[1], и для женщины. А между тем женщина, отважившаяся даже на один-единственный эксперимент, уже рискует своим общественным положением. В условиях моногамной системы молодой человек вынужден развивать свой характер либо с помощью развращенных светских вампирш, либо женщин из низших слоев общества; и хотя из обоих этих источников можно почерпнуть немало полезного, все же весьма прискорбно, что он не имеет возможности учиться у женщин, равных ему по рождению, воспитанию, образованию и общественному статусу.

Что касается моногамии, то на самом деле с моногинией у нее очень мало общего, а должно бы стать и еще меньше. Моногамия — это ошибка, поскольку из-за нее излишек женщин остается без удовлетворения и попечения. Правда, с другой стороны, она гарантирует заботу о потомстве, и на практике во всех дискуссиях по данному вопросу этот аргумент считается решающим. Но изъян моногамии как ее обычно понимают — в том, что она прочно связывается с сексуальными потребностями. Внести ясность в этот вопрос помогает житейская мудрость астрологов. Пятый дом (любовь и дети) в астрологии рассматривается отдельно от седьмого (брак, судебные процессы, открытые враги). Брак почти не причинял бы людям хлопот, если бы его перестали понимать как нечто большее, нежели финансовое и социальное партнерство. Тогда люди вступали бы в брак только ради удобства, соглашаясь при этом безо всякой ревности, что каждый супруг будет идти по жизни своим путем. Для жены делом чести было бы не осложнять ситуацию детьми от других мужчин, если только муж не пожелает этого сам; однако, муж не станет против этого возражать, если будет любить жену по-настоящему. Чудовищно, когда муж притворяется, будто делает все, чтобы обеспечить счастье жены, но при этом лишает ее величайшей радости, доступной

1 *«Mutatis mutandis» — «с учетом соответствующих различий; с необходимыми поправками» (лат.).*

женщине, — радости выносить и родить ребенка от мужчины, к которому она испытывает половое влечение и который, следовательно, самой природой предназначен в отцы ее детей, хотя в качестве мужа может оказаться совершенно непригодным. В большинстве случаев именно так и происходит: редко случается так, чтобы человек, наделенный даром отцовства, в то же время обладал и способностями семьянина. В последнее время много говорят об освобождении женщин. Женщины получили то, чего добивались, но это не дало им ничего, — ибо добивались они отнюдь не того, что было им действительно нужно. Женщины должны взять другой лозунг: «Долой право собственности на человеческую плоть!» Женщины должны приучить мужчин усмирять сексуальный эгоизм, предоставляя им, разумеется, такую же свободу, какую получат сами. Преступлениями против брака следует считать лишь такие случаи, когда сексуальная свобода наносит ущерб здоровью или имуществу партнера. Но сентиментальные жалобы на так называемую супружескую неверность свидетельствуют лишь о том, что род человеческий еще не вышел из пеленок.

Предлагаемая здесь система всегда более или менее открыто практиковалась в артистической среде. Благополучная жизнь для представителей подобных сообществ почти недостижима — как минимум, по финансовым соображениям; однако общеизвестно, что такие люди почти без исключения счастливы. И это не значит, что они закрывают глаза на реальность, — нет, ибо они ни в чем себя не ограничивают. Просто они уважают человека — женщину или мужчину — как он есть и позволяют ему поступать по своему усмотрению, не грозя ему наказаниями и даже ни в чем его не упрекая. Катастрофа может разразиться лишь тогда, когда в дело вступают эгоистические или коммерческие соображения.

Многие полагают, что главным препятствием на пути к подобному укладу служат сами женщины. Но так происходит лишь потому, что женщинам внушили, будто они должны поддерживать существующую систему ради счастья и благополучия своих детей. Если вы попробуете переубедить какую-нибудь женщину на этот счет, она притворится шокированной и примется истерически отрицать самые очевидные факты. Но если взяться за нее как следует, она поддастся и очень скоро

согласится с вышеизложенными выводами. Ибо женщины лишены морали в том смысле, который обычно вкладывают в это слово англосаксы. Женщины никогда не допустят, чтобы на пути их житейского здравого смысла встали какие-то идеалы. Они тоже не чужды эгоизма, хотя и в иной форме: для них естественно ставить интересы своих детей превыше собственных. Мужчину же, напротив, переубедить нелегко. Даже когда его вынуждают проанализировать ситуацию, он руководствуется не разумом, а предрассудками, которые покоятся на чисто животной, безмозглой жажде безраздельного обладания.

Всем этим положениям находятся основательные доказательства в антропологии. Первая ступень развития цивилизации — принятие мер, удерживающих женщину от неверности. Такие обычаи, как пурда и сати[1], наряду со всеми сводами брачных законов свидетельствуют о том, что мужчины всегда считали нужным держать женщин под замком, а женщины всегда полагали, что мешать мужчине искать свое счастье там, где он хочет, невозможно, да и нежелательно. Соответственно, эмансипация женщин всецело сводится к тому, чтобы предоставить женщинам такую же свободу действий, какой обладают мужчины. Здравый смысл не позволит им натворить настоящих бед; более того, полная независимость и счастье будут поощрять в них благородство и душевную щедрость.

Результаты освобождения женщин из экономического рабства можно наблюдать на примере Америки. Там уже сложился огромный класс незамужних девиц (и замужних женщин, для которых замужество — сугубо деловое предприятие), подбирающих и меняющих мужчин с такой же легкостью, как в мое время подцеплял женщин молодой кембриджский денди.

Сам я с первых же дней своей университетской жизни осознал, что ввиду обстоятельств самого разного рода до сих пор утолял свои страсти как угодно, но только не так, как подобает. Участвовать в обычных для школьников забавах я не мог по слабости здоровья. Ловкость, с которой я уклонялся от телесных наказаний, и отсутствие возможности осуществлять их над другими уберегли меня от развития садистских

1 *Пурда*, или парда (перс. букв. «занавес») — распространенная в исламских странах практика затворничества женщин, призванная ограничить или исключить всякие контакты с посторонними мужчинами. *Сати* — индийский обычай самосожжения вдовы на погребальном костре своего покойного мужа.

и мазохистских наклонностей. Но только в Кембридже я обнаружил, что обладаю — с физиологической точки зрения — исключительно страстной натурой. Более того, мой поэтический инстинкт придавал романтическую окраску даже самым пошлым случайным связям, так что невозможность завести удобные и серьезные отношения нисколько меня не огорчала. Вдобавок оказалось, что любое удовольствие служит для меня мощным духовным стимулом. Каждое приключение давало самый непосредственный повод взяться за перо и писать стихи. Когда же приходилось подавлять свои потребности, голова решительно отказывалась работать: я просто не мог ни о чем думать, как при зубной боли.

Таким образом, для недовольства существующей системой у меня есть все основания. Целые месяцы жизни, которые можно было выгодно посвятить всевозможным полезным занятиям, расходовались на бессмысленные страдания по поводу неутоленных страстей. Подавление половых потребностей так же вредно для души, как запор — для тела, и я по сей день негодую, что несколько лучших лет моей жизни, которые следовало бы потратить на приобретение знаний, оказались выхолощены тем удушающим ступором, в который погружает человека одержимость сексом. И дело не в том, что я думал о сексе слишком много; нет, просто в этом состоянии я был совершенно неспособен работать. Все сводилось к слепой, чудовищной жажде облегчения. У разных людей потребности в данном отношении различны. Но я, несомненно, представлял собой исключительный случай. Я убедился, что сорока восьми часов воздержания уже достаточно, чтобы притупить остроту моей мысли. Горе тому человеку, через которого соблазн приходит![1] Что за глупость — тратить бесценные часы на погоню за тем, что нам должны были бы попросту приносить каждый вечер под дверь, как стакан молока!

Для молодого человека в моем положении Кембридж — идеальное место. Формально, разумеется, никакой проституции там нет, но почти все местные женщины помоложе готовы к сотрудничеству именно в нужном духе — в духе романтики и страсти.

---

1 Мф. 18:7.

Педерастия, процветающая в школах *faute de mieux*[1], здесь встречается редко. Столкнуться с ней можно разве что в малочисленных кружках «эстетов», состоящих в основном из врожденных извращенцев, и в теологических кругах, где естественному удовлетворению препятствует боязнь скандалов и болезней. В Оксфорде с этим дело обстоит иначе — думаю, главным образом, в связи с великими традициями Баллиола, этого питомника государственных мужей[2]. Смысл, по-видимому, в том, что для начинающего политика интрижки с женщинами скорее опасны, чем сколько-нибудь полезны; тогда как на другой чаше весов лежит возможность обзаводиться близкими друзьями среди судейских и в тайном совете, так создавая себе клаку — тем более мощную, что никто не пользуется, да и не может воспользоваться ею в открытую.

13

До тех пор, пока Тринити не распахнул передо мною свои Главные ворота, а с ними и врата к свободе, я постоянно был в той или иной мере одержим либо физической слабостью, либо демонами отрочества. Я понятия не имел, каково это — работать непринужденно и радостно. Но теперь я получил возможность погрузиться в литературу с полным сосредоточением — и предельно внимательно прочел все, что только стоит читать по-английски. Я проглотил всего Карлейля, Свифта, Кольриджа, Филдинга, Гиббона и так далее. Тем самым я получил об этих авторах гораздо более полное представление, чем если бы выбирал только лучшие их работы, как обычно делают.

Я очень беспокоился, как бы на мой стиль не повлияли современники, и вдобавок не желал тратиться ни на кого, кто еще не прошел испытание временем. Поэтому я взял за правило читать лишь тех, кто умер не менее пятидесяти лет назад, и делал исключение лишь для авторов, которых особо рекомендовали моему вниманию. Так, например, не удалось

1 *«Faute de mieux»* — «за неимением лучшего» (фр.).

2 *Баллиол* — старейший колледж Оксфордского университета, основанный в 1260 году и названный в честь Джона Баллиола, отца одного из шотландских королей. Студенты этого колледжа традиционно отличаются высокой политической активностью; из стен его вышло множество государственных деятелей и, в том числе, трое премьер-министров Великобритании.

избежать Суинберна, поскольку один из моих друзей был от него без ума и сам я с первого же взгляда убедился, что Суинберн — классик. По схожим причинам я разрешил себе прочесть сэра Ричарда Бёртона: сказки «Тысячи и одной ночи» были общепризнанным шедевром, а Бёртон перевел их лучше всех. Также я прочел немало французских книг и всех лучших греческих и латинских авторов. Но кое-какие высоты я так и не взял — исключительно ввиду особенностей моего характера. У меня имелись некоторые врожденные понятия о литературе (я говорю «врожденные», потому что не могу себе представить, на каких основаниях они сложились). Так, мне была нестерпима сама мысль о романе, превосходящем длиной некий предел, и в результате я не прочел ни страницы из Сэмюела Ричардсона[1]. Другое мое предубеждение — против того, что мне казалось сплетнями, — более объяснимо. Я не читал Босуэлла[2] и вообще никогда не мог заставить себя прикоснуться к среднестатистическим мемуарам. Что касается, опять же, исторических книг, я требовал, чтобы предмет их был по-настоящему важным. <Нет такой дисциплины, как «история». Факты, даже если бы они были известны нам в точности, слишком многочисленны, чтобы составить целостную картину. Волей-неволей приходится делать выборку, а выборка неизбежно оказывается однобокой, поскольку тот, кто ее производит, пребывает в той же темнице пространства и времени, что и предмет его исследований.> Я не понимал, с какой стати я должен забивать себе голову Крымской войной. Философию и родственные ей предметы я изучал с величайшим энтузиазмом, но досадовал на форму, в которой излагали ее такие авторы, как Платон. Мне казалось, что суть любого из платоновских диалогов можно изложить в десять раз короче и притом гораздо более ясно и убедительно. Логику я изучил очень основательно, ибо она составила мой критический аппарат.

Трудно сказать, что именно побуждало меня учиться с такой самоотдачей. Эта работа по большей части была

---

1 *Ричардсон*, Сэмюэл (1689—1791) — английский писатель, основоположник сентиментальной литературы XVIII — начала XIX вв., автор эпистолярных романов «Памела, или награжденная добродетель», «Кларисса, или история юной барышни» и «История сэра Чарльза Грандисона».

2 *Босуэлл*, Джеймс (1740—1795) — шотландский юрист и писатель, автор классической биографии английского лексикографа Сэмюэла Джонсона.

не самой приятной и уже тогда казалась совершенно бесполезной. Но меня приковывало к ней чувство долга. Полагаю, задача заключалась, главным образом, в том, чтобы узнать все, что только можно узнать, а заодно избежать бессознательного плагиата. Не обошлось и без доли тщеславия: мне было стыдно оставить непрочитанным хоть что-то важное. Я поддался дурацкому заявлению Рёскина[1], что любую книгу, которую стоит прочесть, стоит и приобрести, и в результате стал скупать книги буквально тоннами.

Переходить от каждого автора к тем, кого он цитирует, оказалось весьма полезно. Этот принцип придал моим занятиям разумную последовательность, а когда я дошел до некой точки, круги стали замыкаться, и в результате мои познания приобрели определенную полноту и законченность, каких не дала бы ни одна искусственно составленная программа чтения. Я начал понимать подлинные связи между дисциплинами. Должно быть, я подсознательно задавался вопросом, какой предмет дает самое глубокое и основательное представление о реальности. Разумеется, я был далек от мысли, что все истины в равной мере важны или, напротив, что никакая истина сама по себе не способна охватить всю сферу бытия в целом. Скорее, я просто отметал некоторые направления исследований как несущественные. Постепенно я пришел к выводу, что предмет, который я ищу, таинствен и сложен, и как следствие я начал читать книги по алхимии. Наверное, для молодого человека вполне естественно путать невнятное с глубокомысленным.

Что касается выбора профессии, я решил податься на дипломатическую службу. Мне казалось, что там открываются самые широкие возможности для наслаждения всеми благами мира и, вместе с тем, требуются самые лучшие качества ума. Меня всегда завораживали хитроумные интриги. И это весьма любопытно, учитывая то, что мною владеет могучая страсть к истине и что я неутомимо стремлюсь провозглашать ее вслух, невзирая ни на какие последствия. Итак, я направил стопы на дипломатическое поприще, но тут обнаружилось, что я совершенно не способен к изучению языков. Теоретически, я мог освоить грамматику любого языка за считанные часы, но на практике

1 *Рёскин*, Джон (1819—1900) — английский писатель и поэт, литературный критик, художник и теоретик искусства.

мне слишком уж не терпелось набрать словарный запас. Роды и падежи раздражали меня, представляясь искусственным усложнением. Кроме того, мне трудно перенимать языки на слух, отчасти потому, что я не очень хорошо слышу, а отчасти из-за того, что меня угнетает любой разговор, если только речь идет не о предметах первостепенной важности. Таким образом, начальная стадия изучения языка для меня крайне мучительна.

В качестве четвертого языка, требовавшегося для экзаменов, мне посоветовали не брать ни итальянский, поскольку на нем и так превосходно говорят слишком многие, ни испанский, при помощи которого, как считалось, проникнуть в ряды дипломатов было легче всего, а остановить свой выбор на русском — во-первых, потому что он невероятно сложен, а во-вторых, потому что он давал возможность назначения к одному из самых интересных и блестящих дворов Европы. В итоге я отправился в Санкт-Петербург, и эта поездка сотворила со мной чудеса, расширив мой кругозор невероятно.

К тому времени во мне уже окрепла страсть к путешествиям. Сидеть дома для меня было сущим адом, а в Лондоне, к тому же, есть какая-то неприятная сторона, которая всегда меня отталкивала. Порочность в этом городе прочно связывается со стыдом, и, вдобавок, имеются веские причины, по которым поэт в Лондоне будет чувствовать себя несчастным. Для начала, я не выносил тамошний климат. Случаются редкие дни в мае и июне, когда в город как будто возвращается молодость: солнечный свет волнует душу, ветер бодрит. Это явление Юного Диониса, в которого я влюблен. Я всегда чувствую себя лет на восемнадцать—двадцать; я всегда смотрю на мир глазами юноши. Но меня постоянно печалит, что окружение не всегда согласуется с таким взглядом; и вечное мое призвание — в том, чтобы вернуть весь мир в это состояние упоенной невинности и духовной чувственности:

Несу вам из горних чанов
Солнечное вино:
Испейте и будьте пьяны!
Жизнь и любовь — одно![1]

1 *«Несу вам ... одно!»* — цитата из драматической поэмы Кроули «Орфей» (1905).

Но в Лондоне воздух сырой и гнетущий. Самим своим составом он внушает чувство греховности. И эта нездоровая атмосфера обременяет душу всегда — неважно, роскошествуешь ли ты в номере «Савоя» или ютишься в хокстонской мансарде[1].

Кроме того, с точки зрения поэта, артистическая жизнь в Лондоне — это сущая мерзость запустения. Пьесы адаптируют для широкой публики, превращая их в сентиментальщину или порнографию. На спектаклях по Шекспиру или Ибсену чувствуешь себя неловко: кажется, будто и актеры, и зрители, разыгрывают какой-то унылый ритуал. В опере — еще того хуже. Ковент-Гарден[2] специализируется на Вагнере, поскольку он дает достаточно времени на демонстрацию бриллиантов. Никогда не забуду своего первого впечатления от континентальной оперы — «Лоэнгрина»[3] в Стокгольме! Атмосфера была совершенно естественной: люди собрались здесь просто потому, что по-настоящему любили музыку. Я словно перенесся в свой идеальный мир — мир любви и гармонии. Ласки моей спутницы переполняли душу экстатической страстью. Грех истребился; я вернулся в Эдем.

В Лондоне даже в Национальную галерею или Британский музей невозможно зайти с чистым сердцем, как заходишь в Лувр или Прадо: слишком трудно отделаться от ощущения, что совершаешь некое благочестивое действо. Концерты — еще ужаснее, чем опера. Почему-то они неизменно проходят в серой, мрачной обстановке, в которой исполнитель выглядит совершенно неуместно. Для пения и музыки нужен подходящий фон. Пение — это естественное выражение человеческих эмоций, это радость жизни и юности, как на пейзажах Коро и Гогена или в интерьерах Тенирса[4]. Изысканная инстру-

---

1 *«Савой»* — один из самых дорогих и комфортабельных лондонских отелей; *Хокстон* — исторический район Лондона, в викторианскую эпоху превратившийся в трущобы.

2 *Ковент-Гарден* — здесь: Королевский оперный театр, расположенный в одноименном районе Лондона.

3 *«Лоэнгрин»* (1848) — опера Рихарда Вагнера на сюжет средневековой легенды о Рыцаре Лебедя, изложенной в поэме Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль».

4 *Коро*, Жан Батист Камиль (1796—1875) — французский художник и гравер, выдающийся пейзажист-романтик. *Гоген*, Эжен Анри Поль (188—1903) — французский художник и скульптор, самые знаменитые свои пейзажи создавший на Таити. *Тенирс*, Давид Младший (1610—1690) — художник и гравер фламандской школы, мастер интерьера.

ментальная музыка требует соответствующей архитектуры — не обязательно соборной. У музыки должны быть собственные храмы. А лондонские концертные залы кощунственны и непристойны.

Кинематографу предшествовала панорама. Популярными научными чудесами того времени были камера-обскура и волшебный фонарь. Какой-то безымянный pompier[1] извел невесть сколько акров полотна на панораму Ниагарского водопада[2]. Для нее построили специальный павильон. Зрителю предлагалось вообразить, что он начинает свой путь с Козьего острова[3] (при этом и правда ощущая себя козой) и далее обходит по кругу огромную галерею, обозревая каждый участок водопада по очереди. Со временем панораму посмотрели все, кто мог, и встал вопрос: что делать со зданием? И вот его превратили в palais de glace[4] с настоящим льдом. Мне всегда нравилось кататься на коньках, и я купил абонемент на сезон. Начинающие конькобежцы обычно катались по внешнему кругу, а опытные — исполняли свои выкрутасы в центре. Я как раз осваивал прямую спираль на наружном ребре конька — для этого, пока не наловчишься, свободную ногу приходится поднимать очень высоко. Поглощенный этими упражнениями, я не заметил, что мимо меня движется по внешнему кругу герцог Орлеанский[5] в обрамлении двух размалеванных девиц. Выбрав именно этот момент, чтобы порисоваться перед своими спутницами, он сбился с курса и врезался прямо в меня. Оба мы так и сели с размаху, причем я своей драгоценной промежностью приземлился прямо на острие его конька. Будучи точно таким же круглым дураком, как и сейчас, только помоложе, я счел, что происхождение и положение обязывают меня притвориться, будто я совершенно не пострадал, — и я заставил себя кататься дальше (хотя боль была такая страшная,

---

1 *Pompier — «заурядный художник, "мазила"» (фр.).*

2 *Ниагарский водопад* — комплекс водопадов высотой 53 м на реке Ниагара, отделяющей американский штат Нью-Йорк от канадской провинции Онтарио.

3 *Козий остров* — маленький необитаемый островок в центре Ниагарского водопада.

4 *Palais de glace — «ледовый дворец» (фр.).*

5 *Герцог Орлеанский* — французский принц Филипп (1869—1926), родившийся и долгое время проживший в Англии.

что я едва сдерживал слезы) и продолжал, пока не почувствовал, что сделал уже достаточно для поддержания чести и могу с чистой совестью удалиться. Тем же вечером мне надо было присутствовать на заседании комитета Клуба скалолазов, проходившем на квартире Г.В. Рида на Джерман-стрит[1]. Я ухитрился каким-то чудом высидеть до конца; идиотская застенчивость не позволила мне попросить хозяина воспользоваться его спальней, чтобы хоть ненадолго прилечь. После заседания все отправились ужинать в ресторан, но тут уж я не выдержал и с извинениями покинул общество.

Дальнейшие мои приключения покрыты мраком. Смутно припоминаю, как я лежал на сиденье в вагоне поезда, а позже, добравшись до дому, — тогда я жил где-то милях в шести[2] от Лондона, — обнаружил, что промок до нитки. Должно быть, я невесть сколько бродил под дождем, от боли не соображая, что я делаю, и только пытаясь «сохранить лицо». От ушиба начался цистит, приковавший меня к постели на три недели. Воспаление распространилось на простату и уретру, затем постепенно спало, но на этом неприятности не закончились. Последствия уретрита долгое время не поддавались никакому лечению и в конце концов привели к закупорке сосудов, лекарства от которой я продолжаю принимать по сей день, спустя более четверти века после того злосчастного инцидента. Мораль — не якшайтесь с Бурбонами[3]! Хотя герцог сейчас, как говорят, находится при смерти, так что, вполне возможно, его врач как раз в эту минуту укоризненно качает головой и приговаривает: «Ах, ваше высочество, вот что бывает с теми, кто якшается со всяким сбродом вроде Алистера Кроули!..»

Что до Лондона, то против него свидетельствуют даже улицы. С одной стороны, мы наблюдаем толпы бледных, сгорбленных, торопливо бегущих куда-то пигмеев, расталкивающих друг друга в своей отчаянной погоне за куском хлеба; в сравнении с этим зрелищем даже муравьиная куча — чудо благородства и красоты. С другой, когда дело доходит до поисков приключений или развлечений, взору предстают потные скоты,

1 *Г.В. Рид* — см. примеч. 2 на стр. 110.

2 *«...милях в шести»* — приблизительно в 10 км.

3 *«...с Бурбонами»*: со второй половины XVII века Орлеанский дом объединен с французским королевским домом Бурбонов.

отравляющие воздух пивными парами, — грубые, уродливые карикатуры на обезьян. Во всей природе не сыщется созданий, падших так низко. И ни глотка свежего воздуха — ни в буквальном, ни в переносном смысле; только всепоглощающее чувство стыда и греховности, не отпускающее этих рабов ни на миг. Нигде, кроме английских городов, я не сталкивался ни с чем подобным. Трущобы есть везде, и нищеты тоже хватает; повсюду царят и беспросветная борьба за существование, и безобразная алчность, и торжествующее скотство. Но только в Англии люди пропитаны этим ядом насквозь; в других местах даже самые униженные рабы не лишены известного чувства независимости. Даже русский mujik — в своем роде аристократ.

И причина всему вышеописанному — одна и та же: нация отравлена англосаксонскими понятиями о христианстве. Только сытый язычник — и неважно, епископ он или книгопродавец, — избавлен от этой заразы, ибо не принимает религию всерьез или же имеет о ней самостоятельное представление и держится его без оглядки на соседей. На континенте даже самые узколобые прихожане греческих и римских[1] общин не связаны между собой таким насекомоподобным коллективным сознанием, как англосаксы, хотя и могут питать к религии самые страстные чувства и ставить ее во главу угла всей своей жизни. Английский язычник, в девяти случаях из десяти, — норманн или кельт. В чем бы там ни заключались его личные религиозные убеждения, по самосознанию он остается аристократом. Хорошо, конечно, принадлежать к классу господ и, укрывшись в святилище Риммона[2], посмеиваться свысока над остальными; однако поэт не может мириться с такой ситуацией. Не случайно Шелли и Байрон, аристократы до мозга костей, не смогли принять господствующую общественную систему, хоть та и вознесла их по рождению в ряды правящего класса: нравственное падение рабов, из которых состояло их окружение, причиняло им такую мучительную боль, что жизни в этом деградировавшем обществе они предпочли участь изгнанников и революционеров.

---

1 *«...греческих и римских»* — т.е., православных и католических.

2 *Риммон* — скала в пустыне к востоку от Вефиля, где во время междоусобной войны среди колен Израиля нашли прибежище 600 вениамитян (Суд. 20:45—47, 21:13).

Впрочем, и в Англии некоторые общественные группы не лишены самоуважения и мужества. Как правило, они связаны со спортом или сельским хозяйством либо состоят из квалифицированных рабочих. Суть аристократии заключается в том, чтобы гордиться тем, кто ты есть, — кем бы ты ни был. Но при индустриализации места для подобного самосознания не остается, и в результате можно бродить по лондонским улицам часами и так и не встретить ни единого человека, который не внушал бы отвращения своим ничтожеством. Все, кого природа наделила какими-либо преимуществами, давно уже выбились из общей массы и сделали все возможное, чтобы впредь с нею не соприкасаться. Они живут затворниками. Они отказались думать о черни и даже замечать ее существование — такова их психологическая защита (в том смысле, какой вложил в это понятие Фрейд). Но долг поэта — видеть, слышать и знать всё. Он не смеет позволить себе забывать. Англия — плодовитейшая мать поэтов, но слабых она убивает, а сильных вынуждает искать лучшей доли в чужих краях. Джеймс Томсон, Джон Дэвидсон, Ричард Миддлтон, Эрнест Доусон[1] и уж я не знаю сколько наших современников именно по этой причине сочли Англию невыносимой. Выбор у английского поэта небогат: либо бежать и выжить, либо умереть от разбитого сердца.

В Кембридже меня окружала горстка более или менее счастливых, здоровых и преуспевающих паразитов. Языческий дух университета в значительной мере избавил их от чувства греха. Но на каникулах я либо прятался от городской жизни в горах среди крепких крестьян, либо уезжал за границу. Меня манил северо-запад Европы. Было что-то романтичное в тамошних льдах, долгих ночах и чистом холодном воздухе. Мне нравилось в одиночестве бродить по улицам голландских и датских, норвежских и шведских городов. В них скрывалась тайна, а в злачных местах царило самое непосредственное веселье, умиротворявшее мою душу. Жизнь казалась одновременно и более чуждой, и более напряженной. Как

1 *Томсон*, Джеймс (1700—1748) — шотландский поэт, умер в расцвете лет от осложнений после простуды (см. также примеч. 3 на стр. 136). *Дэвидсон*, Джон (1857—1909) — шотландский поэт, покончивший жизнь самоубийством. *Миддлтон*, Ричард Барем (1882—1911) — английский поэт и автор готических рассказов; покончил с собой в Брюсселе. *Доусон*, Эрнест Кристофер (1867—1900) — английский поэт и писатель, умерший от алкоголизма.

иностранец я никогда не сталкивался с теми недугами, самокопанием и психологической неудовлетворенностью, которые описывают Ибсен и Стриндберг. Но представавшая мне картина, при всей своей поверхностности, была в известном смысле глубока и точна. Чтобы получить правильное представление о какой бы то ни было стране, достаточно пересечь ее на поезде. Внешние и зримые признаки действительно открывают взору (а особенно — взору поэта) достоинства внутренние и духовные. И напротив, аналитики, не способные по-настоящему вскрыть изнанку вещей, только вводят людей в заблуждение. Мистер Джоррокс и мистер Пиквик дают куда лучшее представление об Англии, чем Чарльз Рид или сэр Уолтер Безант[1]. Дюма-отец сообщает о Франции куда больше, чем Золя. Многие особенности национальной души лучше принимать как данность, не пытаясь их анализировать. Чтобы с пользой провести различия между двумя миловидными девицами, следует попросту хорошенько рассмотреть их в оперный бинокль, а не потрошить их и пытаться изучить изнутри, как обычно поступают авторы так называемой психологической прозы. В природе непрерывно протекает множество скрытых процессов, и для каждого из нас они более или менее одинаковы. Цепляться за них — это одно из худших заблуждений, какие только можно себе представить. Крестьяне в «Земле» Золя[2] фальшивы во всем, кроме общения между собой. Чтобы понять, что в действительности представляют собой эти люди, достаточно было бы сказать, что они разводят скот, выращивают хлеб и виноград и сражаются как черти за свою страну. «Огонь» Анри Барбюса[3] — позор для литературы. Для по-

1 *Мистер Джоррок* — веселый бакалейщик, персонаж чрезвычайно популярной в Англии серии иллюстрированных юморесок Роберта Смита Сертиса (1805—1864). *Мистер Пиквик* — герой романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836—1837), богатый и чудаковатый старый джентльмен. *Рид*, Чарльз (1814—1884) — английский писатель и драматург, автор бытовых, исторических и детективных романов. *Безант*, Уолтер (1836—1901) — английский писатель и историк, автор романов на остросоциальные темы; деверь известного теософа Анни Безант, масон, основатель (в 1886 году) первой в истории исследовательской масонской ложи «Quatuor Coronati» («Четверо венценосцев»).

2 *«Земля»* (1887) — роман Эмиля Золя из цикла «Ругон-Маккары», повествующий о крестьянской жизни.

3 *«Огонь»* (1916) — натуралистический антивоенный роман французского писателя Анри Барбюса (1873—1935), принесший ему широкую известность.

нимания народной массы важна только массовая психология. Великие художники, такие как Эмили Бронте (или то был ее брат?)[1], подобных ошибок не допускают. Они пишут об отдельных личностях, но никогда не упускают из виду тот факт, что всякий человек индивидуален лишь до определенной степени. Он — лишь одна из фигур на обширном полотне, и если он чересчур выделяется из общего фона, значит, со всей картиной что-то неладно. В рассказах капитана Марриета[2] немало портретных шедевров, однако он никогда не теряет из виду фона. Я убежден, что при старой полуфеодальной системе английский народ был гораздо счастливее, чем сейчас. «Трудные дела — плохая основа для закона»[3]. Мы избавились от всех несправедливостей, попавших в поле нашего внимания, но в результате создали искусственное догматическое общество, в котором по-настоящему счастливых и преуспевающих людей нет вовсе. Теперь недовольны все сословия. Наше общество — как человек, чьи нервы, все одновременно, спорят между собой и жалуются на свою участь, вместо того чтобы тихо выполнять положенную работу. Самая чудовищная политическая ошибка — развивать сознание тех частей общественного организма, которые не имеют отношения к его мозгу. Из-за этого уже потерпела крах Россия; и нам тоже осталось недолго.

Но в те времена, в юности, я и не помышлял о политике — на это попросту не было причин. В стране царили благоденствие и стабильность. Все принимали как данность, что Англия — величайшее государство в мире и ничто не способно выбить почву у нее из-под ног. Ирландия воспринималась всего лишь как вечная докука, а мистера Гладстона[4] считали

---

1 *Бронте*, Эмили Джейн (1818—1848) — английская писательница и поэт, автор знаменитого романа «Грозовой перевал» (1847). Известна неподтвержденная теория, согласно которой авторство «Грозового перевала» в действительности принадлежало брату Эмили, Бренуэллу Бронте.

2 *Марриет*, Фредерик (1792—1848) — английский писатель, автор приключенческих романов, моряк, в 1823 году дослужившийся до капитанского чина.

3 *«Трудные дела — плохая основа для закона»* — известная юридическая максима, впервые сформулированная судьей Робертом Рольфом в 1842 году. Означает, что частное решение, вынесенное по особо запутанному делу, не должно служить основой для принятия общего закона.

4 *Гладстон* — см. примеч. 2 на стр. 62. Во внешней политике был убежденным сторонником мирного сосуществования с другими государствами, чем навлек на себя множество нареканий со стороны тех, кто был убежден, что Британская империя должна отстаивать свои позиции силовым путем.

предателем, ни больше ни меньше. Одним из моих домашних учителей был дон из Киз-колледжа[1] по фамилии д'Арси, сын приходского священника, служившего в Нимпсфилде (Глостершир). Я провел там какое-то время — и именно там впервые побывал на охоте. На «сектантов», пренебрегавших англиканской церковью, там смотрели как на последних выродков. Помню, как этот пожилой священник хохотал над загадкой: «Почему у Гладстона волосы — как трава?» — «Да потому, что они растут на старом бугре!» Выше политическая мысль уже не поднималась, и, более того, подобные оценки для всех были прописными истинами. Припоминаю пару строк из стихотворения, которое я посвятил лорду Розбери[2]:

Итак, милорд, гоните-ка взашей
Всех этих леворадикальных вшей!

Меня пригласили на встречу с Гладстоном в Северном Уэльсе; я отказался ехать и написал стихотворение и ему:

Строки по случаю приглашения на встречу с премьер-министром в Уэльсе в сентябре 1892 года

Я не пожму руки тебе, старик,
Таким — не жмут.
Тебя зовут предателем, старик,
Лжецом зовут.
К своей победе ты шагал давно,
И вот успех:
Не каждому страну вогнать дано
Враньем — во грех.

И не смотри так мрачно, старина,
Не хмурь чела:
Твоих гримас мрачнее, старина,
Твои дела.

1 *Киз-колледж* (Гонвилль-энд-Киз-колледж) — один из старейших колледжей Кембриджского университета.

2 *Лорд Розбери* — Арчибальд Филип Примроуз, 5-й граф Розбери (1847—1929), английский политик, глава либеральной партии. Долгое время поддерживал Гладстона; сменил его на посту премьер-министра в 1894 году.

Я уважаю возраст твой и пол,
Не то, старик,
Я б сам с рогами на тебя пошел,
Хоть я не бык. <В 1891 году в Гавардан-парке на мистера Гладстона напала корова.>

Ты под себя загреб немало мест,
Ты знаменит,
Ты влез на самый скользкий в мире шест —
На Даунинг-стрит,
Но трусом и лжецом тебя, старик,
Не зря зовут.
Я не пожму руки тебе, старик,
Таким — не жмут.

И действительно не пожал.

Жизнь в Кембридже не располагала к более глубокому мышлению. Схожей позиции я придерживался и в вопросах внешней политики. Киплинговщина чистой воды, хотя (в другом герметичном отсеке) я был страстным поклонником Шелли, не помышляя, впрочем, о том, что его политическую программу можно как-то применить на практике[1].

Был и еще один отсек. Скотт, Бернс и мой кузен Грегор сделали из меня романтического якобита[2]. Дома Ганновера и Саксен-Кобурга я считал германскими узурпаторами и мечтал возвести на трон «Марию III и IV»[3]. Я был фанатиком легитимизма[4] и даже вступил в заговор Дона Карлоса[5], получил за-

1 П.Б. Шелли был поборником идей свободы и справедливости. Он писал и распространял политические памфлеты, выступая за реформу избирательного права в Великобритании (и, в частности, с требованием равноправия для ирландских католиков).

2 *Якобиты* — приверженцы изгнанного в 1688 году английского короля Якова II, сторонники восстановления династии Стюартов на британском престоле.

3 *Ганновер* — см. примеч. 2 на стр. 101. *Саксен-Кобург* — Саксен-Кобург-Готская династия, вступившая на британский трон после смерти королевы Виктории в 1901 году, когда королем стал ее сын от Альберта Саксен-Кобург-Готского, Эдуард VII. Эта же династия (переименованная в Виндзорскую) правит Великобританией по сей день. *«Марию III и IV»* — т.е. очередных католических королев из династии Стюартов.

4 *Легитимизм* — политическая теория, провозглашающая историческое право династий на решение основных принципов государственного устройства. Здесь также — в более узком смысле: приверженность легитимной старшей линии династии Бурбонов во Франции, к которой, в частности принадлежал Дон Карлос Младший (см. ниже).

5 *Дон Карлос* Младший (1848—1909), герцог Мадридский — претендент на испанский престол, глава партии карлистов — крайних приверженцев

дание добыть пулемет, научился отлично стрелять из винтовки и стал штудировать строевую подготовку, тактику и стратегию. Но когда дело уже дошло до вторжения в Испанию, Дон Карлос перетрусил. Заговор был раскрыт; яхта лорда Эшбернема[1], на которой везли оружие, попала в руки испанцев.

Правда, здесь переборки оказались недостаточно прочны: мой реакционный консерватизм конфликтовал с содержимым соседнего отсека — антикатолицизмом. Но затем удалось примирить их между собою — при помощи так называемой Кельтской церкви[2]. В ней я обрел ту самую романтическую и мистическую идеологию, которая полностью удовлетворяла моим политическим и религиозным запросам. Она была пропитана живым духом магии; бок о бок с человеком жили эльфы и девы в обличье тюленей. Здесь в почете был сакраментализм[3]; на грех же взирали без страха и отвращения. Столпами этой церкви были рыцарство и тайна. И она была свободна от духовенства и тирании — по той простой причине, что в действительности ее не существовало!

Врожденная склонность к трансцендентальному толкнула меня в ее объятия. «Смерть Артура», «Лоэнгрин» и «Парсифаль»[4] — вот где был мой настоящий мир! Я не просто мечтал, а серьезно намеревался выступить на поиски Святого Грааля. Целомудрие превратилось в моих глазах

абсолютизма; организатор и лидер третьей карлистской войны в Испании (1872—1876). Как старший представитель династии Бурбонов (с 1887 года) претендовал также на престол Франции, куда вынужден был бежать после поражения в войне.

1 *Лорд Эшбернем*, Томас (1855—1924), 6-й и последний граф Эшбернем — английский аристократ, капитан британского флота.

2 *Кельтская церковь* — условное название для христианской церковной организации на Британских островах во второй половине I — начале II тысячелетий н.э. Будучи в основе своей католической, Кельтская церковь органично включала в себя многие элементы античных и местных языческих традиций. Характерные для нее верования сохранялись в Ирландии еще долгое время после утверждения официальной католической церкви и бытуют во многих местностях по сей день.

3 *Сакраментализм* — учение о духовном присутствии Бога в таинстве причастия: евхаристия мыслится не как символическое вкушение крови и плоти Христа, а как памятование о Его искупительной жертве.

4 *«Смерть Артура»* — рыцарский роман Томаса Мэлори, впервые опубликованный в 1485 году, итоговое произведение артурского цикла, сведшее воедино множество легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. *«Парсифаль»* (1882) — музыкальная драма Рихарда Вагнера на сюжет о поисках Святого Грааля. *«Лоэнгрин»* — примеч. 3 на стр. 150.

в несомненную добродетель. Хранить чистоту оказалось восхитительно. До сих пор целомудрие виделось мне верхом мерзости, клеймом трусости, бессердечия и рабства. Но в Кельтской церкви не было страха пред Богом, а было единение с Ним — близость в служении, столь же благородная, как та, что связывала Роланда с Карлом Великим. Я по-прежнему воспринимал все слишком буквально. Слова Браунинга «Чайльд-Роланд к темной башне пришел»[1] описывали для меня событие не менее, а в чем-то, пожалуй, даже более реальное, чем битва при Ватерлоо. Думаю, только бессознательный здравый смысл не позволил мне отправиться прямиком к Браунингу и спросить, где искать эту темную башню!

14

Один из приближенных Дона Карлоса возвел меня в рыцарское достоинство. <С этим связана целая история, но я пока что еще не могу ее поведать.> Легитимистская теория, с одной стороны, признает исключительное право на посвящение в рыцари только за монархом или его представителями, а с другой — не дает такого права женщинам. Следовательно, все рыцарские звания, полученные при королеве Виктории, незаконны.

Принятие официальной англо-германской теории влечет за собой еще более плачевные последствия в наши дни. В девяностые годы плодились всего-навсего городские рыцари, но затем им на смену явились кумиры дневных концертов, а теперь гордое звание рыцаря окончательно втоптано в грязь, ибо его носят и ростовщики, и кинозвезды, и пошлые комедианты. Истинное рыцарство подразумевает лишь одну-единственную честь — честь являться человеком чести, то есть следовать высоким обетам: бороться за правое дело, служить человечеству, защищать униженных и оскорбленных и в целом блистать всевозможными добродетелями. А когда клоуны и выкресты садятся за стол раньше порядочного джентльмена, тот обычно считает за благо покинуть обеденный зал.

---

1 *«Чайльд-Роланд к темной башне пришел»* — название и заключительная строка мистической поэмы Роберта Браунинга, опубликованной в 1855 году.

К своему посвящению в Орден я отнесся чрезвычайно серьезно и в лучших традициях выдержал бдение над оружием в лесу. В свете теории Кельтской церкви папизм представлял собою позднюю ересь или, в крайнем случае, секту. Даже лучший в мире собор слишком мал, чтобы вместить Церковь — как обнаружил в свое время Бранд[1]. Горы и леса — вот истинные святилища. А лучшая из земных обителей — хижина отшельника наподобие тех, которые встречает рыцарь в своем священном походе.

Но все эти идеалы, как ни серьезно я к ним относился, оставались мечтами. В действительности же я продолжал со всем пылом страсти очищаться от грязи христианства, намеренно предаваясь грехам и мирской суете. Я был так счастлив вырваться из-под гнета, что каждый акт утверждения свободы доставлял мне чистую радость.

Итак, нити на ткацком станке моей души были во многом разнородны и еще не сплелись в гармоничный узор. Я исследовал жизнь опытным путем, принимая все, что она несла мне, и не пытался подвести под нее какой-то общий теоретический принцип.

На путь к себе меня направили два события. Первое произошло в Стокгольме 31 декабря 1896 года, около полуночи. Внезапно я понял, что обладаю магическими средствами осознавать и удовлетворять ту часть моей натуры, которая до тех пор оставалась от меня сокрытой. Я пережил боль и страх вкупе с неким мистическим ужасом, но в то же время это был ключ к самому чистому и священному духовному экстазу, какой только можно себе представить. Тогда я еще не понимал, насколько важен этот феномен, и принимал его всего лишь за продолжение тех магических процессов, с которыми был уже знаком. Это был единичный опыт, и прежде, чем он повторился, прошло ровно двадцать месяцев, минута в минуту. Но когда это случилось во второй раз, мой дух ожил, «скрепы души ослабли»[2], и животное начало во мне присмирело и умолкло перед лицом имманентной божественности Святого Духа — всемогущего, всеве-

1 *Бранд* — герой одноименной пьесы (1865) Генрика Ибсена, священник и бескомпромиссный идеалист, обретающий душевное умиротворение и благодать лишь на лоне дикой природы — в «снежной церкви» высоко в горах.

2 ...«скрепы души ослабли» — аллюзия на §8 из «Халдейских оракулов»: «Скрепы души, что дают ей дыханье, ослабить нетрудно».

дущего и вездесущего, но внезапно расцветшего именно в моей душе, как если бы все силы вселенной и вечности сосредоточились и явили себя в одной-единственной розе.

Второе событие из тех, что навели меня на истинный путь, совершилось в октябре 1897-го. Я разболелся — не особенно серьезно (к тому же, я с детства привык к мысли, что не доживу до зрелых лет); но почему-то эта болезнь навела меня на глубокие размышления о самом факте смертности. Я вдруг понял, что нельзя терять ни минуты. Страха перед смертью или какой-то гипотетической «загробной жизнью» я не испытывал; нет, это было другое: ужас перед мыслью о тщете всех человеческих усилий. Допустим, сказал я себе, я добьюсь больших успехов дипломатии и стану послом в Париже. И что в этом хорошего? Кто-нибудь помнит, кто был послом в Париже хотя бы сто лет назад? Или вот, другая моя мечта — стать великим поэтом. Положим, я находился в одном из двух мест Британии[1], где поэты, как считается, в чести; но на деле из трех тысяч его обитателей очень мало кто знает хоть что-нибудь даже о таком гении, как Эсхил. Я еще не достаточно просветлился, чтобы понимать, что слава не имеет отношения к подлинным достижениям человека, ибо истинное свидетельство его величия — то невидимое влияние, которое он оказал на последующие поколения. Но, так или иначе, воображение понесло меня дальше. Предположим, я превзойду самого Цезаря или Наполеона по одному направлению и самого Гомера или Шекспира — по другому. Но все равно мои труды в конце концов обратятся во прах, ибо рано или поздно земной шар станет непригоден для человеческого обитания.

Я не испытал в ходе этих размышлений сколько-нибудь отчетливого транса; однако во мне родилось духовное понимание сродни тому, которое приходит вместе с Видением Вселенской Скорби (как я позднее стал называть это состояние)[2]. Буддист

---

1 *«...в одном из двух мест Британии»* — т.е. в Кембриджском университете (под вторым, вероятно, подразумевается Оксфорд).

2 «Видение», или «Транс», Вселенской Скорби Кроули определяет в своем сборнике эссе «Шаг за шагом — к истине» как осознание того, что все отношения человеческой Воли со Вселенной «причиняют только страдания, и иначе быть не может. Бессмысленность всего этого процесса внушает ей отвращение. Она принимается за поиски некоего средства, под влиянием которого Вселенная стала бы понятной, полезной и приятной. Вот что мы имеем в виду, когда говорим, что Транс Скорби — побудительный мотив к Великому

сказал бы, что я воспринял Первую Благородную Истину: *саббе пи дуккхам*, все сущее есть страдание. Однако это восприятие было еще ограничено планами, привычными обыденному человеческому сознанию. Тщетность любой работы, основанной на иллюзии вечности физического материала, была очевидна. Но предполагать, что любая работа трансцендентального порядка столь же тщетна, у меня еще не было причин. Поэтому я сформулировал свою волю приблизительно в следующих словах: «Я должен найти такой материал для работы, над которым не властны никакие превратности». Полагаю, я в той или иной степени все еще не избавился от влияния христианской метафизики. Прежде я довольствовался бегством от религии в мирскую жизнь. Теперь я увидел, что удовлетворения в миру не найти. Перспектива быть уничтоженным без следа меня не устраивала. Поэтому внимания заслуживали только явления духовного порядка: мозг и тело полезны исключительно как орудия души.

Обычный материалист, как правило, не понимает, что даже в самых грубых и примитивных житейских делах в счет идут только духовные обстоятельства. Факты, окружающие убийство, сами по себе ничего не значат: они важны лишь постольку, поскольку совокупность их свидетельствует о преступном намерении. Схожим образом материальные блага ценны лишь как одно из средств, помогающих человеку осознать себя удовлетворенным.

Итак, жизнь по природе своей — священное таинство; иными словами, любое наше действие — магический акт. Наше духовное сознание воздействует посредством воли и ее орудий на материальные объекты, дабы вызывать те или иные перемены, которые, в свою очередь, породят и утвердят новые условия духовного порядка, желательные для нашего сознания. Таково определение Магии. Очевидный пример, в котором подобная операция совершается в самой символической и церемониальной форме, — это месса. Воля священника пресуществляет

Деланию. Этот "Транс Скорби" (который следует строго отличать от всевозможных мелких личных огорчений, "сознания греховности" и прочих черномагических имитаций) — состояние вселенского масштаба: он охватывает собою все явления, как актуальные, так и потенциальные <... > Он направляет искателя на верный путь, и тот <... > вскоре достигает других состояний высокого порядка» (цит. по: *Халдейские оракулы.* // Алистер Кроули. *Восемь лекций по йоге.* М.: Ганга, Телема, стр. 128; подробнее см.: там же, стр. 133—135).

гостию, насыщая ее духовной субстанцией в форме настолько активной, что ее физическое поглощение дарует причащаемому духовную пищу. Но эта же формула описывает и любое другое наше действие. Если у портного разболелся зуб, он берет часть средств, вырученных за работу, которой он посвятил свою жизнь, — символ своей накопленной и запасенной энергии, — и расходует эту часть на оплату услуг зубодера, чтобы восстановить в себе осознание физического благополучия.

Магическая теория бытия, изложенная с этой точки зрения, не нуждается в доказательствах. В то время я еще не мог сформулировать ее отчетливо, но бессознательно стал действовать в полном соответствии с нею, как только открыл для себя тщету всего сущего. Однако от понимания того, что всякое действие, хотим мы того или нет, есть магический акт, я был еще так далек, что полагал, будто спасение от материи неизбежно подразумевает решительное переселение в мир духа. Я еще настолько не отдавал себе отчета в том, что материя по природе своей вторична и символична, что главной своей целью поставил получить на собственном опыте какое-нибудь ощутимое доказательство бытия духовных сущностей. Иными словами, я возжаждал добиться того, чтобы обитатели иных планов предстали передо мною зримо и изрекли слова, доступные слуху.

Это решение стало первым проявлением моей истинной воли. Время от времени я с головой уходил в те или иные увлечения, но ни одному из них до сих пор не удавалось поглотить все мое внимание целиком. Я никогда не предавался безраздельно ни шахматам, ни альпинизму, ни даже поэзии. Но теперь, впервые в жизни, я увидел перед собой цель, ради которой готов был расходовать все свои средства без оглядки.

В то время духовный мир состоял для меня, грубо говоря, из Троицы и ангелов ее, с одной стороны, и дьявола с его ангелами — с другой. Делать вид, будто христианство не пронизано манихейством[1] до мозга костей, — чистая софистика. Ведантийская теория адвайты, изложенная в упанишадах, объявляет зло (да и весь проявленный мир) майей, чистой

1 *Манихейство* — религиозное учение древнеперсидского пророка Мани (216 — 273 или 276), основанное на дуалистической теории о борьбе двух равновеликих сил: добра и зла, света и тьмы.

иллюзией[1]. Но даже и так мы не получаем удовлетворительного ответа на вопрос, откуда возникла эта иллюзия. В христианстве зло не менее реально, чем добро; и до тех пор, пока две эти противоположности существуют, они должны быть равны друг другу — или же должно наличествовать некое третье уравновешивающее их слагаемое. Но последнее — тоже софистика, ибо третье слагаемое оказывается всего лишь противовесом: нет никакого смысла проводить различие между двумя объектами, единственная функция которых — уравновешивать третий. Иными словами, у одного высказывания не может быть двух различных противоположностей. Если существует противоположность добра — а таковая обязана существовать, чтобы понятие «добро» вообще имело хоть какой-то смысл, — то она должна быть в точности равной добру как количественно, так и качественно. Применительно к христианской гипотезе реальность зла приравнивает дьявола к Богу. А это и есть ересь Мани. Но те, кто осуждает Мани, самим этим осуждением невольно подтверждают его теорему.

Я, по-видимому, понял это интуитивно; и решение о том, какую из двух сторон следует принять, далось мне без труда. Силы добра были моим естественным врагом, постоянно меня угнетавшим. Я ежедневно наблюдал, как они разрушают счастье моих ближних. Таким образом, логика подсказывала, что в своих исследованиях духовного мира я первым делом должен был снестись лично с дьяволом. Об этой операции я был наслышан немало, но в самых общих чертах: мне не хватало учебника с подробными практическими указаниями. Я посвятил себя черной магии; и книгопродавцы (Дейтон и Белл[2], благослови их Боже!) незамедлительно предоставили мне «Книгу черной магии и договоров с дьяволом»[3] — судя по названию, именно то, что нужно.

---

1 *«Ведантийская теория адвайты...»* — адвайта-веданта, индийская философская система, основное положение которой гласит: «Брахман реален, мир нереален, джива (индивидуальная душа) и Брахман — одно и то же».

2 *Дейтон и Белл* — владельцы одноименной книжной лавки Кембриджского университета.

3 *«Книга черной магии и договоров с дьяволом»* (1898) — труд Артура Эдварда Уэйта (1857—1942), английского оккультиста и мистика, члена Герметического ордена Золотой Зари, плодовитого писателя и поэта, историка западной эзотерической традиции. Впоследствии (в 1913 году) эта работа была переиздана под другим названием, менее сенсационным и более точно соответствующим содержанию: «Книга церемониальной магии».

Как же меня разочаровала и расстроила эта компиляция! Автор оказался напыщенным, невежественным и претенциозным американским алкоголиком[1], и тему свою он излагал с вульгарностью Джерома К. Джерома[2] и фривольностью поддатого красноносого комедианта из мюзик-холла, отпускающего бородатые шутки о тещах и арендаторах.

Тем не менее, даже по его исковерканным цитатам из гримуаров стало понятно, что дьяволопоклонники понятия не имеют о том Сатане, которого воспели Мильтон и Гюисманс. Они были кем угодно, но никак не героями духовной войны против тиранов, против угнетателей человеческой души, святотатцев, отвергающих верховную власть человеческой воли. Их не интересовало ничего, кроме самых презренных мелких пакостей или своекорыстных результатов: как помешать охотнику загнать дичь; как найти клад; как сглазить соседских коров; как «добиться благосклонности судьи». Эти так называемые служители Люцифера и Велиала в действительности были истыми христианами, и притом христианами низшего рода, ибо методы их были совершенно ребяческими — почти ничем не лучше христианского молитвенника с его прошениями о дожде и о победе в сражении. И все-таки в одном отношении они решительно превосходили христиан, а именно: в основе их методов лежали научные предпосылки. Иными словами, они исходили из предположения о том, что маг может принудить силы природы к повиновению таким же верным и точным способом, как делает это инженер, химик или электрик. И в этом подходе не было места раболепным заискиваниям, лести и подкупу, к которым сводится по существу всякая молитва, направленная на обретение материальных благ. Сэр Дж.Дж. Фрэзер отметил это различие в своей «Золотой ветви»[3]. Он определяет магию

1 *«...американским алкоголиком»*: Уэйт родился в Бруклине (Нью-Йорк), но уже во младенчестве мать привезла его в Англию, где он и прожил всю свою жизнь. В 20-е годы в оккультных кругах распространились слухи о его пристрастии к алкоголю.

2 *Джером*, Джером Клапка (1859—1927) — английский писатель-юморист, сотрудник сатирического журнала «Панч»; наиболее известен как автор повести «Трое в лодке, не считая собаки» (1889).

3 *Фрэзер*, Джеймс Джордж (1854—1941) — английский антрополог, культуролог, фольклорист и историк религии, автор эпохального 12-томного труда *«Золотая ветвь»*, систематизировавшего фактический материал по первобытной магии, мифологии, тотемизму, анимизму, табу, религиозным обычаям и фольклорным верованиям разных народов.

как науку, которая не работает[1]. Но вернее было бы сказать несколько по-иному: магия — это наука in posse[2].

Составитель «Книги черной магии и договоров с дьяволом» — не только самый претенциозно-пошлый и помпезно-приземленный из всех пышущих пафосом мясников от литературы, но и самый плодовитый, если не сказать писучий. Я не могу сейчас извлечь из болота его бредовой болтовни тот пассаж, который побудил меня написать ему письмо. Но то была некая туманная фраза в лучших традициях древних оракулов, намекавшая, что автору кое-что известно о Тайной церкви, сокрытой от мира, в святилищах коей хранятся истинные посвятительные мистерии[3]. Это было лучше Кельтской церкви; и я немедленно попросил рекомендовать меня к приему в ряды этой общины. Автор ответил доброжелательно и внятно, посоветовав мне прочесть «Облако над святилищем» советника фон Эккартсгаузена[4]. С этой книгой я отправился

---

1 *«Он определяет <...> не работает»*: «Фундаментальное допущение магии тождественно <...> воззрению современной науки: в основе как магии, так и науки лежит твердая вера в порядок и единообразие природных явлений. У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины всегда будут порождать одни и те же следствия, что свершение нужного обряда, сопровождаемое определенными заклинаниями, неизбежно приведет к желаемому результату, если только колдовство не будет сведено на нет более сильными чарами другого колдуна. Маг не упрашивает высшую силу, не ищет благорасположения переменчивого и своевольного сверхъестественного существа, не унижается перед грозным божеством. Но власть его, сколь бы великой он ее ни считал, никоим образом не является властью произвольной и безграничной. Он располагает ею лишь постольку, поскольку строго следует правилам своего искусства или природным законам, как он их понимает. <...> Роковой порок магии заключается не в общем допущении законосообразной последовательности событий, а в совершенно неверном представлении о природе частных законов, которые этой последовательностью управляют» (цит. по: Джеймс Джордж Фрэзер. *Золотая ветвь. Исследование магии и религии.* Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980).

2 *«...in posse»* — «в потенции» (лат.).

3 *«...некая туманная фраза <...> посвятительные мистерии»*: имеется в виду следующий отрывок из работы Уэйта: «За ней [т.е. старинной философией магии] <...> стоял источник упомянутого авторитета — школа или несколько школ, которые, образно выражаясь, выдавали верительные грамоты, подтверждавшие присвоенный титул, обладание каковыми должен был продемонстрировать в своих писаниях мастер, трактующий о данном предмете. <...> наука древних святилищ существовала и существует по сей день».

4 *Эккартсгаузен*, Карл фон (1752—1803) — немецкий мистик, придворный советник баварского курфюрста. Автор ряда алхимических и мистических сочинений. В его трактате «Облако над святилищем» (1802), опубликованном на английском языке в 1896 году, открыто подтверждается существование «тайной школы», на которую намекал Уэйт: «...всегда существовала и более высокая школа, коей было вверено хранение всей науки, и школа эта представляла собою общину, озаряемую внутренне самим Спасителем, — Общество Избранных, действовавшее с первого дня творения и до наших времен; верно,

в Уосдейл-Хэд[1] на пасхальные каникулы 1898 года. Этот период оказался для меня переломным, в двух наиважнейших отношениях предопределив мой дальнейший путь. Два эти направления были в известном смысле тесно связаны друг с другом, и чтобы прояснить, о чем идет речь, я сейчас вынужден на некоторое время вернуться назад и восстановить пробелы в истории моих занятий альпинизмом и литературой.

Летние каникулы 1896 и 1897 годов я провел в Альпах. Мой предыдущий опыт получил естественное логическое развитие. Я решил найти себе постоянного компаньона для восхождений. С профессором Норманом Колли я познакомился в Уэстморленде[2]. Его наставления и советы оказались бесценны. Я договорился провести часть лета с Моррисом Трэверсом, лаборантом Колли в Университетском колледже Лондона[3], и он оказался замечательным напарником. Человек, который пишет трактаты о свойствах газов и знает, как отвадить влюбленных студенток, — идеальный спутник в горах. К сожалению, он был приглашен по работе в далекую страну[4] и бросил горы. Но мы с ним оставили свой след в Альпах: мы совершили первый траверс без проводника по траверсу на Мёнх и ледопад Вюибез, а также первый траверс на Эгюий Руж, одолев все вершины[5].

Трэверс ненадолго присоединился ко мне в августе, и мы начали с первого самостоятельного траверса на Мёнх. Не прошло и трех часов с его прибытия, как мы выступили в направлении приюта Гугги, так что, можно сказать, мой напарник отправился

что члены ее рассеяны по всему миру, однако их всегда объединяли между собою единый дух и единая истина. <...> При этой общине имеется Школа, в которой все, кто жаждет познания, наставляемы самим Духом Мудрости; и все тайны Бога и природы хранятся в ней для детей света».

1 *Уосдейл-Хэд* — деревня в долине Уосдейл в Озерном крае; см. примеч. 1 на стр. 107.

2 *Колли*, Норман — см. примеч. 1 на стр. 130. *Уэстморленд* — бывшее графство в Великобритании, расположенное главным образом в Камберлендских горах.

3 *Трэверс* — см. примеч. 1 на стр. 124. В *Университетском колледже Лондона* Норман Колли занимал должность профессора органической химии с 1896 по 1913 гг.

4 *«...в далекую страну»*: в 1901—1902 гг. Трэверс был приглашен на должность консультанта по основанию научно-исследовательского института в Бангалоре (Индия) и в 1906 году стал его директором.

5 *Мёнх* — горная вершина в Бернских Альпах (4107 м); *Эгюий Руж* (фр. Красные пики) — горный массив во Французских Предальпах; самый высокий пик, Эгюий-де-Бельведер, поднимается на высоту 2965 м.

в горы прямиком из Лондона[1]. Переночевав в хижине, мы поднялись очень рано и в приливе энтузиазма стремительно одолели нижние склоны. Но тут Трэверса настигла горная болезнь. Было понятно, что атмосферное давление тут ни при чем: он просто сильно устал от путешествия, слишком резко перешел на грубую пищу и вынужден был внезапно напрячь все силы после долгого перерыва в тренировках. По этим и другим подобным соображениям я полагаю, что объяснять его недомогание подъемом на большую высоту было бы глупо. Все те же самые симптомы я наблюдал на Бичи-Хэд у людей, превосходно чувствовавших себя в Альпах, и сам я не испытывал никаких неудобств на высоте меньше 23 тысяч футов[2].

В результате всю следующую неделю мы с Трэверсом бродили по Оберланду, не поднимаясь выше линии снегов[3]. Горная болезнь у него скоро прошла, но он сильно обгорел на солнце. В те времена мы имели глупость верить, что от солнца защищает ланолин[4]; но на деле оказалось, что он не только не лечит, а наоборот, еще больше разъедает ожоги. Через несколько дней после того, как мы расстались, Трэверс отправился в Горнерграт[5], где оставил свой багаж. Дама, сидевшая на скамейке перед гостиницей, увидела его — обмотанного развевающимися бинтами и со сплошной гноящейся язвой вместо лица — и возмущенно воскликнула, что таких омерзительных субъектов нельзя пускать в общественные места. Это была его родная мать — она его не узнала!

Кстати о солнечных ожогах: был такой (вы не поверите!) доктор Боулс из Фолкстона[6], интересовавшийся этим вопро-

---

1 *Приют Гугги* — альпийская хижина на северо-западном гребне Мёнха; старое здание располагалось на высоте около 2400 м. Обычный маршрут к ней ведет от железнодорожной станции Кляйне Шайдегг; пеший путь занимает около 3,5 часов.

2 *23 тысячи футов* — около 7 км.

3 *Линия снегов* в Альпах на западных склонах проходит на высоте около 2700 м, а на восточных — около 3200 м.

4 *Ланолин* — животный воск, получаемый при промывании овечьей шерсти; традиционно используется в медицине как основа для различных мазей и для смягчения кожи.

5 *Горнерграт* — здесь: последняя станция одноименной железной дороги, соединяющей Церматт с горным отрогом Горнерграт.

6 *«...вы не поверите»*: английская фамилия Боулс (Bowles) созвучна слову «boils» — «нарывы, фурункулы». *Фолкстон* — приморский город в графстве Кент (Англия).

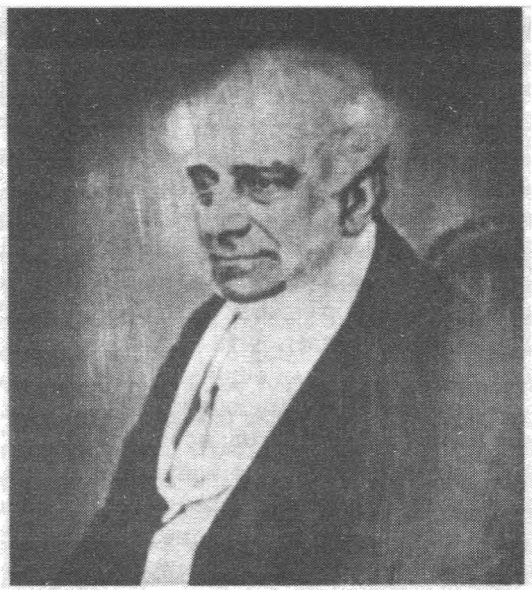
сом. Он договорился с Моррисом Трэверсом о совместном исследовании фотохимической активности солнечных лучей на леднике. Соответственно мы с Трэверсом и его братом отправились на ледник где-то над Бель-Альп и разбили лагерь. На следующий день прибыл Боулс с компанией добровольных жертв. У каждого подопытного лицо было разрисовано театральным гримом в два цвета: у одного правая половина — киноварно-красная, левая — небесно-голубая; у другого левая — ярко-зеленая, правая — оранжевая, и так далее. С прискорбием сообщу, что я, отказавшийся до такой степени пожертвовать человеческим достоинством, оказался единственным, кто не обгорел. Солнце не обмануть никаким камуфляжем. Меня же спасло только то, что большую часть жизни я провел под открытым небом и постепенно приобрел иммунитет. Иногда мне начинает казаться, что вся наука — это шарлатанство чистой воды: природа при желании всегда отмахнется от любого нашего нахального вмешательства. И даже если мы в своих обезьяньих шалостях когда-нибудь дойдем до того, что взорвем всю Землю, разложив ее на атомы, или, чего доброго, уничтожим само Солнце, уверен — вселенная и бровью не поведет. Если нам и суждено чего-то достичь, то лишь путем работы с теми духовными силами, которые лежат за пределами человеческого сознания и по отношению к которым материальная вселенная — всего лишь символ и тень.

Второй наш подвиг — ледопад Вюибез — стал одним из самых интересных восхождений по льду в моей жизни. С тех пор, как на этот ледник поднимались в последний раз, прошло целое поколение; за это время он сильно изменился и стал считаться неприступным. Жан Мэтр, слывший лучшим проводником в долине, и несколько других известных проводников и видных членов Альпийского клуба решили попытать счастья. Вернулись они с удивительным рассказом об отчаянных приключениях. Остановило их, как они заявили, последнее препятствие — нависающая ледяная стена, перед которой зияла широкая трещина. Нас это заинтересовало. На следующее утро мы выступили в путь и добрались до упомянутого препятствия безо всяких трудностей, составив в результате не самое лестное представление о способностях доблестных и могучих мужей, прошедших здесь накануне. Поэтому то, что с «последним препятствием»

они не справились, нас уже не удивило. Мы очутились на бритвенно-узком выступе, отделенном от нависающей стены трещиной — настолько широкой, что дотянуться до дальнего края можно было только ледорубом. Трэверс подержал меня на веревке, пока я, перегнувшись через трещину, вырубил в стене ступеньку. Затем мы поменялись местами: брат Трэверса, стоявший пониже, держал его на веревке для страховки, а я осторожно опустил его самого, так чтобы он тоже смог перегнуться через трещину и опереться на ступеньку руками, превратившись в живой мост. Я взобрался ему на плечи прямо в кошках и простоял так сорок минут, вырубая в ледяной стене опоры для рук и ног. Наконец я смог довериться этим опорам, и брат Трэверса спешно вернул его в вертикальное положение. Из этой позиции он смог подставить мне под ногу ледоруб; так одна рука у меня освободилась, и я продолжил работу. Выдолбив еще несколько опор, я подтянулся и забрался на верх стены. Там пришлось еще немного поработать ледорубом, но в конце концов удалось расчистить достаточно места, чтобы втащить наверх моих спутников. Я впервые осознал, насколько великолепен Трэверс. Сам Гастингс[1] едва ли мог явить подобное упорство, силу и выдержку, не говоря уже о прочих достоинствах, необходимых для того, чтобы позволить кому-то стоять у вас на голове и плечах в обуви с острыми шипами!

Одолев это препятствие, мы обнаружили, что оно — отнюдь не «последнее», а, напротив, первое! Я до сих пор горжусь, что сумел отыскать путь на вершину в этом лабиринте ледяных скал. Однако при виде картины, открывшейся за той стеной, я встревожился не на шутку: над головами у нас один за другим горделиво возносились все новые ледопады, обойти которые не было никакой возможности. В любой момент могло выглянуть солнце и жестоко покарать их за гордыню, а заодно и нас — за безрассудство. Мы карабкались наверх в отчаянной спешке и добрались до снежной части ледника буквально в последний момент. Позже выяснилось, что как раз в это время, после завтрака, из гостиницы вышел отряд желающих полюбоваться на нас с противоположного склона. На следующий вечер они сообщили, что наши следы в нескольких десятках мест начисто занесло осыпавшимся льдом.

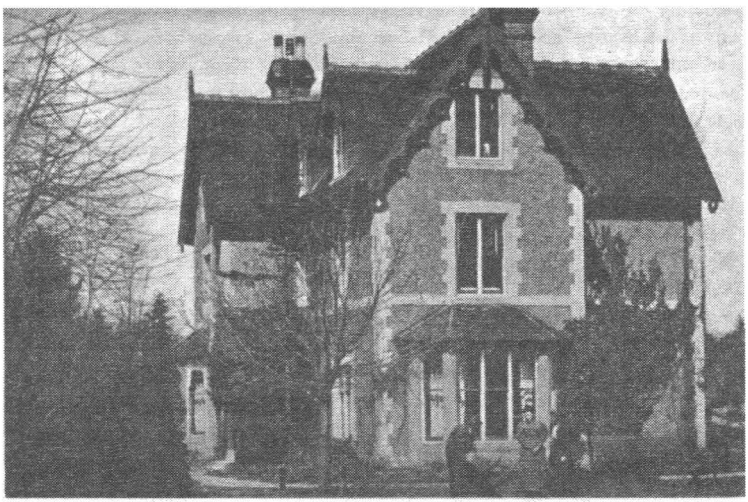
1 *Гастингс* — см. примеч. 1 на стр. 130.

Эдвард Кроули (ок. 1830 — 1877), отец Алистера Кроули

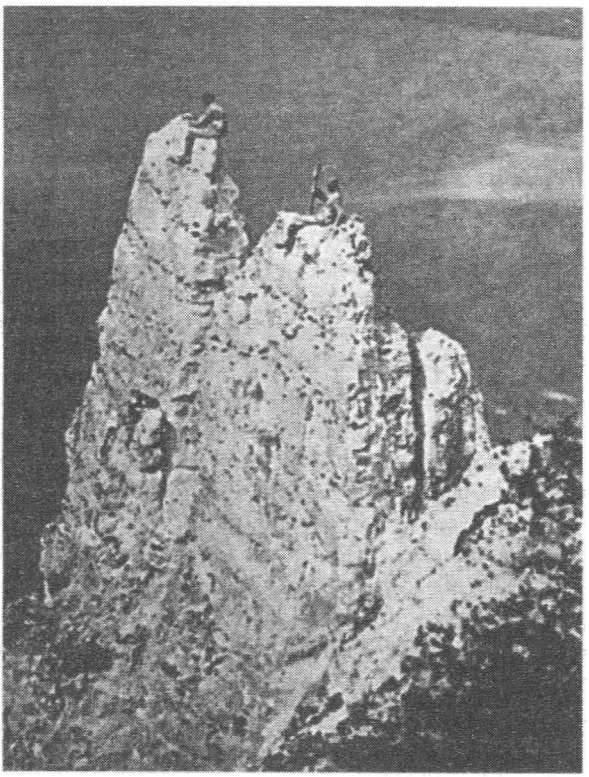
Эмма Берта Кроули, урожденная Бишоп (1848—1917),
мать Алистера Кроули

«Ферма», дом семейства Кроули в Редхилле (Суррей)

Алек в возрасте четырнадцати лет

«Чертова Труба» на Бичи-Хэд, 13 июля 1894 г. На вершине Зуба (справа) — Грегор Грант, на вершине Иглы (слева) — Алистер Кроули

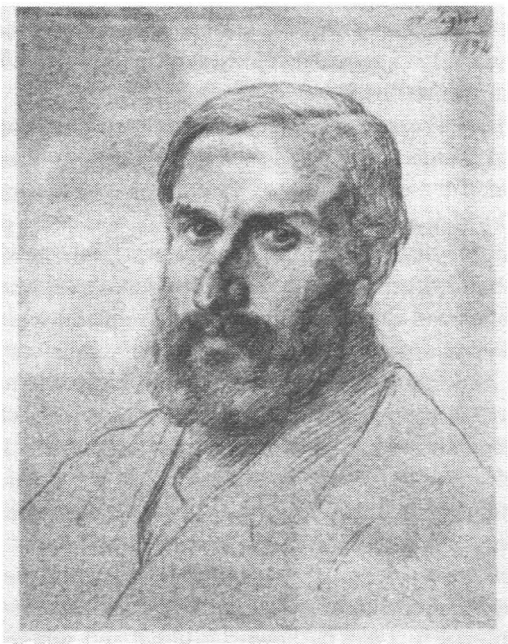

Алистер Кроули — молодой поэт

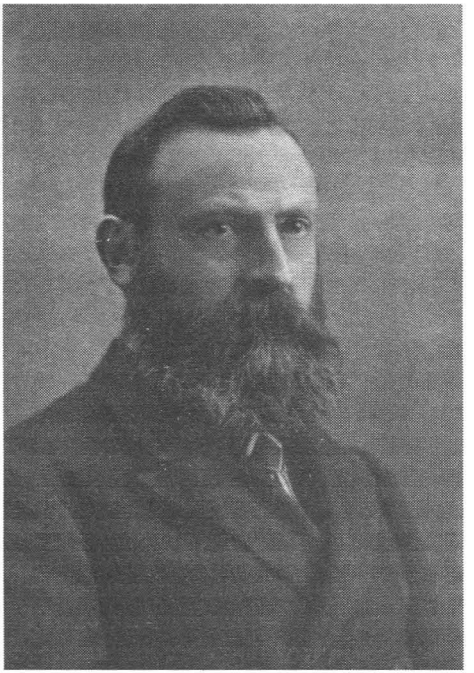

Герберт Чарльз Джером Поллит (1872—1942)
(слева — в сценическом костюме)

Оскар Эккенштейн (1859—1921) в 1894 году, портрет Альфонса Легро

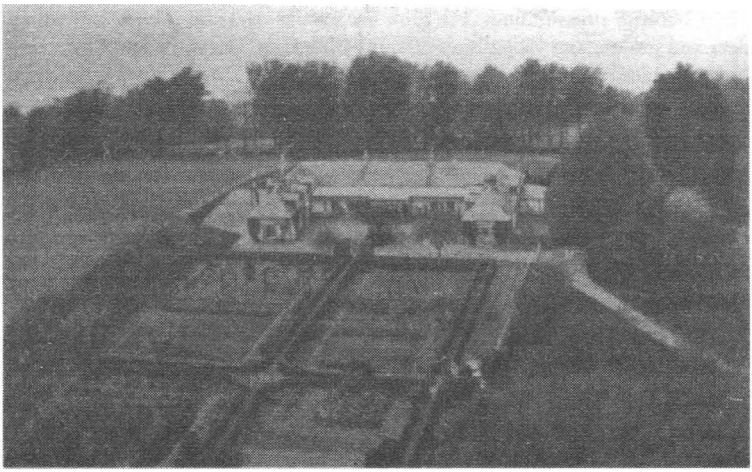
Д-р Уильям Уинн Уэсткотт (1848—1925)

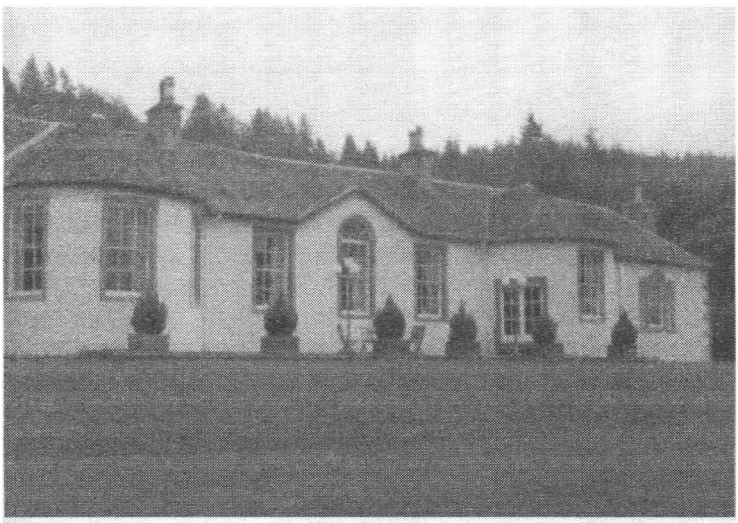
Сэмюэл Лиддел Макгрегор Мазерс (1854—1918) в 1911 году

Алан Беннет (1872—1923), Брат Iehi Aour

Болескин, дом Кроули на озере Лох-Несс, 1905 г.

Болескин

Нельзя не упомянуть также о первом спуске по западному склону Трифтхорна[1]. Дело было в начале сезона 1896-го. В поезде до Церматта я познакомился с английским альпинистом, которого буду здесь называть Артуром Эллисом. Он жаждал попытать свои силы без проводника, и мы договорились вместе взять штурмом несколько гор. После нескольких небольших вылазок я убедился, что он весьма компетентен. И вот в один прекрасный день мы отправились на Трифтхорн обычным маршрутом, намереваясь на обратном пути опробовать траверс. Поскольку я был замыкающим, Эллис нес рюкзак с провизией. Мы сделали несколько попыток отыскать спуск со стороны Циналя[2], но всякий раз склон круто обрывался и нам приходилось возвращаться по своим следам. Эллиса, однако, моя осторожность раздражала: он хотел попросту съехать вниз по склону — что на деле было не разумнее, чем спрыгнуть с Эйфелевой башни. В конце концов он заявил, что ему надо ненадолго отойти, снял веревку и удалился за скалу. Я сел и закурил трубку. Из задумчивости меня вывел окрик: Эллис уже стоял в трех—четырех сотнях футов[3] ниже по склону и продолжал настаивать на своем. Он заявил, что изобрел новый способ скольжения: надо, мол, держать ледоруб за рукоятку, используя острие как тормоз. Это было чистое безумие — и полная неожиданность, потому что до сих пор он всегда вел себя здраво и осторожно. Отговорить его было невозможно; я попытался было перевести все в шутку, предложив ему «подняться ко мне и начать вместе, чтобы все было почестному». Но он только махнул рукой и покатился вниз. Уже через несколько секунд он начал выписывать кренделя и вскоре скрылся за обрывом. Со своего места я не мог разглядеть, куда он упал. Поспешно поднявшись на удобную скалу, я его увидел. Он лежал в бергшрунде[4], распластав руки и ноги и орошая кровью снег, которого, кстати, там могло и не оказаться, если бы в последние дни стояла хорошая погода.

---

1 *Трифтхорн* — гора в Пеннинских Альпах высотой 3728 м, расположенная в середине хребта между вершинами Обер-Габельхорн и Цинальротхорн.

2 *Циналь* — имеется в виду 7-километровый ледник Циналь над одноименной деревней (см. примеч. 3 на стр. 108).

3 *«...в трех—четырех сотнях футов»* — приблизительно в 90—120 м.

4 *Бергшрунд* — подгорная трещина на леднике, периодически заполняющаяся снегом.

Передо мной встала малоприятная задача. Теперь мне предстояло в одиночку искать дорогу вниз по склону, по которому до сих пор никто еще не спускался. Тем не менее, я обнаружил маршрут, примерно за пять часов приведший меня на ледник. В какой-то момент мне пришлось самому спускаться на веревке, и поскольку отцепить ее я уже не мог, то в дальнейшем оказался еще более ограничен в средствах. Несколько раз ситуация вынуждала меня делать очень рискованные прыжки, после которых я уже не смог бы вернуться назад, если бы не обнаружил подходящей дороги.

Признаюсь, при виде Эллиса, как ни в чем не бывало шагавшего по леднику, меня охватило отвращение. Пятью часами ранее он на моих глазах упал с высоты футов в восемьсот, последние триста из них фактически пролетев по воздуху[1]! Я, со своей стороны, совершенно выбился из сил и страшно проголодался. Все, на что меня хватило, — просто догнать его. Он оказался цел и невредим, не считая пустячного пореза на ноге! Близилась ночь, и хотя до приюта было недалеко, мы едва доковыляли туда, увязая в рыхлом снегу по пояс. Вдобавок, из-за плохой погоды в приюте не оказалось смотрителя, и нам пришлось выломать дверь на склад, чтобы набрать топлива и так далее.

Но и на этом приключения не закончились. Я снял промокшую (естественно!) до нитки куртку и бросил ее на стол, а над столом повесил свой альпийский фонарь — лампу с отверстием внизу, через которое вставляют свечу и прижимают ее пружиной. Затем я прилег на соломе, ибо слишком устал, чтобы совершить все должные операции по отходу ко сну без предварительного отдыха. Вскоре меня стало клонить в сон; я знал, что надо встать и задуть свечу, но начал уговаривать себя, что это не обязательно: если она и выпадет, то погаснет на лету, а если не погаснет сама, то ее наверняка потушит мокрая одежда. Чисто теоретически рассуждение было верным, но выпал один шанс на миллион: свеча действительно погасла, но только после того, как моя куртка сгорела дотла.

К счастью, на следующее утро пришел смотритель. Я одолжил у него куртку и спустился в Эволену, куда переправили мой багаж. Эллис был не в силах продолжать путь, и я пообещал

1 *«...футов в восемьсот <...> последние триста...»* — около 240 и 90 м соответственно.

через два дня прийти и забрать его. В Эволене я переоделся и отправил смотрителю его куртку с местным носильщиком.

Как раз в это время в гостиницу въехала полюбоваться чудесами и красотами природы группа девиц из какой-то женской школы. На следующий день они вернулись с ледника, бурно обсуждая следы серны, которые якобы обнаружились на тропе для мулов. Понятно было, что это обман зрения, и я разумеется, сразу же выбросил это из головы. Но, выйдя подышать воздухом перед ужином, я заметил в отдалении одинокую фигурку, медленно приближающуюся к гостинице. При этом она вытворяла нечто неописуемое:

> Безумец сирый, глядя вдаль,
> Младую кушал зразу[1].

Но было в ней что-то знакомое. Вот она приблизилась еще немного, и... о да, Артур Эллис собственной персоной! Я выразил удивление; он объяснил, что почувствовал себя гораздо лучше и решил спуститься сам, но потратил на это целый день и ужасно измучился. Оказалось, он вышел на рассвете. Это показалось мне странным: ведь от приюта до гостиницы — от силы два часа ходу прогулочным шагом. Да, конечно, ответил Эллис; но он-то спускался через фронт ледника и на всем пути вырубал ступеньки — с катаниями покончено! Я ушам своим не поверил, однако его ледоруб и вправду был основательно сбит. И тут, наконец, в моем затуманенном мозгу забрезжил луч понимания: Эллис торжественно прорубил ступеньки вдоль всей тропы для мулов — их-то девицы и приняли за столь взволновавшие их «следы серны»!

До назначенной встречи с друзьями в Аролле[2] еще оставалось время, но ходить в горы с Эллисом я больше не собирался и, принеся ему свои извинения, поспешно отбыл.

Впрочем, последовал еще один, заключительный аккорд — столь же причудливый, как и вся эта история. Мы с Эллисом уговорились встретиться в Лондоне и вместе пообедать. По возвращении я написал ему; он тотчас ответил и пригласил

---

1 *«Безумец сирый <...> зразу»* — цитата из стихотворения Льюиса Кэрролла «Poeta fit, non nascimur» (лат. «Поэтом становятся, а не рождаются») в рус. пер. М. Матвеева.

2 *Аролла* — примеч. 1 на стр. 124.

меня на обед в свой клуб. Я пришел, но его там не оказалось; и на этом он исчез из моей жизни бесследно.

Еще один презабавный случай произошел в Аролле. Над старой гостиницей там был один большой валун, на который еще никогда не поднимались именно со стороны гостиницы. Я изрядно поломал голову над этой загадкой. Чтобы добраться до места, нужно было долго двигаться по траверсу вправо, с немалым трудом изыскивая опоры для рук и ног. Но у самого конца маршрута склон неожиданно выпирает, и чтобы протиснуться между ним и тем самым валуном, нужно быть совершенно тощим, без малейшего намека на живот. Однако оказалось, что все сводится к вопросу трения, а оно, в свою очередь, зависит от распределения веса — достаточно сместить в ту или иную сторону всего лишь четверть унции. Это была одна из самых сложных задачек по скалолазанию за всю мою жизнь.

Смеха ради я научил этому трюку одну девушку, а затем поспорил с местными проводниками на сотню франков, что им этот маршрут не удастся. И вот в один прекрасный день мы собрали небольшой отряд, и я продемонстрировал всем присутствующим чудо ловкости. Несколько человек попытались повторить мой подвиг, но безуспешно. Я принялся дразнить их с вершины валуна: «Не может быть! И вы еще называете себя скалолазами? Это же проще простого! С этим управится даже девчонка... погодите-ка, сейчас... вот, не желаете ли попробовать, мисс?» Моя ученица прекрасно справилась с ролью. Сначала она заставила долго себя уговаривать, затем согласилась попытаться, но только если ее будут держать на веревке. «Чепуха! — воскликнул я. — Вы прекрасно справитесь сами». Начались протесты, вся компания стала кричать, что она убьется, — и тут, наконец, мисс притворилась, что ее задели за живое, отвергла всякую помощь и исполнила все положенное самым эффектным образом.

Остальным стало по-настоящему стыдно. Даже проводники и те раззадорились, но злополучный валун так и не поддался никому. Тогда я начал втаскивать их одного за другим на веревке. Некоторые даже взобрались своими силами, на одной моральной поддержке. Но многие срывались и повисали, чем немало посмешили всех присутствующих: человек, болтающийся на веревке, и впрямь забавен. После этого случая люди пошли к местному капеллану и стали уговаривать его

тоже попробовать. Ему эта идея совсем не понравилась; однако в конце концов он все же пришел ко мне и сказал, что готов рискнуть, если я буду очень осторожен с веревкой и не выставлю его на смех, ибо его ризы требуют должного уважения. Я пообещал, что подойду к делу самым что ни на есть сознательным образом. Я честно признал, что кое над кем я действительно потешался намеренно, но лично его обвяжу как полагается — не под мышками, а чуть выше бедер.

Обеспечив таким образом должное уважение к его ризам, я поднялся на валун и отошел подальше от края, чтобы меня нельзя было обвинить в том, что я все видел и ничего не предпринял. Оторвавшись от земли, он тотчас перевернулся кверху ногами — разумеется, именно потому, что был обвязан слишком низко. Я притворился, будто не понимаю, что происходит, и еще несколько минут то поддергивал веревку, то опускал, пока, наконец, не сжалился и не втащил его наверх, раскрасневшегося и исцарапанного. Что касается меня, я сохранил к его ризам все подобающее уважение, но среди публики нашлось немало невеж, не удержавшихся от смеха.

В один из походов я захватил с собой кузена Грегора, который к тому времени уже благополучно женился и убедился, что такая жизнь не стоит того, чтобы над нею трястись. Мы совершили второе в истории восхождение по северо-северо-восточному гребню Мон-Коллона[1]. Подъем оказался долгий и непростой. Стояла отвратительная погода, да и для Грегора маршруты такого класса были внове, так что большую часть пути мне пришлось тащить его на себе. В результате до вершины мы добрались очень поздно. Как лучше спускаться, я не знал, но решился испытать короткий и опасный маршрут, ведущий на плоский ледник над ледопадом Вюибез. Когда напарник не дотягивает до нужного уровня, спускаться со сложной горы всегда неудобно. Пойти замыкающим он не может, потому что это опаснее, чем идти первым; а если пустить его первым, он почти наверняка будет выбирать неправильный путь везде, где нельзя будет направлять его голосом. Тем не менее, крутую часть маршрута мы одолели без приключений, успев впритык до темноты.

Затем мы сняли веревку, потому что далее спуск вел через несколько откосов, покрытых щебнем. Присев смотать

1 *Мон-Коллон* — гора в Пеннинских Альпах высотой 3637 м.

веревку, я почувствовал, что силы мои на исходе — хотя, впрочем, не столько физические, сколько душевные. И мозг мой сыграл со мной чудну́ю шутку. Грегор уже добрался до груды битого камня у подножия одного из откосов; я побрел следом за ним. И вдруг увидел настоящего тролля — эдакого забавного карлика в колпачке и с необъятной бородой, каких рисуют на картинках к немецким сказкам и на пивных кружках (Heinzelmännchen[1] — так они правильно называются). Это существо жизнерадостно прыгало с камня на камень и казалось реальным во всех отношениях — в частности, совершенно непрозрачным. Но я не поверил в него ни на миг. Я все списал на усталость. Видение продержалось лишь несколько минут и исчезло еще до того, как я догнал своего кузена.

Пытаться пересечь ледник той же ночью, разумеется, было бы сущим безумием: снег был слишком глубоким и рыхлым. Поэтому мы остановились на ночлег, приняв все меры, чтобы сохранить тепло. Я почти не спал — то была моя первая ночь под открытым небом, без палатки. Утром мы добежали по насту до узкой тропы, ведущей вниз, в долину, и еще не дойдя до подножия, столкнулись со спасателями, которых снарядил наш старый добрый приятель Анзевюи, владелец гостиницы, питавший ко мне необъяснимую симпатию как к главному во всей долине безобразнику, вечно устраивающему всем интересную жизнь. Оказалось, за нашим спуском наблюдали в бинокль и пришли к выводу, что мы попали в беду, потому что маршрут, который мы выбрали, как-то особенно оригинально отличался от обычного и считался невозможным. В действительности же мы встретили только одну по-настоящему неприятную яму, где я от души порадовался, что иду в связке.

Был и еще один случай, когда меня невовремя застигла ночь, — на склонах Эгюий Руж, которые мы штурмовали вместе с Моррисом Трэверсом и его младшим братом. Во-первых, мы подошли к делу чересчур сознательно, твердо решив не пропустить ни одной вершины; во-вторых, Трэверс-младший переутомился. Для меня это стало еще одним аргументом против третьего человека в партии. Вдвоем этот маршрут можно было пройти по крайней мере на три часа быстрее. С северо-запада дул пронизывающий

1 *Heinzelmännchen* — персонажи немецкого фольклора, гномы-домовые, в одной из сказок выполняющие по ночам работу по дому за нерадивую хозяйку.

ледяной ветер, так что провести ночь на хребте или с западной стороны не представлялось возможным. Пришлось искать убежище на восточном склоне. О том, чтобы спускаться по таким крутым скалам в кромешной темноте не могло быть и речи, даже если бы юный Трэверс оставался в форме. А в верхней части склона не было даже мало-мальски приличной площадки.

Тем не менее, мы нашли расщелину, в которой с относительным комфортом устроили мальчика, и неподалеку — некое подобие уступа, на котором разместился его брат. Мне же пришлось довольствоваться малым: вклинив одну ногу в расщелину, я улегся на спину на крутой снежный откос. Вскоре снег подо мной растаял, и остаток ночи я провел в луже. Неудобство усугублялось тем, что еще при восхождении я в клочья разодрал брюки об острые камни. Все это вкупе с сильной нагрузкой на ногу привело к травме коленного сустава, впоследствии постоянно беспокоившей меня еще много лет. Но тогда я так устал, что заснул прямо с трубкой в зубах. Чудо, что я оттуда не свалился, — но трубку все-таки потерял.

16

Вот такие приключения, среди прочих, выпали на мою долю в 1896 и 1897 годах. Я накапливал опыт, и на основе его постепенно складывалась некая оригинальная, как мне казалось, альпинистская теория. Только в 1898-м я узнал, что мои догадки вторят открытиям великих альпинистов. Но тогда же вскрылся и один исключительно неприятный факт: английский Альпийский клуб оказался ярым врагом настоящего альпинизма: большинство его членов были совершенно некомпетентны, безумно завистливы и немыслимо чужды духу честной игры. Рекомендацию в клуб мне дал профессор Норман Колли, а сэр Мартин Конвей[1] любезно согласился выступить вторым поручителем; но список моих достижений, который я представил на рассмотрение приемной комиссии, оказался чересчур хорош. Слишком многие усмотрели в нем угрозу. Чтобы получить квалификацию, необходимую для приема, среднестатистический член клуба попросту

1 *Конвей*, Уильям Мартин (1856—1937) — английский критик искусства, политик, картограф и альпинист. С 1877 года член Альпийского клуба (в 1902—1904 гг. — президент).

нанимает проводника, и тот втаскивает его на веревке на какие-нибудь общеизвестные и всем давно надоевшие вершины. Никто от него не ждет новых открытий; и любое оригинальное восхождение воспринимается как перчатка в лицо всему клубу. Маммери отказали в приеме только за то, что он был самым знаменитым альпинистом в Англии; и хотя до знакомства с Колли и Гастингсом он иногда ходил с проводниками, фактически, не проводники водили его за собой, а он — их. Разумеется, огласить истинные причины отказа в клубе не посмели: вместо этого распространили лживый слух, будто он — сапожник, а, следовательно, не джентльмен! Позднее, однако, отсутствие членства у Маммери возмутило широкую публику и состоялись успешные перевыборы, на которых он дал слабину, все-таки согласившись вступить. Я же попросту отозвал свое заявление, когда Колли и Конвей предупредили меня, что на выборах ожидается противодействие. В связи с этой историей некто Таттерсол, сын поставщика церковной утвари, каким-то чудом просочившийся в Тринити-колледж, распустил слух, будто меня выгнали из одного лондонского клуба. Он меня ненавидел, потому что я как президент кембриджского шахматного клуба не пускал его в секретари. Игроком он был превосходным, но для ведения официальной переписки с другими клубами совершенно не годился. Я пришел к нему в комнату с тяжелой ротанговой тростью и потребовал, чтобы он публично опроверг свою ложь или сразился со мной как мужчина. Ни тот, ни другой вариант его не устроил, и мне ничего не осталось, как попросту его отколотить. Он пожаловался моему куратору, тот вызвал меня, отпустил несколько замечаний насчет того, что дуэли давно вышли из моды, перевел разговор на Ибсена и пригласил меня на обед.

В одном важном отношении альпинизм отличается от других видов спорта. Невозможно прослыть хорошим игроком в крикет или футбол, нанимая профессионалов, чтобы те играли за вас. Ваши достижения очевидны всем и легко поддаются проверке. Но об альпинизме в то время англичане не знали почти ничего. Любой старый хрыч, не способный одолеть даже самую элементарную скалу в Камберленде или простейший альпийский перевал, платил местным крестьянам, поднимался с их помощью на несколько гор и вписывал свое имя на страницы истории. Так что появление альпиниста,

не пользующегося услугами проводников, воспринималось как прямой вызов. Эти люди готовы были на любые грязные уловки, чтобы не дать правде выйти на свет. Они отказывались регистрировать в Альпийском журнале рекорды, поставленные без проводников. Они осуждали даже своих собратьев по клубу, если те отваживались на подобную дерзость. Английское скалолазание они старались игнорировать, а с континентальными альпийскими клубами не желали иметь ничего общего.

Естественно, такая политика тормозила развитие этого спорта в Англии. Молодым людям невозможно было добиться признания. В целом это походило на попытки церкви делать вид, будто науки не существует. И результаты были схожими. В 1901 году все мировые рекорды, кроме одного, поставили мы с Эккенштейном. Исключением стал некто Маттиас Цурбригген, добившийся рекорда по высоте восхождения, — не проводник в обычном смысле слова, а бывший уголовник, которого Эккенштейн научил кое-каким альпинистским трюкам по просьбе его несчастной семьи, уж и не знавшей, как от него избавиться и, видимо, питавшей надежду, что он угробит себя в горах.

Альпийский клуб пытался даже фальсифицировать рекорды. Так, однажды поднялась большая шумиха вокруг восхождения нескольких его членов на Дан-Бланш, а позже выяснилось, что они до этой горы даже не дошли и по меньшей мере один из партии — некто Смит — отдавал себе в этом отчет. Опять же, на леднике Балторо я расспросил нескольких своих кули, участвовавших в экспедиции Конвея в 1892 году, о восхождении на пик Пионер[1]. Они в один голос заявили, что партия дошла только до подножия ледопада и оттуда повернула обратно. Я далек от того, чтобы оспаривать слово джентльмена, полагаясь лишь на показания невежественных балтистанских горцев, пусть даже те ни разу не ошиблись ни в одном другом вопросе! Но все же удивительно, что их рассказы настолько разошлись

---

1 *Балторо* — ледник в Центральном Каракоруме (Кашмир), нижняя часть которого расположена на высоте 3400 м, а линия снегов проходит по высоте 5100 м. На этом леднике Кроули провел в 1902 году 65 дней в ходе экспедиции на близлежащий пик Чогори (К2). *«...в экспедиции Конвея в 1892 году»*: имеется в виду возглавленная Конвеем экспедиция в Каракорум, в ходе которой он поднялся на одну из вершин Балторо Кангри и заявил о новом мировом рекорде высоты — 7010 м; однако впоследствии были проведены измерения, показавшие, что высота подъема составила лишь 6804 м над уровнем моря. *Пик Пионер* — вершина в составе горной системы Тянь-Шань высотой 4031 м.

с отчетом самой партии. Легро, сын известного художника[1] и друг Эккенштейна, допросил с пристрастием Цурбриггена, который был в той экспедиции проводником. И тот поведал о пике Пионер поистине невероятную историю, но поскольку он находился под влиянием алкоголя, свидетельства его имеют не больше веса, чем показания моих кули.

Да и можно ли утверждать, что два одинаковых свидетельства подкрепляют друг друга, если оба получены из настолько сомнительных источников?

Ненависть Альпийского клуба к тем, кто разоблачал его ведущих членов как обманщиков и шарлатанов, была столь велика, что он употребил все свое влияние на прессу, чтобы фактически скрыть столь важные события, как экспедиции 1902 и 1905 годов в Гималаи[2]. В результате дальнейшие исследования в этой области были приостановлены, а гибель семерых носильщиков на Эвересте в 1922 году[3] стала прямым следствием того, что английские альпинисты так и не усвоили урок Канченджанги — о чем будет подробно рассказано в должном месте.

Тем не менее, мои принципы оправдались и восторжествовали. На Эвересте в 1922 году не было швейцарских проводников, и рекорд высоты поставили любители, работавшие в связке вдвоем[4].

Хотелось бы подчеркнуть, что этим результатом я совершенно доволен. Я от природы не способен на зависть и какие бы то ни было личные амбиции. Меня интересует только спорт сам по себе. Слава для меня — ничто. Например, в 1899 году я проработал в теории маршрут на Эгюий-дю-Жеан со стороны Монтанвера[5]. До того на эту вершину еще никогда

---

1 *«...сын известного художника»* — т.е., сын Альфонса Легро (1837—1911), французского живописца, гравера и скульптора.

2 *«...экспедиции 1902 и 1905 годов в Гималаи»* — две гималайские экспедиции, в которых принимал участие Кроули: на пик К2 (1902) и на Канченджангу (1905). Подробнее см. ниже.

3 *«...на Эвересте в 1922 году»* — т.е., в ходе британской экспедиции на Эверест, не достигшей вершины горы из-за схода лавины, в которой погибли семеро тибетских носильщиков.

4 *«...любители, работавшие в связке вдвоем»* — англичане Джордж Мэллори и Эндрю Ирвин, при восхождении на Эверест в 1924 году достигшие высоты более 8600 м и погибшие в ходе этой экспедиции.

5 *Эгюий-дю-Жеан* — вершина в Западных Альпах высотой 4013 м, расположенная на границе Италии и Франции, неподалеку от Монблана. *Монтанвер* — долина с северной стороны массива Монблана.

не поднимались честно. Обычный маршрут подразумевал уйму инженерных приспособлений наподобие стальных крюков и проволочных канатов. О своем открытии я заявил отнюдь не для того, чтобы завоевать славу первого покорителя. Я просто указал путь другим альпинистам — и был невероятно рад, когда двое австрийских любителей прошли моим маршрутом на практике. Точно так же и здесь: я полностью довольствуюсь тем, что я все-таки сломал бесчестные и бессмысленные традиции Бэдминтона[1], и жалею лишь об одном — что не мне довелось руководить экспедицией 1922 года на Эверест, ибо она провалилась и стоила многих человеческих жизней, а будь я там, вся партия несомненно добралась бы до вершины и никто бы не погиб. В экспедиции на К2 все люди и животные остались целы и невредимы, а катастрофа на Канченджанге стала прямым следствием мятежа и неповиновения моим приказам. Но, разумеется, я не приписываю себе каких бы то ни было заслуг за упомянутый рекорд, — я лишь хочу сказать, что еще до знакомства с Эккенштейном, которому глубоко обязан как наставнику, я двигался в правильном направлении и постиг некоторые истинные принципы альпинистского искусства.

Если я и попадал в горах в опасные ситуации, то единственно по причине безрассудства своих спутников. Вот типичный случай: мы с носильщиком шли через Бреш-де-ла-Меж[2]. Где-то на полпути вниз по каменистому склону (веревку мы сняли) я остановился на несколько минут по личным надобностям — мне и в голову не могло прийти, что паренек тотчас угодит в беду. Встав и оглядевшись, я его не увидел. Я крикнул — он отозвался. И тут я понял, что он сотворил невероятную глупость. Он сошел с тропы и зачем-то перебрался через узкую расселину, в которую постоянно сыпались осколки льда с нависающего ледника. Бросить его одного в горах я не мог, велеть ему вернуться на тропу — тоже, это было слишком рискованно. Ничего не оставалось, как повторить его идиотский поступок. Единственный путь на ту сторону расселины вел по крутой плите, отполированной льдом до гладкости; при этом сверху то и дело валились все новые обломки. Мне

1 *Бэдминтон* — примеч. 2 на стр. 126.

2 *Бреш-де-ла-Меж* — высокогорный перевал (3357 м) в Дофинских Альпах (юго-восток Франции).

пришлось перебежать по ней, рискуя вдвойне: поскользнуться и сорваться, с одной стороны, и угодить под удар — с другой.

Примечательно, что сохранить рассудок перед лицом гор удается лишь очень и очень немногим людям. Мы с Эккенштейном убеждались в этом много раз. И речь не только о простых крестьянах, которые впадают в панику, теряют голову и принимаются звать на помощь всех святых, стоит им лишь на несколько ярдов отклониться от исхоженной тропы или угодить в бурю. Люди с научным складом ума тоже нередко теряют всякий здравый смысл и чувство логики.

Вот история всего лишь столетней давности об отряде достойных джентльменов, покорившем Седловину[1]. После они взахлеб рассказывали о неприступных скалах и зияющих пропастях, как будто в действительности речь шла не о пригорке, на который даже трехлетний младенец может вскарабкаться на четвереньках. При этом они благополучно проделали весь путь верхом на пони! Описание Монблана у Шелли[2] полно комичных преувеличений: всю его хваленую наблюдательность словно корова языком слизала.

Выражение «абсолютно перпендикулярный» вошло в поговорку — так часто его использовали для описания достаточно пологих склонов люди, казалось бы, достойные всяческого доверия. Мы, бывало, просили инженеров и других знатоков практической тригонометрии оценить угол подъема Маттерхорна со стороны Церматта и со стороны Шварцзее[3]. В первом случае называли цифры от тридцати до пятидесяти градусов, а во втором — от сорока пяти до восьмидесяти. В действительности же первый угол составляет всего десять градусов, а второй — пятнадцать.

В 1902 году Пфанль[4] предложил штурмовать Чогори в лоб из Асколе[5]. Ему казалось, что туда и назад можно обернуться

---

1 *Седловина* (Бленкатра) — гора в английском Озерном Крае, достигающая в самой высокой точке всего 868 метров.

2 *«Описание Монблана у Шелли»* — имеется в виду ода П.Б. Шелли «Монблан: стихи, написанные в долине Шамуни» (1816).

3 *Маттерхорн* — примеч. 3 на стр. 129. *Церматт* — см. примеч. 1 на стр. 109. *Шварцзее* — озеро у подножия Маттерхорна, неподалеку от Церматта.

4 *Пфанль* — австрийский альпинист, участвовавший вместе с Кроули и Эккенштейном в экспедиции на Чогори (К2).

5 *Асколе* — селение в Каракоруме, последний населенный пункт на южных подступах к Чогори.

за три дня! Тогда как на деле путь до подножия горы занимает четырнадцать дней, хотя без груза, пожалуй, хватило бы пяти. Горная паника, без сомнения, стала одной из причин нервного срыва и душевного надлома, постигших Гийярмо и Риги на Канченджанге. Только высокий уровень духовного развития, романтический темперамент и глубокие знания, основанные на опыте, надежно защищают от безумных порывов и истерических ошибок, которым в горах подвержен практически любой заурядный человек.

За три года учебы и жизни в Кембридже мои литературные таланты неожиданно пустились в бурный рост. Переходный период оказался кратким — его свидетельства представлены в моей «Повести об Архаиде»[1]. Но в «Акелдаме»[2], первой маломальски значительной из опубликованных мною поэм, я одним прыжком взлетел на вершину своего Парнаса. В некотором смысле она так и осталась лучшим из всего, что я написал. Она абсолютно характерна. Это чистейшее и превосходное с технической точки зрения выражение моего бессознательного «я». Соответствующих осознанных представлений у меня в то время еще не было. Однако философия, изложенная в этой поэме, с годами почти изменилась. Помню, как я воспринимал ее тогда: как своевольное сумасбродство и чудачество. Я понятия не имел, что это была чистейшая вода Диркейского источника[3].

Однако уже в «Песнях духа»[4] очевидно до некоторой степени сознательное устремление к высшему. Это сборник стихотворений, свидетельствующий о некоей смутной жажде духовного достижения. Фон ярко раскрашен наблюдениями и опытом. В каждой строфе чувствуется атмосфера старых амстердамских улочек, кембриджских колледжей и гор, озер, лесов и рек, среди которых я блуждал в одиночестве. Влияние прочитанных мною книг на «Песни духа» уже пренебрежимо мало. Основная «мечта», скрытая в этой книге, — образ святого мудреца, живущего в уединенной башне и владеющего тай-

1 См. Приложение, стр. 295.

2 См. Приложение, стр. 295.

3 *Диркейский источник* — источник близ древнегреческого города Фивы, в месте, где, по преданию, была убита своими сыновьями царица Дирка. Здесь упомянут как метафора провидческого дара: «диркейским провидцем» именовали самого знаменитого из древнегреческих прорицателей — фиванца Тиресия.

4 См. Приложение, стр. 296.

нами природы. Сознательного стремления к этому идеалу я почти не испытывал. На практике я жил для удовольствия.

Еще одна книга этого переходного периода — «Зеленые Альпы». Она так и не увидела свет. Я заплатил Леонарду Смитерсу[1], чтобы он ее отпечатал, а он заявил, что в типографии случился пожар и тираж сгорел; правда это или нет, я не знаю. Характерно, что я принял случившееся как данность — просто пожав плечами. У меня остался полный комплект гранок, но книга мне разонравилась и я стал ее стыдиться. В итоге я просто выбрал несколько стихотворений, которые счел по-настоящему достойными, и включил их в последующие книги. Подборка в целом была отмечена тягой к земным страстям; и, как показывает ее название, уже тогда обыденная человеческая любовь стала для меня чем-то таким, что необходимо преодолеть и превзойти. Конечно, «зеленые Альпы» — приятные пастбища, но меня манили вершины.

Глубокая духовность моей натуры дала о себе знать еще в одном издании того периода — ярком свидетельстве моей поистине сверхъестественной невинности. Эта книга называется «Белые пятна»[2], и мои поклонники часто цитируют ее в доказательство моей приверженности всевозможным неудобосказуемым порокам. Ослы! С формальной точки зрения книга эта и впрямь непристойна, но сам факт, что я написал ее, служит, как ни странно, доказательством того, что сердцем и умом я был совершенно чист.

Дело было вот как. В ходе моего запойного чтения мне подвернулись под руку «Половые психопатии» фон Крафта-Эбинга[3]. Этот профессор пытается доказать, что сексуальные отклонения возникают вследствие болезней. Я с ним не согласился. Мне подумалось, что я могу понять психологические состояния, связанные с этими отклонениями; что девиантные акты суть магические утверждения неких вполне доступных для

---

1 *Смитерс*, Леонард Чарльз (1861—1939) — лондонский издатель, связанный с декадентским движением. Сотрудничал, в частности, с Ричардом Бёртоном, Оскаром Уайльдом и Обри Бердслеем.

2 См. Приложение, стр. 299.

3 *Крафт-Эбинг*, Рихард, фон (1840—1902) — австрийско-немецкий психиатр и сексолог; его труд *«Половые психопатии»* (1886) стал одним из первых опубликованных исследований сексуальных девиаций и приобрел широкую известность.

понимания точек зрения. Я сказал себе, что обязан опровергнуть профессора. А сделать это я мог только в художественной форме — единственной доступной мне на тот момент форме выражения. И вот я придумал заблудшего поэта, который начинает с нормальных и невинных увлечений, но постепенно погрязает в разнообразных пороках. Его поражают болезнь и безумие, и в конце концов он превращается в убийцу. В стихотворениях, составивших эту книгу, он описывает свое падение, непременно объясняя психологию каждого поступка.

Таким образом, выводы, к которым приводит читателя эта книга, одобрили бы в любой воскресной школе, а метафизика ее совершенно ортодоксальна с точки зрения любого теолога. Я писал ее абсолютно серьезно и в совершенной невинности. Мне и в голову не приходило, что демонстрацию ужасных последствий распоясавшейся страсти могут принять за порнографию. Но теперь, когда до меня наконец дошло, что порочный ум воспринимает эту книгу как порочную, я могу отметить не без некоторого мрачного удовлетворения, что вдохновившие ее «Половые психопатии» завоевали такую огромную популярность именно потому, что люди втайне обожают смаковать подобные описания. Научная форма, в которой те представлены, защищает от подобных злоупотреблений не лучше, чем художественная, в которую я облек свой ответ. Но Крафта-Эбинга не поливали грязью, как меня. Человек из толпы не может поверить, что серьезные и высоконравственные исследователи жизни встречаются не только среди признанных мужей науки, но и среди художников.

Вскоре мне предстояло обнаружить, что грязные умы способны даже в самых невинных личных отношениях изыскать пищу для своих извращенных фантазий. Эта история стала одним из главных событий моего третьего года в Кембридже. Судьба как будто готовила меня к предначертанной работе, устраняя с пути всё, что было для нее несущественно. Из всех серьезных земных амбиций у меня к тому времени осталась только одна — стать чемпионом мира по шахматам. Еще за несколько лет до того я урвал партию у Блэкберна[1] в сеансе одно-

1 *Блэкберн*, Джозеф Генри (1841—1924) — английский шахматист, в конце XIX века считавшийся лучшим игроком в стране и получивший прозвище «Черная смерть».

временной игры. Он применил сицилианскую защиту, и я уже проигрывал, но оставался единственный шанс — пожертвовать ладьей. Помню, как величавый старый мастер приблизился к моей доске и хитро прищурился на меня своим пропитым глазом: «Ого! Морфи снова с нами!»[1] Я не настолько самодоволен, чтобы полагать, будто он не мог выиграть ту партию, — даже после моего блестящего хода. Думаю, он проявил колоссальную душевную щедрость, позволив мне победить, чтобы поощрить многообещающего новичка.

У Симпсона я частенько побивал Берда[2], а когда оказался в Кембридже, набросился на изучение шахмат со свирепой страстью дикаря. На втором году учебы я возглавил университетский клуб и побеждал таких первоклассных любителей, как Ганстон и Коул[3]. Вне класса мастеров меня превосходил только Аткинс[4]. Одного игрока, несколько лет назад бывшего чемпионом Шотландии, я разделал под орех, хотя сам к тому времени уже забросил шахматы. Я тратил два с лишним часа ежедневно на теорию и еще больше — на практику. И со всех сторон меня уверяли, что еще год — и я непременно стану мастером.

Часть летних каникул 1897 года я провел в Санкт-Петербурге, изучая русский язык для поступления на дипломатическую службу, а на обратном пути завернул в Берлин, где проходил шахматный конгресс. Но стоило мне войти в зал, где играли мастера, как на меня нахлынуло чувство, которое без преувеличения можно назвать мистическим. Я словно покинул свое тело и увидел турнир со стороны, чьими-то чужими глазами. Я посмотрел на этих мастеров: один — весь потрепанный, с пожелтевшим лицом и близоруким прищуром; другой — пародия на респектабельность в дешевом, плохо подогнанном костюме; третий — и вовсе карикатура на человека, и так далее. И одним

---

1 *Морфи*, Пол (1837—1884) — американский шахматист, заслуживший славу лучшего мастера своего времени, неофициальный чемпион мира по шахматам. Именно легенды о достижениях Морфи в свое время вдохновили Блэкберна всерьез заняться шахматами.

2 *«У Симпсона...»* — т.е., в лондонской кофейне «Симпсон-на-Стрэнде», где собирались британские шахматисты. *Берд*, Генри (1830—1908) — английский шахматист и автор книг о шахматах, обладатель первого в истории приза за самую блестящую игру (1876, турнир в Нью-Йорке).

3 *Ганстон*, Уильям Хьюисон (1856—1941) и *Коул*, Гарольд Годфри — британские шахматисты.

4 *Аткинс* — см. примеч. примеч. 4 на стр. 44.

из таких людей я собирался стать? «Вот до чего ты скоро докатишься, Алистер Кроули!» — с отвращением воскликнул я про себя и, не сходя с места, поклялся, что никогда больше не сяду за шахматную доску с серьезными намерениями. Я ощутил с какой-то сверхъестественной ясностью, что спустился на эту планету совсем не для того, чтобы играть в шахматы.

Кстати говоря, Алистер Кроули! Я же так до сих пор и не объяснил, почему я сменил имя. Много лет я мучился с именем «Алик» — отчасти потому, что его звучание и вид были мне просто неприятны, а отчасти потому, что так звала меня мать. Имя «Эдвард», как я полагал, мне не подходило, не говоря уже об уменьшительных от него — Тед или Нед. «Александр» казалось слишком длинным, а «Сэнди» требовало рыжих волос и веснушек[1]. В какой-то книжке я вычитал, что наилучшие шансы на славу дает такое имя, которое состоит из дактиля и спондея, как в конце гекзаметрической строки[2], — например, «Джереми Тейлор». «Алистер Кроули» удовлетворял этим условиям; кроме того, «Алистер» — это гэльская форма имени «Александр». Приняв его, я потешил свои романтические идеалы. Что касается чудовищной формы записи «A-L-E-I-S-T-E-R», то ее предложил как правильную мой кузен Грегор, хотя кому, как не ему, следовало знать, что это имя пишется как «A-L-A-I-S-D-A-I-R»! Однако последний вариант можно назвать дактилем только с большой натяжкой. Так я обременил себя своим нынешним псевдонимом — и не могу утверждать, что он хоть сколько-то облегчил мне путь к славе. Я стал бы знаменит в любом случае, какое бы имя ни выбрал.

17

Последний свой год в Кембридже я начал в духовном смысле с чистого листа. Я не знал, куда я иду, но был уже на пути — и, таким образом, вполне готов к восприятию Первой

1 *«...“Сэнди” требовало рыжих волос и веснушек»*: английское имя «Sandy» (уменьшительное от «Alexander») в буквальном переводе означает «песочный» или «рыжеватый».

2 *Дактиль* — стихотворная стопа, состоящая из одного ударного и следующим за них двух безударных слогов. *Спондей* — стихотворная стопа, состоящая из двух слогов с долгими гласными. *Гекзаметрическая строка* — в классическом варианте стих, состоящий из пяти дактилей или спондеев и одного спондея в последней стопе.

Благородной Истины[1], а также еще одного, совершенно нового влияния на свою жизнь. Под конец октября я познакомился с человеком по имени Герберт Чарльз Джером Поллит[2], магистром искусств. Он был на десять лет меня старше[3] и вернулся в Кембридж только для того, чтобы танцевать в «Огнях рампы» — университетском драматическом клубе. За осенний семестр мы виделись с ним всего раза два, но на рождественских каникулах я переписывался с ним из-за границы и в результате приобрел первого в своей жизни близкого друга. Внешне Поллит был, скорее, невзрачным, но свирепый голод в глазах и скорбная складка рта преображали его лицо в трагическую маску. По-настоящему красивыми у него были только волосы — очень пышные и довольно длинные (он нарочно не подстригал их, чтобы эпатировать публику), цвета бледного золота, как весеннее солнце на рассвете, а на ощупь — как тончайшая паутинка. Между нами возникла та идеальная близость, которую греки почитали венцом мужества и драгоценнейшим из даров жизни. То, что среди англичан подобные идеи практически всегда ассоциируются с физической страстью, немало говорит о нравственном состоянии страны.

Половая жизнь у меня была весьма насыщенная, связи с женщинами — удовлетворительными во всех отношениях. Они давали мне полное телесное наслаждение и, в то же время, служили символом моих теологических представлений о грехе. Любовь была вызовом христианству. Она олицетворяла вырождение и проклятие. Я усвоил теорию оправдания через грех, преподанную Суинберном. Каждая женщина, с которой я встречался, помогала мне еще раз утвердить магическим образом мой бунт против тирании плимутских братьев и евангелистов. Вдобавок, женщины были источником романтического вдохновения, а ласки их освобождали меня из плена телесных нужд. Выходя от любовницы, я не шел, а словно летел по воздуху, и душа моя воспаряла на крыльях в бесконечные эмпиреи,

---

1 *Первая Благородная Истина* — см. стр. 263.

2 *Поллит*, Герберт Чарльз Джером (1871—1942) — английский танцовщик-имперсонатор, выступавший под сценическим именем «Диана де Ружи»; последователь стиля знаменитой американской авангардной танцовщицы Лои Фуллер (1869—1928).

3 *«...на десять лет меня старше»*: в действительности — всего на четыре года.

вольно и беспрепятственно изъявляя свою божественность в помыслах о запредельном величии и изливая оные в словах, сочетавших в себе чистейшее устремление к высшему с самой величавой и торжественной музыкальностью. Мои подсознательные реакции отражены в таких стихах, как «Путь Философа», а сознательные — в таких, как «De Profundis». Но при всем этом с умственной и нравственной точки зрения женщины не заслуживали даже презрения. Я не находил в них никаких подлинных моральных идеалов. Они были скованы по рукам и ногам заботой об исполнении своей природной функции — о продолжении рода. Все их мнимые высокие устремления были только маскировкой. Как мыслителей же их, разумеется, попросту не существовало. Даже те немногие, у кого голова была не совершенно пуста, очень рано успевали забить ее всяческим чиппендейлом с Уордор-стрит[1]. Тому, что они знали и умели, можно научить любого попугая или обезьяну. Но это меня не смущало. Напротив, заниматься сексом с животным, не сознающим ничего, кроме секса, было очень удобно.

Что касается друзей-мужчин, то до упомянутого знакомства я не встречал никого, кто обладал бы достаточно возвышенными идеалами и утонченностью, чтобы пробудить во мне сколько-нибудь глубокую симпатию. Поллит оказался первым. То, что я испытывал к нему, можно описать как чистейшее пламя восхищения, смешанное с бесконечной жалостью к его духовной разочарованности. Я говорю «бесконечной», потому что чувство это не могло даже найти себе цели и обитало среди вечных идей.

Для него я был просто умным собеседником — не более того. Он никогда не проявлял ни малейшего интереса ни к одному из моих занятий. Он не сочувствовал моим амбициям, даже поэтическим, — разве что как-то очень своеобразно, причем я так до конца и не понял, как именно. Моим религиозным чаяниям он инстинктивно не доверял, сознавая, что рано или поздно из-за них он лишится моего общества. Сам он не ведал ни надежд, ни страхов, выходящих за пределы материального мира. Однако ему никогда не надоедала оригинальность

1 «...*чиппендейлом с Уордор-стрит*» — здесь: безделушками, украшениями, не имеющими практической ценности (чиппендейл — декоративный стиль мебели; Уордор-стрит — улица в Лондоне, где в конце XIX века располагалось множество мебельных магазинов).

моих воззрений: ему интересно было наблюдать, как я разбираюсь с любым вопросом, какого только касались наши беседы.

Таких благородных и чистых отношений у меня раньше не было ни с кем. Я даже помыслить не мог, что на свете существует нечто настолько божественное. В известном смысле то и впрямь была страсть, ибо чувство мое полнилось добела раскаленной энергией творчества и в силу своей интенсивности поглощало любые другие эмоции. Но по этой же самой причине невозможно было себе представить, что какие-то более грубые элементы могут его осквернить. Весь мир физических чувств всецело покорялся его святости. Да, разумеется, чувство это питалось внешними впечатлениями, как пламя лампады — фитилем. Но неописуемая напряженность духовного сознания преображала и поглощала все физическое. Одним словом, дружба с Поллитом была настолько чужда всякой грязи, что совершенно не влияла на обычный ход моей жизни. Я продолжал читать, писать, ходить в горы, кататься на коньках и на велосипеде и строить интриги, как если бы никогда с ним и не встречался.

Но в других отношениях он на меня повлиял, и немаловажно. Он был близким другом Бердслея, и благодаря ему я открыл для себя эпоху нового, современного возрождения в мире французского и английского искусства. Душу его снедала жажда красоты, которую я не могу описать иначе, как чудовищную и жестокую, — настолько она была безнадежна. Взгляд его на жизнь был безысходен, как у дез Эссента[1]. Он страдал, как Тентажиль[2]. Он не мог воспользоваться ни одним из обычных паллиативов или наркотиков; у него не было ни творческого гения, ни идеалов; и никакие иллюзии по поводу жизни, искусства или религии не могли его обольстить. Он лишь вздыхал и томился. Кое в чем он меня раздражал, потому что я-то был твердо намерен воплотить свои мечты в реальность, а он олицетворял вечное разочарование. «Червь неумирающий и огонь неугасающий»[3] жили в его сердце.

---

1 Жан *дез Эссент* — персонаж романа Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (1884), эксцентричный эстет, декадент, презирающий современное ему буржуазное общество и стремящийся укрыться от него в идеальном мире художественной фантазии.

2 *Тентажиль* — герой пьесы Мориса Метерлинка «Смерть Тентажиля» (1894).

3 *«Червь неумирающий и огонь неугасающий»* — парафраз Мк. 9:48.

Школа искусства и литературы, к которой он меня приобщил, была такого рода, что даже восхищению перед нею не мешало мне инстинктивно ее презирать. Предельная утонченность мысли и ослепительный блеск мастерства, присущие этому направлению, помогли мне подняться на такую художественную высоту, какая до сих пор лежала совершенно за пределами моих возможностей; но характерным для него умонастроениям я не поддался. Я был нацелен на триумф и твердо намеревался найти выход с другой стороны. Бодлер и Суинберн в лучших своих произведениях воспели торжество человеческой души над всеми ее противниками — с таким же успехом, как Мильтон и Шелли. И я ни на миг не сомневался, что принадлежу именно к их школе. Для меня это сводилось к вопросу о том, мужчина я или не мужчина. Даже Джеймс Томсон, к которому в конце концов «отчаянье вернулось с новой силой»[1], все же каким-то чудом — глубинной силой своего поэтического дара — превозмогает это отчаянье. Китс же, напротив, сколько бы ни старался закончить на оптимистической ноте, всегда оставляет впечатление человека, потерпевшего поражение.

Я прекрасно отдаю себе отчет, насколько странной должна представляться эта критика, но сам я до мозга костей чувствую свою правоту. В собственных моих сочинениях ураганная мощь души неизбежно сметает прочь весь хлам пустых умствований. В какую бы глубокую пучину я ни погрузился, в конце концов крылья мои неизменно и уверенно возносят меня к солнцу. Это естественное следствие самого процесса работы над стихом, высвобождающего мое подсознание. В конце концов я непременно преодолеваю проблему стихотворения либо лирическими, либо сатирическими средствами. Откройте наугад любую страницу — и убедитесь сами, что так оно и есть.

В Кембридже Поллит прославился как танцор-имперсонатор, выступавший в женском образе. Он принял сценическое имя «Диана де Ружи» — в честь Лианы де Пужи[2]. Разумеется,

---

1 *Томсон*, Джеймс — примеч. 1 на стр. 154; *«...отчаянье вернулось с новой силой»* — заключительная строка поэмы Томсона «Город ужасной ночи» (1870—1873).

2 *Лиана де Пужи* (1869—1950) — французская танцовщица, выступавшая в знаменитом кабаре «Фоли-Бержер», и одна из самых известных парижских куртизанок, славившаяся своей красотой.

грубые люди, чуждые искусству, толковали этот эстетический жест превратно и связывали его со склонностью к андрогинии. Ни малейших признаков чего-то подобного я за ним не замечал, хотя саму эту тему мы с ним иногда обсуждали. Однако в те временам восхищаться «Веером леди Уиндермир»[1] считалось преступлением. Лично я всегда разделял подход епископа Блуграма[2], не обращал внимания ни на какие

> ...надписи рукой клеветника
> Церковную пятнающие паперть.

Более того, я поставил себе целью понять психологическую сторону данного вопроса: *nihil a humani a me alienum puto*[3].

Но современный мир настолько поражен всеобъемлющим чувством вины, что всегда принимает за еретиков и тех, кто просто изучает ереси, — как если бы врач, исследующий проказу, и сам был прокаженным. До последнего времени даже ученый не мог заняться подобной темой, не навлекая на себя обвинений. Если предмет порочен, то чем меньше мы о нем знаем, тем лучше, — такова была христианская философия в темные времена, омраченные ею же самой. Моррис Трэверс рассказывал, что его отец, выдающийся врач, подвергся остракизму и потерял большую часть своей клиентуры из-за того, что вступил в Антропологическое общество[4]. Хэвлок Эллис и Эдвард Карпентер[5] в свое время тоже стали жертвами гнуснейшей

1 *«Веер леди Уиндермир»* (1892) — комедия Оскара Уайльда; *«...считалось преступным»* — намек на судебный процесс над Уайльдом, в результате которого он был признан виновным в «содомии», считавшейся уголовным преступлением, и приговорен к двум годам тюрьмы.

2 *Епископ Блуграм* — персонаж драматической поэмы Роберта Браунинга «Оправдание епископа Блуграма» (1855), цитата из которой приводится далее в тексте.

3 *«...nihil a humani a me alienum puto»* — «ничто человеческое мне не чуждо» (лат.).

4 *«...его отец»* — Уильям Трэверс (1838—1906), английский врач, один из первых сторонников асептических методов в хирургии. *Антропологическое общество* — лондонское исследовательское общество, основанное Ричардом Бёртоном (примеч. 4 на стр. 12) и доктором Джеймсом Хантом в 1863 году. Ставило своей целью сбор данных для выявления законов природы, объясняющих физическое и культурное разнообразие человечества.

5 *Эллис*, Хэвлок (1859—1939) — английский психолог, врач и писатель, борец за общественные реформы, автор монументального семитомного труда «Исследования психологии пола» (1898—1928) и множества других научных работ. Его книга «Сексуальные извращения» (1897, в соавторстве

несправедливости со стороны невежественной и предубежденной публики. Моя мать была убеждена, что «Грейт Истерн», первый в истории пароход сколько-нибудь значительных размеров[1], постоянно попадал в переделки из-за того, что Бог взревновал к нему, как когда-то — к Вавилонской башне. В 1917 году мой кузен Лоуренс Бишоп заявил, что Господь «специально припас для "Титаника" большой айсберг», чтобы наказать за гордыню судостроителей, утверждавших будто этот корабль непотопляем. А несколько пожаров, случившихся в магазине Уильяма Уайтли, моя мать истолковала как возмездие Всевышнего за титул «Универсальный поставщик», который присвоил себе этот торговец, — ибо по праву именоваться так может лишь сам Господь[2].

В наши дни стало модным отмахиваться от подобных дикарских нелепиц как от крайностей, до которых христианство доводит лишь изредка, но в действительности именно они и составляют суть этой религии. Вся теория искупления подразумевает, что человек может противопоставить свою волю Божьей и тем навлечь Его гнев, смягчить который способен лишь Его сын, принеся себя в жертву. В конце концов, программа судостроения ничуть не более нелепа в качестве повода для божественной злости, чем идолопоклонство. Фактически, появилась тенденция к тому, чтобы вообще забыть об искуплении и представить Иисуса как «Учителя», принесшего людям просвещение и научившего их человеколюбию. Но единственным свидетельством его учения остаются евангелия, а в них не только со всей откровенностью живописуются самые невообразимые и безнравственные стороны христианства,

---

с Дж.А. Саймондсом) — первое в Англии медицинское исследование гомосексуальности — была запрещена цензурой, а распространявший ее книготорговец — отдан под суд. *Карпентер*, Эдвард (1844—1929) — английский поэт, философ-социалист и один из первых активистов движения за права гомосексуалов. Участвовал также в других радикальных общественных движениях своего времени — за права женщин, за свободу сексуальности, в защиту окружающей среды и т.д.

1 *«Грейт Истерн»* — британский пароход, спущенный на воду в 1858 году и до конца XIX века остававшийся самым крупным кораблем в мире. До спуска на воду носил имя «Левиафан». Заслужил дурную славу из-за множества связанных с ним несчастных случаев.

2 *Уайтли*, Уильям (1831—1907) — британский предприниматель, основатель и владелец крупного универсального магазина «Уайтлиз». Английское выражение «Universal Provider» («Универсальный поставщик») может быть также переведено как «Всеобщий кормилец».

но и содержатся, собственно, изречения Христовы, которые выставляют его суеверным фанатиком, отстаивавшим доктрину вечного наказания и многие другие принципы, неприемлемые для современного просвещенного человека. То, что проповедуют генерал Бут и Билли Санди[1], — это сущие мерзости с духовной точки зрения. С другой стороны, многие из поучений Иисуса, не относящиеся к числу варварских суеверий, диаметрально противоположны воззрениям тех современных моралистов, которым не по вкусу его рассуждения о спасении и о сверхъестественном. Предписание «не заботиться о завтрашнем дне» кажется несовместимым с необходимостью бдить и оставаться наготове. Повеление разорвать все семейные и общественные связи представляется неэтичным. Истина же, разумеется, в том, что все эти наставления давались только избранной группе людей, а вовсе не миру в целом. Отречение от мира — первый шаг к духовному просветлению, и на Востоке от начала письменной истории и вплоть до наших дней все йоги, факиры и бхикку идут этим путем, не без оснований рассчитывая, что благочестивые ближние обеспечат их средствами к существованию.

Тот, кто выхватывает из евангелий цитаты, оправдывающие его личные предрассудки, а затем объявляет Христа верховным учителем, грешит не только против логики, но и против того неоспоримого факта, что почти все речения Христовы, не считая тех, что порождены варварскими суевериями, находят параллели в писаниях более древних учителей. Вся метафизика, теология и этика, о каких только могут мечтать деятели современного просвещения, уже содержатся в трудах Лао-цзы, буддийском каноне, упанишадах, «Бхагавад-гите», Талмуде и трактатах многих древнегреческих философов, не говоря уже о священных книгах Египта. Провозглашая себя христианином, современный мыслитель совершает чудовищную ошибку: официально поддерживая эту постыдную систему, он продлевает ей жизнь. Тот, кто в наши дни объявляет себя последователем

1 *Бут*, Уильям (1829—1912) — британский методист, проповедник, в 1865 в Лондоне основавший Армию Спасения (квазимилитаристское по структуре христианское движение) и ставший ее первым генералом (1878—1912). *Санди*, Уильям Эшли («Билли», 1862—1935) — американский бейсболист, в начале XX века ставший самым влиятельным и знаменитым протестантским проповедником.

Иисуса, не только плюет в лицо исторической правде и здравому смыслу, но и фактически оправдывает убийц Ария, Молиноса и Кранмера[1], гонителей науки, пособников рабства и преследователей всякой свободы мысли и слова.

В то время я еще не довел эти рассуждения до логического конца. Из «Облака над святилищем» я узнал о тайном обществе святых, владеющих всеми дарами духовной благодати и ключами ко всем сокровищницам природы, достигшим совершенной нравственной свободы и совершенной терпимости. Члены этой церкви вели в миру тайную жизнь, исполненную святости, изливая на всякого встречного свет и любовь, но оставались чужды какой бы то ни было духовной гордыне. Они вкушали радость теснейшего общения с имманентной божественной душой природы. Наследники невинности и просвещенности, они не искали выгоды для себя; единственной их страстью было привести в свои возвышенные сферы весь род людской, работая с каждым человеком так, как требовали обстоятельства, в которых тот находится. Лики Троицы были для них ближе и реальнее всего на свете, но при этом представлялись как чистые и нетленные идеи, а Воплощение понималось как мистическая или магическая операция, совершающаяся в каждом человеке. Каждый человек был Сыном Божьим, облекшимся телом из плоти и крови, дабы свершить труд искупления. И наградой за исполнение этой великой работы, в которой «я» распиналось в самом себе и возрождалось к бессмертию, становилась подлинная святость: Дух Святой обретал себе жилище в человеке.

Я еще не понимал, что это учение покоится на метафизических основах, столь же недоказуемых, как и те, на которые опиралось ортодоксальное богословие. Оно даже не пыталось

---

1 *Арий* (256—336) — александрийский священник, основоположник арианства (учения о том, что Христос сотворен Богом и, следовательно, не безначален и не равен Богу); был объявлен еретиком и отправлен в изгнание; вскоре по возвращении в Александрию загадочным образом умер — по одной из версий, был отравлен своими противниками. *Молинос*, Мигель де (1628—1696) — испанский богослов, католический мистик, основатель квиетизма (религиозного течения в католицизме, основанного на принципах созерцательного взгляда на мир и покорности божественной воле); был объявлен еретиком, приговорен к пожизненному заключению и умер в тюрьме. *Кранмер*, Томас (1489—1556) — архиепископ Кентерберийский, один из основоположников английской Реформации; в период временного восстановления католицизма в стране (при Марии Тюдор) был схвачен и сожжен на костре как еретик.

объяснить происхождение зла и разрешить другие подобные проблемы. Однако я полагал, что все это — тайны, которые должны открываться святому по мере его продвижения по пути благодати. По крайней мере, я не считал себя вправе придираться. Меня завораживало само величие идеи; оно утоляло мою жажду поэзии и романтики. И я всем сердцем решил, что сделаю все, дабы удостоиться внимания этого мистического братства. Я страстно желал просветления. Что могло быть прекраснее, чем войти в среду этих святых мужей и обрести способность к общению с ангельскими и божественными силами вселенной? Я мечтал о совершенной чистоте жизни, о власти над тайными силами природы и о пути преданного служения «всей твари», что «совокупно стенает и мучится доныне»[1].

Этими чаяниями проникнуты вся моя поэзия того времени, — можно упомянуть посвящение «Песен духа» и такие стихотворения, как «Странствие», «Алхимик», «Путь философа», «Весенняя метель в Уосдейле», «Суккуб», «Сумерки», «Буря», «Пшеница и вино», «Всенощная», «Астрология» и «Дедал». В «Прощании Парацельса с Априле», «Посвящении», «Исаии» и «Власти» я выразил свои представления об испытаниях, которые могут ожидать соискателя на Пути. Все перечисленные стихи были опубликованы в 1898 году. В более поздних сборниках — «Мистерии, лирические и драматические»[2], «Роковая сила»[3], «Храм Святого Духа»[4] и «Тангейзер»[5] — эти идеи развиваются далее в свете моего практического опыта.

Может показаться странным, что, несмотря на всю мою жажду святости, оставшуюся лейтмотивом упомянутых сочинений, я ни на мгновение не терял из виду несовместимую, казалось бы, с этой жаждой идею оправдания через грех. Свидетельствами тому — «Иезавель» и другие стихотворения из одноименного сборника[6]. Я как будто подсознательно чувствовал, что всякий поступок есть священное таинство и что самые отвратительные из ритуалов должны быть в некотором

1 «*...“всей твари <...> доныне”*»: Рим. 8:22.

2 См. Приложение, стр. 299.

3 См. Приложение, стр. 305.

4 См. Приложение, стр. 305.

5 См. Приложение, стр. 305.

6 См. Приложение, стр. 305.

отношении самыми действенными. Единственный эффективный путь к победе над злом — использовать его всецело как средство обретения благодати. Религия была для меня самой что ни на есть конкретной реальностью, и я переживал ее со всею страстью. Само слово «добродетель» происходит от мужества[1]. Мужская сила, творческое зачатие и радостное исполнение замысла, — вот истинные средства Достижения. В воздержании от пороков заслуги нет. Порок — это на самом деле просто *vitium* — изъян, недостаток[2].

Подобный подход не следует считать антиномианским в обычном понимании этого слова. Заявив: «Все мне позволительно, но не все полезно»[3], — святой Павел сделал только полдела. Не следует пренебрегать ни единой формой энергии. Каждая частица нашей личности — необходимая переменная в уравнении; каждое наше побуждение должно быть поставлено на службу Великой Работе. Более того, я понял, что все традиционные правила поведения имеют лишь относительный смысл — в контексте окружающей среды. Взять, к примеру, такой основополагающий принцип, как самосохранение: с точки зрения теории реинкарнации или бессмертия души, смерть должна вызывать не больше протестов, чем погружение в сон. Так или иначе, сам я обнаружил, что моя физическая жизнь совершенно бесполезна — я не дал бы за нее и ломаного гроша.

Мысль о том, чтобы применить эти выводы на практике, никогда меня не пугала, — я отдавал себе отчет, что в противном случае у меня возник бы внутренний конфликт. Я инстинктивно и очень основательно понимал теорию психоанализа. И этим, с моей точки зрения, объясняются необычайные успехи, которых я добивался во всех своих духовных занятиях. Я с самого начала взял за правило исполнять предписание, встречающееся в одном из старых гримуаров: «Купи черное яйцо, не торгуясь». Я всегда знал, что духовное богатство несопоставимо с материальным. Если мне нужна была какая-нибудь книга по магии, я покупал ее тотчас, даже если за нее

---

1 *«Само слово "добродетель" происходит от "мужества"»*: англ. *virtue*, «добродетель», происходит от лат. *virtus*, «мужественный».

2 *«Порок — это на самом деле просто vitium»*: англ. vice, «(нравственный) порок», происходит от лат. *vitium* — «физический порок, изъян».

3 I Кор. 6:12.

заламывали десятерную цену, а за ближайшим углом ее можно было купить у честного продавца.

Я поступал так совершенно осознанно, магически утверждая тем самым, что сейчас для меня не имеет значения ничего, кроме Работы. Я в самом буквальном смысле исполнял предписание «не заботиться о завтрашнем дне». Я, так сказать, ловил Бога на обещании, что Он сам позаботится обо всех моих нуждах, демонстрируя, со своей стороны, что ради дела я готов отдать все до последней нитки. Правда, эту привычку я приобрел несколько позже, когда уже со всей определенностью понял, в каком направлении ведет меня судьба; но духовные основы для нее были заложены еще в те ранние годы. И первым значительным поступком такого рода стал для меня разрыв с Поллитом.

Весенний семестр 1898-го он провел в Кембридже, и мы виделись почти каждый день. На каникулах он поехал со мной в Уосдейл-Хэд. Там мы часто гуляли вдвоем по вересковым пустошам, но уговорить его пойти в горы я так и не смог.

В то время я как раз ушел с головой в «Облако над святилищем», перечитывая его снова и снова. Меня не отпугнули даже все эти фарисейские, ханжеские и достойные разве что питекантропа примечания его переводчицы, мадам де Штайгер[1]. Я взывал всей силой своей воли к адептам Сокровенной Церкви, умоляя подготовить меня ко вступлению в их августейшее общество. Как будет показано ниже, усилия воли у человека достойного никогда не пропадают втуне, хотя какими путями передается эта энергия, понять (на данный момент) совершенно невозможно.

Поллит значительно расширил мой кругозор: он не только ввел меня в живую атмосферу современных эстетических идей, познакомив с работами Уистлера, Ропса[2] и Бердслея в изобразительном искусстве и так называемых декадентов в литературе, но и открыл мне глаза на творения мно-

---

1 *Штайгер* (в девичестве Лейс), Изабелла (1836—1927) — английская оккультистка, художница, писательница и переводчица, член Теософского общества и Герметического ордена Золотой Зари, основательница Алхимического общества (1912).

2 *Уистлер*, Джеймс Эббот Макнил (1834—1903) — американский художник, один из главных предшественников импрессионизма и символизма. *Ропс*, Фелисьен (1833—1898) — бельгийский художник-символист, масон.

гих изысканнейших мастеров прошлого, которых я прежде не знал или не понимал. Но все восхищение и благодарность не помешали мне осознать, насколько в действительности мы друг другу чужды. Он не ошибся в свое время, заподозрив, что мои духовные устремления несовместимы с отчаянием, в котором погрязла его душа. Я почувствовал, что должен сделать выбор между дружбой с ним и своей преданностью Тайному собранию Святых. И хотя, в отличие от упомянутого собрания, Поллит был живым и настоящим, я предпочел рискнуть и поставить на карту все. Человеческая дружба, пусть даже идеальная, как в нашем случае, тоже не была свободна от проклятия мировой скорби. И я сознательно решил отречься от нее, несмотря на то, что она была единственной в своем роде и по своему прекрасной и что найти ей замену казалось невозможным. Это был мой подвиг веры, не осквернённый грязью земных надежд, но скрепленный печатью с царственным ликом любви.

Поступок этот пронзил мою душу, как зазубренный ядовитый кинжал, ибо Поллит был единственным человеком на свете, с которым я когда-либо наслаждался подлинно духовным общением. Только сердце поэта способно понять, как изнывал я от одиночества, горечи и жажды. Решение мое вызрело постепенно в течение мая. Все это время Поллит отчаянно сражался с растущей во мне приверженностью высшим устремлениям, предчувствуя в ней убийцу нашей дружбы.

И вскоре последовал разрыв. Я перебрался в Мэйденхэд[1], в тишину, чтобы дописывать там «Иезавель». О том, куда я направился, я сказал только одному человеку и просил держать это в строгой тайне; но Поллит разыскал его, выпытал мой секрет и заявился прямо ко мне — к немалому моему удивлению и ярости, ибо когда я пишу стихи, я готов указать на дверь самому Азраилу[2]!

Я откровенно и твердо сказал ему, что посвятил свою жизнь религии и ему в ней места не остается. Теперь-то я понимаю, какого дурака я свалял, какая это ужасная ошибка и слабость — отвергать что бы то ни было из составляющих своей

1 *Мэйденхэд* — деревушка по соседству с Уосдейл-Хэд.

2 *Азраил* — в мусульманской мифологии ангел смерти.

личности. И все-таки в каждой жизни есть время для подобных ошибок, и такой период надо прожить; надо быть беспощадным в анализе и довести его до конца, прежде чем можно будет перейти к синтезу. Поллит понял, что меня уже не переубедить. То была наша последняя встреча. Чуть позже я раскаялся в своем решении, ибо пелена спала с моих глаз, и написал письмо с извинениями, но так и не заставил себя его отправить. Осенью мы разминулись с Поллитом на Бонд-стрит: я его не заметил, а он решил, что я нарочно его избегаю, и так наши судьбы разошлись навсегда.

Я сожалел об этом всю жизнь, ибо вовеки и в целом свете не было товарищества более благородного и чистого; и полагаю, что влияние Поллита во многом смягчило мои последующие испытания. Благоухание этой дружбы все еще не развеялось в святилище моей души. И это духовное причастие служит мне постоянным напоминанием о том, что важнейший ингредиент, необходимый для моего эстетического развития, боги ниспослали мне именно в тот период, когда я мог извлечь из него — и действительно извлек — наибольшую пользу.

18

В мае 1898-го я познакомился еще с одним человеком, который по-своему разделял многие мои интересы. Звали его Джеральд Фестус Келли[1]. В телефонном справочнике он значился как художник; и это могло бы оставаться неоспоримым сколь угодно долго, если бы Королевская академия недавно не приняла его в свои ряды[2]. Впрочем, он не виноват. Он мужественно боролся, всеми силами стараясь избежать позора. В последний момент, когда над головой его уже сгустились грозовые тучи, он предпринял еще одну отчаянную попытку убедить мир, что он — все-таки художник, а именно — женился на натурщице[3]. Но и это не помогло: слишком уж вопиющи были свидетельства его картин. Более того, эта попытка

1 *Келли* — см. примеч. 1 на стр. 49.

2 *«...Королевская академия... в свои ряды»*: в Королевскую академию художеств Келли был принят в 1930 году. В 1943—1945 гг. он занимал должность смотрителя Академии, а в 1949—1954 — президента.

3 *«...женился на натурщице»*: в 1920 году Джеральд Келли женился на Лилиан Райан, которая впоследствии позировала ему для серии портретов,

истощила его волю к сопротивлению, так что окончательный удар он принял кротко, как агнец. Нет слов, как меня печалит мысль о том, что жизнь, начинавшаяся столь блестящими обещаниями, постепенно погрязла в болоте респектабельности. Не то чтобы он и впрямь умел рисовать; но постигшая его катастрофа от этого не становится в моих глазах менее прискорбной. Ибо неким гипнотическим образом он убедил меня, что в нем что-то было. Его решимость стать художником я принял за признак каких-то способностей — и до сих пор надеюсь, что всеми этими годами неотступного и преданного служения безнадежной амбиции он заслужил себе право перевоплотиться хотя бы во что-нибудь одушевленное.

Познакомились мы романтично. Моя «Акелдама» только что увидела свет и продавалась в университетской книжной лавке частным образом, по полкроны за экземпляр[1]. (Тираж составлял всего восемьдесят восемь экземпляров, не считая двух пергаментных и десяти крупноформатных.) Одним из эпиграфов к поэме я взял цитату из суинберновской «Прокаженной»[2]. Авторства «Акелдамы» я не признал: в подражание одной из ранних книг Шелли она была подписана просто «джентльменом из Кембриджского университета»[3].

В городе имелся книгопродавец, с которым я старался не иметь дела, ибо то был самый омерзительно лицемерный образчик назойливого торгаша из всех, кого я когда-либо знал. Он был напрочь лишен религиозного чувства и сделал немалые деньги на книгах того рода, которые описывают отвратительным эвфемизмом «курьезные». Но при этом он жаждал обзавестись клиентурой из числа духовных лиц и ученых мужей, вследствие чего выбрал себе такое платье и манеры, какие даже милейшего молодого викария сделали бы нестерпимо жеманным. Но, так или иначе, ему попал в руки экземпляр «Акелдамы»; он показал его Келли, а того настолько

выставлявшихся под названием «Джейн» (с римскими цифрами, соответствовавшими году проведения выставки).

1 *Полкроны* — 2,5 шиллинга.

2 *«Прокаженная»* — баллада Ч.Э. Суинберна из сборника 1866 года «Стихотворения и баллады» — страстный монолог влюбленного над трупом женщины, умершей от проказы.

3 *«...в подражание одной из ранних книг Шелли»*: имеется в виду роман П.Б. Шелли «Сент-Ирвин, или Розенкрейцер» (1811), автором которого был указан «джентльмен из Оксфордского университета».

восхитила цитата из Суинберна, что он дознался, кто я таков, и нам устроили встречу.

Мой новый знакомец обнаружил широчайшие познания в искусстве и литературе, и мы прекрасно столковались, задумав вместе написать пьесу на сюжет из легенд о короле Артуре и основать новый журнал, который занял бы место «Желтой книги» и «Савоя», почивших в бозе вместе с Бердслеем[1]. Ничего из этого не вышло, но общение с Келли продолжилось и в свое время принесло другие важные плоды. Впрочем, главным событием того года стало другое знакомство — с Оскаром Эккенштейном, с которым я впервые встретился в Уосдейл-Хэд.

Эккенштейн был на двадцать лет меня старше. Он занимался математикой и естественными науками, но настоящее удовольствие в жизни получал только от альпинизма. Полагаю, он был одним из самых разносторонне одаренных людей во всей Англии, но достижения его малоизвестны, поскольку он яростно противился славе. Хвастливые шарлатаны наподобие ведущих членов Альпийского клуба вызывали у него свирепую ненависть — по существу совершенно оправданную, но по степени накала почти чрезмерную. Это отвращение ко всякому очковтирательству и лжи владело его душой безраздельно. Я в жизни не встречал человека, столь искренне и несгибаемо приверженного высочайшим моральным ценностям.

На тех же весенних каникулах мы с ним несколько раз сходили в горы и условились о совместной экспедиции в Гималаи — на будущее, когда представится возможность. В 1892 году Эккенштейн участвовал в экспедиции Конвея[2], но в Асколе покинул отряд — главным образом потому, что был крайне недоволен руководством, но не только по собственной инициативе: каким-то образом этот разрыв был подстроен органи-

---

1 *«Желтая книга»* — ежеквартальный литературно-художественный журнал, связанный с движениями эстетизма и декаданса; выходил в Лондоне с 1894 по 1897 гг. и публиковал работы многих известных писателей, поэтов, художников и критиков. Обри Бердслей был первым его редактором. *«Савой»* — лондонский литературно-художественный журнал, издававшийся Леонардом Смитерсом (см. примеч. 1 на стр. 198) в 1896 году под девизом «всякое искусство для нас хорошо, если оно хорошее». Кроме Бердслея, в «Савое» печатались У.Б. Йейтс, Джозеф Конрад, карикатурист Макс Бирбом и поэт-символист Артур Саймонс. Вышло всего восемь номеров журнала.

2 *«...в экспедиции Конвея»*: см. примеч. 1 на стр. 191.

заторами похода. Как именно и почему — осталось загадкой. Предположить, что они вознамерились зарегистрировать хотя бы частичный успех и хотели избавиться от независимого свидетеля, было бы по меньшей мере невежливо.

Об одном из эпизодов этой экспедиции стоит упомянуть особо. В инструментах, которыми проводили топографическую съемку, не хватало каких-то важных деталей, но когда Эккенштейн указал на бесполезность таких замеров, ему ответили: «Да знаю, но для Королевского географического общества сойдет». Подобные ситуации всегда ввергали Эккенштейна в неописуемо буйный гнев. О лучшем наставнике в вопросах совести я не мог и мечтать. Он научил меня подходить ко всему основательно и аккуратно.

Вот лишь один пример. Я считал себя мастером глиссады — и действительно, в сравнении с другими знакомыми мне альпинистами, включая и таких мастеров, как Норман Колли, учиться в этом отношении мне было почти нечему. Но Эккенштейн показал мне, что я — зеленый новичок. Он начал тренировать меня на склонах разного рода, выбирая самые разнообразные стартовые позиции и задавая останавливаться в строго назначенном месте, а также ускоряться, замедляться или прыгать четко по команде. Почему нужно было научиться стартовать с любого места? Да потому, что на практике могло случиться так, что я упал бы или спрыгнул с высоты на снежный склон, не имея возможности выбрать место заранее, — и с подобными ситуациями надо было уметь справляться. <См. «Дневник наркомана», стр. 159—160[1].>

---

1 Имеется в виду следующее описание: «Мне крупно посчастливилось быть усыновленным этим человеком; он научил меня лазить по горам, в частности, делать глиссаду. Он заставлял меня съезжать по склону в самых сложных позициях; головой вперед и так далее; и я должен был катиться по льду, не пытаясь себя спасти до его команды, и только тогда, у самого финиша я должен был прийти в себя, и пока он считает до пяти, перейти в положение сидя или стоя, по его выбору, либо свернуть в сторону, либо остановиться. И постепенно его упражнения делались все более опасными. Все это звучит, конечно, довольно непонятно, но, между прочим, он был единственным, кто научился "глиссаде" сам и обучал делать других столь совершенно.

— Как бы то ни было, приобретенная эта способность пригодилась мне еще во многих случаях. Сберегая час времени, порою сберегаешь чью-нибудь жизнь, и мы могли бы нырять с опаснейших склонов, где (в частности) можно напороться на осколок льда, идя на высокой скорости, если бы точно знать, что сможешь затормозить в то самое мгновение, когда заметишь угрозу. Мы могли, вероятно, опуститься на три тысячи футов там, где обычные люди без

Мы составили идеальную пару. Эккенштейн обладал всеми достоинствами человека цивилизованного, я — всеми качествами дикаря. Он был настоящий атлет; в особенности правая рука у него была настолько сильной, что он мог полностью подтянуться на ней, ухватившись всего двумя пальцами за нависающий над головой покатый выступ. В результате он оказался единственным, кому удалось одолеть подъем по восточному склону Y-образного валуна (названного так за вильчатую трещину, проходившую по его западной стороне) неподалеку от гостиницы в Уосдейл-Хэд, хотя и до, и после него такие попытки предпринимали многие первоклассные скалолазы. Однако сам он не считал свою силу сколько-нибудь выдающейся, всегда ссылаясь на одного своего знакомого баварца, школьного учителя, который мог пальцами разорвать пополам серебряный флорин.

Сам Эккенштейн был невысок ростом и коренаст. Казалось, он попросту не понимает, что такое «усталость». Любые тяготы и нагрузки были ему нипочем. Он был абсолютно надежен и как первый, и как второй в связке, — и в основе этого качества неизменно лежал глубокий и тщательный расчет. Свои ограничения Эккенштейн оценивал с точностью до миллиметра. Я ни разу не видел, чтобы он замахнулся на что-либо выше своих сил или проявил непредусмотрительность.

Кроме того, он обладал великолепным чувством направления. Правда, в этом отношении я его превосходил; но он опирался на рациональные соображения — то есть, допустим, мог определить север на основе расчетов, связанных геологией, ветром и законами вероятности, — тогда как я полагался

специальной тренировки спускались бы на веревке шаг за шагом, и, кто знает, рисковали в результате попасть в ураган, застигнутые темнотой.

Больше всего это мне помогло несколько лет назад, когда мне довелось командовать экспедицией в Гималаях. И вот кули побоялись пересекать заснеженный склон, кончавшийся над ужасным обрывом. Я велел им наблюдать за мной, бросился на снег головою вперед, съехал вниз как мешок овса, и вскочил на ноги на самом краю пропасти.

Когда я снова к ним подошел, людишки эти так и стояли, разинув рты от ужаса и изумления. Они последовали за мной через mauvis pas *[опасное место — франц.]* ни секунды не колеблясь. Видимо, они решили, что все это магия или что-то вроде этого. Неважно что. Но они, по крайней мере, были уверены, что смогут пересечь опасный участок без вреда для себя, ведомые человеком, столь очевидно пользующимся протекцией горных богов» (рус. пер. Г. Осипова).

на чисто физическое чутье и подсознательную память о том, куда и сколько раз я поворачивал в течение дня.

Впрочем, одно обстоятельство не поддается ни этому, ни какому-либо иному удовлетворительному или хотя бы правдоподобному объяснению. Например, однажды мы с Эккенштейном затеяли подняться на вулкан Колима[1] (надо заметить, что восход луны в том месяце и в той местности мы не наблюдали). Мы свернули лагерь и отослали наших *моссо* обратно в Сапотлан[2], намереваясь перейти через гору и посетить одного джентльмена, который звал нас в гости на свое ранчо. До того мы больше недели наблюдали за вулканом, надеясь установить какую-то периодичность в его извержениях, но это нам так и не удалось. Потому мы положились на случай, пустились в путь и шли, покуда камни под ногами не раскалились так, что начали прожигать подошвы. Стало понятно, что двигаться дальше нельзя.

Решив добраться до фермы окольным путем, мы повернули и вскоре очутились в полосе девственных джунглей, почти непроходимых из-за бурелома и зарослей чаппараля. Деревья росли так густо, что небо виднелось разве что случайными проблесками. О правильном направлении можно было судить лишь по тому, идем ли мы по-прежнему под гору или снова начали подниматься. Склоны на этом участке были на удивление сложными: в любой момент мы могли оказаться лицом к любой стороне света. Трухлявые ветки под ногами пылили так, что мы уже задыхались и почти ослепли. Вдобавок нас терзала жажда: запас воды был совсем невелик. Сгустилась ночь, и вскоре мы уже не могли ничего разглядеть на расстоянии вытянутой руки. Пришлось развести костер, чтобы отпугивать шакалов и прочих тварей, завывавших со всех сторон в темноте. Разумеется, мы начали обсуждать, в том ли направлении мы движемся. Я сказал: «Луна взойдет там», — и положил на землю свой топор как указатель. Эккенштейн довольно долго подсчитывал что-то в уме, а затем положил свой — немного подругому. Когда луна взошла, оказалось, что я ошибся всего

1 *Колима* — действующий вулкан высотой 4339 м в составе Трансмексиканского вулканического пояса (Поперечной Вулканической Сьерры).

2 *Моссо* (mozo) — здесь: «слуги» (исп.). *Сапотлан* — здесь: Сапотланэль-Гранде (Сьюдад-Гусман) — город в мексиканском штате Халиско, расположенный у подножия вулкана Колима.

на пять градусов, а Эккенштейн — на десять. То была лишь одна из множества подобных проверок; и я понятия не имею, как у меня это получается, тем более что астрономия — одна из многих областей знания, в которых я вынужден признать себя полным невеждой. Хотя я провел под открытым небом столько ночей, что и не счесть, из всех созвездий я узнаю разве что Ориона и Большую Медведицу.

Помимо общего чувства направления, у меня есть какая-то сверхъестественная способность выискивать путь среди камней и ледопадов. Дело здесь не только в хорошем глазомере: при взгляде издали на любом маршруте можно не заметить преграду, которая вынудит повернуть обратно, даже если окажется высотой всего футов в двадцать[1]. Особенно это верно в случае с ледопадами, где маршрут по определению часто скрыт от глаз. Предугадать, что окажется по ту сторону серака[2], разумеется невозможно. Однако я никогда не ошибался, и мне ни разу не приходилось поворачивать назад.

Кроме того, я обладаю поразительной памятью на мельчайшие детали почвы на любом пройденном участке. Это качество было весьма развито у профессора Нормана Колли, но даже он однажды сказал, что в данном отношении я далеко его превосхожу. Этот комплимент он сделал мне еще на очень раннем этапе, когда я учился у него простейшим приемам скалолазания. И здесь мы, опять-таки, сталкиваемся с вопросом о бессознательной физической памяти. Зачастую я не могу описать даже основные ориентиры на маршруте только что завершенного восхождения, но зато могу вспомнить каждый камешек, попавшийся мне на пути под ногами. Пытаясь осознанно воскресить в памяти какую-нибудь гору, я обычно начинаю путаться, да так, что сам себе удивляюсь. Я делаю такие нелепые ошибки, что сам готов усомниться — а бывал ли я на этой горе на самом деле? Однако руки и ноги все помнят — и безошибочно. Как тут не вспомнить шетлендских пони (см. «Две судьбы» Уилки Коллинза[3]), способных находить верную дорогу

1 *«...футов в двадцать»* — около 6 м.

2 *Серак* — вертикально стоящий ледовый столб или зубец.

3 Имеется в виду следующий отрывок из романа английского писателя Уильяма Уилки Коллинза (1824—1889) «Две судьбы» (1876): «Заблудившихся трое. Мой спутник, я и проводник. Мы сидим на трех шетлендских пони — таких крошечных, что нам, двум чужестранцам, сначала буквально было стыдно

в самых непролазных болотах и непроглядном тумане? И это не просто память: я способен без единого промаха отыскать путь даже в совершенно незнакомой местности и в любую погоду. Единственное, что может меня остановить, — это вмешательство сознания.

Я подметил за собой и несколько других дикарских способностей. Так, я могу различать запахи снега и воды, хотя в целом обоняние у меня далеко ниже среднего — мне зачастую не удается распознать по запаху даже хорошо знакомые духи (то есть, связать аромат с его названием).

Мы с Эккенштейном оба умели предсказывать, что встретится нам за любой вставшей на пути горой; вот только в его случае это был научный расчет, а в моем — чистой воды ясновидение. Все, что я смог перенять из его методов, — это умение определять по преломлению света над гребнем горы, покрыт ли ее дальний склон снегом, и оценивать его вероятную крутизну и угол наклона скал по аналогии с обращенными в ту же сторону склонами гор, оставшихся позади, или со схожими формациями, встречавшимися в других местах. Нет нужды пояснять, сколь полезны подобные способности при разработке маршрута в незнакомой местности.

сесть на них. Нас окружает белый туман, такой густой, что мы не видим друг друга на расстоянии полдюжины шагов. Мы знаем, что находимся где-то на материке Шетлендских островов. Мы видим под ногами наших пони смесь степи и болота — здесь полоса твердой земли, на которой мы стоим, а там, за несколько футов, полоса воды торфяного болота, которое настолько глубоко, что мы можем потонуть, если ступим на него. Нам известно только это, больше мы не знаем ничего. Вопрос состоит в том — что нам делать? <... >

Нас ослепляет туман, мы заблудились в поле, а вероломные болота окружают нас со всех сторон!

Что делать?

– Предоставьте это пони, – говорит проводник.

– Вы хотите сказать, чтобы мы предоставили пони отыскать дорогу?

– Именно, – говорит проводник. – Опустите поводья и предоставьте все пони. Видите, я уезжаю на своем пони.

Он опустил поводья, свистнул своему пони и исчез в тумане, сунув руки в карманы и с трубкой во рту, так спокойно, как будто сидел возле очага дома.

Нам осталось только последовать его примеру или остаться одним в поле. Смышленые животные, освободившись от нашего глупого надзора, отправились, опустив нос в землю, как собаки, отыскивающие след. Где болото широко, они обходили его. Где узко, они перепрыгивали. Бегут, бегут отважные пони, не останавливаются, не колеблются. Наш "высший ум", совершенно бесполезный в этом случае, удивляется, чем это кончится. Наш проводник впереди нас отвечает, что это кончится тем, что пони непременно найдут дорогу к ближайшей деревне или ближайшему дому» (рус. пер. В. Байкова).

В технике скалолазания как такового мы с Эккенштейном дополняли друг друга еще лучше. Мы придерживались абсолютно противоположных подходов. Он всегда действовал четко, организованно и разумно; я же — как дикий зверь. Думаю, такой стиль сложился у меня под влиянием ранних самостоятельных попыток и укрепился в результате восхождений на меловые скалы. У Эккенштейна движения были разбиты на серии, а я двигался непрерывно; он использовал определенные группы мышц, а я постоянно напрягал все тело. Физической силы я так и не обрел (полагаю, из-за слабого здоровья в детстве), но зато был очень легким и обладал исключительной гибкостью и чувством равновесия.

Помню, как мы отправились на Скафелл с Корри — великолепным спортсменом, прошедшим курс обучения у Сэндоу[1], но в скалолазании тогда еще неопытным. Я повел его на Миклдор через Северный подъем[2]. Там есть одно место, где в поисках опоры приходится запустить руку по плечо в скальную трещину. Плечо и предплечье при этом опираются на скалу, а вдобавок можно ухватиться за выступ, удобный, как рукоятка шпаги. Случилось невероятное: Корри не удержался, и мне пришлось вытаскивать его на веревке. Я удивился, но смолчал. Мы продолжили подъем и, достигнув вершины Броуд-Стэнда, сняли веревку. В порядке упражнения я предложил взобраться на невысокий, хотя и крутой обрыв над наклонной плитой. Никакой опасности это не представляло и было по силам даже шестилетнему ребенку, но Корри опять сорвался. К счастью, я уже стоял на плите и успел поймать его за воротник.

После этого мы снова обвязались веревкой и направились вниз — насколько я помню, по Миклдорской трубе. На обратном пути в Уосдейл Корри отмалчивался и казался странно смущенным, но наконец собрался с духом и выпалил: «Вы не возражаете, если я пощупаю вашу руку? Должно быть, это просто чудо». Я разрешил — и он едва не грохнулся в обморок от изумления: мышцы у меня были точь-в-точь, как у юной леди начала викторианской эпохи. Сам же Корри являл

1 *Сэндоу*, Юджин (наст. имя Фридрих Вильгельм Мюллер, 1867—1925) — прусский атлет, основоположник современного бодибилдинга; с 1889 года жил и выступал в Лондоне. В 1897 году основал Институт физической культуры — первую в истории школу бодибилдинга.

2 *Миклдор* — см. стр. 110-111.

собой великолепнейший образчик анатомии с точки зрения мужественной силы. Он так и не понял, почему не смог удержаться за самые удобные во всем Уэстморленде опоры, несмотря на все свои преимущества.

Любопытную параллель этому происшествию представляет один из эпизодов экспедиции на Чогори в 1902 году. У нас было приспособление, позволяющее превратить пару лыж в сани, чтобы удобнее было тащить багаж по заснеженным ледникам. Мы с доктором решили перебраться из 10-го лагеря в 11-й, собрали эти сани и уложили на них семь вьюков. Тащить их оказалось совсем нетрудно. Налицо была возможность обойтись без пятерых лишних носильщиков, но когда мы поднялись в 11-й лагерь и попытались передать свои сани еще двоим из нашего отряда, те, к превеликому нашему изумлению, не смогли даже сдвинуть их с места и стали звать на помощь. Кое-как, да и то со скрипом, дело пошло, только когда в сани впряглось семеро; но не прошли они и сотни ярдов, как умудрились вывернуть всю поклажу в расселину. В конце концов они решили задачу просто: все взяли по два вьюка и, взвалив таким образом на плечи по 100—120 фунтов[1], бодро зашагали вперед. Сила бесполезна, если не знаешь, как ее применить.

Эккенштейн с самого начала признал, как полезны для альпинизма мои природные инстинкты, и при этом сразу понял, что я — безмозглый молодой остолоп. Несмотря на несколько бесценных уроков, полученных от Колли, я все еще оставался совершенно неопытным дилетантом. Я понятия не имел о системном подходе. Конечно, я уже многого достиг, но только благодаря врожденному дару и здравому смыслу. Никакой методичной тренировки я не проходил и был совершенным невеждой в таком серьезном деле, как организация жизни в походном лагере, да и во всех остальных вопросах, связанных с исследовательскими экспедициями.

Мы договорились провести лето в палатке на леднике Шёнбюль у подножия Дан-Бланш — во-первых, для того, чтобы я мог подготовиться к походу в Гималаи, а во-вторых — чтобы подняться на восточный склон Дан-Бланш по новому маршруту, который Эккенштейн безуспешно попытался пройти в паре с Цурбриггеном. Остановила их чрезвычайно

1 *100—120 фунтов* — приблизительно 45—55 кг.

интересная формация, вообще-то встречающаяся в Альпах крайне редко: склоны, покрытые очень рыхлым снегом и расположенные под неприступным углом. Эккенштейн надеялся, что с моей способностью просто переплывать подобные места мы все-таки одолеем эту гору.

Я же со своей стороны надеюсь, что Эккенштейн оставил достаточно материалов для биографии и позаботился о том, чтобы она когда-нибудь была издана. Когда-то я намеревался взяться за это дело сам. Но безвременная кончина от супружества и туберкулеза, постигшая моего наставника и друга как раз тогда, когда он намеревался провести осень и зиму в Кашмире, размышляя о таинствах, манивших его возвышенный дух, свела все эти планы на нет.

Запечатлеть в своих мемуарах как можно больше сведений об этом человеке, который, наряду с Аланом Беннетом[1], стоит особняком и гораздо выше всех, с кем я был по-настоящему близко знаком, я почитаю одной из своих высочайших обязанностей. Величием духа он не уступал таким гигантам, как Роден; и то, что он не создал собственными руками памятника своему блестящему уму, не отменяет того, что он был настоящим художником. Только непрестанные мучения бронхиальной астмы помешали ему воплотить свою гениальность в осязаемых шедеврах. Кроме того, я не встречал еще человека, в жизни которого случалось бы так много мистических и необыкновенных происшествий. Например, на протяжении многих лет на него то и дело покушались убийцы, и объяснить это он мог разве что предположением, что его перепутали с кем-то другим. Тут следует рассказать об одном приключении, которое удивительно не только само по себе, но и тем, что оно кажется чуть ли не универсальным, как некоторые сюжеты снов, общие для всех людей. Есть в нем нечто фантастическое и призрачное. В той или иной форме нечто подобное происходит очень со многими — и то и дело повторяется в сновидениях и романах стивенсоновского толка. В частности, я убежден, что это случалось и со мной, хотя совершенно не могу припомнить, когда и как именно. Суть этого явления я описал в своей «Цирцеиной грезе»[2], и какие-то фантазмы подобного

1 *Беннет* — см. примеч. 2 на стр. 13.

2 См. Приложение, стр. 305

рода посещают меня во сне в среднем чуть ли не раз в неделю. Иногда они длятся ночь за ночью, оставаясь узнаваемыми несмотря на невероятное разнообразие обстановки, и продолжают преследовать меня и наяву, доходя до почти убежденности в том, что за ними кроется что-то реальное.

Итак, вот что произошло с Эккенштейном. Однажды вечером, после того как на него напали на улицах Сохо или где-то между тем участком Оксфорд-стрит и Юстон-роуд, он решил — на случай повторного нападения — направиться домой кружным путем, которым еще никогда не ходил. Где-то неподалеку от Каледониан-роуд ему показалось, что его преследуют (а время было еще не очень позднее, но стоял довольно густой туман). Для проверки он свернул в узкий переулок, вдоль которого тянулись сады на задворках домов. Огни горели только в одном-единственном доме. Как раз на этом участке садовая калитка была открыта, и Эккенштейн нырнул туда, чтобы посмотреть из укрытия, действительно ли кто-то идет за ним по пятам. Тотчас в конце переулка появились двое преследователей. Эккенштейн тихо притворил калитку и направился к дому, собираясь объяснить свою ситуацию и попросить разрешения выйти через парадный ход. Дверь открыла красивая молодая женщина в модном вечернем платье. Она держалась светски; когда Эккенштейн объяснился, она пригласила его остаться на ужин. Он согласился. Слуг в доме не оказалось, но, пройдя в гостиную (очаровательно обставленную и украшенную великолепными картинами Моне, Сислея и прочих; были даже эскизы или гравюры Уистлера[1]; всё небольшие, но восхитительные образцы), Эккенштейн обнаружил, что стол накрыт на двоих. Он провел в этом доме несколько часов — откровенно говоря, до рассвета, — и ушел с уверенностью, что вечером сюда вернется. Записывать адрес он не стал: улица была ему знакома, а память на числа никогда его не подводила. Насколько я понимаю, прийти вечером ему что-то помешало; я не вполне уверен, но если так, то он вернулся спустя еще сутки. Дом, как ни странно, был погружен во тьму; Эккенштейн подошел ближе и к своему изумлению обнаружил на двери

1 *Моне*, Оскар Клод (1840—1926) — французский художник, основатель импрессионизма. *Сислей*, Альфред (1839—1899) — французский художник-импрессионист английского происхождения. *Уистлер* — см. примеч. 2 на стр. 212.

табличку: «Сдается внаем». Он стучал, звонил — все напрасно. Тогда он предположил, как ни маловероятно это было, что он ошибся адресом, и осмотрел соседние дома, но никого не нашел. Раздраженный и заинтригованный, наутро он связался с агентом по недвижимости, посетил дом и опознал его. О том, что именно здесь он побывал день или два назад, свидетельствовали даже слегка выцветшие обои в тех местах, где стоял книжный шкаф и висели картины. Однако агент заверил его, что вот уже три месяца в доме никто не живет. Эккенштейн стал указывать ему на признаки того, что на самом деле здесь были жильцы, и совсем недавно, но агент не пожелал и слушать. Они осмотрели задний двор и нашли ту самую калитку и остекленную дверь, через которую Эккенштейн вошел в дом в ту ночь. Дальнейшее расследование показало, что дом пустовал, поскольку его владелец (холостяк лет шестидесяти, проживший там довольно долго с двумя слугами, мужем и женой, смотревшими за хозяйством) решил провести эту зиму на юге Франции. Жил он весьма уединенно, компании ни с кем не водил. Дом его был меблирован в ранневикторианском стиле, необставленной оказалась только одна комната — та, в которой ужинал Эккенштейн. Агент объяснил, что там у старика был кабинет и всю мебель оттуда он забрал во Францию, чтобы работать в привычной обстановке.

Заинтригованный до крайности, Эккенштейн возвращался к этому дому еще несколько раз. Через месяц или около того вернулись двое слуг. Хозяина ожидали обратно весной. Эккенштейн описал слугам загадочную даму, но те заявили, что никого подобного не знают, и в итоге загадка так и осталась неразрешенной, если не считать того, что довольно много времени спустя Эккенштейн получил письмо без подписи и написанное, судя по всему, намеренно измененным почерком. В письме было лишь несколько коротких фраз, из которых явствовало, что автор сего сожалеет, но ничего поделать было нельзя; надежды на будущее нет, но память о прошлом никогда не увянет. Эккенштейн приписал это таинственное послание той самой даме, потому что ничего другого предположить не мог.

Объяснить это происшествие я не могу, но верю каждому слову и, что еще более странно, непоколебимо убежден в душе,

что почти то же самое когда-то приключилось и со мной. Все это напоминает один увлекательный эпизод, спасающий от совершенной скуки читателя некогда знаменитого, но на самом деле чрезвычайно глупого и сентиментального романа «Возвращение»[1]. Замечательная сцена такого же рода разыгрывается в одном из лучших рассказов Стивенсона — «Джон Николсон». Эта же тема обнаруживается в других его сочинениях — «Докторе Джекиле и мистере Хайде», «Двери сира де Малетруа» и «Ночлеге Франсуа Вийона». Похожие мотивы можно встретить в восточной и античной литературе. По-видимому, некоторые люди буквально одержимы этой идеей.

Что это — некий символ или же просто распространенная мечта или страх? Быть может, в нас говорит наследственная память, наподобие Эдипова комплекса, — «в начале было дело»? (Этой великолепной фразой завершается «Тотем и табу» Фрейда[2].) Или же подлинная память о некоем событии, которое мы пережили в одном из прошлых воплощений или в тенетах иной иллюзии из тех, которые мы зовем «реальной жизнью»?

Пока я записывал эту историю, ощущение личной памяти усиливалось с каждой строкой. И теперь я достаточно отчетливо вспоминаю, что на самом деле пережил не одно, а множество подобных происшествий — по крайней мере, в том, что касается общего для них духовного содержания. Я много раз, иногда случайно, но чаще намеренно ошибался комнатой или домом в надежде на романтическое приключение. И обычно я находил, что искал. И, как правило, вернуться на то же место впоследствии мне не удавалось: иногда тому

---

1 *«Возвращение»* (1883) — мистический роман Хью Конвея (наст. имя Фредерик Джон Фаргус, 1847—1885), разошедшийся тиражом более 350 тыс. экземпляров всего за четыре года. Герой этого романа, Гилберт Воган, молодой лондонец, временно потерявший зрение, случайно попадает в чужой дом, поначалу приняв его за свой собственный и даже открыв двери собственным ключом. В его присутствии в этом доме совершается убийство, но самому Вогану удается избежать гибели: убийца, убедившийся, что свидетель слеп, выводит его на улицу и заставляет выпить опийной настойки. На следующее утро Воган просыпается в своей постели. Все попытки разыскать дом, где совершилось преступление, остаются тщетными. Впоследствии зрение возвращается к нему; Воган женится, и однажды ночью жена, страдающая таинственной душевной болезнью, в приступе сомнамбулизма приводит его в этот дом, где перед ним повторно — отчасти наяву, отчасти в видениях — разыгрывается та же сцена убийства.

2 *«Тотем и табу»* (1913) — книга Зигмунда Фрейда, посвященная психологии первобытных народов.

мешали обстоятельства, иногда — просто нежелание возвращаться, но чаще всего причиной становился тот самый зловредный бесенок, которого я дальше в этой книге виню в своих эпизодических проигрышах в шахматы. Я действительно хотел вернуться, я готовился к этому и даже иногда возвращался, но, дойдя до двери, останавливался, понимая, что перешагнуть порог я не в силах. Случались и еще более странные вещи: я мог и вернуться, и войти в дом, но, несмотря на сильнейшие сознательные старания «повторить мгновенье первого, вольного вдохновенья»[1], воскресив радость первого визита, внезапно начинал вести себя так, что это становилось невозможным.

Впрочем, с такими необъяснимыми ситуациями, как превращение жилого дома в необитаемый, я не сталкивался, хотя иногда случалось так, что девица, которую я ожидал найти по возвращении, исчезала бесследно.

Я обсудил все это со своим наставником, философом и другом — Братом O.P.V.[2], и он нашел вышеизложенную историю невероятно захватывающей. Этот сюжет представляется ему стержнем самого духа романтики: в нем необычайно много ключевых нитей, или «нервов», затрагивающих наше романтическое чувство.

Особое значение O.P.V. придает тому, что Эккенштейн не вернулся в назначенный срок. С его точки зрения, вся эта ситуация была своего рода магическим испытанием: Эккенштейн должен был осознать, что с ним происходит нечто чудесное, и вернуться вовремя, даже если бы между ним

---

1 *«...повторить... вдохновенья»*: цитата из стихотворения Роберта Браунинга «На чужбине, размышляя о доме» ((1845, рус. пер. С.Я. Маршака под названием «В Англии весной»).

2 *O.P.V.* — аббревиатура от «Omnia Pro Veritate» (лат. «Всё — ради истины»), магического девиза, который принял для себя Норман Мадд, вступив в основанный Кроули посвятительный орден A.·.A.·.. Мадд, будущий профессор математики, познакомился с Кроули в 1907 году, в 18-летнем возрасте. В то время он возглавлял группу студентов, увлекавшихся магией и именовавших себя «Обществом Пана». Впоследствии под давлением университетского руководства он прервал отношения с Кроули, но в начале 20-х годов общение возобновилось. Мадд погрузился в изучение «Книги Закона», стараясь выявить в ней математические закономерности, — именно в связи с этим Кроули здесь называет его своим «наставником». Он присоединился к Кроули в «Телемском аббатстве» в Чефалу, затем последовал за ним в Тунис. Когда в прессе развернулась очередная клеветническая кампания против Кроули, Мадд приложил немало усилий, чтобы реабилитировать того в глазах общественности. Однако затем их пути разошлись; Мадд лишился работы и средств к существованию и в 1934 году покончил жизнь самоубийством.

и тем самым домом разверзся ад. Собственно испытание заключалось в том, что он должен был распознать в этом происшествии высокую магию и почувствовать, что если он не исполнит поставленного условия, приоткрывшаяся дверь в магический мир захлопнется перед ним навсегда. Не оценив значимости происходящего в полной мере, Эккенштейн, по словам O.P.V., упустил важнейший шанс всей своей жизни, ибо этот «случайный» дом был в действительности вратами в мир иной или, образно говоря, трактиром на окраине Божьего Града. В последние годы я постоянно слежу за тем, чтобы не пропустить подобную возможность, если она представится и мне. Всякий раз, как мои планы рушатся из-за стечения обстоятельств, казалось бы, обыденных и случайных, я преисполняюсь надежды, что ситуация, к которой они приведут, на поверку окажется прологом некоей невероятной драмы. И, как свидетельствуют многочисленные эпизоды из этих мемуаров, надежда моя небеспочвенна. Можно даже сказать, что вся эта книга — одна огромная иллюстрация к тому, как множество, на первый взгляд, разрозненных фактов, накапливаясь и выстраиваясь в определенной последовательности, сводят вместе «любовь, и время, и место»[1].

Родители Эккенштейна поикнули Германию в [18]48-м или около того — насколько я понимаю, как политические беженцы, но подробностей я не помню. Однако сам он учился в Бонне и был лично знаком с Кровавым Вилли[2]. Этот злосчастный деспот в молодости подавал большие надежды и воспринимал свое положение очень серьезно, сознавая гигантскую ответственность, возложенную на его плечи. Он изо всех сил старался подготовить себя к будущему правлению на благо Германии. Будучи по натуре открыт и восприимчив к новому, он поддерживал Эккенштейна в его попытках ввести в университете греблю на восьмивесельных лодках, а также употребил свое влияние, чтобы добиться для офицеров разрешения снимать и откладывать мечи во время игры в теннис.

---

1 *«Любовь, и время, и место»* — цитата из стихотворения Роберта Браунинга «Вовек не сойдутся вместе...» (1883).

2 *Кровавый Вилли* — прозвище Фридриха Вильгельма Виктора Альберта Прусского (1859—1941), последнего кайзера Германии (1888—1918), правившего под именем Вильгельма II. Он родился в один год с Эккенштейном и учился в Боннском университете в одно время с ним.

Один эпизод кажется мне очень забавным. На студентов не распространялись общегосударственные законы: их не могли наказать ни за какой проступок, если тот не был запрещен университетским уставом. Понятно, что светлые умы регулярно выискивали в уставе те или иные лазейки. Например, было *strengstens verboten*[1] привязывать ночного сторожа к громоотводу во время грозы. Соответственно, Эккенштейн и его приятели выбрали время, когда грозы со всей определенностью не было, и привязали-таки беднягу сторожа.

Впоследствии Эккенштейн основательно англизировался — настолько, насколько это вообще было возможно. От немецкого прошлого в нем сохранилась разве что склонность к догматизму в профессиональных областях. Когда он чувствовал, что прав, он готов был отстаивать свою правоту едва ли не с кулаками; и в вопросах, которые он считал решенными, коэффициент гибкости его позиции равнялся нулю. То, что какие-то общие принципы могут влиять на интерпретацию конкретных результатов исследований, казалось ему немыслимым. Само выражение «общие принципы» вгоняло его в ярость. Он требовал анализировать все частные проблемы по отдельности и по мере их возникновения. Теоретически в этом нет ничего плохого, но на практике можно и перестараться. Нередко, например, мы сталкиваемся с такими обстоятельствами, которые не поддаются непосредственному анализу, но становятся совершенно понятными, если рассмотреть их в свете общего, фундаментального устройства человеческого организма. Но несмотря на все это, именно такой человек, как Эккенштейн, и был необходим мне в то время: он избавил меня от склонности принимать слишком многое на веру, довольствоваться приближениями, делать скоропалительные выводы и вообще мыслить поверхностно и неточно. И то, что я перенял многие особенности его морали и склада мышления, сослужило мне, а вернее сказать, всей Англии, величайшую службу, когда мне пришлось тягаться умом с Гуго Мюнстербергом[2].

---

1 «*Strengstens verbotten*» — «строжайше запрещено» (нем.).

2 *Мюнстерберг*, Гуго (1863—1916) — немецкий психолог и философ, в 1892 году перебравшийся в США и возглавивший психологическую лабораторию в Гарвардском университете. Один из основателей психотехники — отрасли психологии, изучавшей приложение психологических методов

Что касается морального кодекса, то я за всю свою жизнь так и не встретил человека, который был бы в этом отношении благороднее и выше Эккенштейна. Со многими пунктами этого кодекса я не согласен, поскольку в основе их лежит комплекс греховности. Откуда Эккенштейн набрался этой чуши — понятия не имею: вообще-то он мыслил совершенно рационально и отвергал все недоказуемые постулаты официальной религии. И тем не менее, он вбил себе в голову, что добродетель несовместима с удовольствием. Он отказывался признать, что сочинение стихов — это работа, хотя восхищался хорошей поэзией и любил ее всей душой. Думаю, он исходил из предпосылки, что человек, наслаждающийся тем, что он делает, не должен рассчитывать на какие-то дополнительные награды.

Эккенштейна отличали те же идиосинкразии, что и некоторых величайших людей, известных нам из истории. Так, он терпеть не мог котят, хотя против взрослых кошек ничего не имел. Эта неприязнь была совершенно иррациональной и доходила до подлинно мистических проявлений: если где-то поблизости появлялся котенок, Эккенштейн, сам не зная как, безошибочно это чувствовал. Мы грешным делом дразнили его: молодые люди никогда не понимают, что вещи, которые кажутся им пустячными, для кого-то могут быть серьезны. Как-то раз на пасхальных каникулах в гостинице не оказалось свободных мест, и мы впятером, включая Эккенштейна, заночевали в сарае. Среди лучших друзей Эккенштейна числилась миссис Брайант, чья благородная жизнь увенчалась прекрасной смертью между Шамони и Монтанвером[1] в 1922 году. В тот раз с нею приехала племянница, мисс Николс, сочетавшая бесстрашие на скалах с игривостью в менее требовательной обстановке. Я со всей ответственностью заявляю, что это именно она принесла в сарай котенка и подложила его Эккенштейну под подушку, когда мы после обеда

к решению практических вопросов в различных областях. Во время Первой Мировой войны Мюнстерберг навлек на себя общественное осуждение как сторонник прогерманской позиции. Кроули, живший в этот период в Америке и, согласно одной из версий, работавший на британские спецслужбы, спровоцировал Мюнстерберга невольно сыграть роль в одном из планов, нацеленных на дискредитацию сторонников Германии в США.

1 *Шамони* — город в Альпах у подножия Монблана. *Монтанвер* — см. примеч. 2 на стр. 194.

удалились в курительную комнату. Будь там не котенок, а кобра, Эккенштейн и то бы воспринял это спокойнее!

Не меньше, чем котят, он ненавидел искусственные запахи. Однажды моя жена с подругой вернулись домой после прогулки по магазинам. По дороге они заглянули к знакомому аптекарю, и тот опрыскал их «Шем-эль-нессимом»[1]. Мы увидели, как они подходят к дому, и пошли открыть дверь. Не успели они переступить порог, как Эккенштейн ринулся, точно бык на тореадора, к окну в гостиной, распахнул его настежь и следующие четверть часа провисел на подоконнике, высунув голову наружу и хватая ртом воздух.

Еще он был большим знатоком и ценителем головоломок. Это, между прочим, очень полезно, когда нет возможности или желания делать обычную работу, а ум все же необходимо чем-то занять, — например, когда приходится убивать время в гостинице или палатке в плохую погоду. Лично мне всегда хватало шахматных задачек и бриджа с тремя «болванами» или ската[2].

Эккенштейн был признанным специалистом по так называемой задаче Кирквуда о школьницах[3], но мы занимались и многими другими вещами, от проблем, связанных с числами Мерсенна[4] и великой теоремой Ферма[5], до чисто развлекательных попыток представить любое данное число при помощи цифры 4, использованной ровно 4 раза, ни больше, ни меньше (при этом дозволялось использовать любые общепринятые символы математических операций). Например:

---

1 *«Шем-эль-нессим»* — марка духов, созданная в 1906 году и названная в честь одноименного египетского праздника начала весны. В основу аромата были положены цветы ириса.

2 *Скат* — карточная игра.

3 *Задача Кирквуда о школьницах* (в действительности — Киркмана) — комбинаторная задача, поставленная и решенная английским математиком Томасом Киркманом (1806—1895) в 1850 году. Изначально формулировалась следующим образом: 15 школьниц должны гулять ежедневно пятью группами по три в каждой группе; необходимо так составить расписание прогулок, чтобы каждая школьница в течение семи дней смогла точно один раз попасть в одну группу с каждой из остальных. В обобщенном виде эта задача имеет решение для любого n школьниц, кратного 3.

4 *Числа Мерсенна* — числа вида $Mn = 2n - 1$, где n — натуральное число. Названы в честь французского математика Марена Мерсенна (1588—1648).

5 *Великая теорема Ферма* — теорема, предложенная французским математиком Пьером Ферма (1601—1665) в 1637 году и окончательно доказанная лишь в 1995 году английским математиком Эндрю Уайлсом (р. 1953). Формулируется следующим образом: для любого натурального числа $n > 2$ уравнение $an + bn = cn$ не имеет натуральных решений a, b и c.

$18 = 4 \times 4{,}4 + (,4)$
$38 = I4 + ,4/4 + 4$
$106 = |4 + 4{,}4/4$
$128 = 44 \div 4 - \sqrt{4}$

Так мы дошли примерно до 170, пропустив только число 113, а затем — до 300 или около того, лишь с несколькими пропусками. Позже я одолел и 113 с помощью Брата ΨPsi[1] и субфакториала, который Эккенштейн не признал бы за честный символ.

Интересовался он и головоломками с использованием различных предметов. Одну из них стоит упомянуть. Какой-то бродячий фокусник в Майсоре продал ему целый набор приспособлений для разных трюков, более или менее изобретательных. Одно из них состояло всего из двух деревяшек: планки с дыркой и дощечки, вырезанной в форме гантели, слишком широкой на концах, чтобы пройти в дырку. Однако Эккенштейн готов был поклясться, что этот фокусник у него на глазах каким-то чудом молниеносно разнял эти дощечки, а затем снова вставил одну в другую и в таком виде отдал ему, после чего разделить их уже не удалось. Эккенштейн самым тщательным образом исследовал поверхность обеих дощечек, предположив, что они не цельные, но так и не обнаружил никаких швов или стыков. Сам я этой игрушки не видел — Эккенштейн отослал ее У.У. Роуз-Боллу[2], большому знатоку таких штуковин; однако этой загадки не разгадал и он.

Естественно, нас обоих всегда занимали любые проблемы, связанные с разработкой сложных маршрутов, и здесь Эккенштейн из-за своей кристальной честности однажды пал жертвой бессовестного проходимца. Это шайтаново отродье предстало ему в обличье одного доброго старого друга и вопросило: «Возможно ли попасть из точки Q в точку P (разумея под ними два определенных места в Лондоне), не миновав по дороге ни одного паба?» Эккенштейн тут же принялся изучать

---

1 *Брат* Ψ (Пси) — Джордж Джеральд Рэй-Фрэзер (1888—1974), бухгалтер по профессии, впоследствии ставший военным летчиком. Рэй-Фрэзер вступил в А.·.А.·. в 1910 году, приняв девиз «Je suis prest» (фр. «Я готов»), и к 1918-му достиг степени 3°=8°. В «Liber 500 (Сефер сефирот)» Кроули выражает ему благодарность за участие в разработке специальной конструкции пишущей машинки и за множество математических дополнений к книге.

2 *Роуз-Болл* — см. примеч. 2 на стр. 139.

эту проблему на практике и после долгих скитаний обнаружил кружный путь, удовлетворявший условию. В ответ на радостное известие друг заявил: «Хорошо же! Тогда вот вам еще одна задачка. Возможно ли добраться отсюда, где мы сейчас находимся, до "Подковы" на Тоттнем-корт-роуд[1], не миновав по дороге ни одного паба?» Уж и не знаю, сколько пар альпийских ботинок Эккенштейн стоптал в попытках найти решение, прежде чем спросил друга: «Ну так что, возможно это?» Тот подтвердил телеграммой, что да. Стерев до дыр еще несколько пар ботинок, Эккенштейн, наконец, сдался и пришел к другу за ответом. «Нет ничего проще! — заявил этот зловредный обманщик. — Не надо *миновать* пабы — просто заходите в них!»

(Психолог заметит, что последний издевательский розыгрыш удался лишь потому, что предыдущая задача была настоящей, сложной и интересной.)

Одним из любимых развлечений Эккенштейна было подсчитывать, возможны ли в реальности те или иные явления, описанные в книгах. Например, в романе «Она» фигурирует «шатающийся камень», данных о котором приводится вполне достаточно, чтобы специалист смог сказать, может ли такое скальное образование существовать в природе[2]. Эккенштейн пришел к выводу, что такое возможно, но только при условии, что камень имеет форму перевернутого конуса, балансирующего на собственной вершине.

Думаю, всякий способ навигации сопряжен со своими особыми опасностями. Как-то раз Эккенштейн рассказал мне об одном приключении, которое они пережили вместе с Легро[3]. Казалось бы, что плохого может случиться с баркой, стоящей в доке на Темзе, если только рядом не причалит какой-нибудь миноносец и случайно не протаранит ее своим торпед-

---

1 *«Подкова»* — широко известный в то время (ныне закрывшийся) паб на Тоттнем-корт-роуд, в центре Лондона.

2 *«Она»* (1887) — фантастический роман Генри Райдера Хаггарда (1856—1925). *«Шатающийся камень»* описан в романе так: «При ярком солнечном свете мы разглядели то, что находилось перед нами. В двенадцати ярдах от камня, на котором мы лежали, виднелся конус, напоминавший формой сахарную голову. На вершине этого конуса лежала какая-то огромная масса, похожая на льдину. Этой массой был гигантский камень скалы, качавшийся на краю конуса. При ярком свете мы ясно увидели, как он двигался под порывами ветра» (рус. пер. В.Н. Карпинской).

3 *Легро* — см. примеч. 1 на стр. 194.

ным аппаратом? Но это впечатление обманчиво. Эккенштейн и Легро столкнулись с судном такой конструкции впервые, а между тем эту плясунью на волнах следовало срочно обуздать, чтобы обследовать причал, нуждавшийся в каком-то мелком ремонте. Эта милая малютка водоизмещением сто двадцать тонн звалась «Бетси-Энн».

На борт они поднялись без труда, но заставить барку сдвинуться с места оказалось сложнее. Толпившиеся на берегу славные соотечественники Кука, Дрейка и Нельсона не полезли в карман за мудрыми советами, выраженными весьма прямолинейно и изобретательно. Выслушав советчиков, Эккенштейн и Легро уяснили, что нужно взять шесты и ходить с ними взад-вперед по широкому планширу. Барка действительно была тяжела на подъем, но они быстро раскачали ее и дело пошло на лад. Они воодушевились и принялись уже носиться по планширу бегом со своими шестами, хохоча и подбадривая друг друга. Не без гордости заметив, что толпа — о чем свидетельствовали доносившиеся с берега громкие возгласы — по достоинству оценила их ловкое обхождение с этой неуклюжей посудиной, они удвоили усилия, и барка пошла живее — уже со скоростью не менее двух миль в час[1]. Но тут чуткое ухо Эккенштейна уловило намек на то, что крики с берега на деле могут оказаться отнюдь не изъявлениями беспримесного восторга, как ему показалось вначале. Он прислушался внимательнее, и в общем хоре голосов ему почудились и грубые насмешки, и предостерегающие вопли, а в конце одной цепочки необыкновенно выразительных эпитетов прозвучало слово, подозрительно похожее на «Дурак!» В этот момент Легро остановился, коротко и внятно произнес: «Черт!» — указал на причал, который, как было сказано выше, до сих пор нуждался в некотором мелком ремонте. До него оставалось уже не более пятидесяти ярдов[2], и это расстояние барка стремительно сокращала с решимостью, достойной разъяренного слона. Приятели осознали опасность и закричали: «Что делать?» Суть ответов, последовавших с берега, сводилась к одному: «Прыгать за борт!» Разумеется, остановить или хотя бы развернуть «Бетси-Энн» не стои-

1 «*...не менее двух миль в час*» — около 3,2 км/ч.

2 «*...пятидесяти ярдов*» — около 45 м.

ло и пытаться. Так что они прыгнули, а миг спустя услышали оглушительный грохот и едва не были погребены под грудами досок. «Ну что ж, — заметил Эккенштейн, пока они ехали домой переодеться в чистое, — как бы то ни было, мы сегодня неплохо поработали. Мелкого ремонта этому причалу уже точно не понадобится». И действительно, причал и «Бетси-Энн» обеспечили всю округу на ближайший год-другой древесиной для спичек. Не хватает только нового Каупера, который воспел бы подвиг этих водоплавающих Джонов Джилпинов[1] в своих бессмертных стихах!

19

С нами в горы ходили еще один-два человека, среди которых особо следует отметить Пэйли Гарднера, приехавшего в Уосдейл на Пасху 1898-го вместе с Эккенштейном. Он был невероятно силен, но научить его взбираться даже на самые простые скалы оказалось невозможно. Он все время тащил гору вниз вместо того, чтобы карабкаться по ней наверх! Тем не менее, сыскать лучшего товарища и спутника было бы непросто, а вдобавок он вел необыкновенную жизнь, о которой поначалу почти ничего не рассказывал, поскольку вообще был молчалив и застенчив. Однако в лагере у него немного развязался язык, и по меньшей мере два из его приключений показались мне настолько замечательными, что я чувствую своим долгом спасти их от забвения.

Деньги у Пэйли водились, но однажды он остался без средств в Сиднее, а телеграфировать о денежном переводе ему было неохота. Один знакомый предложил ему заняться торговлей между островами. Они разжились шхуной, командой и кое-каким товаром, пустились в путь, распродали товар и повернули домой. Но тут на корабле разразилась эпидемия оспы, и все до единого умерли — кроме Пэйли, который собственноручно довел шхуну до Сиднея, проведя на борту в одиночестве целых семь дней.

---

1 *Каупер*, Уильям (1731—1800) — английский поэт, автор известной комической баллады «Увлекательная история *Джона Джилпина*», главный герой которой, торговец полотном, не смог удержать чересчур резвую лошадь и та унесла его за десять миль от места назначения.

В другой раз он очутился в Лиме в разгар какого-то сражения, если можно назвать сражением ситуацию, когда каждый стреляет во всех без разбору — просто из принципа. Пэйли, будучи по натуре человеком мирным, занял высоту чуть поодаль от театра военных действий и приготовился палить в любого, кто подойдет слишком близко и поведет себя недружелюбно. Однако первым, кто к нему подошел, оказался какой-то англичанин. Признав друг в друге соотечественников, они принялись разрабатывать план спасения.

Новый знакомец Пэйли, врач, не первый год живший в Южной Америке, сказал, что если им только удастся пересечь довольно обширную местность, населенную особо злобными индейскими племенами, и перевалить через Анды, то они доберутся до верховий Амазонки, откуда на каноэ можно будет доплыть до Иквитоса[1], а там уже беспокоиться будет не о чем, поскольку среди друзей этого врача числился тамошний дон такой-то, влиятельный министр или какой-то другой высокопоставленный чиновник. Пэйли поддержал этот безумный план, и они воплотили его в жизнь, претерпев по дороге бесчисленное множество приключений. Прибыв в Иквитос в лохмотьях и без гроша, но в твердой надежде на помощь министра, они обратились к местным властям — и тут обнаружилось, что этого министра несколько дней назад повесили и что каждого, кто был с ним знаком, готовы избавить от всех житейских неприятностей таким же способом.

Так эти двое англичан угодили в тюрьму, но сумели бежать и пешком двинулись дальше по берегу реки. За ними пустились в погоню; преследователи уже наступали им на пятки, но в последний момент беглецам удалось угнать рыболовное суденышко, на котором они доплыли до Атлантического океана. Через несколько дней, когда они уже умирали от голода, им повстречался английский пароход, шедший в Ливерпуль. Капитан подобрал их и благополучно доставил домой.

Из-за непогоды о серьезных восхождениях пришлось забыть, но зато я узнал немало полезного о жизни в высокогорном лагере, научившись всякой всячине — от организации транспорта до приготовления пищи; кстати сказать, если я когда-нибудь и стану по-настоящему знаменит, то причиной тому

1 *Иквитос* — крупнейший город района тропических лесов в Перу.

почти наверняка будет мой «ледниковый карри». Было очень забавно наблюдать, как мои спутники, эти сильные люди, привыкшие ко всевозможным тяготам и опасностям, после одной ложки моего варева выскакивают из палатки как угорелые и, плюхнувшись в снег, начинают лакать его языком, словно бешеные собаки. Однако это не мешало им признавать, что карри удался на славу, и я непременно попытался бы внедрить это блюдо в лондонские рестораны, если бы только они стояли на леднике. Но быть может, еще не все потеряно: в Лондоне тоже бывают сильные снегопады...

Незадолго до того мне подвернулась под руку «Разоблаченная каббала» С.Л. Мазерса[1]. Я не понял из нее ни слова, но тем более она меня очаровала, и на леднике я неустанно ее изучал. Тем летом мне нездоровилось, и в конце концов пришлось спуститься в Церматт на отдых. Как-то вечером в тамошней пивной я принялся излагать законы алхимии, в которой не понимал ровным счетом ничего. Эта тема позволяла распустить перья, не опасаясь, что кто-то уличит меня в невежестве; и полагал, что поразил местную публику до глубины души своей обширной ученостью. Но судьба моя не дремала. Одним из моих слушателей оказался некто Джулиан Л. Бейкер[2], химик-аналитик. Когда все стали расходиться по домам, он пошел проводить меня до гостиницы. Он был настоящим практикующим алхимиком — не уверен, что мне удалось одурачить и его своей сорочьей болтовней. Возможно, он просто решил, что мальчишка, пусть даже такой тщеславный и глупый,

---

1 *«Разоблаченная каббала»* — первый английский перевод трех трактатов из каббалистической книги «Зогар» («Сифра Дцениута» [«Книга Сокровенной Тайны»], «Идра Рабба Кадиша» [«Великое Святое Собрание»] и «Идра Зута Кадиша» [«Малое Святое Собрание»]), выполненный С.Л. Мазерсом (см. примеч. 4 на стр. 42) на основе одноименного латинского издания (1677—1678) немецкого алхимика, мистика, гебраиста, христианского каббалиста и переводчика Христиана Кнорра фон Розенрота (1631 или 1636— 1698) и впервые опубликованный в 1888 году. Рус. пер. см.: *Разоблаченная каббала С.Л. Макгрегора Мазерса*. М.: Энигма, 2009.

2 *Бейкер*, Джулиан Леветт (183—1958) — английский химик, известный рядом открытий в области пивоварения, автор множества научных статей и книги «Пивоваренная промышленность» (1905), редактор специализированных изданий «Аналитик» (1906—1920) и «Журнал института пивоварения» (1920—1949). В 1898 году, на момент знакомства с Кроули, работал в Ассоциации по производству свекловичного сахара. Наряду с химией, серьезно изучал алхимию и другие оккультные науки; с 10 марта 1896 года состоял в Герметическом ордене Золотой Зари под девизом «Causa Scientiae» (лат. «Ради знания»).

все-таки может испытывать к алхимии неподдельный интерес, если уж дал себе труд прочесть несколько книг по этому предмету. Так или иначе, он отнесся ко мне серьезно. Сам он к тому времени добился в алхимии выдающихся успехов. Среди прочего, ему удалось изготовить «фиксированную ртуть», то есть получить некую форму чистой ртути, которая оставалась твердой при комнатной температуре.

Что до меня, то я не сплоховал. Я почувствовал, что мне наконец подвернулась долгожданная возможность. На весенних каникулах того года в Уосдейл-Хэд я отчаянно воззвал о ниспослании Учителя; и вот мне явился человек, который мог оказаться искомым Учителем или свести меня с таковым. То, что встрече с ним я был обязан отчасти пошатнувшемуся здоровью, а отчасти — дурацкому тщеславию, поразило меня: простым совпадением это быть не могло. За ночь я решил, что наутро разыщу Бейкера и прямо задам ему непростой вопрос, лежавший у меня на сердце.

И вот наступило утро. За завтраком я осведомился о Бейкере и узнал, что тот уехал из гостиницы; куда именно он направился, никто не знал. Я разослал телеграммы по всей долине и выяснил, что он остановился в Горнерграте[1]. Я поспешил ему вдогонку, но его там уже не оказалось. Я ринулся обратно. Я охотился за ним по всем гостиницам и железнодорожным станциям, но тщетно. Наконец, мне сообщили, что какой-то англичанин, соответствующий описанию, только что отправился пешком через долину в направлении Брига. Я опрометью бросился следом, и на сей раз мои усилия не пропали втуне. Нагнав Бейкера милях в десяти от Церматта, я поведал ему о своих поисках Тайного Святилища и убедил его в своей совершенной искренности. Бейкер намекнул, что ему известно некое Собрание[2], которое может оказаться именно тем, что я ищу. Также он упомянул о Причастии, состоявшем из четырех,

---

1 *Горнерграт* — см. примеч. 5 на стр. 169.

2 *«...некое Собрание»* — Герметический орден Золотой Зари, магический орден, основанный в 1888 году в Лондоне У.У. Уэсткоттом, У.Р. Вудманом и С.Л. Мазерсом. Подробнее см.: Эллик Хоув. *Маги Золотой Зари*. М.: Энигма, 2008; И. Регарди. *Полная система магии Золотой Зари*. В 2-х тт. М.: Энигма, 2011.

а не из двух элементов[1]. Я не понял, что это значит, но почувствовал, что стою на верном пути, и добился от Бейкера обещания о встрече по возвращении в Лондон. «Я познакомлю вас с одним человеком, который куда более достоин именоваться магом, чем я», — добавил он.

Коротко говоря, он сдержал свое слово. Тайное Собрание обрело плоть в виде «Герметического ордена G∴D∴[2]», а обещанный маг — в лице Джорджа Сесила Джонса[3].

На протяжении лета погода неуклонно ухудшалась, а вместе с ней — и мое самочувствие. В конце концов мне пришлось оставить лагерь и отправиться в Лондон к врачам. Я снял номер в какой-то лондонской гостинице, занялся лечением и погрузился в сочинение стихов. Основным моим произведением того периода стала пьеса «Иеффай»[4]. Она превзошла все более ранние мои работы по масштабности замысла; еще одно ее примечательное достоинство заключалось в том, что в работе над нею я впервые осознал возможность объективного представления темы. До того мои стихи оставались более или менее удачными попытками самовыражения; и лишь очень немногие из моих персонажей поднимались выше фрейдистских фантазий, то есть проекций моего собственного «я», каким я воображал его или желал бы видеть в будущем, или же образов женщин, которых я мечтал любить. Под словом «любить» здесь едва ли следует понимать нечто большее, чем «обрести себя при помощи» той или иной женщины. Но в «Иеффае», при всех его недостатках, я впервые проявил настоящий интерес к другим людям. Персонажи этой пьесы не до конца испорчены автопортретностью, а древнееврейская легенда, легшая в основу сюжета, передана достаточно точно, — я лишь слегка дополнил ее каббалистическими идеями.

---

1 *«...о Причастии, состоявшем из четырех, а не из двух элементов»*: в отличие от традиционного христианского причастия хлебом и вином, в ордене Золотой Зари практиковалось причастие символами четырех стихий: ароматом розы (Воздух), теплом огня (Огня), хлебом и солью (Земля) и вином (Вода).

2 *G∴D∴* — аббревиатура от англ. «Golden Dawn» («Золотая Заря»).

3 *Джонс*, Джордж Сесил (1873—1960) — английский химик, специалист по химическим технологиям, член Химического общества и Общества химической промышленности, автор ряда статей, публиковавшихся в специализированных журналах. С июля 1895 года состоял в Герметическом ордене Золотой Зари под девизом «Volo Noscere» (лат. «Я желаю знать»).

4 *«Иеффай»* — см. стр. 299.

Данью моему литературному кумиру стало прочувствованное посвящение Суинберну. Эта пьеса наряду с другими стихотворениями и поэмами была опубликована в 1899 году в сборнике под названием «Мистерии, лирические и драматические». Поверхностные критики поспешили сделать вывод, что стиль мой определяется влиянием Суинберна, однако, перечитывая этот сборник, я не нахожу сколько-нибудь серьезных оснований для подобного обвинения. Найдется немало других авторов, заслуживающих его в гораздо большей степени, чем я. Впрочем, английская критика вообще устроена незамысловато: всякого нового поэта, не вполне лишенного чувства ритма, объявляют подражателем Суинберна, а всякого, кто продемонстрировал хоть какую-то способность к размышлениям, — подражателем Браунинга.

В связи с этим сборником припоминается одно занятное происшествие. Однажды вечером, с пронумерованными гранками в кармане, я заглянул в гости к У.Б. Йейтсу[5]. О его работах я всегда был невысокого мнения; мне казалось, им недостает мужественности. Развернутую критику на сей счет я впоследствии дал в «Эквиноксе» (том I, №2, стр. 307[6]). Но тогда я был бы рад услышать доброе слово от старшего собрата по перу. Я показал ему гранки; он их пролистал и выдавил из себя несколько вежливых фраз из тех, что принято произносить в подобных случаях; но я понял, что за этим стояло на самом деле.

---

5 *Йейтс*, Уильям Батлер (1865—1939) — ирландский поэт-символист, драматург и критик, визионер и мистик, вдохновитель культурного движения «Кельтское возрождение»; один из крупнейших поэтов XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года. В ордене Золотой Зари состоял в 1890—1922 гг. под девизом «Daemon est Deus Inverus» (лат. «Демон — обратная сторона Бога», древний герметический афоризм, позднее принятый каббалистами). Йейтс и Кроули питали друг к другу взаимную неприязнь, усугубившуюся в результате конфликта между Кроули и большинством членов лондонского храма G.·.D.·. в 1900 году.

6 Ошибочная ссылка. Возможно, имеется в виду статья «Тушеные сливы и призма: столетие Теннисона», опубликованная в указанном номере «Эквинокса» на стр. 393—397, в которой речь идет, однако, не о Йейтсе лично, а в целом о той разновидности поэзии, которую Кроули считал «выхолощенной», «бескровной и пустой». Кроме того, в первом номере «Эквинокса» (1909) был опубликован художественный рассказ Кроули «На распутье дорог», в котором Йейтс выведен под именем «Уилла Бьюта» — «виршеплета, который к тому же балуется магией; его сердчишко источено черной завистью к одному человеку, ибо тот моложе его и пишет стихи гораздо лучше». Впоследствии столь же нелицеприятно Йейтс (под именем «Гейтс») был изображен в романе Кроули «Лунное дитя» (1917).

К тому времени я уже изрядно поднаторел в ясновидении, яснослышании и ясночувствовании. Но даже и без них только совершеннейший простачок не распознал бы черную, желчную ярость, сотрясшую моего визави до мозга костей. С моей точки зрения, это доказывает, что в душе Йейтс был настоящим поэтом, потому что шарлатан на его месте не испугался бы соперника. Он же был глубоко оскорблен сознанием моего неизмеримого превосходства.

Ни он, ни Джордж Мур[1] никогда мне не нравились. Меня всегда тошнило от манерности, а это их так называемое Кельтское возрождение было жеманным и позерским, как настоящая Плимутская братия от литературы. Незнание ирландского они объявили непростительным грехом, хотя сами не могли связать и двух слов по-ирландски; и все их сентиментальные разглагольствования разве что ненадолго гальванизировали политический, этнологический и литературный труп ирландской нации. С Ирландией обошлись дурно, и всем нам это известно; но единственный путь к спасению заключался для нее в том, чтобы отринуть и забыть весь свой вздор. Что толку насаждать провинциализм, что толку возрождать варварский и гротескный язык, такой же мертвый, как готский, и не создавший литературы, способной заинтересовать хоть кого-нибудь, кроме горстки ученых затворников, — и все это ценой отсечения Ирландии от основного русла цивилизации? Эта несчастная страна и так уже погрузилась в трясину анархии. Когда все килкенийские коты[2] наконец перестреляют друг друга из-за заборов, обезлюдевший остров неизбежно перейдет в руки более практичных переселенцев, которые смогут мирно уживаться вместе и общаться с миром на каком-нибудь живом языке.

Подобно Байрону, Шелли, Суинберну и Теннисону, я покинул университет, не получив степени. Так оно было

---

1 *Мур*, Джордж Огастес (1852—1933) — ирландский писатель, поэт, автор романов и рассказов, критик искусства, мемуарист и драматург. Следовал натуралистической школе, испытал значительное влияние французских реалистов и, прежде всего, Эмиля Золя; в свою очередь оказал влияние на Джеймса Джойса. В 1901 году недолгое время сотрудничал с У.Б. Йейтсом в работе по созданию ирландского национального театра и написал в соавторстве с ним пьесу «Диармайд и Грайне» по мотивам ирландских саг.

2 *Килкенийские коты* — т.е., заклятые враги; поговорка, происходящая от сказки о двух котах из ирландского города Килкенни, которые дрались до тех пор, пока от обоих не остались только хвосты.

лучше: я не принял от Кембриджа почестей, но сам оказал ему немалую честь.

Мне нужна была не степень, а только дух университета, и экзамены я сдавал лишь для того, чтобы впитывать его и дальше без помех со стороны руководства. Но я не видел ни малейшего смысла отдавать пятнадцать гиней за привилегию носить длинную черную мантию, куда более неуклюжую, чем короткая синяя, а уж тем более — платить тринадцать шиллингов четыре пенса (вместо шести шиллингов восьми пенсов), если меня застукают в ней за курением. Податься в пасторы или школьные учителя я не собирался, а приписывать всякий раз «B.A.»[1] после своей фамилии означало лишь попусту тратить чернила.

Я чувствовал, что мой жизненный путь уже предопределен. В том, что касалось внешнего образа жизни, моим героем был сэр Ричард Бёртон, а современной его ипостасью — Эккенштейн. Едва ли звание бакалавра чем-то помогло бы мне в Гималаях или в Сахаре. Для литератора академическая степень была бы позором. А уж с точки зрения духовной жизни, к которой я уже тогда чувствовал глубочайшую предрасположенность, факультетское свидетельство не стоило даже презрения. Я всегда старался избегать откровенного бесчестья. Не вижу смысла в том, чтобы попирать условности или, тем паче, нарушать закон. Ничего, кроме лишних неприятностей, это не приносит.

Кроме того, невозможно добиться чего-то важного при помощи учреждений, штампующих лорд-канцлеров, архиепископов, адмиралов и прочие цветы тщеты. Кембридж дал мне именно то, в чем я нуждался: умственную и нравственную свободу, предприимчивость и способность полагаться на свои силы, а также, самое главное, непередаваемый дух университета. Разница между Кембриджем и Оксфордом — в том, что первый делает человека равным любому из ныне живущих, второй же оставляет его в незавидном положении на пьедестале, с которого приходится смотреть на всех свысока.

1 *B.A.* — аббревиатура от «Bachelor of Arts» (англ. «бакалавр искусств»).

О различиях между Оксфордом и Кембриджем

Размышляя об Оксфорде и Кембридже, начинаешь отчетливо понимать одно из важнейших свойств английского характера. Выразить это свойство в словах было бы весьма нелегко, но свидетельства его неоспоримы. Поверхностное сходство между двумя этими университетами бросается в глаза, но глубоко в духе между ними «утверждена великая пропасть»[1]. Иное дело Америка, где даже огромный опыт не поможет с первого взгляда различить выпускников четырех главных университетов, а в большинстве случаев — даже заметить какое бы то ни было влияние университетской подготовки вообще. Но принять выпускника Оксфорда за выходца из Кембриджа невозможно, да и наоборот случается крайне редко.

Предполагаю (и надеюсь, что мое предположение вызвано не слепотой сыновней любви), что основное различие объясняется большей свободой, царящей в более знаменитом из двух этих университетов. Оксфорд слишком целенаправленно стремится выковывать людей определенного типа, и даже внушенное им чувство превосходства над другими людьми в конце концов превращается в ограничение. В Кембридже амбиции и устремления студента гораздо менее определенны и более широки. Не случайно Кембридж вытерпел и Мильтона, и Байрона, и Теннисона, и меня, не поведя и бровью, тогда как Оксфорд совершенно предсказуемо вышвырнул Шелли и Суинберна. И, per contra[2], он вполне подошел Уолтеру Пейтеру[3] и Оскару Уайльду. Если бы они учились в Кембридже, из них бы живо повыбили всю дурь. Здесь успех или поражение зависели бы для них всецело от их собственных достоинств, тогда как оксфордская атмосфера и обычаи чересчур бережно защищали их от грубых нападок и критики.

В пользу того, что я прав, говорят и особенности отношений между студентами и профессорами. В Кембридже мы пребываем in statu pupillari[4], тогда как питомец Оксфорда на-

1 *«...утверждена великая пропасть»*: Лк. 16:26.

2 *«Per contra»* — «напротив, наоборот» (лат.).

3 *Пейтер*, Уолтер (1839—1894) — английский искусствовед и эссеист, главный идеолог эстетизма.

4 *«In statu pupillari»* — «на положении учеников» (лат.).

ходится, скорее, in statu quo pupillari[1]. Его учат, воспитывают и, если приходится, натаскивают уважать авторитет. Студенту Кембриджа и в голову не придет ссылаться на авторитеты в ходе дискуссии. Он, конечно, может упомянуть кого-нибудь из великих, придерживавшихся той же точки зрения, что и он, но только при условии, что будет готов поддержать свою позицию тяжелой артиллерией по-настоящему веских доказательств. Для нас, в отличие от оксфордцев, всякая слава преходяща. Дух критицизма не дремлет.

Соответственно, и дисциплина в Оксфорде гораздо более строга, чем у нас. Мы склонны доверять здравому смыслу и доброй воле даже самого зеленого новичка. Наши доны никогда не беспокоятся по пустякам и могут вмешаться, только если веселье зайдет слишком далеко; и мы всегда оправдывали их доверие — по крайней мере, до последнего времени. За годы, истекшие со времени моей учебы, оба университета сдали позиции. До 1900 года веселье, способное смутить женскую часть студенческого состава, было бы немыслимо.

Тиранам, напротив, никогда не спится спокойно. Припоминаю, какая волна сочувствия прокатилась по Кембриджу, когда до нас дошли слухи, что оксфордское руководство, охваченное паникой перед какой-то предполагавшейся демонстрацией, пригласило из Лондона конную полицию. Наши доны скорее сами перерезали бы себе глотки, чем опустились бы до столь позорного поступка; мы же, со своей стороны, на месте оксфордских студентов сделали бы из этих полицейских котлеты.

В этом отношении контраст между университетами очень ярок. Историй, свидетельствующих о нем, не счесть, и проявляется он не только на уровне масс, но и в психологии отдельных студентов. Наши представления об идеальном проктере[2] в корне отличны от оксфордских. Когда я учился на втором курсе, один проктор поймал нарушителя, спрятавшись в темном проеме двери. Слухи об этом быстро разошлись среди студентов, и через неделю позорник получил по заслугам. Грязную собаку искупали в Кэме. Никого из мстителей не исключили — зато

1 *«In statu quo pupillari»* — здесь: «на положении вечных студентов» (лат.).

2 *Проктор* — здесь: надзиратель за студентами.

проктору пришлось сложить с себя обязанности. Подобное поведение было практически беспрецедентным.

А вот типичный случай. Территория Даунинг-колледжа[1] обнесена длинной, но невысокой стеной. Как-то раз, темной ночью, с проходившего мимо проктора сорвало ветром шляпу и унесло на ту сторону. Сторожа перелезли через стену и принесли шляпу, а заодно прихватили и чрезвычайно смущенного студента, которого застали в неподобающей, с точки зрения университетского устава, компании. Но проктор только поблагодарил сторожей за спасение шляпы, а перед студентом извинился за беспокойство. Воспользоваться подобной случайностью было бы ниже его достоинства.

В другом весьма поучительном эпизоде фигурирует блестящий шекспировед и лектор Луис Амфревилль Уилкинсон[2]. Однажды летним вечером он вернулся в свой оксфордский колледж слегка навеселе. Некоторое время он блистал остроумием в общем зале, а затем направился в свои комнаты, продолжая на ходу начатую речь, в которой подробно и всесторонне рассматривались различные недостатки декана. И фортуна ему улыбнулась (как можно смело утверждать задним числом), ибо окно в кабинете декана оказалось открыто, и этот негодяй, к ужасу своему, услышал, что по меньшей мере один из его паствы ценит его преосвященство не столь высоко, как он сам. В результате он выдвинул против Уилкинсона формальное обвинение в богохульстве и, приложив все свое влияние, добился того, чтобы его обидчика исключили.

Уилкинсон пожал плечами, приехал к нам и был благополучно зачислен в Сент-Джонс[3]. Но за этим последовала почти невообразимая подлость: декан не отступился и продолжал мстить. Он написал куратору Уилкинсона длинное, злобное и гневное письмо, рассказав о происшествии в Оксфорде и потребовав — в выражениях, больше походивших даже на приказ,

---

1 *Даунинг-колледж* — один из колледжей Кембриджского университета.

2 *Уилкинсон*, Луис Амфревилль (1881—1966) — английский писатель, критик, мемуарист и лектор, более известный под литературным псевдонимом «Луис Марлоу». Был дружен с Алистером Кроули на протяжении сорока с лишним лет и оставил о нем мемуарный очерк (см.: Луис Уилкинсон. «Алистер Кроули». // *Легенда об Алистере Кроули*, указ. соч., стр. 308—328).

3 *Сент-Джонс*-колледж (Колледж Святого Иоанна) — один из колледжей Кембриджского университета.

чем на угрозу, — чтобы Уилкинсона выгнали и из Кембриджа. Куратор послал за обвиняемым:

— Здравствуйте, мистер Уилкинсон! Полагаю, вы знакомы с мистером таким-то?

— Да, сэр, имею честь его знать.

— Насколько я понял, это декан такого-то колледжа в Оксфорде.

— Именно так, сэр.

— Я получил от него письмо. Вот, будьте так добры, послушайте.

— Спасибо, сэр.

Куратор прочитал письмо вслух и безо всяких комментариев и вопросов медленно разорвал его на клочки и бросил в огонь.

— Надеюсь, вы сегодня присоединитесь к нам за завтраком?

— Да, сэр, спасибо.

— Доброго вам утра, мистер Уилкинсон.

— И вам доброго, сэр.

Признаться, оксфордский метод решения подобных проблем представляется мне ошибочным в двух отношениях. С одной стороны, со студентом обращаются как с безответственным младенцем, которого необходимо принуждать к приличному поведению, а с другой — наказывают его с чрезвычайной строгостью, которая подразумевает, что он — взрослый человек, полностью отвечающий за свои действия и сведущий во всех житейских делах. В результате развитие молодого человека останавливается, поскольку ему не дают возможности набираться опыта и, в то же время, карают за неопытность так, что из-за одной обычной ошибки может рухнуть вся жизнь. Навязывая узкий и негибкий свод правил, эта система ведет к атрофии нравственного чувства и, в то же время, поощряет моральную трусость и неспособность смотреть в лицо фактам действительности, которые не замедлят дать о себе знать, как только университетские условности останутся в прошлом.

В Кембридже, напротив, понимают, что, чем более человек опытен (в очень широких пределах), тем лучше он подготовлен к тому, чтобы пробить себе дорогу в жизни. Мы считаем за благо, чтобы люди сами открывали для себя опасности, таящиеся на пути, и сами платили положенную цену за безрассудство, поскольку оправиться от подобных ударов — сравнительно

проще. Лучше уж научиться падать до того, как кости станут слишком хрупкими.

Еще одно преимущество нашей идеи отношений между длинными и короткими мантиями — в том, что она позволяет, пусть даже ценой отказа от некоторых формальных знаков уважения, добиться более тесного общения в духе товарищества между старшими и младшими. Интеллектуальные преимущества такого подхода очевидны; но еще более ценны, пожалуй, преимущества нравственные. Слишком жесткая и резкая черта между учеником и учителем ограничивает обоих. Непонимание порождает недоверие, а недоверие — враждебность. Гораздо лучше, когда оба понимают, что интересуются одним и тем же и стремятся к одному и тому же.

Сам я осознал это довольно неожиданно — и тем более сильное впечатление это произвело. Однажды вечером началась обычная гулянка. Мы подняли шум, уж и не помню о чем, развели большой костер на рыночной площади и рассеялись по городу. Поначалу все шло довольно вяло, но ближе к ночи начались стычки с горожанами — по-моему, нам не нравилось, что они не хотят участвовать в общем веселье. То там, то сям завязывались потасовки, но до серьезных драк не доходило. Затем из-за табачной лавки — той самой, бэконовской, которую Калверли прославил в своей перехваленной оде[1], — вывалилась целая толпа горожан, оскорблявших мой слух своими воплями и бранью. Но меня это не касалось, и, к тому же, я не хотел опаздывать. Но только я сменил курс, чтобы избежать столкновения с толпой, как обнаружил, что это не просто ватага гуляк, а подкрепление, пришедшее на помощь полудюжине хулиганов, окруживших и методично избивавших одного из наших проктуров. Первым моим побуждением было позлорадствовать по поводу беды, постигшей моего естественного врага, ибо вплоть до той минуты нелепая застенчивость мешала мне понять, каковы в действительности мои отношения с университетскими властями. До сих пор я лишь робко присоединялся к традиционным студенческим насмешкам над профессурой, но тут, едва ли не опередив то первое побуждение, во мне проснулись

1 *Калверли*, Чарльз Стюарт (1831—1884) — английский поэт, прозванный «королем пародистов». Подразумевается его «Ода табаку», написанная в Кембридже в 1862 году; в ней упоминается табачная лавка *Бэкона*, стоявшая на площади Роуз-Кресчент.

более глубокие инстинкты. Я закричал, сзывая на подмогу немногих студентов, все еще слонявшихся по площади, и сам очертя голову ринулся спасать своего ненавистного тирана. Ему приходилось несладко; он уже едва успевал закрываться от града ударов, которые обрушили ему на голову эти трусливые скоты. Шляпы он уже лишился, мантия была разорвана в клочья. Со строжами, сопровождавшими его, обошлись еще того круче. Думаю, городское отребье ненавидело их как предателей, переметнувшихся на службу аристократам. Их уже повалили наземь и избивали сапогами. Нас было не больше дюжины, а противников наших — не менее сорока человек. Тем вечером я впервые в жизни столкнулся лицом к лицу с иррациональной и неуправляемой животной яростью толпы, в которой дикарские инстинкты решительно взяли верх над человеческим разумом и здравым смыслом каждого отдельного индивида.

Впоследствии мне суждено было не раз столкнуться с этим психологическим явлением в другой форме. Именно так реагируют люди всякий раз, когда кто-нибудь своими словами или поступками пробуждает в них отчаянный страх перед чем-то необычным и новым — страх, от природы свойственный всем, за редчайшими исключениями. Тогда же я впервые открыл для себя тот удивительный факт, что в подобных ситуациях чувство времени словно раздваивается: часть сознания, вовлеченная в наши действия, работает в бешеном темпе, а другая часть остается в стороне, отрешенно и невозмутимо наблюдая и анализируя. В результате цепочка мыслей, в нормальных обстоятельствах растянувшаяся бы на целый час, укладывается в несколько минут, да и те как будто тянутся медленнее обычного.

Городские драчуны, казалось, совершенно потеряли голову. Они не сознавали, что дело может кончиться убийством, — да, впрочем, им было все равно. И все-таки я не понимаю, почему нам удалось взять над ними верх, причем без особого труда. Оружия у нас не было, дисциплиной и не пахло. Каждый из нас был моложе и определенно слабее любого из наших противников; к тому же, в нас не было той силы, которую пробуждает в своих жертвах безрассудная ярость. Я долго ломал над этим голову и пришел к единственно возможному выводу: что бы там ни говорила наука, существует такой фактор,

как моральное превосходство — духовная сила, не зависящая ни от каких материальных или исчислимых обстоятельств.

Драка продолжалась минут двадцать и закончилась достаточно странно. Толпа поредела и подтаяла с боков, а те, кто сражался в первом ряду, осознали это одновременно — по причине, столь же необъяснимой, как и все, что творилось до этого. Опамятовавшись, они взяли руки в ноги и разбежались, как зайцы.

Домой я добрался только в полпервого ночи — и весь в синяках, что обнаружилось, как только я решил принять ванну. Вернувшись после полуночи, я тем самым нарушил правила, о чем должным образом донесли наверх. Я предстал перед куратором и объяснил, почему опоздал. Проктор, которого мы проводили до Крайст-колледжа, не записал наших имен, и оснований полагать, что он меня знает, у меня не было. Но куратор не стал задавать никаких вопросов. Он поверил мне на слово; фактически, он обошелся со мной как джентльмен — с джентльменом. А в Оксфорде подобное было бы невозможно.

20

Ничто не свидетельствует так наглядно о среднем уровне умственного развития человечества, как то, что оно способно поддаться, пусть даже мгновение, такой идиотской иллюзии, как «свобода воли», — ибо людей, располагающих достаточной свободой действий, чтобы наслаждаться ею в полной мере, в каждом поколении и в каждый данный момент, очевидно, насчитывается совсем немного. Одним из этих немногих был я. Покинув Кембридж, я понял, что больше не связан никакими узами. Я уже был Духом Одиночества в зародыше[1]. Я не был

1 *Дух Одиночества* — герой поэмы Перси Биши Шелли «Аластор, или дух одиночества» (1815). В предисловии к поэме сам Шелли описывает его так: «В поэме представлен юноша, отличающийся свежестью чувств и порывистостью дарований; воображение, воспламененное и очищенное общением с величием и совершенством во всех их проявлениях, уводит его к созерцанию вселенной. Он вволю пьет из источников знания, однако жажда не утихает. Великолепие и красота здешнего мира глубоко затрагивают систему его воззрений, являя неисчерпаемое разнообразие своих модификаций. Пока его желаниям продолжают открываться объекты, столь же бесконечные и безмерные, он весел, спокоен и владеет собой. Но приходит время, когда эти объекты перестают удовлетворять его. Его дух, наконец, внезапно пробужден и жаждет общения с разумом, ему подобным. Он воображает себе существо, которое он любит. Причастное умозрениям тончайшего и превосходнейшего, видение, в котором он олицетворяет свои собственные чаяния, сочетает все чудесное,

привязан даже к земле, поскольку мой отец был младшим сыном младшего сына. С другой стороны, я унаследовал большое состояние и мог распоряжаться им целиком и полностью по своему усмотрению. Никакие внешние обстоятельства ни к чему меня не принуждали. И, тем не менее, мой жизненный путь был абсолютно предопределен. Все события моей жизни, предшествовавшие тому моменту, могли бы дать исчерпывающие указания на то, что меня ждет впереди, — если бы, конечно, их удалось разумно истолковать. Я всей душой был страстно привязан к трем занятиям: альпинизму, поэзии и магии.

Когда я вернулся из Швейцарии в 1898-м, идти мне было некуда. Не видя причин обосновываться в каком-то определенном месте, я попросту снял номер в «Сесиле», который в те давние времена был первоклассным отелем[1], и занялся, с одной стороны, сочинением стихов, а с другой — исследованием открывшихся мне намеков на магический путь. «Иеффай» и большинство других стихотворений, вошедших в этот сборник, были написаны примерно в тот период. Я временно угодил в тихую заводь и, казалось, не живу, а просто убиваю время. Без сомнения, именно поэтому я был готов унестись вместе с первым попавшимся потоком. И поток не заставил себя долго ждать.

Я много раз встречался и беседовал с Джулианом Бейкером, а тот сдержал обещание познакомить меня с человеком,

---

мудрое или прекрасное, что может представить себе поэт, философ или влюбленный. Интеллектуальные данные, воображение, издержки чувствительности не лишены известных притязаний на взаимность соответствующих способностей в других человеческих существах. Поэт представлен соединяющим эти притязания и относящим их к единственному образу. Он тщетно ищет прообраз воображаемого. Сокрушенный разочарованием, он сходит в безвременную могилу» (рус. пер. В. Микушевича).

Кроули отчасти отождествлял себя с этим персонажем, о чем свидетельствует первоначальное заглавие его «Исповеди» — «Дух Одиночества». В комментарии к стиху III:3 «Книги Закона» он пишет: «По-гречески "Бог Возмездия" — Ο ΑΛΑΣΤΩΡ, Алистер. По каким-то причинам, выяснить которые мне не удалось, в учении раввинов этот бог превратился в демона пустыни Аластора, а впоследствии Шелли дал это имя своему «Духу Одиночества». Соответствие между именем и функцией вполне уместно, ибо имя, по всей видимости, восходит к слову ΑΛΑΟΜΑΙ, «я скитаюсь». Идея Движения ужасает буржуа до глубины души, поэтому любой скиталец с его точки зрения «проклят». Но, *me judice* ["с моей точки зрения" (лат.)], осесть на одном месте — значит, отречься от героического духа и обречь свой ум на застой. Я не стремлюсь ни устроиться поуютнее, ни даже просто продлить себе жизнь; мне хочется странствовать, постоянно переходя из галактики в галактику, из воплощения в воплощение. Такова моя личная сокровенная Воля».

1 *«Сесил»* — роскошный лондонский отель, построенный в 1890—1896 гг. и расположенный между набережной Темзы и Стрэндом.

«который куда более достоин именоваться магом, чем он». Этим магом оказался Джордж Сесил Джон, валлиец с огненным, но неустойчивым темпераментом, сын самоубийцы, разительно похожий на Иисуса Христа, каким тот предстает на многих традиционных изображениях. Душа его была пылкой и, в то же время, утонченной. Он обладал обширными познаниями в магии и мог подходить к этому предмету научно, так как по профессии был химиком-аналитиком. Убедившись, что Джонс понял мои намерения, я тотчас отправился в Бейсингсток[1], где он жил, и, фактически, принялся ходить за ним по пятам и заглядывать ему в рот. И вскоре я со всей определенностью осознал, в какой области лежит мое предназначение. Старинные магические ритуалы в большинстве своем либо преднамеренно запутанны до полной непонятности, либо действительно пусты и бессмысленны. <Некоторые из них, несомненно, представляют собой пережитки тех или иных форм природной религии, но большинство лишь ставят католические или иудейские обычаи на службу желаниям, вожделениям, завистям, ревностям и животным инстинктам самых невежественных и примитивных крестьян.> А те немногие из них, которые все же просты и действенны, годятся, как правило, не столько для образованных людей с серьезными намерениями, сколько для тружеников сельского хозяйства, страдающих от безответной любви. Но из этого правила есть одно удивительное исключение, а именно — «Книга Священной Магии Абрамелина-мага»[2].

Стиль этой книги возвышен, а содержание — абсолютно ясно и понятно. Она не требует ни проработки мельчайших деталей ритуала, ни даже обычных расчетов. В ней нет ничего такого, что оскорбляло бы разум и здравый смысл. Напротив, описанная в этой книге операция величественна и проста. То же самое можно сказать и о способе ее проведения. Следовать некоторым предписаниям, разумеется, необходимо, но на деле они сводятся, фактически, к требованию соблюдать порядочность, подобающую при исполнении столь благородной операции. Следует обзавестись домом и защитить его должным образом от вторжений; но затем единственное,

1 *Бейсингсток* — город на северо-востоке Гемпшира, в 77 км к юго-западу от Лондона.

2 *«Книга Священной Магии Абрамелина-мага»* — см. примеч. 1 на стр. 35.

что нужно делать, — это в течение шести месяцев стремиться со всевозрастающим пылом и сосредоточенностью к достижению Познания и Собеседования со Священным Ангелом-Хранителем. Когда же Он предстанет перед соискателем, необходимо, во-первых, призвать Четверых Великих Князей Зла Мира Сего, затем — восьмерых подчиненных им князей и, наконец, их служителей, коих насчитывается триста шестнадцать. Силами этих духов зарядятся подготовленные заранее талисманы. В дальнейшем, применив подходящий талисман, можно будет получить практически все, чего вы пожелаете.

Нельзя отрицать, что совмещение подобных задач с призыванием Священного Ангела-Хранителя ощутимо подрывает величие и нарушает философскую безупречность этой книги. Я бы предпочел обойтись без них. Однако они включены в операцию не без причины. Всякий, кто вступает в новый мир, должен принять все его условия. Бесспорно, эта иерархия духов зла кажется до некоторой степени антинаучной. Очень трудно объяснить, что мы имеем в виду, когда говорим, что вызываем Паймона[1]; но если зайти чуть глубже, то же соображение будет верным и применительно к мистеру Смиту, живущему в соседней квартире. Мы не знаем, кто такой мистер Смит, каково его место в природе и как объяснить его существование. Мы даже не можем быть уверены, что он действительно существует. Но на практике мы просто зовем Смита по имени — и он приходит. Воспользовавшись подобающими средствами, мы можем побудить его делать для нас то, что сообразно его натуре и способностям. Следовательно, все это — вопрос сугубо практический; и если подойти к нему именно так, мы не найдем никаких причин спорить с традиционной номенклатурой.

Впрочем, тогда я даже не пытался подыскивать трансцендентальным теориям подобные оправдания. Я просто брал все как есть и подвергал экспериментальной проверке. И никаких оснований усомниться в реальности магической вселенной я не нашел. Я начал работать с астральными видениями и, как ни удивительно, всего после полудюжины опытов обнаружил, что превзошел своего учителя.

---

1 *Паймон* — один из 72 злых духов, описанных в «Гоэтии», «великий король», властвующий над 200 легионами духов. Подробнее см.: *Гоэтия*, указ. соч., стр. 74—75.

В те дни я воспринимал магию очень au pied de la lettre[1]. Разумеется, я знал, что магия вышла из употребления в основном потому, что люди следовали ее предписаниям, но не получали искомого результата. Примером тому — один чрезвычайно забавный случай: Джеральд Келли, Айвор Бэк[2] и еще какой-то пылкий новичок, вдохновившись моими успехами, решили тоже заняться магией. Сняв и обставив с этой целью комнату в Кембридже, они принялись вызывать разнообразных духов. Ничего не вышло. Наконец, один из них в великом дерзновении простер мизинец за пределы круга — и, ко всеобщему удивлению, отнюдь не «пал мертвым и бездвижным, пораженный без оружия, точно молнией»[3]. Вследствие чего экспериментаторы пришли к выводу, что вся магия — вздор. Предлагаю выставить этот образец логики в Музее человеческой глупости в столице Астрального плана.

Совершенно понятно, что Бэк и Келли были обречены на неудачу, поскольку совершенно не разбирались в магии: они не могли ни вызвать духа, ни добиться того, чтобы их «разразило молнией». Если вы ничего не смыслите в электричестве, вы не построите динамомашину — а, следовательно, она не убьет вас током.

Но полагаю, что их неудача и мой успех объясняются, главным образом, отсутствием или наличием особого таланта: так Бернс мог писать стихи, почти не владея литературным инструментарием, а Теннисон — не мог, хотя располагал всеми необходимыми инструментами.

Во многом именно из-за своих успехов я долгое время не мог понять, какие условия на самом деле требуются для достижения цели. Мне не приходило в голову, что проблема магии заключает в себе некие метафизические элементы.

Так, однажды вечером в Истбурне[4] я вышел на берег моря, дождался полного отлива, чтобы работать как можно даль-

---

1 *«Au pied de la lettre»* — «буквально» (фр.).

2 *Бэк*, Айвор Гордон (1879—1951) — английский врач, анатом и хирург, масон высокой степени посвящения. Кроули познакомился с ним в Кембридже и поддерживал дружбу еще на протяжении многих лет.

3 *«...пал мертвым ... точно молнией»* — цитата из ритуала посвящения в степень Неофита (0°=0°) Золотой Зари.

4 *Истбурн* — популярный морской курорт в Восточном Сассексе (Англия), на берегу Ла-Манша.

ше от эстрадной площадки, и сложил из камней круг и алтарь. Затем я возжег благовония, совершил все положенные телодвижения и сотряс небеса грозными заклинаниями — и все это лишь для того, чтобы вызвать ундин. Я надеялся и даже в известной мере ожидал, что по меньшей мере одна из них непременно выйдет передо мною из пены морской и станет служить мне верой и правдой. Тогда я еще понятия не имел, что всего этого можно добиться гораздо проще.

Итак, существует две основные разновидности ошибок: ошибки духовные и ошибки технические. Большинство искателей магии совершают и те, и другие. Довольно скоро я понял, что для магических явлений — точно так же, как и для любых других, — требуются определенные физические условия; но даже если это требование соблюдено, успех все равно зависит от вашей способности пробудить свой творческий гений. Этот гений — неотчуждаемое наследие всякого сына человеческого, но лишь очень и очень немногие способны усвоить и использовать его осознанно, а девяносто девять человек из ста не могут даже просто заметить, что он у них есть.

Вместо ундины мне явился лишь полисмен, подошедший достаточно близко, чтобы рассмотреть, как некое существо в причудливом облачении пляшет и завывает в лунном свете «на песках серебристых», вопя, свистя, ревя и изрыгая иноземные имена вызыванья (как известно, обладающие великой силой в священных обрядах)[1] вокруг неистово полыхающего костра, искры которого разносило ветром по всему пляжу.

Нас вводит в заблуждение, главным образом, то, что между различными элементами операции — такими, как само явление духа, его имя и сигил, форма храма, орудия, жесты и заклинания,— действительно существует неоспоримая связь. Это мешает нам понять, сколь тонка та гипотеза, на которой покоятся подобные связи. Она настолько глубока, что даже в грубейших своих формах магия ускользает от понимания и может удаться лишь совершенно бессознательно — как хороший удар в крикете или бильярде. Дать разумное объяснение (наподобие того, как объясняется последовательность действий, необходимых

1 *«...иноземные имена ... обрядах»*: парафраз §155 «Халдейских оракулов»: «Не изменяй иноземных имен вызыванья: от Бога // данные, в каждом наречии есть Имена пресвятые, // силой великой они обладают в Священных Обрядах».

для решения квадратного уравнения) тем физическим действиям, которые мы производим для достижения магического результата, невозможно. Иными словами, в этом отношении магия — скорее искусство, чем наука.

Джонс сразу же распознал во мне колоссальные врожденные способности к магии, и каждым своим действием я доказывал, что намереваюсь полностью посвятить ей всю свою жизнь, «не жалея ради нее ни единой мыслимой вещи»[1]. Он предложил мне вступить в Общество, адептом которого был сам, — некоторым просвещенным соискателям оно известно под названием «Герметический орден G∴D∴». Здесь придется рассказать хотя бы немного об этом Ордене. Большинство необходимых сведений о нем читатель найдет в различных выпусках «Эквинокса»[2], но в целом его история столь обширна и сложна, что для подробного ее изложения понадобилась бы отдельная книга. Но вкратце факты таковы: в семидесятых или восьмидесятых годах прошлого века доктор Вудман, коллега доктора У. Уинна Уэсткотта по магическим штудиям, нашел некую шифрованную рукопись[3]. Расшифровать ее оказалось им не по силам, хотя миссис Эмери (мисс Флоренс Фарр[4]) говорила мне, что это сумел бы и ребенок. Пришлось им позвать на помощь еще одного человека — Сэмюэла Лиддела Мазерса[5], выдающегося ученого и мага. Рукопись не устояла перед его натиском, и в ней обнаружились, помимо всяких мелочей, схемы неких

---

1 *«...не жалея ... вещи»* — цитата из «Книги Алеф» Кроули (глава 78).

2 См.: *Храм царя Соломона*, указ. соч., т. 1.

3 *Вудман* , Уильям Роберт (1828—1891) — английский врач и оккультист, масон высокой степени посвящения, член Английского общества розенкрейцеров. Один из основателей и первых «вождей» Герметического ордена Золотой Зари. Состоял в Ордене под девизами «Magnaest Veritaset Praevalebit» (лат. «Велика истина, и она восторжествует») и «Vincit Omnia Veritas» (лат. «Над всем одерживает победу истина»). *Уэсткотт*, Уильям Уинн (1848—1925) — английский врач, коронер одного из районов Лондона; оккультист, масон высокой степени посвящения, член Английского общества розенкрейцеров и Теософского общества. Один из основателей и первых «вождей» Герметического ордена Золотой Зари. Состоял в Ордене под девизами «Sapere Aude» (лат. «Осмелься быть мудрым») и «Non Omnis Moriar» (лат. «Весь я не умру»). *«...нашел некую шифрованную рукопись»*: в действительности шифрованная рукопись, легшая в основу ритуалов Золотой Зари, была найдена Уэсткоттом, который впоследствии привлек Вудмана к работе по созданию Ордена.

4 *Фарр* (в замужестве Эмери), Флоренс (1860—1917) — английская актриса и оккультистка, одна из ведущих деятельниц Герметического ордена Золотой Зари.

5 *Мазерс* , Сэмюэл Лиддел — см. примеч. 4 на стр. 42.

посвятительных ритуалов и таблица истинных соответствий Старших арканов Таро[1] — тех самых, которые тщетно искали многие маги на протяжении столетий. Эта находка разрешила несметное множество каббалистических проблем, совершив такую же революцию в понимании Таро, как уравнения Эйнштейна, по словам его почитателей, — в математике и физике. Кроме того, в рукописи содержались имя и адрес некоей Сестры Sapiens Dominabitur Astris из Германии, она же фрейлейн Шпренгель[2], и приглашение писать ей в том случае, если понадобятся дальнейшие сведения. Доктор Уэсткотт написал, и S.D.A. предоставила ему и двоим его коллегам хартию, дающую право учредить отделение Ордена в Англии. Этим правом они незамедлительно воспользовались. Вскоре S.D.A. умерла. В ответ на очередное адресованное ей письмо один из ее коллег намекнул, что в Германии никогда не одобряли ее курс на разрешение деятельности Ордена в Англии, хотя из уважения к ее особе воздерживались от активного сопротивления. В заключение он добавил, что рассчитывать на помощь Германии англичанам больше не следует: им и так уже даровано вполне достаточно знаний, чтобы любой английский адепт сумел установить Магическую Связь с Тайными Вождями. Очевидно, чтобы сотрудничество с Германией возобновилось, английские адепты должны были подтвердить свою компетентность указанным способом.

Затем доктор Вудман умер, а Мазерс вынудил доктора Уэсткотта отойти от активного руководства Орденом. Однако сам Мазерс доверием не пользовался. Чтобы заручиться поддержкой, он сообщил адептам, что установил пресловутую Магическую Связь с тремя Тайными Вождями и имел с ними беседу в Булонском лесу, в которой они подтвердили его наивысшие и исключительные полномочия в качестве Зримого Главы Ордена. Адепты, которым он поведал эту тайну, должны были подписать клятву личного повиновения

1 Русский перевод шифрованной рукописи Золотой Зари см. в издании: Эллик Хоув. *Маги Золотой Зари*, указ. соч.

2 *«Sapiens Dominabitur Astris»* (лат. «Мудрый повелевает звездами»), или, сокращенно, S.D.A., — девиз фрейлейн Шпренгель, гипотетической посвященной немецкого отделения Золотой Зари, предоставившей, по утверждениям Уэсткотта и Мазерса, полномочия на основание английского отделения Ордена. Подлинность существования этого лица вызывает сомнения у большинства исследователей.

Мазерсу — как условие дальнейшего продвижения по степеням Ордена. Однако в результате недовольство только усилилось. Обещанного продвижения не последовало. Адепты заподозрили, что Мазерс больше ничего не может им дать, а он в ответ заявил, что в любом случае не собирается больше тратить свои знания на таких безнадежно непослушных учеников. Обе позиции невольно вызывают сочувствие.

Но, помимо всех этих мелочных дрязг, произошло нечто по-настоящему важное. Мазерс обнаружил в парижской библиотеке Арсенала рукопись "Абрамелина", начал ее переводить[1] и тотчас же ощутил огромное сопротивление и противодействие со всех сторон. В то время общественного транспорта в Париже практически не существовало. Мазерс жил в Отейле, далеко от Арсенала[2]; поначалу он ездил на велосипеде, но так часто попадал в аварии, что в конце концов стал ходить пешком. (Замечу, что публикация важных текстов всегда вызывает оккультное противодействие. На то, чтобы издать «Гоэтию», у меня ушло три года, а книгу «777» — более двух лет[3]. Это один из тех фак-

---

1 *«...начал переводить ее на английский»*: Билл Хайдрик дает следующий комментарий: «По крайней мере, так утверждал сам Мазерс. Но Гершом Шолем в своей "Каббале" указывает, что в британских коллекциях уже имелись версии этой книги на английском и древнееврейском, а Мазерс, как известно, работал с упомянутыми коллекциями. В связи с этим некоторые предполагают, что Мазерс попросту фальсифицировал перевод со старофранцузской версии из библиотеки Арсенала, чтобы получить переводческий гонорар от будущего издателя. Точно так же он поступил и с "Большим Ключом Соломона", и с отрывком из "Малого Ключа Соломона", известным под названием "Гоэтия" и впоследствии изданным Кроули. Кроме того, все свое знаменитое предисловие к "Разоблаченной каббале" Мазерс фактически заимствовал без указания авторства из эссе Кристиана Гинзбурга "Каббала: учение, история, литература". По-видимому, подобные методы в то время никого не удивляли».

2 *«...далеко от Арсенала»* — приблизительно в 8 км.

3 *«Гоэтия»* — руководство по магии из числа так называемых «соломоновых книг», т.е. гримуаров, авторство которых приписывалось царю Соломону. Представляет собой первую часть обширного гримуара под названием «Лемегетон, или Малый Ключ царя Соломона» (XVII век). В 1904 году «Общество распространения религиозной истины», основанное Кроули для печати и распространения его книг, опубликовало тиражом 211 экземпляров так называемый английский перевод «Гоэтии» С.Л. Мазерса (в действительности Мазерс всего лишь снял копию с манускрипта, изначально написанного на английском языке). Кроули отредактировал текст, снабдил его комментариями и дополнительными материалами («Вступительное замечание», «Предварительное призывание», эссе «Церемониальная магия с точки зрения посвященного», «Предварительное определение магии», «Краткое вводное описание» и перевод заклинаний «Гоэтии» на енохианский язык); кроме того, тексту был предпослан один из магических квадратов Абрамелина, по словам Кроули, «призванный предотвратить использование этой книги

в неподобающих целях». Подробнее см. предисловие Гименея Беты к изданию на русском языке: *Гоэтия*, указ соч., стр. 11—38.

«*777*, vel Prolegomena Symbolica Ad Systemam Sceptico-Mysticae Viae Explicandae Fundamentum Hieroglyphicum Sanctissimorum Scientiae Summae» («*777*, или Символическое введение в систему скептико-мистического подхода к истолкованию основ наисвященнейшей иероглифики Высшего Знания») — книга Кроули, основу которой составляют таблицы магических соответствий. Впервые опубликована анонимно в 1909 году лондонским издательством «Вальтер Скотт Паблишинг». Книга вышла тиражом 500 экземпляров и продавалась по 10 шиллингов за экземпляр. Впоследствии она неоднократно переиздавалась с исправлениями и дополнениями. Рус. пер. см.: *777. Каббала Алистера Кроули*. М.: Ланселот, 2011.

За первой публикацией последовал развернутый отзыв Джорджа Сесила Джонса в журнале «Оккалт Ревью»:

«Несмотря на громоздкий подзаголовок и высокое соотношение цены с объемом, эта книга немедленно распродастся, как только попадет в поле зрения подходящих людей. По словам ее автора, она "представляет собой попытку систематизации данных, относящихся к сфере мистицизма, и результатов исследований в области сравнительного религиоведения", — и попытка эта оказалась настолько удачной, насколько это вообще возможно: всего на шестидесяти страницах умещается столько информации, сколько прилежный посетитель Британского музея не собрал бы и за год. Основу книги составляют таблицы "соответствий", фактически сводящие к общему знаменателю символику всех известных автору религиозных и магических систем. Выбранный знаменатель по необходимости довольно велик, поскольку автор поставил своей задачей примирить друг с другом системы, подразделяющие все явления на 3, 7, 10 или 12 классов. Поскольку выражение "общий знаменатель" мы использовали в метафорическом, а не в строго математическом смысле, задача эта не так сложна, как кажется на первый взгляд, и наиболее удобной шкалой для ее решения становятся 32 пути, описанных в каббалистической "Книге Формирования" ("Сефер Йецира"). Каббалисты соотносят эти 32 пути с 10 сефирот, или эманациями Божества, и с 22 буквами древнееврейского алфавита, которые, в свою очередь, подразделяются на 3 материнские буквы, 7 двойных и 12 простых. На этом основании — каббалистическом "Древе Жизни", как называется особое расположение сефирот и 22 соединяющих и путей, — автор составил целых 183 таблицы.

В них приводятся весьма подробные каббалистические сведения; имеются также таблицы египетских и индийских божеств, таблицы цветов, благовоний, растений, камней и животных. Информации по Таро и геомантии здесь найдется больше, чем в некоторых трактатах, целиком посвященных этим предметам. Кроме того, автор демонстрирует знакомство с китайскими, арабскими и другими классическими текстами. Здесь рецензент не в состоянии за ним последовать, но уровень иврита, по крайней мере, делает честь и автору, и его печатнику. На несколько сотен слов, по большей части имен собственных, мы обнаружили и выписали всего несколько опечаток, но впоследствии нашли их, все до единой, во включенной в книгу таблице исправлений, которой поначалу не заметили. Если вспомнить, сколько опечаток было в издании Агриппы, и учесть, что среднестатистический автор, использующий иврит, равно как и его читатель, подвержены ошибкам в той же степени, что и какой-нибудь мальчишка, не знающий ничего, кроме внешнего вида букв, останется только гадать, сколько же раз пришлось вычитывать эту книгу и сколько заплатили печатнику. Чтобы получить доступ к колоссальному объему информации, заключенному в этой книге, нужно только выучить древнееврейские буквы и понять структуру каббалистического Древа Жизни. И перед читателем откроется, как говорит автор, "алфавит мистицизма" — или даже несколько алфавитов, добавим мы.

Здесь открыто изложено многое из того, что из ревности и глупости до сих пор хранилось в тайне. Автор, скрепив свой труд печатью некой организации, загадочно именуемой A∴A∴, сам предпочел остаться безымянным — однако он не производит впечатления мистификатора. Он, очевидным образом,

тов, которые в совокупности своей не позволяют усомниться в подлинном существовании духовных сил.) Мазерса преследовали и другие всевозможные неприятности. Он был опытным магом и привык работать по «Большому Ключу Соломона»[1], достигая превосходных результатов. Но он не понимал, что «Абрамелин» — куда более серьезная заявка. Это как если бы человек, привычно управляющийся с порохом, вдруг получил в свое распоряжение динамит, не осознав при этом разницы. Он пробился через все препятствия и опубликовал-таки «Абрамелина» — но сам в процессе погиб. Он пал жертвой злых сил, описанных в этой книге, распался как личность и был извергнут из Ордена, над которым когда-то был зримым главой.

Но когда я проходил первое свое посвящение, 18 ноября 1898 года, до этой катастрофы было еще далеко.

Я воспринял Орден исключительно серьезно. Меня не отпугнуло даже то обстоятельство, что церемонии его проходили в Доме Мастеров Метки[2]. Помню, я спрашивал Бейкера, часто ли люди гибнут во время церемонии. Мне и в голову не приходило, что все это — пустая формальность и что большинство членов Ордена — обычные буржуазные посредственности с кашей в голове. Мне мнилось, что я вступаю в Сокровенную Церковь Святого Грааля. И это состояние духа сослужило мне хорошую службу. Мое посвящение действительно стало таинством.

весьма начитан, но не притворяется, будто у него есть в запасе какие-то секреты, которые он мог бы открыть. Напротив, он заявляет: «Действительно невыразимую Тайну было бы по определению невозможно выразить в словах». Эта фраза свидетельствует, что автор уяснил для себя по крайней мере один из фактов, которые нельзя вычитать в книгах».

Помимо этой развернутой рецензии, книга «777» получила короткий и довольно курьезный отклик на страницах журнала «Буддист Ревью»: «Ни один буддист не пожелает отказаться от кристальной ясности своей религии в пользу этой замысловатой невнятицы. В книге встречаются чрезвычайно недостойные выражения».

1 *«Большой Ключ Соломона»* — гримуар XIV или XV века, авторство которого ошибочно приписывается царю Соломону. В нем описаны материалы и орудия, необходимые для магических операций, способы очищения мага и т.д., а также приведены заклинания и печати, служащие для призывания духов. Английский перевод этого трактата впервые был опубликован С.Л. Мазерсом в 1888 году. Рус. пер. см.: *Большой Ключ Соломона*. М.: Ганга, Телема, 2008.

2 *Мастера Метки* — вспомогательный орден в некоторых юрисдикциях масонства. Лондонское отделение этой организации предоставляло для церемоний Внешнего ордена Золотой Зари свой особняк, находившийся на Юстон-роуд.

Ритуалы Ордена опубликованы во 2-м и 3-м номерах I тома «Эквинокса»[1]. Те, что относятся к степеням неофита и адепта, — неоспоримо подлинные посвятительные ритуалы, ибо они содержат истинные формулы. Доказательство этому — то, что они могут сработать в руках у того, кто понимает и знает, как их применять. Неглубокие критики рассуждают так: если обычный неподготовленный человек не может вызвать духа, то в этом виноват использованный для вызывания ритуал. Они не отдают себе отчета в том, что электроскоп в руках дикаря тоже будет бесполезен. Магия же, вне всяких сомнений, принадлежит к числу тончайших и сложнейших наук и искусств. Риск ошибок в понимании, оценке и практическом приложении в ней гораздо выше, чем в любой другой естественной науке. И прежде всего необходимо, чтобы ученик вооружился научными знаниями, тонкой чувствительностью и здравым смыслом. Первое мне дали мои занятия математикой и химией; второе — мои поэтические наклонности и обширная начитанность, а за третье, полагаю, следует благодарить моих практичных предков.

Итак, ввиду вышесказанного я смог оценить сокровеннейший смысл своего посвящения — и тем сильнее потрясли меня события, последовавшие непосредственно за ним. Меня ввели в презренное сборище ничтожеств: члены Ордена оказались заурядными и пошлыми, как любые обычные люди. Единственными, кто обладал каким-то подобием научного образования, оставались уже знакомые мне Джонс и Бейкер — пока через несколько месяцев я не познакомился с Аланом Беннетом, до встречи с которым я ни в ком еще не находил такого ясного, проницательного и глубокого ума. Среди прочих имелась одна литературная знаменитость — У.Б. Йейтс[2], тощий растрепанный демонолог, которому не мешало бы уделять своей внешности побольше внимания (впрочем, даже и тогда никто не упрекнул бы его в дендизме), — и одна очаровательная и умная женщина — миссис Эмери[3], к которой я всегда питал нежное уважение, умерявшееся, однако, чувством, что ее

1 Рус. пер. см.: *Храм царя Соломона*, указ. соч., т. 1, стр. 96—177, 317—367. См. также: *Полная система магии Золотой Зари*, указ. соч., стр. 499—704.

2 *Йейтс* — см. примеч. 1 на стр. 241.

3 *Миссис Эмери* — примеч. 4 на стр. 256.

устремления далеко превосходят отпущенные ей способности. Остальные члены Ордена были напрочь лишены индивидуальности: по своим силам и возможностям они не отличались друг от друга ровным счетом ничем. На сегодняшний день я не могу назвать ни одного из них, кто оставил бы в мире хоть какой-то заметный след.

В ходе посвящения я еще мог поверить, что эти адепты намеренно скрывают свое величие; но «теоретическая лекция»[1], по которой мне предстояло сдавать экзамена для перехода на следующую степень, выдавала их с головой. С меня взяли наиторжественнейшую клятву хранить орденские знания в строгой тайне. Малейшее отступление от этой клятвы — и я навлек бы на себя «смертоносный поток воли, направленный Достопочтеннейшими вождями Второго ордена, под ударом коего паду я мертвым и бездвижным, пораженный без оружия, точно молнией»[2]. И что же мне вручили под видом столь сокрушительных, но бесценных тайн? Буквы еврейского алфавита, названия планет с их соответствиями дням недели и список десяти каббалистических сефирот. Все это я знал уже давным-давно; и, более того, любой недотепа-школьник смог бы выучить всю лекцию наизусть за двадцать четыре часа.

Теперь я понимаю, что мой интеллектуальный снобизм был поверхностен и глуп. Соискатель действительно должен твердо усвоить основы. Он должен вдоль и поперек изучить терминологию и теорию магии, преподанную со строго научных позиций. И все же я по-прежнему считаю, что эта программа обучения должна предшествовать посвятительной церемонии и ни в коем случае не смешиваться с ней. Здесь можно провести аналогию с поэзией: можно до некоторой степени научить человека писать стихи, предоставив его душе определенный духовный и эмоциональный опыт, но техникой он должен овладеть сам, изучая грамматику и другие предметы, не имеющие прямого отношения к искусству.

Обсудив это все с Джонсом и Бейкером, я обнаружил, что они вполне разделяют мою точку зрения; однако оба

---

1 *«Теоретические лекции»* Золотой Зари опубликованы на русском языке в издании: *Полная система магии Золотой Зари*, указ. соч., стр. 266—291.

2 *«...смертоносному потоку <...> точно молнией»* — цитата из клятвы Неофита Золотой Зари.

справедливо отметили, что я еще не вправе судить. Прежде я должен достичь Второго ордена.

Соответственно, в декабре я получил степень Ревнителя, в январе — Теоретика, а в феврале — Практика. Чтобы стать Философом, надо было ждать три месяца, так что до этой степени я добрался только в мае. Философ же не мог перейти во Второй орден ранее, чем через семь месяцев, и, к тому же, требовалось специальное приглашение.

Весной 1899-го, на одной из церемоний, я почувствовал присутствие какой-то колоссальной духовно-магической силы. Казалось, она исходит от человека, сидевшего на востоке, — я никогда раньше его не видел, но знал, что это Достопочтенный Брат Iehi Aour[1], в миру именуемый Аланом Беннетом. Этот человек уже чрезвычайно прославился как маг. Его считали вторым после самого Мазерса, а боялись, наверное, еще больше.

После церемонии мы вышли в прихожую переодеться. Я втайне тревожился по поводу предстоящего знакомства с этим внушительным Вождем. Но, к моему удивлению, он подошел прямо ко мне, взглянул мне в глаза и произнес пронизывающим голосом, даже, казалось, почти с угрозой: «Братец! Ты играл с Гоэтией!» (Goetia означает «завывание», однако на практике это слово употребляется как совокупное название всех магических операций с грубыми, злотворными или непросветленными силами.) Я ответил ему, довольно робко, что ничего подобного не делал. «Значит, Гоэтия играла с тобой!» — заявил он. На этом наша беседа и окончилась. Я возвратился домой несколько пристыженным и, выяснив, где живет Iehi Aour, решил на следующий день нанести ему визит.

Я забыл упомянуть, что, решив вступить в Орден, я снял квартиру по адресу 67—69, Чансери-лейн[2]. <По тому, как я выбирал себе жилье, можно судить о том, насколько наивным я остался после трех лет в Кембридже. Правило «в затруднительном случае обратитесь к своему поверенному» я понимал как нерушимый закон благоразумия. О том, как снимать квартиры, я ничего не знал; следовательно, случай был затруднительный. Соответственно, я обратился к своему

1 «Iehi Aour» — «Да будет Свет!» (*др.-евр.*); см. примеч. 2 на стр. 13.

2 Чансери-лейн — улица, проходящая по западной границе лондонского Сити; традиционно там располагались конторы адвокатов и юридических фирм.

поверенному и согласился на первую же квартиру, которую он предложил. Ему, разумеется и в голову не пришло подумать о моем удобстве или о том, подойдет ли мне этот район. Он попросту увидел и использовал шанс оказать за мой счет услугу какому-то знакомому, который мог быть ему полезен.> К тому времени я уже твердо вознамерился провести Операцию, описанную в «Книге Абрамелина», но Джонс посоветовал мне сначала пройти посвящение. Тем не менее, я занялся подготовкой. «Книга Абрамелина» предупреждает, что родные и близкие мага станут резко возражать против этой Операции, так что я решил прервать все сношения с семьей. Уехать из Лондона я не мог, так что пришлось снять квартиру под чужим именем — я представился как «граф Владимир Сварев». Как позднее заметил Джонс, разумнее было бы назваться Смитом. Но я все еще был в плену романтических иллюзий и, к тому же, влюблен в Россию после того лета в Санкт-Петербурге. Кроме того, была и еще одна причина — на сей раз достойная. Я хотел лучше узнать людей. Как обращаются люди с молодым человеком из Кембриджа, я уже знал. Я успел основательно оценить раболепие лавочников и мастеровых, хотя был слишком великодушен и слишком невежествен, чтобы в полной мере осознать все их двурушничество и жадность. Теперь же мне захотелось посмотреть, как люди будут вести себя с русским аристократом. Надо сказать, что впоследствии я еще неоднократно прибегал к подобному маскараду, — этот метод оказался удивительно полезным, так как позволял рассматривать человечество с разных сторон. Без него никакая широта взглядов не спасет от неизбежной узости восприятия в этой частной области. Можно знать, как люди всех сортов обходятся с тобой, но как они обходятся с другими, уже не узнаешь — разве что из вторых рук.

Но вернемся к Алану Беннету. Я обнаружил, что он ютится вместе с Достопочтенным Братом Aequo Animo[1] <в конце концов я расшифровал это как «Equi Animo» — «С лошадиной душой»> в крошечной комнатушке где-то в Саутварке или

1 *Aequo Animo* (лат. «Со спокойствием духа» или «Со спокойной душой») — орденский девиз Чарльза Рошера, английского оккультиста и поэта, автора сборника стихотворений «Via Lucis» («Путь света», 1897).

Ламбете[1], точно не помню. Это было гнусное, мрачное место — настоящий кошмар. Что до Æ.А., которого звали Чарльз Рошер, то он был человек изрядно попутешествовавший и на все руки мастер. Он изобрел патентованный ватер-клозет. Одно время он был придворным художником марокканского султана. Он писал стихи, едва ли не худшие из всех, что мне доводилось читать. Жизнерадостный и разносторонний спортсмен, он отличался чрезвычайной твердостью духа и бодрой отвагой того свойства, которая приходит, когда вдоволь потреплешь этот мир, а он потреплет тебя. Будь его дарования не столь разнообразны, он, возможно, преуспел бы почти в чем угодно.

21

Алан Беннет был старше меня на четыре года. Его отец, инженер, умер, когда Алан был еще ребенком; мать же воспитала его в строгом католическом духе. Он тяжело страдал бронхиальной астмой. Его жизненный цикл строился так: примерно с месяц он принимал опиум, потом тот переставал действовать, и приходилось делать инъекции морфина. Еще через месяц он переключался на кокаин и принимал его до тех пор, пока ему не начинало «мерещиться черт знает что», после чего переходил на хлороформ для передышки.

Я своими глазами видел, как он пролежал в постели неделю, приходя в сознание лишь для того, чтобы в очередной раз дотянуться до пузырька и губки. Астма — болезнь хроническая: дойдя до крайней степени слабости, Алан начинал постепенно поправляться, но через несколько недель свободы приступы возобновлялись и весь наркотический цикл начинался заново[2].

---

1 *Саутварк* и *Ламбет* — районы в южной части Лондона.

2 *«...жизнь его делилась на циклы <...> начинался заново»*: к этому отрывку Билл Хайдрик дает следующий комментарий: «Этот перечень запрещенных препаратов может смутить современного читателя, но на протяжении первых десятилетий XX века все они были совершенно легальны. А описанный здесь общий подход к лечению астмы сохранялся даже в последней четверти XX столетия: врачи прописывали пациентам опасные препараты, каждый из которых следовало принимать до наступления токсических реакций, после чего — переходить на следующий в цикле. Тем же недугом страдал и сам Кроули (на самом деле астма была настоящей "болезнью магов" — так часто она встречалась среди тех, кто интересовался этим предметом), и в 10-е годы XX века врачи прописали ему героин — тогда считалось, что к нему не возникает привыкания!

Разумеется, эти постоянные страдания сказались на его отношении к жизни. Алан не бунтовал против животной части своей натуры; все житейские удовольствия (и, превыше всего, наслаждения плотской любви) он считал дьявольскими иллюзиями, которые враг рода человеческого измыслил, дабы заманивать души в проклятую западню бытия. Не могу не рассказать здесь одну весьма примечательную историю. Когда Алану было лет шестнадцать, в лаборатории, где он работал, зашел разговор о деторождении. То, что он услышал, показалось ему отвратительным. Он рассвирепел до крайности и заявил, что детей приносят на землю ангелы. Остальные студенты стали над ним смеяться и попытались переубедить его, но тщетно. Алан остался в уверенности, что все это — издевательство и скотское богохульство. На следующий день кто-то из студентов принес ему иллюстрированный учебник по родовспоможению. Отрицать факты стало невозможно, но Алан отреагировал по-своему: неужели тот самый Всемогущий Бог, которому его учили поклоняться, изобрел такой омерзительный и унизительный способ продолжения рода? Не иначе, как это Бог — сам дьявол, коль скоро ему по вкусу такие пакости! С того дня Алан полностью разуверился в существовании Бога.

Однако некоторый опыт соприкосновения с незримым миром у него уже имелся. Маленьким мальчиком он наслушался болтовни суеверных слуг, пошел на задний двор и вызвал дьявола, прочитав «Отче наш» задом наперед. И случилось что-то такое, что его напугало.

Итак, отринув католицизм, Алан обратился к магии и очень скоро добился в ней выдающихся успехов. Он носил с собой «люстру» — длинную стеклянную призму с горловиной и круглым набалдашником, похожую на старомодные разукрашенные канделябры. Она заменяла ему посох. Как-то раз на одном теософском вечере пошли скептические разговоры о возможностях «громового жезла». Алан тотчас направил свой на одного из них и сразил наповал. Прошло четырнадцать часов, прежде чем этот маловер снова обрел возможность распоряжаться своими мозгами и мышцами.

Впоследствии Кроули пережил все ужасы отказа от этого тяжелейшего наркотика (см. его "Liber XCIII"). Умер он от инфекционного заболевания дыхательных путей приблизительно через полвека после описанных здесь событий».

Алан Беннет был высок ростом, но из-за болезни постоянно сутулился. Голова его, увенчанная копной буйных черных волос, отличалась необыкновенным благородством формы; лоб его был широк и высок, в пронзительном взгляде горел неукротимый огонь. Он был бы несомненно красив лицом, когда бы не худоба и бледность, вызванные почти непрерывными страданиями.

Несмотря на слабое здоровье, он работал не покладая рук. Его научные познания, в особенности в области электричества, отличались обширностью, точностью и глубиной. Кроме того, он изучал индуистские и буддийские писания, не только как ученый, но и при помощи той интуиции, которую дарует врожденное сочувственное понимание.

Оценить в полной мере колоссальный масштаб его священного духа я тогда не мог; однако я сразу же осознал, что этот человек за месяц способен научить меня большему, чем иные — за пять лет. Он жил в весьма стесненных условиях и в нищете. Я предложил ему переселиться ко мне на квартиру. Мне всегда казалось, что, поскольку на ниве оккультных наук взрастает так много шарлатанов, то зарабатывать деньги на магии — чрезвычайно постыдно[1]. Во что было ни стало надо сохранять статус любителя! Предложить или принять гостеприимство, впрочем, всегда дозволительно. Однако я всегда следил за тем, чтобы не отступать от строгой буквы этого правила.

Iehi Aour перебрался ко мне, и под его руководством я начал быстро делать успехи. Он показал мне, как добывать знания, как подвергать их критическому рассмотрению и как применять их на практике. Кроме того, мы вместе занимались Церемониальной Магией: вызывали духов, освящали талисманы и так далее.

---

1 *«...зарабатывать деньги на магии — чрезвычайно постыдно»*: Билл Хайдрик комментирует этот отрывок так: «Несмотря на эту филиппику и другую, еще более гневную, которой Кроули разразился в "Магии в теории и на практике", — против "черной магии", он все же принимал плату за составление астрологических карт — уже после того, как были написаны эти строки. Однако во всех остальных случаях доходы от своих книг по магии и мистицизму Кроули использовал не для личных нужд, а для поддержки своего магического Ордена, О.Т.О.».

В этом комментарии подразумевается следующее утверждение из главы VII «Магии в теории и на практике»: «Но "продать свою душу дьяволу", отречься от чего бы то ни было ради равноценной личной выгоды <Мнимой личной выгоды. Личности, которая могла бы что-то приобрести, в действительности не существует, а потому вся эта сделка — сплошное надувательство с обеих сторон!>, — это черная магия. Совершивший это — уже не благородный даритель всего, что ему принадлежит, но лишь презренный торгаш.

Здесь следует рассказать об одном эпизоде, проливающем свет как на мои магические достижения, так и на этические стандарты, которых я придерживался. Мы с Джонсом пришли к выводу, что Алан умрет, если не переедет в страну с более теплым климатом. Однако он сидел без гроша, а мы не могли дать ему денег по вышеизложенным причинам. И тогда мы с Джонсом решили призвать ко зримому явлению духа Буэра из «Гоэтии», врачующего недужных. Мы преуспели только отчасти: отчетливо проявились только голова в шлеме и левая нога, а остальные части фигуры остались туманными и расплывчатыми. Но в целом операция возымела успех, и я сейчас расскажу, каким именно образом, потому что эта история наглядно показывает, какими окольными, но совершенно естественными путями воля добивается своей цели.

Начну с небольшого отступления, которое, однако имеет к произошедшему самое непосредственное отношение. Многие авторы настаивают, что соискатель должен хранить абсолютное целомудрие. На протяжении нескольких месяцев я нарушал это правило с одной соблазнительной сиреной, женой полковника, служившего в Индии[1]. Но мало-помалу я поборол в себе страсть к ней, и мы расстались. Она часто писала мне, пытаясь поколебать мою решимость, но я был непреклонен. Вскоре после вызывания Буэра она опять написала, умоляя прийти к ней в гостиницу. Я пришел — но не просто так. Не помню, как меня осенило, но я кое-что задумал. Она стала упрашивать меня вернуться, обещая сделать все, что я захочу. Тогда я сказал: «Вы портите себе всю жизнь своим эгоизмом. Но вот вам возможность совершить совершенно бескорыстный поступок. Дайте мне сто фунтов — это не для меня, но я не скажу, для кого. Есть одно дело, в котором я по некоторым причинам не могу использовать собственные деньги. Только поймите: если вы согласитесь, то должны будете дать деньги просто так, не надеясь и не ожидая получить что-либо взамен». И она дала мне эти деньги — на них мы купили Алану билет на Цейлон и тем самым спасли для всего человечества одну из ценнейших в нашем поколении жизней.

---

1 *«...женой полковника»*: имеется в виду Лилиан Хорнблоу, жена полковника Фрэнка Герберта Хорнблоу, служившего в инженерных войсках.

Вот и вся история про Буэра. Что же до той леди, то через некоторое время она навестила меня, и я понял, что сам поступаю эгоистично, ставя свое духовное благополучие превыше ее счастья. Она проявила щедрость; я должен был ответить тем же. Она согласилась не мешать мне, пока я буду проводить операцию из «Книги Абрамелина», но попросила оставить ей какую-нибудь живую память о нашей любви. Я согласился; о том, что за этим последовало, будет рассказано позже.

В тот период постоянно случались всевозможные магические явления. Я устроил у себя на квартире два храма: белый — с шестью огромными, шесть на восемь футов[1], зеркалами на стенах, и черный <Iehi Aour в нем никогда не работал, а я — разве что совсем немного: устроить этот второй храм меня, скорее всего, побудило лишь инстинктивное стремление к равновесию — обычный чулан с алтарем, опорой которому служила статуя негра, стоящего на руках. Гением-покровителем этого места был человеческий скелет, которого я время от времени подкармливал кровью, маленькими птичками и тому подобным. Я замышлял рано или поздно вдохнуть в него жизнь, но добился только того, что кости покрылись какой-то липкой слизью[2]. В «Эквиноксе», I, 1 опубликован рассказ «На распутье дорог», где во всех подробностях описан один из эпизодов этого периода. Уилл Бьют — это У.Б. Йейтс <хотя утверждать это со всей достоверностью я не могу, поскольку основываюсь только на свидетельстве Алтеи Джайлс>, Гипатия Гей — Алтея Джайлс, издатель — Леонард Смитерс[3].

---

1 *«...шесть на восемь футов»* — около 1,8 на 2,4 м.

2 Билл Хайдрик дает следующий комментарий: «В 1934 году на судебном процессе, затеянном самим Кроули по обвинению в клевете в его адрес, он под присягой засвидетельствовал, что эти храмы были устроены именно так, как здесь описано (отрывок из протоколов судебного заседания см. во внутреннем бюллетене О.Т.О. «The Magical Link» за сентябрь/октябрь 1988 года). Что касается кормления скелетов, то мой предпочитает пиво. Кроули же сам терпеть не мог пиво и, наверное, даже не подумал, что его можно пустить в ход. Одним словом, когда моя ископаемая динозавриха хочет подкрепиться, я просто поливаю ей лапы пивом, и ей хватает. Еще они любят драгоценности».

3 Сюжет рассказа *«На распутье дорог»* (1909) — вымышленная или существенно приукрашенная фантастическими подробностями история магической битвы Кроули и Йейтса — воспроизводится в статье Кроули «Я убил их!» («Эмпайр Ньюс», 10 сентября 1933 года), опубликованной в русском переводе в составе издания: *Легенда об Алистере Кроули*, указ. соч., стр. 275—281. *Джайлс*, Алтея (1868—1949) — поэтесса и художница, в 1899 году — любовница Леонарда *Смитерса* (см. примеч. 1 на стр. 198). В автобиографической книге «Трепет завесы» (1922) Йейтс описывает ее (не называя открыто

Демоны, связанные с Операцией Абрамелина, не дожидаются, пока их вызовут, — они приходят незваными. Как-то вечером мы с Джонсом решили пойти поужинать. Покидая белый храм, я захлопнул за собой дверь и потянул за ручку, чтобы удостовериться, что замок защелкнулся. Спускаясь по лестнице, мы заметили какие-то полупрозрачные тени; все вокруг было насыщено силами, с которыми мы в тот период работали. (Мы пытались сгустить их в зримые образы.) Когда мы вернулись, в жилых помещениях все оставалось по-прежнему, но дверь в храм была распахнута настежь, утварь — сдвинута с мест, а некоторые символы оказались разбросаны по комнате. Мы навели порядок и уже потом заметили, что эти наполовину материализовавшиеся сущности маршируют нескончаемой процессией через гостиную.

Когда я в конце концов решил переехать в Шотландию и стал вывозить вещи из этой квартиры, оказалось, что зеркала слишком велики и вынести их можно только через черный храм. Разумеется, всю утварь оттуда я убрал еще до прихода рабочих. Но атмосфера не успела развеяться, и двое из них вышли из строя на несколько часов. Да и раньше не проходило недели без того, чтобы какой-нибудь случайный посетитель не упал в обморок на лестнице: у людей кружилась голова, начинались судороги, а кое-кого даже хватал удар. Прошло немало времени, прежде чем эти комнаты удалось пересдать. Люди инстинктивно чувствовали в них нечто зловещее. Вспоминается, как позже один нахальный шарлатан попытался снять сразу после меня квартиру на Виктория-стрит, полагая, что ему это пойдет на пользу. Он пришел посмотреть комнаты, но, не успев переступить порог, бросился обратно и скатился по лестнице прыжками через пять ступенек, визжа от ужаса. Природной восприимчивости, чтобы почувствовать присутствие неких сил, ему хватило, но чтобы обуздать их или хотя бы выдержать их воздействие, ему не доставало ни знаний, ни отваги, ни воли.

по имени) как «странную рыжеволосую девушку, все помышления которой были устремлены к живописи и поэзии... и этим образам она отдала себя в жертву с истинно азиатским фанатизмом».

Все свое время, не считая повседневных дел, я посвятил подготовке к Операции Священной Магии.

Первое необходимое условие заключается в том, чтобы приобрести дом, расположенный более или менее уединенно. В комнате, где предстоит обустроить молельню, должна быть дверь, выходящая на север. За этой дверью следует соорудить террасу, усыпанную мелким речным песком. Терраса должна вести к «приюту», где смогут собираться духи. Казалось бы, что может быть проще для человека с сорока тысячами фунтов[1] в кармане, готового потратить на достижение своей цели все до последнего пенни, чем найти подходящий дом от силы за несколько недель? Но на деле отыскать магический дом — так же трудно, как опубликовать магическую книгу. Я тщетно прочесывал страну. И только в конце августа 1899-го нашлась усадьба, полностью меня устроившая, — поместье Болескина и Абертарфа[2] на юго-восточном берегу озера Лох-Несс, на полпути между Инверфаригайгом и Фойерсом. Я купил его, переплатив двое, съехал с квартиры и тотчас же начал запасаться всем необходимым для великой Операции, начать которую предписывалось на Пасху.

Дом оказался невысоким, но длинным. Для работы я отвел юго-западную его половину. В самой большой комнате был эркер, который я переделал в дверь; я соорудил, как полагалось, примыкающую террасу и «приют», а в самой комнате устроил молельню — деревянную конструкцию, в которой повесил перевезенные из Лондона большие зеркала.

Поначалу я напугал местных жителей — людей во всех отношениях замечательных — своей привычкой часами гулять по болотам и пустошам. Однажды утром я обнаружил у парадного хода большой каменный кувшин. И то была отнюдь не какая-то адская машинка, а самогонный виски — безмолвный, но красноречивый призыв не сообщать властям о запрещенных перегонных аппаратах, на которые я мог случайно наткнуться в своих блужданиях. Но я не нуждался во взятках.

---

1 *«...с сорока тысячами фунтов в кармане»* — сумма, в пересчете на современный курс эквивалентная примерно полутора миллионам долларов.

2 *Болескин и Абертарф* — бывший приход в шотландском графстве Инвернесс.

Я сам — свободный предприниматель во всех смыслах этого слова и не сочувствую никаким законам, вмешивающимся в естественную деятельность человека. С моей точки зрения, любые подобные ограничения лишь усугубляют те неприятности, которые пытаются предотвратить; к тому же, они порождают величайший бич человечества — чиновническую бюрократию — и поощряют обе стороны к двурушничеству, скрытности и шпионажу. Всякий закон, направленный на подавление качеств, подобающих настоящему мужчине, безусловно плох, каким бы необходимым он ни казался на поверхностный взгляд. А большинство современных законов нацелены именно на то, чтобы связать Гулливера своими бечевками. Впрочем, сам я никогда не нарушал законов — мне просто не представлялось случая, поскольку то, чего я хочу, слишком отличается от того, к чему стремятся обычные люди.

Однако я с прискорбием отмечаю, что бесконечные мелочные формальности постоянно отвлекают человечество от приличествующих ему занятий.

Всем, кто имеет обыкновение молиться «за плавающих и путешествующих», следовало бы каждый день поминать тех, кто рискует ловить лосося в лох-несских водах. Редко выдается год без очередного утопленника. Озеро это — огромное, как настоящее море, а холмы вокруг располагаются так, что ветер в любой момент может подуть с самой неожиданной стороны. Посреди ясного дня за каких-нибудь пять минут может разыграться жесточайшая буря. Кроме того, есть один участок (к северо-востоку от Болескина, с той же стороны), где мили на две[1] берег превращается в скалистый обрыв, такой высокий, что выбраться на него из воды невозможно.

Бесполезно пытаться рыбачить, когда стоит хорошая погода: нужно, чтобы было пасмурно, не слишком жарко, но и не холодно, не ветрено, но и не слишком тихо, — одним словом, погода должна быть неустойчивой. Как-то утром я напал на лосося, который потом потянул на весах сорок четыре фунта[2]. Мало того, что он был слишком тяжел, так еще и сопротивлялся до последнего. Снова и снова он то подпрыгивал, то уходил под воду, то принимался петлять и вилять, и чтобы не упустить

1 *«...мили на две»* — т.е., приблизительно на 3 км.

2 *«...сорок четыре фунта»* — около 20 кг.

его, нам оставалось лишь грести что было сил в том направлении, куда ему заблагорассудится свернуть. Так он водил нас два часа, пока мы наконец не затащили его на борт.

Охотничий азарт схлынул, и только тут я заметил, что морось сменилась настоящим дождем вперемешку со снегом, а озеро вспенилось бурунами. Кроме того, мы были у подветренного берега и как раз напротив того самого обрыва, о котором я говорил. Предстояла борьба не на жизнь, а на смерть с надвигавшимся ураганом, набиравшим силу прямо на глазах. Нас в лодке было двое, и мы оба уже устали не на шутку. Несмотря на все наши усилия, береговые утесы приближались фут за футом. По счастью, в этих чертовых скалах была одна небольшая лазейка. Лодка почти нас не слушалась, но, так или иначе, пришлось рискнуть — и риск оправдался. Нам удалось выбраться на берег подобру-поздорову и вытащить лодку. Домой мы добирались уже пешком — и эта часть приключения оказалась самой мучительной.

Но нередко я застревал подобным образом на противоположном берегу озера. Так близко — и так далеко! Всего миля до дома по прямой — но в обход приходилось плестись добрых тридцать миль[1]. О пароходах, потерпевших крушение на Лох-Несс, я не слыхал, — но, должно быть, только потому, что эти хрупкие скорлупки просто не отваживаются соваться в столь коварные воды.

Я взял с собой в Шотландию свою Леди Этельдреду. За всю жизнь собак у меня перебывало немало, но эта была особенная. Я брал ее с собой в горы, и из нее вышел не только замечательный скалолаз, но и следопыт с поистине сверхъестественным пророческим чутьем. Например, я мог оставить ее у подножья обрыва, который был ей не по силам, и, поднявшись, спуститься затем по другому обрыву в другую долину, зачастую в тумане, таком густом, что уже на расстоянии десяти ярдов все терялось из виду. И, пройдя таким манером миль десять[2] по незнакомой местности, я неизменно находил свою Этельдреду, чинно поджидающую меня в конце маршрута.

---

1 *«Всего миля <...> тридцать миль»* — т.е., около 1,6 и 48 км соответственно.

2 *«...десяти ярдов»* — около 9 м; *«миль десять»* — 15—16 км.

Однако у этих достоинств имелась и оборотная сторона. Этельдреда неожиданно превратилась в страстную охотницу на овец. Это стало настоящим спортом. Свою добычу она никогда не увечила, — нет, она просто аккуратно убивала овцу одним укусом и переходила к следующей. Никаких иллюзий по поводу этичности своего увлечения она не питала и действовала с поистине ошеломляющей хитростью. За все время она не прикоснулась ни к единой овце в радиусе десяти миль от Болескина; она никогда не возвращалась на место преступления в тот же день; и, более того, она не забывала обеспечить себе алиби. И, разумеется, не оставляла на себе никаких следов крови. Но это еще полбеды. Наутро после убийства она притворялась больной и начинала таскать к себе в конуру всякие вещи, как будто желая сказать: «Что, хозяин, хочешь знать, чем я занимаюсь? Ну так смотри!» Кроме того, она понимала, что на ее стороне — присущие ей необычайная быстрота и выносливость. Однажды она загрызла очередную овцу милях в сорока[1] от Болескина, не меньше. Никому, кроме ее хозяина (которому она доверяла и знала, что он не выдаст), и в голову бы не пришло, что она способна одолеть такое расстояние — да еще и завалить добычу — за одну ночь. Так моя Этельдреда бесчинствовала несколько месяцев, не навлекая на себя ни малейших подозрений, даже после того, как овец стали стеречь с удвоенной бдительностью; и не будь она таким великолепным животным, возможно, вся эта резня так и сошла бы ей с рук. Но ее размеры и красота слишком бросались в глаза. Против нее накопилось столько свидетельств, что отшучиваться стало невозможно, и пришлось отослать ее обратно в Лондон.

Зимний Болескин — превосходное место для *ski-laufen*[2]. В самой долине снега выпадает немного, но на торфяных пустошах за Страт-Эррик попадаются всхолмья, простирающиеся на много миль. Склоны там по большей части пологие, а снег не сходит до конца марта.

Одно время в Уосдейл-Хэд мы развлекались бросанием бумеранга. Эккенштейн издавна интересовался этими штуковинами и изобрел множество новых моделей, каждая из которых

1 *«...милях в сорока»* — т.е., примерно в 65 км.

2 *Ski-laufen* — «лыжный спорт» (нем.).

летала по-своему. И вот случилось так, что в долину приехал Уокер из Тринити-колледжа, заслуживший стипендию за эссе о математических свойствах бумеранга. Теоретик и практик отлично дополнили друг друга, и на свет появилось несколько поистине необычайных конструкций. Одну из них можно было метнуть на полмили, даже моей рукой, хотя крикетный шар я не в силах бросить и на пятьдесят ярдов[1]. Вторая не возвращалась к месту броска, но, вылетев из руки по прямой, начинала затем выписывать волнообразную линию, то взмывая вверх, то снижаясь семь или восемь раз подряд, прежде чем приземлиться. Третья тоже вылетала прямо, ярдов сто скользила над самой землей, затем внезапно останавливалась, как будто наткнувшись на стену, подскакивала вверх футов на пятьдесят[2], кувыркаясь в воздухе, и, наконец, замедлялась и спускалась на землю плавно расширяющейся спиралью. Разумеется, все эти исследования заставили нас задуматься о проблеме полета, и мы с Эккенштейном чуть было не взялись за нее всерьез. Мы собирались прорубить просеку в лесу на том участке моего имения, который граничил непосредственно с Лох-Несс, соорудить парашют и приладить его к велосипеду, оснащенному подвижными крыльями. На этой конструкции можно было попытаться разогнаться для взлета, а на озере нас подобрал бы паровой катер. Фактически, мы выдвинули ту самую идею, которая теперь, к 1922-му году, полностью себя оправдала. Но мы успели построить только эллинг[3], и дальше этого проект не пошел. Виной тому — моя тяга к странствиям.

Безобидная и такая полезная в хозяйстве домашняя кошка в горах Шотландии преображается до неузнаваемости. Даже самых смирных представителей кошачьего рода местный воздух свободы (по одной из гипотез) опьяняет настолько, что они бегут на волю, в леса, где начинают охотиться на кроликов и птиц. Но, по-видимому, они понимают, что это — чистой воды браконьерство, и, соответственно, человек становится для них заклятым врагом. Завидев его, они

---

1 *«...на полмили»* — примерно на 800 м; *«...на пятьдесят ярдов»* — примерно на 45 м.

2 *«...ярдов сто»* — около 90 м; *«...футов пятьдесят»* — около 15 м.

3 *Эллинг* — сооружение для постройки и хранения воздухоплавательных аппаратов.

пускаются наутек или, обезумев от страха, нападают безо всякой на то причины и бьются насмерть.

К великому моему отвращению дух торгашества поднял свою уродливую голову и в окрестностях Болескина. Британская алюминиевая компания выразила желание использовать гидравлическую энергию водопадов в долине близ Фойерса. Фойерские водопады — одна из прекраснейших природных достопримечательностей Британских островов; так почему бы не приставить ее к делу?

Сидел я на мысу над водопадом,
Где водный ток не рассекал скалу,
Но облаками света и прохлады
Над ней клубился, разгоняя мглу,
И вихри вод
Сплетались в лучезарный хоровод;
И вторило бесстрастному прибою
Торжественное эхо громовое,
И сотрясало оглушенный мыс,
И разносило грохот вдаль и ввысь,
И страстным гулом воздух пламенило.
И пики гор немых, ему внемля,
Склонялись в знак согласья, и земля
Смеясь от счастья, наливалась силой,
И весть войны несла, — но разом вдруг
Умолкло все, и замер слитный звук,
И в сердце тишины звезда застыла.

Так, средоточьем смерти всеохватной,
Сидел и ждал я, ухо приклоня:
Быть может, глас Господень благодатный
Сойдет из горних высей на меня, —
Пока не оковал
Меня последний сон средь этих скал:
Не разорвут ни глас, ни песнопенье
Глухой покров вселенского успенья;
Застыли в небе солнце и луна;
Но воля — духа ось — не знала сна,
И в высшем одиночестве покоя,
Не разумея ни печаль, ни смех,
Искала недра смертоносней тех,

Что целый мир объяли предо мною,
И зная, что она и есть Господь,
Была чужда и счастья, и невзгод,
И не томилась страстью и виною[1].

Ничто не оскверняет и не разрушает природу так, как стяжательство. И бороться с этой человеческой низостью бесполезно: даже просто соприкоснувшись с ней, мы уже рискуем сами подхватить заразу. С меня вполне довольно сознания того, что эта порочная цивилизация стремительно уничтожает себя собственными руками; когда мне в ноздри бьет ее смрад, я понимаю, что она уже прогнила, и нахожу утешение в словах лорда Дансейни[2]. А между тем из воды продолжают делать деньги — этот опаснейший из всех наркотиков: после первого же приема к нему возникает болезненное пристрастие, которое уже невозможно утолить никогда.

Возвращаясь к Британской алюминиевой компании: если огонь в печах ее заводов угасал, растопить их заново стоило больших денег. Поэтому гасить их каждую субботу вечером[3] было невозможно. Когда местные жители об этом узнали, их объял неподдельный ужас. Какое немыслимое кощунство! Мало того, какая невообразимая глупость! Неужели эти приезжие из Глазго не понимают, что Господь не оставит такую мерзость безнаказанной? И вот, в первую субботнюю ночь после начала работы завода народ высыпал на окрестные холмы — полюбоваться зрелищем божественной кары, которая обрушится на головы богохульников. Никто так и не смог потом объяснить, почему завод остался цел и невредим!

---

1 Отрывок из стихотворения Кроули «Гимн отшельника одиночеству» (из сборника «Оракулы», 1903).

2 *Дансейни*, Эдвард Планкетт (1878—1957) — англо-ирландский писатель и драматург, автор фантастических и мистических произведений. Возможно, имеются в виду строки из предисловия к его сборнику рассказов «Чудесные сказки» (1916), написанного в годы Первой Мировой войны: «Сейчас может казаться, что европейской цивилизации почти уже пришел конец и ничего больше не взрастет на ее истерзанных полях, кроме смерти; но это время пройдет, и мечты вернутся и расцветут, как встарь, воссияв только ярче от того, что по земле прошелся этот чудовищный плуг, — и много, много лет еще будут расцветать цветы на месте окопов и подснежники будут находить себе приют в старых воронках от бомб, когда рыдающая Свобода наконец вернется во Фландрию».

3 *«...гасить их каждую субботу вечером»*: т.е., для соблюдения традиционного христианского дня отдыха — воскресенья.

Вышеупомянутая дама в итоге двух недель, которые мы провели с нею вместе в Париже, получила то, чего желала. Соответственно, я считал своим долгом заботиться о ней до следующей весны. Ее надежды должны были исполниться — освободив меня от этой ответственности — до начала моей Операции.

Ввиду того, какие опасности и помехи навлекло на меня одно только намерение приступить к Операции Абрамелина, я попросил Джонса приехать ко мне на шесть месяцев, отведенные для этой работы. Во-первых, того требовало обычное благоразумие: по возможности надо было заручиться поддержкой посвященного. Во-вторых, человеку, с головой ушедшему в сосредоточенную магическую работу, очень неудобно поддерживать общение со внешним миром по всяческим повседневным надобностям. Однако Джонс приехать не смог, и тогда я попросил о том же Рошера[1]. Он согласился, но, не прожив в Болескине и месяца, не выдержал напряжения. Однажды утром я спустился к завтраку и обнаружил, что Рошера нет. Я спросил дворецкого, куда он подевался; тот, удивившись моей неосведомленности, ответил, что мистер Рошер рано утром отбыл в Инвернесс. И это — без единого слова объяснений. После я много лет не встречался с ним и ничего о нем не слышал, а когда мы, наконец, увиделись снова, то с легкостью вернулись к дружескому и даже близкому общению, но о том происшествии вспоминать не стали.

Как-то раз, вернувшись с охоты на кроликов, я застал у себя в кабинете католического священника. Он пришел сообщить, что мой арендатор, проживший в совершенной трезвости двадцать лет, внезапно запил, буянил три дня и, наконец, попытался убить свою жену и детей.

Я пригласил на место Рошера одного старого знакомого из Кембриджа, но вскоре и тот начал выказывать признаки панического страха. А между тем сгущались другие тучи. В лондонском храме, завидуя моему стремительному продвижению по степеням, отказались посвящать меня во Второй орден, хотя я получил приглашение от самого Вождя[2]. Увидев, как обернулось дело, он позвал меня к себе в Париж, чтобы возвести

1 *Рошер* — см. примеч. 1 на стр. 264.

2 *«...от самого Вождя»* — т.е., от С.Л. Макгрегора Мазерса (см. примеч. 4 на стр. 42).

в искомую степень. Я поехал, а вернувшись десять дней спустя, обнаружил, что моя подопечная тоже чего-то испугалась, сбежала в Лондон и спряталась.

Помимо этих относительно объяснимых случаев воздействия на человеческую психику, наблюдались бесчисленные физические феномены, объяснить которые уже было бы непросто. Пока я изготавливал талисманы — квадраты из пергамента с надписями китайской тушью, — даже в самые погожие дни приходилось использовать искусственное освещение, хотя я работал в самой солнечной комнате дома. Стоило мне взяться за работу, всякий раз сгущалась тьма, ощутимая почти физически. Более того, «приют» и террасу вскоре наводнили какие-то призрачные существа, довольно плотные — как правило, почти непрозрачные. Я видел разнообразные обличья; но в действительности, строго говоря, они не имели формы. Описать это явление нелегко. Как будто некая сила воздействовала на саму зрительную способность: предметы, которые я видел, на самом деле вовсе не были предметами. Они словно принадлежали к какому-то иному плану, который влиял на зрение, но не предоставлял ему реальных образов.

На одной только суровой решимости я все же успел подготовить все вовремя, чтобы приступить к самой Операции на Пасху. К сожалению, в те дни я еще не знал, как ценны магические дневники для истории. Я нашел лишь несколько дат; более того, я не удосужился в свое время сделать записи даже о тех удивительных явлениях, которые описаны выше. Меня не интересовало ничего, кроме Достижения. Все, что, с моей точки зрения, лежало в стороне от прямой дороги к цели, воспринималось как досадная помеха, препятствие и отвлечение. Так что, помимо воспоминаний, основными источниками информации о моей жизни в тот период остаются стихотворения, ритуалы и записи видений.

Поэзии я по-прежнему уделял много внимания. Мое «Воззвание к Американской республике»[1] родилось во время приятного путешествия из Женевы в Париж в компании двух американцев. Поэма эта популярна до сих пор, хотя время от времени «И спрятал русский лжец коварную главу» приходится заменять на «прусский» и так далее. «Carmen

1 См. Приложение, стр. 305.

Saeculare»[1] — это, в сущности, плод видения, до некоторой степени пророческого. Некоторые предсказания из него уже чудесным образом сбылись, хотя наш век еще молод; другие ожидают своего часа — но я не собираюсь задерживаться на этой земле лишь для того, чтобы в этом удостовериться: я не настолько тщеславен!

«Роковая сила»[2], написанная весной 1899 года, в одном отношении весьма интересна. Суть этой пьесы — в том, что некая верховная жрица, недовольная тем, что для продолжения рода требуется участие мужчины, решает взять в мужья собственного сына, а затем — сына от этого брака и так в конце концов произвести на свет ребенка, который на семь восьмых будет состоять из нее самой, а, значит, унаследует почти всю ее мудрость и силу. Я полагал, что эта идея оригинальна, но позднее обнаружил эту же самую формулу у Элифаса Леви: тот пишет, что именно с такой целью ее использовали древние персидские маги. Это один из фактов, приведших меня к открытию, что в предыдущем воплощении я был Элифасом Леви[3].

В «Материнской трагедии»[4] заметно влияние Ибсена и, в некоторой степени, Бульвера-Литтона[5].

Однако уже в «Храме Святого Духа»[6] читателю открывается путь развития моей собственной души. Несколько стихотворений из этого сборника относительно обычны. Можно наглядно видеть, чем и насколько я обязан своим предшественникам, в особенности Бодлеру. Но несмотря на все восторги по поводу услад, даруемых демоническими Далилами, налицо уверенное продвижение к предельной духовной чистоте. Истинные мои устремления раскрываются в «Атаноре» — инвокации Священного Ангела-Хранителя; а «Горный Христос», «Розенкрейцер» и некоторые другие стихотворения ясно показывают: если я и мечтал превзойти все человечество, то лишь для того, чтобы помочь ему спастись.

---

1 См. Приложение, стр. 305.

2 См. Приложение, стр. 305.

3 *«...в предыдущем воплощении я был Элифасом Леви»* : подробнее см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 112—114, особ. п. 3.

4 См. Приложение, стр. 307.

5 *Бульвер-Литтон* , Эдвард (1802—1873) — английский лорд, писатель, оккультист и розенкрейцер, друг Элифаса Леви.

6 См. Приложение, стр. 305.

Цитирую:

Клятва Начала

Я, Perdurabo[1], Frater Ordinis Rosae Rubeae et Aureae Crucis[2], Владыка Путей ко Вратам, ведущим в Усыпальницу Адепта, посвященный степени 5°=6° Ордена Золотой Зари и смиренный слуга Господа Христа ныне связываю себя духовно новым обетом. Клянусь:

Мечом Возмездия;
Силами Стихий;
Крестом Страдания, —

что я всецело предамся Великой Работе — достижению Общения с моим Высшим и Божественным Гением (именуемым Ангелом-Хранителем) при помощи предписанных средств; и что всякую Силу, обретенную в этой Работе, я направлю на Спасение Вселенной.

Да помогут мне Владыка Вселенной и собственная моя Высшая Душа!

Далее эта идея развивается в клятве, которую я принес непосредственно по поводу Операции Абрамелина. Здесь уже очевидно влияние моего посвящения во Второй орден. Во Внешнем ордене я еще не осознавал в полной мере того факта, что я неразрывно связан с благополучием всего человечества и могу утолить свои стремления, только превратившись в совершенное орудие для возрождения мира. И снова цитирую:

Клятва Операции

Я, Perdurabo, перед лицом Владыки Вселенной и всех Сил Божественных и Ангельских ныне связываю

---

1 *Perdurabo* — магический девиз Алистера Кроули на степени Неофита (0°=0°) Герметического ордена Золотой Зари. В переводе с латыни означает «Претерплю до конца» и восходит к евангельскому изречению «...претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24:13).

2 *«Frater Ordinis Rosae Rubeae et Aureae Crucis»* — «Брат Ордена Красной Розы и Золотого Креста» (лат.).

себя духовно, так же как физически я привязан к сему Кресту Страдания. Я клянусь:

1. Насколько дозволят и помогут мне Боги, живущие вечно, Эоны Бесчисленных лет, соединить свое сознание с божественным, дабы, затерявшись в Безграничном Свете, оно нашло Себя — ради Возрождения Рода человеческого или же того, на который будет Воля Божья. Я же всецело предаюсь Божественной Воле.

2. Идти к этой цели, насколько то будет зависеть от меня, тем путем, который предписан Магом Абрамелином, и следовать ему отважно и скромно, с любовью и стойкостью.

3. Совершенно презирать всё мирское и мнения мира сего, дабы они не мешали мне это исполнить.

4. Использовать свои способности только во имя Духовного блага всех, с кем сведет меня судьба.

5. Не оставлять места Злу; и вечно бороться с Силами Зла, пока они не обретут спасение во Свете.

6. Обрести гармонию духа, дабы его Равновесие вело меня на Восток и мое Человеческое Сознание не уступало своей власти Инстинкту.

7. Побеждать искушения.

8. Изгонять иллюзии.

9. Всецело довериться Господу Богу, Единому и Всемогущему, ибо сказано: «Блаженны все уповающие на Него»[1].

10. Возвысить сей Крест Жертвы и Страдания и сделать так, чтобы Свет мой сиял среди людей, дабы они восхваляли Отца моего, сущего на Небесах[2].

Сверх того я торжественно обещаю и клянусь постичь сию Святую Науку так, как предписано в Книге Абрамелина, не упустив ни малейшей подробности ее содержания; не толковать ее и не рассуждать, что может означать то или иное из того, что в ней сказано; не употреблять сию Священную Науку ни на поругание Бога Великого, ни во зло ближнему моему; не передавать

1 Пс. 2:12.

2 *«Я, Perdurabo <...> сущего на Небесах»*: эта часть клятвы основана на присяге Младшего Адепта (5°=6°), переработанной для целей Операции.

ее ни единому живому человеку, не постигнув прежде сути его на деле и в долгих беседах и не уверившись в том, что он воистину намерен использовать сию Науку не во Зло, но только во Благо. И буду вручать сию Науку другому в точности тем же образом, как Абрамелин вручил ее Аврааму. И да не принесет она плодов тому, кто получит ее иначе. Я буду бежать как от скорпиона от торговли этой Наукой. И да пребудет сия Наука во мне и в роду моем столько, сколько будет угодно Всевышнему[1].

Я клянусь соблюдать все это в целом и по отдельности под страхом навлечь на себя гнев Господа моего и Того, к Познанию и Собеседованию с кем я стремлюсь со всем пылом страсти.

Да помогут мне Владыка Вселенной и собственная моя Высшая Душа! <Некоторые из вышеприведенных пунктов предписаны самим Абрамелином, а некоторые заимствованы в переработанном виде из документов степени 5°=6°.>

На протяжении этого периода я продолжал практику видений и путешествий на различные духовные планы. Имеет смысл привести здесь записи о некоторых подобных опытах. Они наглядно показывают, чего я уже достиг к тому времени.

Лежа в постели, я призвал ангелов и духов скрижали Огня с именами и прочим и прочел 6-й Ключ[2]. Затем (в образе Гарпократа[3]) я вошел в свой кристалл. Встретивший меня ангел сообщил мне, помимо прочего, что они (т.е. ангелы и духи скрижалей) "воюют

1 *«Сверх того я торжественно обещаю <... > угодно Всевышнему»*: эта часть основана на клятве, которую Абрамелин взял со своего ученика Авраама, автора «Книги Священной Магии Абрамелина-мага».

2 *6-й Ключ* — имеется в виду 6-й Ангельский Ключ енохианский магии, используемый для призывания ангелов Скрижали Огня; см.: Алистер Кроули. *Видение и голос. Книга Еноха*. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 284, 293—294.

3 *Гарпократ* (греч.; др.-егип. Хор-па-Хереду) — древнеегипетское божество, ипостась Хора, олицетворение восходящего солнца. Изображался в виде мальчика с «локоном юности», держащего палец у рта. Древние греки истолковали этот жест как знак молчания. Символический образ Гарпократа (большой или указательный палец, прижатый к губам) используется в магической системе Золотой Зари как Знак Молчания.

с ангелами Тридцати эфиров[1], дабы не позволить тем найти квадратуру круга". Я последовал за ним в обители Огня, но, должно быть, заснул или почти забылся. Так или иначе к сознанию я вернулся в совершенно особом состоянии: я был наполовину здесь, наполовину там. Окончательно придя в себя, я изгнал духов; но я чувствовал, что весь горю. Я метался в постели — очень хотелось спать, но меня пожирал огонь! Вернуться к нормальному состоянию помогло только повторное и очень тщательное облечение божественной формой Гарпократа. Затем мне снился долгий сон про какую-то женщину, которая собиралась бежать со своим возлюбленным, а я ей помогал. Затем приснился мужчина, который пытался украсть мою драгоценную эмблему Розы и Креста из ящика туалетного стола в гостинице. Я его поймал и обнаружил, что он неестественно слаб (я без труда мог гнуть и плющить его как угодно) <один из моих критиков упомянул этот случай как пример абсурдности магии — как будто магия в ответе за иррациональность снов!>, после чего сон утратил связность... Помню, как я таскал этого человека за собой, нашел щетку для волос, чтобы побить его, и т.д., и т.п. Вопрос: это была полная одержимость?

Призвав ангелов Земли, я добился удивительных результатов. Ангел, мой проводник, обращался со мной весьма презрительно и был очень груб и прям в выражениях. Он показал мне разные вещи. В центре Земли пребывают Роза и Крест. Эта Роза — Абсолютное Самопожертвование, растворение всего сущего в Нуле (Небытии) Универсального Принципа продолжения рода через преображение (не только женщины), и она же — Вселенский Свет, «Khabs». Крест же — это Расширение, то есть принцип «Pekht». Скорее всего, я узнал бы больше, но отвлекся. На этом завершилось последнее из четырех элементальных видений; увы! как слаб, самодоволен и глуп я был в них!

1 *Тридцать эфиров* — в енохианской магии 30 духовных планов, или сфер, окружающих земной мир, который, в свою очередь, ограничен четырьмя *скрижалями* стихий.

...после полудня закрылся в комнате и отправился в путешествие. <... > Я следовал за особым, личным своим провожатым <это ужасное выражение — не мое; не судите обо мне по нему!>; и увидел (после некоторых не столь значительных картин) нашего Учителя, сидевшего у Колодезя с Женщиной Самарянской[1]. Пятеро ее мужей — пять великих религий, осквернивших чистоту Девы Мира; а «тот, которого ныне имеешь», — материализм (или современное мышление).

Увидел я и другие сцены из Его жизни; и увидел самого себя — тоже распятым! Затем я направился вспять во времени вплоть до самого Берешит[2], Начала; и было мне дозволено узреть чудесные вещи.

Вначале — Бездну Вод, над которой сам я реял на крыльях Гения моего среди прочих тусклых пламен, как Шин над Мем[3]. И узрел я победу Ра над Апофисом[4] и Первую Золотую Зарю! О да; и восстали чудовища, полуоформленные лики[5]; но не устояли они.

И возникла твердь.

И снова Хаос и Смерть!

Затем — Ат ха-Шамаим и Ат ха-Эрец[6]. Вихрь переплетающихся между собой бесчисленных туманностей, множество концентрических систем, каждая из которых имеет свой собственный центр, но все вращаются вокруг общего центра всей их совокупности. Они вращались все быстрее и становились все менее

---

1 *«...с Женщиной Самарянской»* — см. Ин. 4.

2 *Берешит* (בראשית) — «в начале» (др.-евр.), первое слово Пятикнижия.

3 *«...как Шин над Мем»* — т.е., как Дух Божий над водою (см. Быт. 1:2): древнееврейская буква Шин соответствует Духу, а Мем — стихии Воды.

4 *Ра* — древнеегипетский бог солнца, согласно мифу, побеждающий чудовищного змея Апопа (эллиниз. *Апофис*).

5 *«И восстали <... > не устояли они»* — фраза из описания каббалистической истории сотворения мира. Согласно этой истории, созданию нынешней Вселенной предшествовали неудачные попытки творения, в результате которых возникали неустойчивые, неуравновешенные миры (именуемые здесь «полуоформленными ликами»), быстро разрушавшиеся под влиянием хаотических сил. Данное описание входит в церемонию посвящения в степень Философа (4°=7°) Золотой Зари: «И восстали полуоформленные Лики Тьмы; но не дано им было утвердиться, и не устояли они».

6 *«Ат ха-Шамаим и Ат ха-Эрец»* — «Сущность Неба и Сущность Земли» (др.-евр.), из Быт. 1:1; в русском синодальном переводе — «В начале сотворил Бог небо и землю».

материальными по мере того, как я отступал дальше и дальше назад во времени. (P.S. Это научная гипотеза, прямо противоположная теории Анны Кингсфорд.) И вот, наконец, они превратились в кружащиеся колёса света; и через них волнами — по перпендикулярам к касательной — шел трепет иного, незримого света, более мощного. Мне велели идти еще дальше в прошлое... Я парю на спине в пространстве — и вдруг низвергаюсь в потоке Света, сошедшего на меня, как ветер, от безмерных Высот. (Свет этот — голубовато-серебристого цвета.) И высоко надо мною, в непостижимой выси, я вижу Лик; и это — лик абсолютной красоты. А затем я как будто увидел убиенного Агнца в Блеске Этих Очей. Так я очистился; ибо разве может устоять перед этим что-то нечистое? Мне сказали, что лишь немногим удавалось продвинуться так далеко вспять, а дальше этого рубежа — никому; даже те, кто *могли бы* пойти дальше, не делали этого, ибо тогда они вернулись бы в Начало безвозвратно, а это не подобает тому, кто поклялся воздвигнуть Знамя Жертвы и Страдания, в котором — сила. (Забыл упомянуть об ангелах в том вихре планет. Они смотрели на меня с любопытством и никак не могли понять моих объяснений, когда я сказал им, что я — Человек, вернувшийся назад во времени, дабы увидеть Начало Всего Сущего.)

<... > я возвратился; трудно было отыскать землю. Но я воззвал к S.R.M.D. и V.N.R.[1], которые были рады меня видеть, и вернулся в свое тело... лишь для того, чтобы потратить целый вечер на пустое глумление над одним слабоумным медикусом.

Мои действия постоянно свидетельствовали о том, что я от природы и в исключительном совершенстве обладал одним качеством, которое, по большому счету, для мага важнее всех.

1 *S.R.M.D.* — аббревиатура магического девиза «S Rioghail Mo Dhream» (ирл. «Я королевского происхождения»), который носил С.Л. Мазерс в качестве Младшего Адепта (5°=6°) Золотой Зари. *V.N.R.* — аббревиатура магического девиза «Vestigia Nulla Retrorsum» (лат. «Ни один из следов не повернет обратно», цитата из «Посланий» Горация, I.1.74), который носила Мойна Мазерс (1865—1928), сестра философа Анри Бергсона и супруга С.Л. Мазерса, вместе с мужем принимавшая активное участие в работе Ордена Золотой Зари.

А именно: я естественным образом презирал и безоговорочно, без малейших колебаний или сожалений, отвергал все, что стояло на пути к моей цели. И в то же время я мог полностью пренебречь этой целью ради более важной цели Ордена, которому я присягнул на верность.

В начале 1900 года я обратился к представителям Второго ордена в Лондоне за документами, право на которые давало мне посвящение, полученное в Париже. Они отказались, причем в таких выражениях, что стало ясно: лондонское отделение взбунтовалось против Вождя, хотя открыто заявить о своих намерениях еще не решалось. Я поехал в Лондон обсудить ситуацию с Джонсом, Бейкером и миссис Эмери[1]. Джонс прекрасно отдавал себе отчет, что, если бы Мазерс не был истинным главой Ордена и доверенным представителем Тайных Вождей, никакого Ордена не было бы вовсе. Бейкеру представлялось, что Мазерс ведет себя некрасиво, и вообще он устал от всей этой возни. Миссис Эмери, номинально замещавшая Вождя, пыталась найти дипломатическое решение. Она подходила к делу крайне серьезно и тяжело переживала вставшую перед ней дилемму. Поначалу она хотела было тихо уйти со своего поста, но получила в ответ письмо, потрясшее ее до глубины души. Оно датировано 16-м февраля 1900 года; приведу здесь полностью заключительные два абзаца:

> Далее, что касается Второго ордена, то ваша отставка с поста моего Представителя во Втором ордене Лондона внушает мне *глубочайшую скорбь*, как ввиду моего личного к вам отношения, так и в связи с оккультными соображениями. Однако я не могу допустить, чтобы вы сформировали группировку, которая повлечет за собой раскол во Втором ордене и вознамерится тайно и открыто работать под руководством «Sapere Aude»[2], ошибочно полагая, будто тот получил полномочия на управление Вторым орденом от Достопочтеннейшей Сестры «Sapiens Dominabitur

1 *«...и миссис Эмери»*: т.е., с Флоренс Фарр, которая в то время возглавляла лондонское отделение Золотой Зари.

2 *Sapere Aude* (далее S.A.) — магический девиз У.У. Уэсткотта (см. примеч. 3 на стр. 256).

Asrtis»[1]. Поэтому я принужден открыть вам одну тайну (полностью ручаясь за свои слова и изъявляя готовность доказать их самым исчерпывающим образом, а также повторить их перед лицом самого S.A.), однако ради блага Ордена и ввиду того, что она способна нанести сокрушительный удар по репутации S.A., я умоляю вас не распространять эту информацию *в Ордене*, по крайней мере до поры до времени; впрочем, *ему самому* можете показать это письмо, если сочтете нужным, но только *по зрелому размышлению*.

Он НИКОГДА не встречался и не состоял в переписке с Тайными Вождями Ордена. Мнимую переписку с ними он *подделал или заказал подделать*. Все эти годы мой язык связывала Клятва Молчания, которую он потребовал от меня, прежде чем показать мне то, что он сделал или распорядился сделать. Этих нескольких слов вам должно хватить, чтобы вы осознали *чрезвычайную серьезность* данного обстоятельства. И еще раз прошу вас, ради его блага и блага Ордена, не вынуждайте меня вдаваться в эту историю более подробно.

Это письмо поразило миссис Эмери в самое сердце, подорвав моральные основания всей ее работы. Получалось, что она годами посвящала людей в самозваный Орден, основанный на лжи. Теперь она не могла просто взять и молча уйти: вскрывшуюся правду следовало предать огласке и обсудить со всеми.

Однако я в своем выборе не принимал в расчет соображения этического порядка. К тому времени я уже был неплохо знаком с Мазерсом лично. Безо всяких сомнений, он был Магом высочайшей квалификации. Кроме того, он был ученым и джентльменом. Ему была присуща та особая властность, обладатель которой внушает доверие другим, потому что никогда не сомневается в себе. Человека, способного выдвигать такие притязания, как он, невозможно судить по традиционным нравственным меркам и законам. Обычная мораль — для обычных людей. Представьте, допустим, премьер-министра, получившего частным путем информацию, что кто-то открыл и разводит новую культуру бактерий, при помощи которой

1 *Sapiens Dominabitur Asrtis* — фрейлейн Шпренгель (см. примеч. 1 на стр. 257).

намеревается уничтожить все население страны. Если в такой ситуации он отдаст приказ о начале официального расследования, то лишь спугнет преступника и побудит его перейти к более активным действиям. Долг хорошего премьера в подобном случае — переступить через закон и раздавить грядущую катастрофу в зародыше. К тому же, я не исключал, что все поведение Мазерса было своего рода испытанием. Возможно, таким способом он ставил перед адептами вопрос, хватит ли им силы сосредоточиться на духовных обстоятельствах или же они отрекутся от истинной цели во имя своих предрассудков.

Так или иначе, лично для меня Мазерс был единственным связующим звеном с Тайным Вождями, которым я присягнул на верность. Я написал ему и предложил распоряжаться мною и всем моим достоянием по его усмотрению; даже если бы из-за этого пришлось отложить на неопределенный срок Операцию Абрамелина, я бы не возражал.

И вот дневниковая запись о том, какие плоды принесло это предложение:

> D.D.C.F.[1] принимает мои услуги, и я счастлив, что жертва моя принята. Засим я откладываю операцию Абрамелина-Мага, но Милостью Божией даже чрез это я утвердил новую связь с Наивысшим и обрел новое оружие против Великих Князей Зла Мира Сего. Аминь.

Я отправился в Париж, обсудил положение с Мазерсом и выдвинул следующие предложения о том, как обойтись с «храмом» отступников:

> I. Вызывать членов Второго ордена по одному в течение двух или трех дней. Каждый будет представать перед некой высокопоставленной особой в маске; также будет присутствовать протоколист. Каждый явившийся должен будет поклясться хранить в тайне содержание беседы, после чего ему будут заданы следующие вопросы:

---

1 *D.D.C.F.* — аббревиатура латинского девиза «Deo Duce Comite Ferro» («С Богом, моим повелителем, и мечом, моим другом»), который носил С.Л. Мазерс в качестве Свободного Адепта (7°=4°) Золотой Зари.

А. Убеждены ли вы в истинности учения и знаний, полученных на степени 5°=6°? Да или нет?

Если «да» (1) Следовательно, они могут происходить только из чистого источника?

Если «нет» (2) Я понижаю вас до степени Владыки Путей ко Вратам, ведущим в Усыпальницу Адептов.

Б. Если Адепт дает утвердительный ответ, то человек в маске продолжает: «Удовлетворяет ли вас логика этого утверждения? Даете ли вы торжественное обещание прекратить эту недостойную полемику по поводу руководства Ордена? Я со своей стороны могу заверить вас, что D.D.C.F. [Мазерс] действительно посвящен в степень 7°=4°».

Если «да» (3) — «В таком случае вы должны подписать этот документ. В нем содержится торжественное подтверждение вашей присяги 5°=6° с некоторыми дополнениями и обязательство чистосердечно поддерживать новые установления».

Если «нет» (4) — «Я изгоняю вас из Ордена».

II. Ввести практику ношения масок. Каждый будет знать лишь того, кто привел его в Орден[1].

В ритуал Врат или степени 5°=6° ввести суровые испытания на нравственное совершенство соискателя, отвагу, искренность, скромность и воздержанность от дурных поступков.

III. Созвать Внешний орден. Объявить членам Внешнего ордена о введении аналогичных установлений. Взять с них новые клятвы в том, что они будут хранить в тайне от новых членов Ордена личности тех собратьев, которые им уже известны.

IV. Заново освятить Усыпальницу[2].

---

1 *«Каждый будет знать лишь того, кто привел его в Орден»*: впоследствии этот принцип был введен в ордене А.·.А.·., который Кроули и Дж.С. Джонс организовали в 1906 году на основе существенно переработанной системы Золотой Зари.

2 *Усыпальница* Адепта — сооружение, игравшее важную символическую роль в посвятительном ритуале Младшего Адепта (5°=6°). Подробнее см.: *Храм царя Соломона*, указ. соч., т. I, стр. 320—322, 331—341.

Мазерс принял эту программу, и я отправился в Лондон выполнять ее. В своем блокноте для записи магических ритуалов я нашел заметку, свидетельствующую о том, в каком состоянии ума я находился:

> 12 апреля 1900.
>
> Я, Perdurabo, как временный полномочный посол Deo Duce Comite Ferro и, следовательно, Третий из Тайных Вождей Ордена Красной Розы и Золотого Креста осознанно призываю все законы и все Божественные силы, дабы я, избранный к исполнению сей задачи, совершил ее так, как совершил бы ее он сам, чего бы мне это ни стоило. Сим объявляю об этом своем священном устремлении пред лицом Божественного Света: да будет Он мне свидетелем.
>
> In Saecula Saeculorum. Amen![1]

Затем неожиданно возникло еще одно осложнение. В том роковом письме к миссис Эмери Мазерс заявил, что Sapiens Dominabitur Astris на самом деле не умерла, а находится сейчас в Париже и он с нею лично сотрудничает. Но к тому времени, как я добрался до Парижа, Мазерс успел жестоко разочароваться. Женщина, выдававшая себя за Sapiens, сбежала, захватив из его дома все ценное, до чего смогла дотянуться. Казалось невероятным, что такой человек, как он, поддался на подобный обман. Однако он сказал мне, что эта женщина действительно знала кое-что такое, что могла знать только Sapiens, и пересказала ему во всех подробностях один глубоко личный разговор, когда-то состоявшийся у него с мадам Блаватской на Денмарк-хилл. Впоследствии выяснилось, что эта мошенница — некая мадам Хорос. Вскоре ее арестовали и приговорили к семи годам каторжных работ за соучастие в насилии над юными девушками. Чтобы заманивать их в свои когти, она каким-то образом использовала украденные у Мазерса ритуалы Ордена.

Когда я прибыл в Лондон как исключительный и полномочный посол Мазерса, поднялся страшный переполох. Мое инкогнито очень скоро раскрылось, и закипела буря в стакане воды. Мятежники действовали бесчестно, не чураясь даже прямого

1 *«In Saecula Saeculorum. Amen!»* — «Во веки веков. Аминь!» (лат.).

насилия и распуская самые нелепые скандальные слухи не только обо мне, но и о тех немногих, кто оставался верен Мазерсу. Они не постеснялись даже оклеветать ни в чем не повинную молодую девушку, заявив, что она состоит со мною в предосудительно близкой связи. Это было тем более подло, что она собиралась замуж. По сей день я не могу взять в толк, почему такие люди, как У.Б. Йейтс, не пресекли жесточайшим образом подобную деятельность и не настояли на том, чтобы борьба велась честными методами. Бунтовщики захвали храмовую утварь и усыпальницу. Я обратился в полицейский суд с иском о возврате этого имущества. Получив повестку, мы с удивлением обнаружили, что в полицейский суд для разбирательства по делу о личном имуществе общей стоимостью не более нескольких фунтов вызвали самого мистера Джилла — королевского адвоката, одного из самых знаменитых юристов того времени! На оплату его услуг раскошелилась мисс Хорниман, дочь владельца чайной компании «Мазаватти», впоследствии прославившаяся благодаря своему манчестерскому театру[1]. Некоторое время назад Мазерс исключил ее из Ордена.

Я кое-что смыслю в военной стратегии, чтобы благоразумно уклониться от битвы, в которой противник собирается пустить в ход такую тяжелую артиллерию, как мистер Джилл. К счастью, спорное имущество было оценено в такую сумму, которая выходила за пределы компетенции полицейского суда, так что я отозвал иск без потерь, а мистер Джилл остался при своем красноречии и полученной предоплате. На самом деле бороться было не за что. Лагерь повстанцев погряз в анархии. Они выпускали разнообразные истерические манифесты, полные путаницы в мыслях и неточностей в утверждениях, личной злобы, пустого хвастовства и признаков невежества

1 *Хорниман*, Анни Элизабет Фредерика (1860—1937) — английская театральная деятельница и оккультистка, состоявшая в Герметическом ордене Золотой Зари под девизом «Fortiter et Recte» (лат. «Отважно и справедливо»). Была близкой подругой Мойны Мазерс и долгое время оказывала финансовую поддержку ей и ее супругу, но ко времени описываемых событий порвала с ними всякие отношения. *«...дочь владельца чайной компании "Мазаватти"»* — т.е. Фредерика Хорнимана, преуспевающего торговца чаем, путешественника, члена британского парламента и основателя лондонского Музея Хорнимана (начало которому положила коллекция произведений искусства и образцов экзотической флоры и фауны, собранная Фредериком в путешествиях). «...благодаря своему манчестерскому театру»: в 1908 году Анни Хорниман приобрела в собственность манчестерский театр «Гэйети», ставший под ее руководством первым в Британии местным репертуарным театром.

в английском языке. Одну ошибку даже стоит спасти от забвения: «Nothing in the above resolutions shall *e*ffect our connection with the Rosicrucian order». Бедняжки хотели сказать «*af*fect»[1].

Так они грызлись между собой несколько месяцев, после чего опамятовались и прекратили играть в магию. Из всех уцелел только Артур Эдвард Уэйт, все еще делающий вид, будто продолжает дело основателей, хотя в действительности он подменил ритуал неофита какой-то высокопарной и напыщенной болтовней, состоящей сплошь из витиеватых банальностей, так что в его изводе обряды окончательно утратили последнюю искру привлекательности. Мазерс, разумеется, продолжал начатое, однако он низвергся со своего пьедестала. Тайные Вожди изгнали его, и он впал в самое жалкое и презренное состояние, лишившись даже былой учености. Больше он не опубликовал ни одной книги и прозябал в позорном пьянстве до тех пор, пока смерть не положила конец его затянувшимся страданиям. Однако по-своему он был великим человеком. Будем надеяться, что он искупит ошибки прошлого и вернется к своим трудам, обогатившись опытом!

Между тем наступило лето и меня вновь обуяла жажда странствий. Возвращаться в Болескин до следующей Пасхи не было смысла. В гостях Мазерса — к которому я приехал, чтобы сообщить о результатах посольства, — я застал двоих членов Ордена, только что вернувшихся из Мексики. Мне захотелось туда же. В особенности меня пленила мысль о восхождении на тамошние великие вулканы. И в конце июня 1900 года я сел на пароход, доставивший меня в Нью-Йорк.

Конец первого тома

1 «*Nothing in the above* <...> *the Rosicrucian Order*» — «Ничто из вышеприведенных решений не воплотит в жизнь (*effect*) наших отношений с Розенкрейцерским Орденом» (англ.). Подразумевалось — «не повлияет (*affect*) на наши отношения с Розенкрейцерским Орденом».

Приложение

Литературные произведения Алистера Кроули

«Акелдама: земля для погребения странников. Философская поэма» — первая книга Кроули, опубликованная в октябре 1898 года в Лондоне Леонардом Смитерсом (примеч. 1 на стр. 198) за подписью «Джентльмен из Кембриджского университета» (см. примеч. 1 на стр. 198). Тираж составил всего 100 экземпляров, вследствие чего прошел почти незамеченным. Единственная известная рецензия на «Акелдаму» была опубликована в студенческом журнале Кембриджского университета: «Трудно сказать, какие книги вдохновили автора на сочинение этой поэмы, но, так или иначе, она не из тех, которые можно рекомендовать молодежи, ибо строфы ее хоть и не лишены определенной музыкальности, но несут на себе печать скептицизма и развращенности, а посему требуют осмотрительного подхода».

Ричард Качинский, автор современной биографии Кроули «Perdurabo: Жизнь Алистера Кроули» описывает это произведение так: «"Акелдама: земля для погребения странников" — поэма из тридцати двух строф, проникнутая страстью в самом широком смысле этого слова: от эротического пыла до экстаза приобщения к Божественному. Она повествует об исступленной борьбе автора с низменными чувствами, о переживании транса скорби и о напряжении, с которым он стремится разглядеть на высотах духа лик своего наставника». (См. стр. 197, 215)

Повесть об Архаиде. Роман в стихах» — вторая книга Кроули, впервые опубликованная в 1898 году (Лондон, «Кеган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко.») тиражом 252 экземпляра за подписью «Джентльмен из Кембриджского университета» (примеч. 3 на стр. 215). На это издание последовало несколько

отзывов в прессе. Уже после выхода следующего поэтического сборника Кроули («Песни духа», см. стр. 296, ниже), рецензент «Оксфорд мэгэзин» писал: «Мы нимало не удивлены, что "джентльмен из Кембриджского университета" оказался автором "Песен духа". Оба сборника в равной мере утонченны. Архаида, лесная нимфа, — возлюбленная Харикла, "любимца утренней зари". Однако на этой деве лежит ужасное проклятие, унаследованное от матери <...> [Время от времени Архаида против воли превращается в отвратительную змею.] Харикл клянется освободить ее; далее повествуется о том, как он приходит к самой Афродите с просьбой о помощи; Зевс выносит ему суровый приговор, желая покарать смертного за дерзость; но влюбленным удается перехитрить бога, и они счастливо воссоединяются в человеческом облике. По существу, это сказка о любви — любви, исполненной вожделения; сказка откровенно языческая, но подразумевающая единение со всей Природой. Автор искал слова для выражения наивысшей формы телесной любви и нашел их, избежав сладострастия; песнь его столь же чиста и свободна от скверны чувственности, как "Песни духа" свободны от болезненности и декаданса. Мы с интересом будем ждать новых работ этого художника» (29 ноября 1899 года).

Еженедельник «Сэтурдэй ревью» отметил, что «Повесть...» отличается «приятной изысканностью слога», но «совершенно неоригинальна», а в «Кембридж ревью» охарактеризовали ее как «романтический вымысел на мифологические темы». Рецензент из «Академии» признал за автором «номинальное владение ритмом». В «Кембридж мэгэзин» была опубликована хвалебная рецензия: «"Джентльмен из Кембриджского университета" великолепно владеет пером, и многие из его работ необыкновенно прекрасны <...> Итак, мы полагаем, что в отношении силы описаний и красоты мысли автор "Повести об Архаиде" удерживает первое место среди новейших поэтов».(См. стр. 197)

«Песни духа» — сборник стихотворений Кроули, впервые опубликованный в декабре 1898 года (Лондон, «Кеган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко.») тиражом 351 экземпляр. Книга

открывается посвящением Джулиану Бейкеру (см. примеч. 2 на стр. 238) и содержит следующие стихотворения: «Памяти А.Дж.Б. [Ады Бишоп, тетки Кроули по материнской линии, см. стр. 57-60]», «Странствие», «Алхимик», «Сонеты к Ночи», «Путь философа», «Сонет», «Дурной сон», «Ученик», «Речи жреца», «Пасха», «Любовь фиалки», «Прощание Парацельса с Априле», «Весенняя метель в Уосдейле», «Невилл-корт: Тринити-колледж, Кембридж», «Суккуб», «Рондель [I]», «Сумерки», «Посвящение», «Исаия», «Буря», «Пшеница и вино», «Рондель [II]», «Образы Испытания», «Власть», «Всенощная», «На берегу Кэма», «Астрология» и «Дедал».

На сборник последовали отзывы в прессе. Обозреватель «Литрече» предположил, что «мистер Алистер Кроули, автор "Песен духа" ("Кеган Пол") — человек молодой; очевидно, он еще не вышел из суинберновского периода. Его стихи полны следов влияния "Стихотворений и баллад" [Суинберна]; они бурлят словами, за которыми, однако, кроется не так уж много мыслей. <...> Однако, несмотря на все высокопарные словеса о "жажде с любовью слиться воедино" и так далее, мистер Кроули обладает многими качествами многообещающего поэта. Его муза ветрена и склонна к мальчишеским преувеличениям, однако он наделен истинным музыкальным чутьем и чувством метра. Если он повзрослеет и узнает жизнь, то сможет писать весьма достойные стихи. Сомневаемся, что он когда-либо достигнет настоящей оригинальности, но для ученика, уверенно идущего к мастерству, он весьма неплох» (6 мая 1899 года).

В «Букселлер» появилась следующая рецензия: «В эпилоге к своим "Песням духа" мистер Кроули утверждает: "Венок стихов я сплел в печали, Но в нем — покой, безбрежный мир", — и далее молит, чтобы стихи его "хоть на час тебе усладой послужили". Несомненно, многие из его стихов прослужат нам усладой гораздо дольше, ибо они не только звучны и мелодичны, но и полны мощной и оригинальной мысли. Они тяготеют к оккультной философии, в чем-то дикой, необузданной и зловещей, но ни в коей мере не лишенной признаков истинного поэтического воображения» (3 февраля 1899 года).

«Оксфорд мэгэзин» отметил, что «этот скромный томик содержит немало прекрасных мыслей, облеченных в изящные фразы; приковывает к себе внимание и дерзкий полет стиха.

"Прощание Парацельса с Априле", "Посвящение", "Путь философа" полны утонченных образов, порожденных живой фантазией мистера Кроули. Лирические зарисовки рассвета и ветра; «Всенощная», напоминающая одновременно и марш, и церковный гимн <...>. "Странствие" — еще одно стихотворение, заставляющее задуматься и дающееся читателю не без труда <...> Каждая страница отмечена печатью независимого ума» (29 ноября 1899 года).

Хвалебная рецензия появилась в «Гардиан»: «Утонченная лирика, иллюстрирующая смутные, но священные чаяния отрочества <...> Небольшое издание необычно высокого качества. <...> Глубокая духовность и техническое мастерство этих стихов пробудили в нас восхищение; читая их, мы в полной мере сопереживали той непринужденной игре настроений, которую мистер Кроули умеет передавать столь изящными намеками и, в то же время, столь живо. <...> в этом сборнике слышен поистине впечатляющий и оригинальный поэтический голос. Стих "Песен духа" — сложный, затейливый и самоуглубленный — свободен от всех искусственных ухищрений и чудачеств; он пылок, но в то же время размерен и легок в выражениях. <...> Яркие образы помогают вычленить впечатления из сплошного потока и придают им устойчивость и четкость».

Обозреватель «Атенеума» отозвался о сборнике неодобрительно: «Читать это трудно; к тому же, когда автор затрагивает определенные предметы, чувствительность в нем уступает место чувственности. Мы не вправе утверждать, что эти стихи достойны прочтения». Однако «Черч таймс», рупор англиканской церкви, выразил иное мнение: «Эти многообещающие стихи, представляющие собою, если наша догадка верна, плоды ранней юности, позволяют нам предсказать, что от мистера Кроули можно будет ожидать великолепных работ, когда его жизненная философия созреет и разовьется полностью». Литературный журнал «Гранта», выпускавшийся студентами Кембриджа, отметил: «Не разделяя чувств, выраженных на страницах этой книги, мы, тем не менее, должны признать, что с литературной точки зрения эти стихи весьма достойны». Наконец, «Литерари газетт» откликнулась на сборник так: «На страницах его слишком много места

отведено соперничеству между земной и небесной любовью <...> Плач скитальца, подобный этому, невозможно признать сколько-нибудь значительной работой <...> Меньше самоанализа — вот наш совет». (См. стр. 82, 197-198)

«Белые пятна» — сборник стихотворений Кроули, впервые опубликованный в ноябре 1898 года. Был отпечатан подпольно в Амстердаме и подписан псевдонимом «Джордж Арчибальд Бишоп», для которого Кроули взял фамилию своего дяди, Тома Бонда Бишопа (см. стр. 53 и далее). Значительная часть тиража (состоявшего всего из 100 экземпляров) была уничтожена таможней в 1924 году: цензоры сочли это издание порнографическим. В сборник вошли следующие стихотворения: «Введение: сонет Деве Марии», «Отрывок», «Радуга», «При посылке экземпляра "Стихотворений и баллад"», «Ad Lydiam, ut secum a Marito Fugeret», «Contra Conjugium T.B.B.», «Баллада о выборе», «Ревнивый любовник», «Баллада о веселой Марион», «В Стокгольме», «Матильда», «Пора проститься», «Всю ночь», «Ода Венере Каллипиге», «Volupte», «Рондели», «Ad Lucium», «Весенний пэан», «Дж.Л.Д.», «Баллада о пассивной педерастии», «К А.Д.», «В Киле», «Строфы в дополнение к "Балладе о тяготах"», «"Пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих"», «Кровавый лотос», «Моему первенцу», «Chant au Saint-Esprit», «Победа», «Спящая в Карфагене», «С собакой и дамой (Октябрьская идиллия)», «Ἑρμαφροδιτου ̓Οναρ», «La Juive», «Некрофилия», «Ἄβυσμος». (См. стр. 198-199)

«Иеффай, и другие мистерии, лирические и драматические» — сборник стихотворений Кроули, опубликованный в 1899 году (Лондон, «Кеган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко.») тиражом 1006 экземпляров. Помимо трагедии «Иеффай» на библейский сюжет (см. Суд. 11, 12) и «Посвящения» Суинберну, в сборник вошли стихотворные циклы «Пять поцелуев» и «Благородные прелюбодеи», «Поэма (маленькая драма в четырех сценах)», а также стихотворения «Легенда о Бен Леди», «Спуск с Мёнха», «Ода», «Сны», «Грезы Смерти», «Весенний сонет», поэма «De Profundis», «Два сонета на музыку Брамса

и Чайковского», «День святого Валентина», «Ода поэзии», «Сонеты автору фразы: "Я не джентльмен, и у меня нет друзей"», «Сонет: Сон», «Канун любви», «Утро разочарования», «У реки», «Людская надежда», «Сонет на рисунок гермафродита работы Дж.Ф. Келли», «"Совершенная любовь изгоняет страх"», «Лесная идиллия», «Perdurabo», «На Гаррет-Хостелбридж», «Любовь», «Сонет Клитии», «День святого Валентина 1898 года», «Пенелопа», «Любовь на острове», «Сонет о богохульстве», «Похищение Смерти», «В лесах с Шелли», «Видение на горе Ушба» и «Элегия, 27 августа 1898 года».

Отзыв в газете «Нэйшн» от 16 ноября 1899 года гласил: «Мистер Алистер Кроули, ранее печатавшийся как "Джентльмен из Кембриджского университета", опубликовал теперь "Иеффая и другие мистерии, лирические и драматические" (Лондон: «Кеган Пол») и посвятил их Суинберну. Герой его "Мистерий" — молодой поэт, блуждающий по улицам Лондона и в ответ на вопрос, о чем он пишет, наивно заявляющий: "Я пишу обо всех ужасных вещах, которые вижу, и стараюсь найти в них красоту или сделать их красивыми" (стр. 105). По-видимому, в этом — ключ к методу мистера Кроули, хотя может показаться, что старается он спустя рукава. Удивительно, что в этом же самом сборнике обнаруживаются и такие нежные и глубоко поэтичные стихи, как "В лесах с Шелли" (стр. 211)».

Еще более неодобрительную рецензию опубликовал «Спикер»: «Упадок духа поэзии в Англии — едва ли не самая гнетущая из всех печальных примет нашего времени. Разумеется, великие барды подобны ярчайшим кометам, что озаряют наш горизонт непредсказуемо и редко, но сейчас создается впечатление, что тьма воцарилась навечно, и от того, как безропотно наша читающая публика принимает свою судьбу, положение кажется еще более безнадежным. Некоторые сочинители в известной степени овладели формой — как правило, путем рабского подражания успешным авторам, однако они напрочь лишены божественного вдохновения, и зачастую их опусы превращаются в бессознательные пародии. Прочие же не способны вообще ни на что, кроме нескладных и гротескных виршей, которые не следовало бы подпускать к печатному станку и на милю. Единственный вопрос, который

возникает у нас при виде словоизлияний мистера Кроули, — почему его друзья вежливо, но твердо не удержали его от демонстрации столь вопиющей бездарности. <...> Ни в отдельных фразах, ни в целых стихах не найти ни крупицы смысла, а о чувстве меры их автора можно судить по описанию современной Италии: "Орел вневременной <...> орел и феникс". Единственный поучительный факт, который можно отметить, — это то, что нападки на Бога и на королей почти всегда идут рука об руку, по крайней мере, в сочинениях поэтов, мнящих себя новейшими учителями человечества <...>».

«Букселлер» откликнулся далеко не столь резко: «Мистер Кроули — мастер цвета, невзирая на некоторые недостатки формы и четкости очертаний. Без сомнения, нетрудно было бы отыскать и перечислить все места, где его грамматика хромает, смысл теряет ясность, а выбор эпитетов и имен существительных определяется не столько естественной сочетаемостью, сколько требованиями рифмы; но когда в авторе чувствуется подлинная сила, на подобные вольности можно закрыть глаза. Мистер Кроули начинает писать по-настоящему хорошо, когда спускается со своих "мистических" высот и отбрасывает подобающую им таинственность» (4 августа 1899 года).

Хвалебная рецензия появилась в «Бирмингем газетт»: «Мистер Кроули выходил на литературную сцену уже не однажды — и не без успеха <...> Его приветствовали как многообещающего молодого поэта и последователя Суинберна <...> Следует отметить, что книгу эту открывает "Посвящение", выражающее восторг перед Суинберном, и что пьеса, вынесенная в заглавие сборника, — лишь одно из множества вошедших в него произведений. "Иеффай" — несомненная трагедия; цикл стихотворений "Пять поцелуев" исполнен страсти, искусен с технической точки зрения и дышит подлинным поэтическим неистовством <...> Сила и искренность лежащей перед нами книги позволяет нам предположить, что будущее — на его стороне».

Среди прочих на «Иеффая» откликнулась австралийская газета «Сидней морнинг геральд»: «Мистер Алистер Кроули — очень энергичный и плодовитый ученик Суинберна. Не раннего Суинберна с его музыкальной пышностью, и не позднего — с его респектабельностью, но, скорее, Суинберна

среднего периода, сочетающего музыкальность с техническим мастерством. Свою новую книгу "Иеффай и другие мистерии, лирические и драматические" (Лондон, «Кеган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко.») мистер Кроули посвятил Суинберну, и это действительно щедрый дар, который мог бы сделать честь любому поэту <...> Трагедия, вынесенная в заглавие книги, изобилует звучными стихами и изысканными образами. Поэт тонко чувствует и страдания отца, и горе дочери, и выражает эти чувства в стихах, поистине непревзойденных по форме. Временами он достигает высочайшей планки, хотя и не всегда ее выдерживает; но, так или иначе, некоторые песни хора с отличающей их скорбной мелодичностью надлежит признать подлинными шедеврами. Мы несомненно еще услышим о мистере Кроули более благосклонные отзывы, если он сумеет обуздать своего гарцующего Пегаса» (12 августа 1899 года).

«Пэлл мэлл газетт» высказала недовольство не только новым сборником, но и творчеством Кроули в целом: «Мистер Кроули относится к себе чересчур серьезно; он думает, что у него есть великая миссия, и убежден, что его поэзия должна найти отклик во всем мире и среди будущих поколений. Хотелось бы и нам думать так же <...> однако мы вынуждены отвергнуть эту приятную перспективу и высказать собственное мнение на сей счет. Мы полагаем, что подавляющее большинство читателей этого поэта оценивают его потенциал несколько иначе, нежели он сам. Мы полагаем, что мистер Кроули — молодой человек. <...> Вся книга говорит о том, что автор еще очень молод. Об этом свидетельствует и традиционное для молодых поэтов подражание Суинберну, и (увы!) обычная неспособность выдерживать его манеру, избегая его манерностей. <...> Не хотелось бы занимать внимание читателя рассуждениями о типично юношеской аффектации. <...> Мы не стали бы уделять мистеру Кроули так много места, если бы критические отзывы в прессе на его предыдущие публикации не свидетельствовали о том, что некоторые наши современники в свое время сочли нужным поощрить его к дальнейшим метрическим упражнениям. <...>».

Столь же негативным был отзыв «Черч таймс»: «Не просто незрелая, а совершенно сырая работа; весь фанатичный студенческий догматизм соединился в ней с неубедительной

страстностью запоздалого ученика Суинберна. <...> Мистер Кроули относится к себе слишком серьезно, что выдает в нем самонадеянного юнца. Не в его власти разрешить все человеческие проблемы при помощи поэзии. <...>».

Несколько более снисходительно откликнулись «Вэнити фэйр» («Мы не можем сказать, что эта книга бесперспективна. Однако на настоящий момент перед нами лишь ураган и буйство слов, приправленных ядовитыми насмешками надо всем и вся, столь милыми сердцу молодости. Но возраст и опыт порой творят чудеса; и, быть может, в один прекрасный день мистер Кроули научится писать хорошо. <...> Напыщенность и банальность! но есть надежда, что этот автор вырастет») и «Манчестер гардиан» («Если бы Суинберн никогда не писал стихов, то Алистера Кроули надлежало бы признать крупным поэтом в своем праве. "Иеффай" масштабен по замыслу и изящен по исполнению, и уже одного этого было бы достаточно, чтобы подтвердить притязания мистера Кроули на звание поэта. Но судить об особенностях его личного пути станет гораздо проще, когда он освободится хоть немного от влияния этой гигантской планеты, притянувшей его на свою орбиту»).

В «Скоттиш ревью» за сентябрь 1899 года также отметили, что автор «Иеффая» был «прилежным учеником мистера Суинберна и посвятил свою книгу ему. Он до некоторой степени уловил свойственный Суинберну огонь и, естественно, перенял некоторые его стихотворные формы. Но в запале страсти он пересуинбернил самого Суинберна и унесся в какие-то неведомые дали, непостижимые обычному уму. Судя по всему, его bete-noir [«предмет ненависти» (фр.)] — Бог Ветхого Завета и современного христианства. Одно упоминание об этом Боге действует на него как красная тряпка на быка. Кажется, он выбивается из сил в поисках эпитетов, достаточно грубых, чтобы передать, до какой степени он Его ненавидит. Но когда он слезает с этого конька, стих его, хотя и неровный, временами становится чистым и строгим, а проповедь — разумной. Однако в целом его книга чересчур пышет жаром и чересчур невнятна, чтобы назвать ее приятным или полезным чтением для тех, кто не склонен к бурным страстям».

Рецензент из «Джуиш уорлд» заявил: «Оценить уровень и значимость работы мистера Кроули оказалось чрезвычайно затруднительно. <...> Его талант неоспорим, но он тратит его впустую на тщетную погоню за непостижимым». Краткая заметка в «Литерари уорлд» гласила: «Быть может, мистеру Кроули не всегда достает вкуса, однако ему не откажешь ни в мощи певческого голоса, ни в совершенном владении формой. Мы с интересом ожидаем следующей его работы». «Морнинг пост» также выразил надежды на дальнейшее развитие автора: «Мелодично и красноречиво, но не выдерживает анализа и читается скорее как пародия, нежели как настоящая поэзия. <...> Сам текст свидетельствует о том, что автор еще молод; но, отдав дань увлечениям молодости на литературном поприще, он, быть может, с годами станет великим поэтом».

«Абердин джорнал» отозвался о новом сборнике Кроули более благосклонно: «Он уловил самую суть суинберновского стиля и кое в чем даже превзошел своего учителя. Временами его речь не вполне ясна, но в бессмысленное словоблудие он впадает нечасто, да и наихудшим из его оплошностей в этом отношении без труда найдутся параллели у того же Суинберна или Браунинга. Мистер Кроули наделен живым воображением и подлинно поэтическим темпераментом. Даже самый взыскательный критик не отыщет почти никаких огрехов в плавном, величавом потоке его ритмов. Он достиг совершенного мастерства в обращении со своим материалом. <...> И мы втайне предвкушаем тот не столь отдаленный миг, когда Алистер Кроули займет достойное место среди общепризнанных мастеров английской поэзии».

Наконец, еще одна доброжелательная рецензия появилась на страницах «Скотсмена»: «Это мощная работа. В хоровых фрагментах лирический накал достигает огромных высот, компенсируя с лихвой ту довольно невнятную теологию, которая затемняет смысл произведения в целом. <...> Попадается немало изящных сонетов и отрывков, захватывающих воображение стремительностью нетерпеливого чувства и музыкальностью языка. <...> Размышления достойны; они не просты, но и не осложняют восприятие стиха излишней глубиной; сам же стих вьется, как змеиный танец, озаряемый разноцветными вспышками чувства». (См. стр. 210, 240-241, 251)

«Роковая сила» — «египетская» пьеса Кроули, впервые опубликованная в 1901 году в сборнике «Материнская трагедия» (см. стр. 210, 280).

«Храм Святого Духа» — подборка стихотворений Кроули, разделенная для первой публикации (в 1901 году) на два сборника: «Душа Осириса» и «Материнская трагедия». Впоследствии была воссоединена и опубликована под первоначальным названием в первом томе «Собрания сочинений» Кроули (1905). (См. стр. 210, 280)

«Тангейзер» — драматическая поэма Кроули, впервые опубликованная в 1902 году. Подробнее см.: *Исповедь* Алистера Кроули, том II (готовится к печати). (См. стр. 210)

«Иезавель и другие трагические стихотворения» — поэтический сборник Кроули, впервые опубликованный в 1899 году в Лондоне под псевдонимом «граф Владимир Сварев». Книга была отпечатана частным образом, тиражом всего 52 экземпляра. Помимо поэмы «Иезавель», в сборник вошли стихотворения «Пердита», «О некоторых грехах», «Проклятие святых» и «Лот». (См. стр. 210, 213)

«Цирцеина греза» — рассказ Кроули, впервые опубликованный в сентябре 1909 года в журнале «Эквинокс» (I, 2). (См. стр. &)

«Воззвание к Американской республике» — поэма Кроули, впервые опубликованная в 1899 году (Лондон, «Кеган Пол,

Тренч, Трюбнер и Ко.») тиражом 500 экз. Рецензент из «Литрече» отметил, что в этой поэме «мистер Алистер Кроули <... > проявил себя как панегирист. Строфы его звучны и не лишены энергии, однако политического значения в них слишком много, а поэтического — слишком мало. Пусть Франция отступит, пусть Россия отойдет в сторону и весь мир замрет в молчании, глядя, как Англия и Америка рука об руку шествуют яростным маршем сквозь века посреди всевозможных эффектных выражений восторга со стороны земли, моря и небес. Изобилие пышных, но пустых образов придает всей поэме ореол бахвальства, не согласующегося ни с духом "воззвания", ни с той сдержанной и самодостаточной позицией, которую Великобритания занимает в настоящий момент. На наш вкус, "восхитительных лобзаний", "страстных объятий" и "пленительных улыбок" в этом произведении слишком много; к тому же, нам не понравилось выражение "клыкастое перо"» (20 января 1900 года).

Впоследствии поэма была включена в первый том «Собрания сочинений» Кроули, а в 1914 году переиздана в журнале «Инглиш Ревью». Последовал неблагоприятный отзыв, опубликованный в «Нью-Эйдж» 8 октября 1914 года за подписью «R.H.C.»: «...мистер Алистер Кроули обращается к Америке с одой, заставляющей предположить, что для него этот презренный континент — что-то вроде одной из идеализированных блудниц Суинберна. Как вообще возможно говорить в таких выражениях об этой стране <... >?» (См. стр. 279)

«Carmen Saeculare» (лат. «Вековой гимн», «Юбилейный гимн») — сборник стихотворений Кроули, названный в честь одноименного гимна Горация. Впервые опубликован в 1901 году (Лондон, «Кеган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко.») тиражом 506 экземпляров. Обозреватель из «Дэйли ньюс» отметил, что в этом сборнике «поэт предвещает, что, когда кельтская раса восстановит свои права, над миром взойдет заря новой эры — эры любви, справедливости и мира. Много сильных, нервных строк; встречаются и возвышенные мысли». (См. стр. 279-280)

«Материнская трагедия» — пьеса Кроули, впервые опубликованная в 1901 году частным образом в сборнике «Материнская трагедия и другие стихотворения» (Лондон, 500 экземпляров). Помимо двух пьес («Материнская трагедия» и «Роковая сила»), в сборник вошли стихотворения «Грех», «Вершина Любовной горы», «Мать на шабаше», «Жених», «Путь истинной любви», «Златоокая Мадонна», «Обычный порок», «Mors Janua Amoris» («Смерть — врата любви»), «Волшебница Сидония», «Блудница в раю», «Лесбийский ад», «Жнец», «День Господень», «Рост божества», «Мудрость любви», «Путь пессимиста», «Нефтида», «Против течения», «Стикс», «Смерть на Сицилии».

В рецензии из «Вестминстер Ревью» утверждалось: «Мистер Алистер Кроули — поэт, по-видимому, одержимый некими эзотерическими взглядами на жизнь и предназначение человека. Он сражается с теми же темными тайнами, которые волновали воображение Джона Форда [1586 — ок. 1637, английский драматург, самая известная пьеса которого, "Жаль, что она блудница" (1633), основана на теме кровосмешения. — *Перев.*]. К проблемам секса он подходит как независимый и нетрадиционный исследователь человеческой натуры. Его религия — уникальная смесь веры в Осириса и веры в Христа. Заглавная поэма этого нового сборника — мощная драма, разрешающаяся своего рода трагифарсом. Тема любви — не духовной, а сексуальной — мужчины к собственной матери далеко не нова, но мистер Кроули трактует ее в той отвратительной манере, которой древнегреческие поэты избегали вследствие своего тонкого художественного чутья. Некоторые отрывки из этой драмы по-настоящему хороши; "Роковая сила" — тоже исключительно мощная драматическая поэма, хотя сюжет ее столь же ужасен. Во всем сборнике едва ли найдется хоть одно стихотворение, свободное от патологий; и все же невозможно отрицать, что мистер Кроули имеет все основания притязать на звание поэта. Большинство людей, которым доводилось всерьез задумываться о загадках жизни, приходили к выводу, что религия, которую в наши дни исповедуют все, за малым исключением, их собратья, — не более чем бесплодное посмешище. Отношения между мужчинами и женщинами, равно как и установления государства и семьи, основываются по большей части

на систематической лжи. Мы не должны бояться заглянуть за завесу и спросить себя: "Что есть жизнь? Неужто вся она — сплошной материализм и пошлость? Или это какая-то тошнотворная комедия, в которой никому нет дела до того, как отразятся на других его поступки?" По-видимому, мистер Кроули убежден, что мир прогнил до мозга костей, — и он в значительной степени прав. Блюстители общественных приличий придут в ужас от его стихотворений "Mors Janua Amoris" и "Блудница в раю". И, в то же время, в этих дерзких стихах обнаружится немало азбучных истин. Но мы с вами живем в лицемерный век, и автор незаурядных стихов, которые мы здесь рассматриваем, по всей видимости осознает это, ввиду чего и отпечатал свою книгу частным образом. Эпилог, "Смерть на Сицилии", — действительно великолепные стихи, языческие по своей мощи и живости красок; однако ханжи, считающие наготу грязью и до безумия боящиеся смерти, отвергнут этого истинно одаренного поэта как "аморального"» (октябрь 1901 года).

В «Оксфорд Мэгэзин» последовал бранный отзыв: «Автора этих стихов, по-видимому, снедает желание вызывать у своих читателей тошноту; но, к счастью для злополучного обозревателя, мало-мальское чувство юмора спасает от напыщенной и абсурдной чуши, представленной ему на рассмотрение. <... > Лучшее, что мы можем сказать об этом сборнике, — это то, что он отпечатан частным образом» (4 декабря 1901 года).

Столь же нелицеприятно отозвались о «Материнской трагедии» в «Кембридж Ревью»: «Как ни досадно для обозревателя работать всерьез с изданием, опубликованным автором за свой счет и любезно присланным на рецензию, но эта книга все же потребовала к себе особого внимания, ибо она заслуживает громких протестов со стороны всех любителей литературы и ценителей порядочности. Посвященная, насколько вообще что-то можно понять из пролога, демонстрации самых непристойных предметов, она ни на шаг не отступает от этой заявленной цели. И если для человека, чистого душой, эта книга просто отвратительна, то в глазах художника она поистине чудовищна. По счастью, если под обложкой ее и водятся какие-то мысли, они сокрыты от глаз читателя в таких лабиринтах изощренного словоблудия, что уловить намек на ужасы, таящиеся в глубине, удается лишь от случая к случаю».

Рецензент «Атенеума» заявил: «Мистер Кроули — эдакий Суинберн для бедных: вторичный, необразованный, не владеющий слогом и не чувствующий красоты. Правда, ему присуща некоторая ритмическая живость, однако на этом все литературные достоинства его стихов и заканчиваются. Чтобы составить представление о "'Материнской трагедии' и других стихотворениях" (опубликованных частным образом), читателю достаточно вообразить себе пустомелю, непрерывно что-то доказывающего с пеной у рта. Впрочем, даже эта нелицеприятная метафора не передает всей тошнотворности предметов, которые считает своим долгом воспевать мистер Кроули. "Материнская трагедия" — это драма о кровосмешении, полная насилия и грубости. Некоторые из "других стихотворений" еще хуже».

В «Академи» новую книгу Кроули оценили более благосклонно: «Рецензируя не так давно одну из книг Алистера Кроули, мы, подобно "вздорному Кристоферу" [аллюзия на эпиграмму Альфреда Теннисона "Кристоферу Норту" (1833), адресованную критику Джону Уилсону, который пользовался этим псевдонимом. — *Перев.*], смешали хвалу с хулой. И теперь нам придется продолжить в том же духе, ибо "Материнская трагедия" ушла от предыдущей книги не настолько далеко, чтобы в ней не обнаружилось уже подмеченных нами особенностей. Сила и смелость никуда не делись; по-прежнему здесь и мускулистые фразы, которые буквально хватают читателя за грудки и трясут, пока не добьются похвалы; однако никуда не делись и неопрятность, несдержанность, расшатанность формы, бессвязность выражений и обилие неуклюжих, сбивающих читателя с толку словесных конструкций. Во многих стихотворениях не найдется ни единого слова, за которым бы не чувствовалась огромная сила; однако это, если можно так выразиться, сила безумия — настолько неподвластна она воле автора, настолько искажена и судорожна. Неистовые порывы и бурные словоизлияния внезапно сменяются скомканными обрывками фраз и неясным бормотанием. Многие стихи восхищают мощью таланта, однако многие и разочаровывают скованностью и несовершенством выражения. Тем не менее, в этой поэзии есть мысль; она бурлит смыслом, хотя временами этого бурления становится слишком много. Впрочем, это вполне простительный недостаток.

Лучше уж мы будем читать мистера Кроули, продираясь сквозь все его невнятицы (а он и впрямь становится невразумителен до крайности, когда пытается вложить в одну строку больше, чем позволяет ему талант), нежели бултыхаться в чуть теплой водичке чьих-нибудь третьесортных виршей, ибо худшая из неясностей — это неясность громогласная и пустая, то есть безмозглая банальность. Все достоинства и недостатки мистера Кроули сосредоточены в оде под названием "Грех", открывающей этот сборник. В ней идет речь о языческой и мифологической преисподней — о месте, где царит нестерпимый холод и отрицание всякой жизни, об источнике вожделения и смерти. Само стихотворение слишком наглядно демонстрирует, скольких усилий оно стоила автору: временами оно становится слишком напряженным и неуклюжим; оно невнятно по содержанию и зачастую еще более невнятно по форме — из-за бессвязных и обрывочных фраз и недостатка логики; но все эти недостатки обычны для тех, кто вынашивает в себе истинный художественный талант.

Однако сама энергия, заложенная в это стихотворение, неизменно перевешивает балласт его недостатков, — несмотря на то, что от начала и до конца оно выдержано в торжественном, степенном тоне. В действительности поэт всегда знает, о чем он говорит, несмотря на то, что читателю нередко кажется, будто это не так. <...> Добавим, что зачастую мистер Кроули со всей беспощадной последовательностью доводит свои рассуждения до конца, тогда как для поэзии было бы лучше (по нашему мнению) кое-что оставлять недосказанным (26 октября 1901 года). (См. стр. 280)

«Храм Святого Духа» — см. стр. 305. Первоначальная подборка, опубликованная в 1901 году в двух частях (в сборниках «Душа Осириса» и «Материнская трагедия»), содержала стихотворные циклы «Двор непосвященных» («Одержимость», «Слава», «Мать на шабаше», «Жених», «Алтарь Артемиды», «Путь истинной любви», «Асмодель», «Златоокая Мадонна», «Покой любви», «Mors Janua Amoris», «Майская королева», «Волшебница Сидония», «Рост божества», «Рихарду Вагнеру», «Два чувства», «Сонет», «Обручение», «Сонет на рисунок

Джеральда Келли "Иезавель"», «Большие воды не могут потушить любви», «Coenum Fatale», «Вершина Любовной горы», «Обычный порок», «Мудрость любви», «Путь пессимиста», «Нефтида», «Против течения», «Стикс», «Любовь, печаль, отчаяние»), «Врата святилища» («К Лауре», «Лесбийский ад», «Безымянное приключение», «Жнец», «Два ума», «Две мудрости», «Две любви», «Религиозное воспитание», «Закон перемен», «Синтез»), «Святилище» («Неофит», «Грех», «Имя», «Эвокация», «Роза и Крест», «Счастье», «День Господень», «Цербер») и «Святая святых» («Дворец мира», «Горный Христос», «Алану Беннету Макгрегору», «Розенкрейцер», «Атанор», «Песнь Владычице нашей Исиде», «Литания»).

Сборник «Душа Осириса», включивший большую часть этих стихотворений, вышел тиражом 506 экземпляров (Лондон, «Кеган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко.») и получил ряд отзывов в прессе. В рецензии из «Дезерет Ивнинг Ньюс» пояснялось: «"Душа Осириса" начинается с пролога, озаглавленного "Одержимость" и посвященного Шарлю Бодлеру. Книга I, "Двор непосвященных", представляет более или менее символическую картину жизни в покорности чувствам. Книга II, "Врата Святилища", изображает борьбу между чувствами и духом. Книга III, "Святилище", описывает первые мгновения триумфа души. Книга IV, "Святая Святых", — это художественная летопись стадий мистического экстаза. Глубина, масштаб и страстная напряженность чувства во многих из этих стихов неоспоримы. То же самое можно сказать о богатстве и зримом великолепии образов, равно как и о гибкости и преображающей силе ритмов. Но столь же очевидно и то, что труды этого поэта уже страдают от типичных недостатков мистического воображения. Всем нам известно, какая участь постигла запредельно прекрасный лирический гений Блейка. Алистеру Кроули следовало бы держать его "Пророческие книги" рядом с плетью для бичевания в своей монашеской келье. Мир, который он воплощает в своих стихах, уже слишком часто превращается в неорганизованную мешанину эмоциональных символов. <...> Тот, кто прочтет стихи, подобные этим, а также причудливо визионерское "Безымянное приключение", "Сонет Алану [Беннету] Макгрегору" и "Розенкрейцера", не усомнится, что перед

ним — настоящий поэт, который еще явит миру немало новой красоты» (26 октября 1901 года).

Тем не менее, в журнале «Критик» за сентябрь 1901 года насмешливо утверждалось: «Мистер Кроули — ученик Суинберна, Россетти и Саймонса — именно Саймонса прежде всего. Он поет о "желании". Похоже, он — один из тех анемичных созданий, которых не радует никакое объятие, если тому не сопутствует укус. "И я был весь в крови от уст твоих" — это уже какая-то кровавая баня, а не поэзия. Впрочем, это происходит "у Врат Святилища", а в самом Святилище и в Святая Святых мы, разумеется, ни с чем подобным уже не столкнемся. Но так ли? Похоже, сам автор не знает ответа на этот вопрос. Ибо даже здесь мы встречаем и "вольные касания мизинца", и "уста любви, что до крови терзают". За этой "Святая Святых" следует эпилог, состоящий из одной строчки: "Эпилог — БЕЗМОЛВИЕ". Скорее уж, паралич!»

В «Академи» последовала одобрительная рецензия: «... По крайней мере, один автор из тех, с которыми мы познакомились недавно, представляется в некоторых отношениях многообещающим. Мистер Кроули в своей "Душе Осириса" демонстрирует то, чего не хватает всем остальным, — мощное, хотя и узконаправленное вдохновение, проявленное как в игре фантазии, так и в силе чувств. Оно действительно сильно, а не натужно; оно насыщает стих энергией, а не растекается бесформенной лужей; оно — не пышное и цветистое, а прямое и сосредоточенное. Это, скорее, гейзер, чем полноводная и неукротимая река. Но, увы! автор чаще напряжен до жесткости, нежели глубок, и почти неизменно — мучим гневом; хотя в целом этот гнев проистекает не от слабости, а от своего рода анархической силы. Стричь этого назарея нет нужды, но можно посоветовать ему иногда причесываться. Ибо (оставив метафоры в стороне) техника у мистера Кроули все же хромает. Как ни странно это перед лицом столь очевидной мощи и блеска, создается впечатление, что "сладкая мука" поэтического труда слишком часто оборачивается для него нестерпимым духовным бременем, а пелены рифм становятся слишком туги. <...> Сила и эмоциональная насыщенность — вот что отличает мистера Кроули от десятков других, гораздо более одаренных технически. Эти качества оправдывают — и предопределяют — многое из того, что нуждается в оправдании.

И они же помогут ему занять одно из ведущих мест в современной поэзии, когда он научится владеть ими, вместо того чтобы отдаваться им на милость, и освоит технику стиха, вместо того чтобы просто принимать яростные вспышки вдохновения, отворяющие врата речи» (15 июня 1901 года).

Еще один хвалебный отзыв появился в «Вестминстер Ревью»: «Стихи, подобные этим, нередко встречались и раньше, но разве в этих словах, при всей их простоте, не слышится подлинная поэзия? Религиозная поэзия не всегда поэтична. Однако это утверждение неприменимо к сборнику стихотворений Алистера Кроули, озаглавленному "Душа Осириса". Многое в этом сборнике вызывает восхищение, а многое озадачит и раздосадует непосвященного читателя. Этот поэт — действительно мистик, и под его ультра-египетской страстью к смерти скрывается преувеличенный до крайности католицизм. <...> Поэзии такого сорта не хватает мужественности, но невозможно отрицать, что Алистер Кроули — настоящий поэт, поэт школы Бодлера и По» (октябрь 1904 года).

Громкой похвалы удостоилась «Душа Осириса» и от обозревателя из плимутской газеты «Вестерн Морнинг Ньюс»: «От этой книги невозможно оторваться даже тогда, когда тематика стихов теряет свою привлекательность. Рискнем предположить, что в лице Алистера Кроули мы обрели гениального поэта, дар которого еще расцветет во всей полноте».

Однако из всех рецензий на этот сборник наиболее известна заметка Г.К. Честертона, опубликованная в «Дэйли Ньюс» 18 июня 1901 года:

«Та часть ума, которая повсюду ищет лишь пустых развлечений, определенно находит нечто забавное в пылких божествах мистера Кроули, носящих такие имена, как Мут, Нут и Ра, Шу и Хормаху. Они не в силах возбудить в душе англичанина благочестивый восторг. Вот что говорит нам мистер Кроули:

Гнетет меня несокрушимый крест,
Я принял бремя, что превыше сил,
Не тело — душу власяница ест,
Вотще себя я в жертву приносил.
Владыка Шу, держащий небосвод,
Держи меня, не то твой раб умрет!

Все мы способны с уважением отнестись к религиозным символам мистера Кроули и не станем мешать ему взывать к своему Шу в любое время ночи. Но пусть не жалуется, если его благочестивые экзерсисы со стороны будут приняты за попытки разогнать стаю бездомных кошек. [Имя Шу, древнеегипетского бога воздуха, созвучно английскому слову «shoo!» («кыш!», брысь!»). — *Перев.*]

Кроме того, поэты школы мистера Кроули, невзирая на все свои достоинства, постоянно подвергают себя нешуточной духовной опасности, проистекающей из этой склонности заимствовать чужие религиозные идеи, с легкостью менять одних богов на других. Мы охотно согласимся с тем, что все вероучения достойны и все боги божественны. Но это-то и есть причина, по которой лучше довольствоваться своими богами, чем воровать чужих. Подлинные уроженцы Востока, должно быть, немало, хотя и беззлобно, посмеиваются над противоестественными попытками многих современных мистиков перенять восточную культуру и образ мышления. Воображать, будто тюрбана и нескольких клятв вполне достаточно, чтобы превратить англичанина в индуса, — все равно что думать, будто черный цилиндр и оксфордская степень сами по себе сделают из индуса англичанина. Некоторые европейские мистики заслуживают со стороны восточного человека не просто насмешек, а кое-чего посерьезнее. Если на свете когда-либо и был человек, которого честный индус мог бы с чистой совестью разорвать в клочья, так это мадам Блаватская.

То, что наши искушенные деятели искусства способны хоть на мгновение поверить в возможность и чрезвычайную важность спасения души, — это несомненное благо. <...> Если мистер Кроули вкупе с новыми мистиками хоть на миг допускает, что египетская пустыня более мистична, чем английский луг, пальма более поэтична, чем сассекский бук, а руины храма Осириса ближе к миру сверхъестественного, нежели баптистская часовня в Брикстоне, то они — сектанты. <...>

Но мистер Кроули — поэт могучий и подлинный, так что мы почти не сомневаемся, что он перерастет свое восхищение храмом Осириса и взрастит в своей душе способность более возвышенную и всеобъемлющую, — способность столь же неподдельно восхищаться брикстонской часовней».

Позднее, в одном из примечаний к своему сборнику «Меч песни» (1904) Кроули дал на эту рецензию следующий ответ: «Воспользуюсь этой возможностью выразить свой протест против обвинений, выдвинутых мистером Честертоном против англичан, "которые пишут философские эссе о великолепии восточной мысли".

Если бы его критика была направлена лишь на переводчиков такой общеизвестной восточной книги, как "Ветхий Завет", я целиком и полностью был бы на его стороне; любой современный библеист с готовностью пояснит ему, что я имею в виду. Миссионерам (и Томми Аткинсам [т.е., солдатам британской армии. — *Перев.*]) тоже понадобилось немало времени, чтобы усвоить, что Будда — не "великий бог", а нечто совершенно иное. Правда, они и не желали этого усваивать; сочувствие и понимание — не самые главные достоинства что для солдата, что для миссионера. Но что может быть абсурднее, чем сравнивать таких людей, как сэр У. Джонс, сэр Р. Бёртон, фон Хаммер-Пургшталь, сэр Э. Арнольд, профессор Макс Мюллер, я, профессор Рис-Дэвидс, Лейн и прочие наши выдающиеся ориенталисты, с бедными и невежественными индусами, которые время от времени приводят читателей "Спортинг таймс" в восторг своими письмами — написанными, заметим, за несколько пайс общественными писцами на туземном базаре. Что же касается "бабу" (полагаю, стоит заметить, что бабу — это эквивалент нашего мистера, а не название какого-нибудь дикарского племени), то мистеру Честертону из своей брикстонской брахмалоки, вероятно, кажется, что "бабу" не понимают западных идей; но один высокопоставленный чиновник из Мадрасского президентства, в свое время занявший в Кембридже второе место на экзамене по математике среди достойных соперников, заверил меня, что лично знаком с туземцем, владеющим математикой лучше среднестатистического кембриджского выпускника, отличившегося на экзамене по этому предмету, а также встречал еще нескольких, почти ему не уступающих. Столь же несправедливыми следует признать нападки, которым мистер Честертон подвергает мадам Блаватскую, так как многие местные жители — не теософы, прошу заметить, — в разговорах со мной отзывались о ней с огромным уважением. Рассчитывать, что

"честный индус" будет мыслить и судить с тех позиций, которые приписывает ему мистер Честертон, невозможно, ибо последний, к сожалению, тоже человек западный, а, значит, пребывает в том же болоте невежественных и превратных представлений о Востоке, в котором, по его мнению, барахтаются профессор Мюллер и прочие вышеназванные особы. Труды мадам Блаватской напомнили индусам о величии их собственных шастр и показали им, что некоторые западные люди разделяют их воззрения, расстроив тем самым происки бесчестных миссионеров, рисовавших перед местными жителями извращенный образ европейца. Моя репутация заклятого врага "теософии" позволяет мне выступать с подобными высказываниями без малейшей опаски.

Я надеюсь, что сознание долга перед обществом, вдохновившее меня на эти критические замечания, не покажется мистеру Честертону несовместимым с чувством благодарности, которую я желаю выразить ему за необыкновенно доброжелательную и беспристрастную рецензию на мою "Душу Осириса".

Однако я бы посоветовал ему оставить брикстонскую часовню в покое и "перерасти свое восхищение 'Душой Осириса'", дабы взрастить в своей душе способность более возвышенную и всеобъемлющую, — способность столь же неподдельно восхищаться обзорами из "Спортинг таймс".

* * *

Мистер Честертон находит забавным, что я взываю к божеству по имени Шу. Неужели он позабыл, что самое уместное обращение к христианскому Богу — "Як"? Я готов выразить ему искреннее сочувствие, если Бог по ошибке примет его религиозное воодушевление за презрительную фамильярность уличного мальчишки [Як», одно из имен Бога, встречающихся в Ветхом Завете, созвучно англ. «yah» — сленговому варианту местоимения «you» (здесь: «ты»). — Перев.]. Те же соображения применимы и к "Эль", и к прочим иудео-христианским божествам». (См. стр. 210, 280)

Исповедь

Том I

Перевод Анна Блейз
Корректор Евгения Сафонова
Дизайн обложки и макет Надежда Саламахина
Компьютерная верстка Надежда Саламахина

ООО «Издательство «Ганга»
117574, Москва, ул. Голубинская, 17/9, 501
GANGA.RU

Подписано в печать 29. 07. 2011. Формат 84x108/32
Объем 10 п.л. Тираж 2000 экз. Заказ № 4299
Гарнитура OriginalGaramond BT. Печать офсетная

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru; e-mail: pto@gipp.kirov.ru